

Рис. 277 d (1861, 4)

ОСНОВА

1861

А П Р Ъ Л Ъ

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Кобзарь, XIII. Невольникъ, Т. Г. Шевченка.
- II. Два снѣи, Марія Венча.
- III. Тітка Настя, М. Т. Момиса.
- IV. Півпівника, Панька Казюки.
- V. Воспоминаніе о двухъ малыхъ, И. И. Костомарова.
- VI. Стихотворенія:
 - I. Питання, В. Мушка. II. Де вона, Н. Таволги-Мокрицького.
 - Байки: I. Вовкъ и вівчарі, Л. Н. Глѣбова. II. Жаба и вилъ, III. Мірошникъ, Р. Витасельского. IV. Горлиця и Горовецъ, Л. Н. Глѣбова.
- VII. Гетманство Выговскаго, І. И. И. Костомарова.
- VIII. Обзоръ Украинской Словесности, IV. Гоголь. И. А. Мушка.
- IX. Музыка Южнорусскихъ пѣсень, А. И. Строва.
 - X. Гимназическая переписка, Лисейкина.
- XI. Нѣсколько словъ о народности въ религиозной жизни, Г. Т.
- XII. Листі съ хутора, Хуторянина.
- XIV. Калюжа, Пана Затириевича.
- XV. О крестьянахъ Юго-Западной Руси, А. Л. И.....наго.
- XVI. Объясненіе къ рисункамъ Живописной Украины, Л. М. Жемчужникова.
- XVII. О народномъ языкѣ, А. Л. И.....наго.
- XVIII. Одь редакці.
- XIX. Объясненіе южнорусскихъ словъ.
- XX. Библиографическое извѣстіе.

F. 185138043

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

• Добра хочу братьи и Русьскѣи Земли. •
Владимиръ Мономахъ.

1861, 4

АПРѢЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, апрѣля 20-го дня, 1861 года.

Ценсоръ *Ст. Лебедевъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

КОБЗАРЬ.

ХІІІ.

НЕВОЛЬНИКЪ (¹).

(ПОЭМА.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Думи мої молодії —
Повурні діти,
И ви мене покинули!...
Пустку натопіти
Нема кому... Остався я —
Та не сиротою,
А съ тобою, молодію —
Раю мій, покою —
Моя зоре дбсвітняя,
Едіная думо
Пречистая!... ти вітаешъ...
Якъ у того Нуми
Тая німфа Эгерія, —
Такъ ти, моя зоре,
Просіяешъ надо мною —
Ніби заговоришь —
Усміхнеся... Дивлюся я —
Нічого не бачу...

(¹) Правобписмо, одмінне, въ де-якихъ словахъ, одъ нашого звичайного, взято изъ саморучнаго письма Т. Гр. Шевченка.

Проківнуся... сэрце плаче —
 И очн заплачуть.
 Спасібі, зіронько!...

Минае

Неясний день мій; вже смеркае;
 Надъ головою вже несé
 Свою неклéпаную кóсу
 Косарь неспéвний... мовчки скóсить, —
 А тамъ — и слідъ мій занесé
 Холодний вітеръ... Все минае!...
 Згадаешъ, мóже, молодáя,

Вілиту слéзáми
 Мою дúму, — и тíхними —
 Тíхними речáми
 Проговóришъ: я любíла
 Ёго на сiмъ свiтi —
 Ї на тiмъ свiтi любiтиму... —
 О, мiй тiхий свiте,
 Моя збрe вечiрняя!
 Я бúду вiтати
 Коло тебе, и за тебе
 Гóспода благáти!

Той блукае за моря́ми,
 Свiтъ пережожае,
 Дóли-дóленьки шукае —
 Немае, немае...
 Мовъ умерла; а той рвеця
 Зъ усiєї сiли
 За дóлею... отъ-отъ догнавъ
 И — бебéхъ въ могiлу!
 А въ iншого сiромáхи
 Нi хáти, нi пóля,
 Тiльки торба, а съ торби́ни
 Виглядае дóля,
 Мовъ дитiнка; а вiнъ и
 Лае, проклинае

И за чвѣртку закладає, —
 Ні, не покидає!
 Якъ репьяхъ той, учѣпиця
 За латані полі
 Та й збирає колосочки
 На чужому полі,
 А тамъ — снопи, а тамъ — скирті,
 А тамъ — у палатахъ
 Сидить собі сіромáха,
 Мовъ у своїй хаті.
 Така-то доля тая, —
 Хочъ и не шукайте:
 Кого схоче — сама найде,
 У колісці найде.

Ще на Україні веселі
 И вольніи пишались села
 Тойді, якъ праведно жили
 Старий козакъ и дітокъ двоє...
 Ще за Гетьманщини старіи
 Давно се діялось колісь.
 Такъ, коло полудня, въ неділю,
 Та на Зеленихъ ще й Святкахъ,
 Підъ хатою въ сорощці білій
 Сидівъ, зъ бандурою въ рукахъ,
 Старий козакъ.

— И такъ и сякъ!

(Старий міркує, розмовляє.)
 И треба бѣ, — каже, — й трохи шкода.
 А треба буде; два-три годи
 Нехай по світу погуляє
 Та самъ своєї пошукáє,
 Якъ я шукавъ колісь.... Яріно!
 А дѣ Степанъ? — »А онъ, підъ тїномъ,
 Ненáче вкóпанпий, стоить.«
 — А я й не бачу! А идіть-
 Лишень сюди, та идіть оббе...
 А вуте, діти, отакóй! —

И ушкваривъ по струнахъ.
 Старій грає, а Ярина
 Зъ Степаномъ танцює;
 Старій грає, примовляє,
 Ногами тупцює.

»Якъ-би мниі ліха та ліха,
 Якъ-би мені свекрівонька тіха,
 Якъ-би мені чоловікъ молодій,
 До другої не ходивъ, не любивъ! —

Ой гопъ, чіпки-чіпки! —
 Та червоні черевіки,
 Та троїсті музійки;
 Одъ віку до віку
 Я любила бъ чоловіка!
 Ой гопъ! Заходивсь,
 Зробивъ хату, оженивсь,
 И пічъ затопивъ
 И всчерять наваривъ.» —

— А нуте, діти, отакіі! —

И старій піднявся;
 Якъ ударить, якъ ушкварить, —
 Ажъ у боки взявся.

»Чи такъ, чи не такъ, —
 Уродивъ постернакъ,
 А петрушку
 Криші въ юшку, —
 Буде смакъ, буде смакъ!
 Ой такъ, такі такъ,
 Оженився козакъ:
 Кинувъ хату
 И кімнату,
 Та й потягъ у байракъ.»

— Ні, не така вже — підтопталась
 Старіа мой сіла,
 Утомився.... А все це ви
 Такъ розворушили.
 О, бодай васъ! Що-то літа!

Ні вже, не до ладу....
 Минулося. Иді лишень
 Полуднувать лагодъ:
 Гуляючи, якъ той казавъ,
 Шматокъ хліба ззісти.
 Иді жъ, доню.... А ти, сину,
 Послухаешъ вісти.
 Сідай лишень. Якъ убилп
 Твого батька Йвана
 Въ Шляхѣтчині, то ти ще бувъ
 Мавенькинь, Степане, —
 Ще й не лазивъ. — »То я не синъ?
 Я чужий вамъ, тату?« —
 — Та не чужий, стривай лишень.
 Отъ, умерла й мати,
 Таки твоя, а я й кажу
 Покійній Марині —
 Моїй жінці: а що, кажу,
 Візьмемъ за дитину —
 Тебѣ бъ оцѣ? — Добра, каже
 Покійна Марина,
 Чому не взяти? — Взали тебѣ
 Ми, та й спарували
 Зъ Яриночкою до-купп....
 А теперъ осталося
 Ось-що робить: ти на літі
 П Ярина зріє; —
 Треба буде людеи шукать
 Та що-небудь діять.
 Якъ ти скажешъ? — »Я не знаю,
 Бо я думавъ... тее...« —
 — Що Ярина сестра тобі?
 А воно не тее,
 Воно просто: любітєся,
 Та й зъ Богомъ до шлюби.
 А поки що, треба буде
 И на чужі люде
 Подивітєся, якъ тамъ живуть:

Чи брють,

Чи не на браному сіють,

А просто — жнуть

И не молоченеє віють;

Та якъ и мѣлють и идять —

Все треба знать.

Такъ бгъ якъ, друже: треба въ люде

На рікъ, на два пiтi

У наймитi;

Тойдi й побачимо, що буде.

Бо хто не вмiе заробить,

То той не вми́тме й пожитъ.

А ти якъ думаешъ, небóже?..

Не думай: коли хочешъ знать,

Де лóчче лихомъ торгувати,

Пди́ ти въ Сiчъ. Якъ Богъ помо́же, —

Тамъ наiсiся всiхъ хлiбiвъ;

Я iхъ чи-мáло попоiвъ,

И дóси нóдно, якъ згадаю!

Колi здобудешъ — принесешъ:

А коли згубишъ — поживешъ

Моё добрó! то хочъ звпчáю

Козáцького наберéсся,

Та побачишъ свiта,

Не такóго, якъ у бóрсi,

А живi *мислите*

Съ товариствомъ прочитаешъ,

Та по-молодéчи

Будешъ Бóгу моли́тися,

А не по-чернéчи

Харамáркать. Отáкъ, сiну! —

Помолiвшисъ Бóгу,

Осiдлаемъ булáного

Та й гáйда въ дорóгу!

Ходiмъ лишéнь полóднувать.

Чи ти вже, Яри́но,

Змайструвала́ намъ що-не́будь?

Отакé-то, сiну!.. —

»Ужé, тáточку!« озвáлась
Изъ хáти Ярина.

Не їстця, не пьéця и сёрце не бьéця,
П óчи не бáчять, не чутъ головї!
Замісь шматкá хлїба—за кúхоль берéця.
Дівниця Ярина та нїпкомъ сміéця.
— Щó се ёмú стáло? Нї їсти, нї пить,
Ничóго не хóче! Чи не заведúжавъ?
Братіку Степáне, щó вь тебе болїть? —
Ярина питáе. Старóму байдúже,
Нїби-то й не чýе.—Чи жать, чи не жать —
А сїяти трéба, — старїй промовлáе
Нїби-то до сéбе. — А нýмо вставáть;
До вечérні, мóже, ще пошкандибáю.
А ти, Степáне, ляжешъ спать,
Бо зáвтра рáно трéба встать
Та коня сїдлáть. —

»Степáночку, голубчнику!
Чогó се ти плáчешъ?
Усмїхнїся, подивнїся —
Хлбá ти не бáчншъ,
Що й я плáчу? Росérдився —
Богъ знáе на кóго —
Та й зо мнóю не говорпть.
Утечú, ей-Бóгу,
Та й сховáюсь у бурьяні...
Скажї бо, Степáне,
Мóже й справді нездúжасшъ?
Я зїлля достáну,
Я побїжú за бáбою...
Мóже, це зъ пристрїту?«
— Нї, Ярино, моé сёрце,
Мїй рожевий квїте!...
Я не братъ тобї, Ярино!
Я зáвтра покїну
Тебé й бáтька, — на чужинї

Де-небудь загину;
 А ти менé й не згадаешъ, —
 Забúдешъ, Яріно,
 Свогó брата... — »Схаменіся!
 Ей-Бóгу, зъ пристріту!
 Я не сестра?.. хтó жъ оцé я?
 О, Бóже мій світе!
 Щó тутъ діять? Батька нема,
 А вінъ занедúжавъ —
 Та ще й умрэ. О, Бóже мій!
 А ёму й байдúже,
 Мовъ смієця. Степáночку,
 Хибá ти не знаéшь,
 Що безъ тебе и тáточка
 И менé не стáне?« —
 — Ні, Яріно, я не кíну,
 А тільки поїду
 Недалéко. А на тóй рікъ
 Я до васъ приїду
 Зъ старостáми — за тобою
 Та за рушникáми...
 Чи подаéшь? — »Та цуръ тобі
 Зъ тїми старостáми,
 Ще й жартúє!« — Не жартúю,
 Ей-Бóгу, Яріно,
 Не жартúю!.. — »Та це й справді
 Ти зáвтра покинешъ
 Менé й бáтька? Не жартúєшь?
 Скажи бо, Степáне, —
 Хибá й справді не сестра я?« —
 — Ні, моé кохáнне,
 Моé сéрце! — »Бóже жъ ти мій!
 Чомú я не знала?
 Була бъ тебе не любила
 И не цілувала...
 Ой, ой! сóромъ! Гéть одъ мене!
 Пустí менé! Бáчпшъ,
 Якій дóбрий! Та пустí бо!

Ей-Бóгу, заплачу.« —
 И заплакала Ярина,
 Якъ тая дитина.
 И крізь слези промовляла:
 »Покіне! покіне!«

Якъ той яворъ надъ водою,
 Степанъ похилився,
 Щірі слези козацькні
 Въ серці запекліся,
 Мовъ у пеклі. А Ярина
 То клене, то прóсить,
 То замóвкне, подівця,
 И зновъ заголóсить.
 Несчúлися, якъ смérклося;
 И сестру́ и брата,
 Ніби скóванихъ до-кúпи,
 Заставъ бáтько въ хáті.

И світь наставъ, а Ярині
 Не спіца, — ридáе.
 Ужé Степанъ пзъ криниці
 Коня напувае.
 Й вона зъ відрами побігла
 Ніби за водою
 До криниці. А тимъ часомъ
 Запорóзьку зброю
 Старий вни́сь изъ ко́мрі.
 Дівця, радіе,
 Приміряе, ніби зно́ву
 Старий молодіе.
 Та я заплакавъ. — Збро́е моя,
 Збро́е золотá!...
 Літá моі молодіи,
 Сі́ло молодáя!
 Послужі́, моя ти збро́е,
 Молоді́я ще сі́лі,

Послужі ёму такъ щіро,
Якъ мині с.лужила! —

Верну́лися одъ криниці,
И Степа́нъ сідлає
Кони́, свого товари́ша,
Й жупа́нъ надіває.
А Ярі́на дає збро́ю,
На поро́зі сто́я;
Степа́нъ її надіває
Та пла́чуть обо́е.
И шаблю́ка, мовъ гадю́ка,
Й ра́тище-дрю́чіна,
Й самопа́лъ семи́пяде́нний
Пові́сь за плечі́ма.
Ажъ зомлі́ла, якъ узрі́ла;
И старі́й запла́кавъ,
Якъ побáчпвъ на коне́ві
Тако́го юна́ка.
Ведé коні́ за поводи́
Та пла́че Ярі́на;
Старі́й ба́тько пде́ ря́домъ,
Науча́є сї́на:
Якъ у війську пробува́ти,
Старші́нъ шанува́ти,
Товари́ство поважа́ти,
Въ та́боръ не хова́тись.
— Нехáй тебе́ Богъ заступіть! —
Якъ за селомъ ста́ли
Сказа́въ ба́тько, та всі́ трое́
Ра́зомъ заридáли.
Степа́нъ гукну́въ, и кúрява
Шляхо́мъ підня́лася.
— Не барі́ся, мій сїночку,
Швї́дче поверта́йся! —
Сказа́въ старі́й. А Ярі́на,
Мовъ та́я ялі́на
При до́ліні, похили́лася...

Мовчала Ярина.
 Тільки слези утирає,
 На шляхъ поглядає;
 Изъ кúряви щось вiгляне
 И зновъ пропадає;
 Нiби шапка черезъ поле
 Кóгниця, чорнiе,
 Пропадає, мóшечкою
 Тiльки, тiльки мрiє,
 Та й пропало. Дóвго, дóвго
 Стояла Ярина
 Та двiялась, чи не вiрне
 Знову комашiна
 Изъ кúряви. Не вiрнула —
 Пропала! И знову
 Заплакала Яриночка
 Та й пішла додóму.

Минають днi; минає лiто;
 Настала осiнь, шелестiть
 Пожóвкле лiстя; мовъ убитий
 Старий пiдъ хатою сидiть —
 Дочка нездужає Ярина!
 Їго єдиная дитина
 Покiнуть хóче. Зъ кимъ дожiть,
 Добiти вiку вiковóго?
 Згадавъ Степана молодóго,
 Згадавъ свої благi лiта,
 Згадавъ—та й заплакавъ
 Багатий сiвий спротá. —

— Вь Твоiхъ рукахъ все на свiтi,
 Твоя всюди воля!
 Нехай бóде такъ, якъ хóчешъ, —
 Така моя дóля!.. —
 Старий вiмовивъ, и нiшкомъ
 Бóгу помолився;

Та й пішовъ собі зпідъ хати,
Въ садокъ походити.

И барвінкомъ, и рúтою,
И рúстомъ квичае
Весна зéмлю, мовъ дівчину
Въ зелéному гаї;
И сонечко середъ неба
Опнилось — стало, —
Мовъ женихъ той, молодую
Зéмлю оглядало.

И Ярина вийшла зъ хати
На світь Божий глянуть,
Лéдвe вийшла; усміхнеця,
То піде, то стане,
Розглядае, дивуєця,
Та любо, та тихо,
Ніби вчора народилась...

А лютеє лихо
Въ самімъ серці ворухнулось
И світь запалило.
Якъ біліна підкошена,
Ярина схилилась;
Якъ зъ квіточки роса вранці —
Слэзи полилися...
Старій бáтько коло неї
Якъ дубъ похилився.

Одужала Яриночка.
Идуть люде вь Київъ
Та вь Почáївъ помолитись,
И вона йде зъ ними.
У Київi великому
Всіхъ святіхъ благáла;
У Мижигорського Спáса
Тричі причащáлась;
У Почáевi святому
Ридáла — молилась,

Щобъ Степáнъ той, дóля тáя,
 Їй хочá приснїлась. —
 Не приснїлась!... Вернўлася...
 Знóву забїліла
 Зимá бїла. За зимóю
 Зновъ зазеленїла
 Веснá Бóжа. Вїйшла зъ хáти
 На свїтъ дивувáтись
 Ярїночка, та не Бóга
 Святóго благáти,
 А нищечкомъ у ворóжки
 Про ёго спитáти....

И ворóжка ворожїла,
 Пристрїтъ замовляла,
 Талáнъ-дóлю та весїлля
 Зъ вóску впливáла.
 — Онъ бáчишь: кїнь осїдланий
 Тўпае ногою
 Пїдъ козакóмъ; а онъ-де їдé
 Дїдўсь зъ бородóю
 Ажъ до колїнъ. Отó грóші;
 Якъ би догадáвся
 Козáкъ отóй злякáть дїда....
 Злякáвъ! — та й сховáвся
 За могїлу, лїчить грóші....
 А онъ знóву шляхомъ
 Козáкъ идé, нїби стáрець,
 То, бачъ, рáди стрáху,
 Щобъ Ляхї, абó Татáри
 Чáсомъ не спїтkáли. —
 И радéсенька Ярїна
 Додóму вертáлась.

Ужé трéтїй и четвóртий
 И пьáтий минáе
 Не малїй рїкъ, а Степáна
 Немáе, немáе!

И стéжечка-доріжечка,
 Яромъ та горюю
 Утóптана до ворóжки,
 Поросла́ травóю, —
 Нема́ ёго!... У черніці
 Кóсу росплітає
 Безталáнна; коло нóї
 Падає — благáє
 Старий ба́тько — хочъ літечко,
 Хочъ Пётра дїждáти,
 Хочъ Зелéної Неділі....

Дїждáлись, и хáту
 Уквічáли гарнэсенько,
 И въ сорочкáхъ білихъ
 Невесéлі, мовъ сїротн,
 Підъ хáтою сїли.
 Сидя́ть собі та суму́ють.
 Слúхають.... щóсь грає,
 Мовъ на кóбзї, на ўлиці,
 И ніби співає...

ДУМА.

»У неділю вранці рано
 Синє море гра́ло:
 Товари́ство кошовóго
 На раді́ прохáло:
 »Благословї́, отáмане,
 Байдаки́ спуска́ти,
 Та за Тéндеръ погуля́ти,
 Турка́ пошукáти.«
 Чайки́ й байдаки́ спуска́ли,
 Гарматами́ рештовáли,
 Зъ Дніпрóвого гїрла ширóкого впливáли,
 Середь нóчі тёмно́ї,
 На морі́ синєму́,

За островомъ Тендеромъ потопали, пропадали...
 Одинъ потопавъ,
 Другий виривавъ,
 Козацтву — товариству изъ синей фли рукою махавъ
 И зично гукавъ:
 »Нехай вамъ, панове-товариство, Богъ допомагае!
 И въ синій фли потопавъ, пропадавъ...
 Тільки три чайки, слава Бóгу,
 Отамана куринього
 Сироті Степана молодого,
 Сине море не втопило,
 А въ Турецьку землю Агарянську
 Безъ кормилъ прибило.
 Тоді сироту Степана
 Козакá лейстрового,
 Отамана молодого,
 Турки — яничари ловили,
 Зъ гармати гримали,
 Въ кайдани кували,
 Въ тяжкю неволю завдавали....
 Ой Спасе нашъ Мижигорський,
 Чудотворний Спасе!
 И лютому ворогові
 Не допусти впасти
 Въ Турецькую землю, въ тяжкю неволю!
 Тамъ кайдани по три пуди,
 Отаманамъ — по чотірі...
 И світа Бóжого не бачать, не знають,
 Підъ землею камінь ламають,
 Безъ сповіди святої умирають,
 Якъ собаки здихають.
 И згадавъ сиротá Степанъ въ неволі
 Свою далєку Україну,
 Нерідного батька старого
 И конька вороного
 И нерідну сестру Яріну....
 Плаче, ридавъ,
 До Бóга руки здіймавъ,

Кайдани ламает,
 Утікає на вольную волю...
 Уже на третєму полі
 Турки — яничари догнали,
 До стовпа вьязали,
 Очи виймали,
 Гарячимъ залізомъ випікали,
 Въ кайдани кували,
 Въ тюрму посадили
 Та й замурували...»

Оттакъ на улиці, підъ тіномъ,
 Ще молодий кобзарь стоить
 И про невольника співає.
 За тіномъ слухала Ярина,
 И не дослухала — упала.

»Степаночку! Степаночку!«
 Кричала, ридала.
 »Степаночку, моє серце!
 Де жъ це ти барився?
 Тату! тату! ідить сюди,
 Ідить, поведітьсь!« —
 Пришшовъ старий, розглядає,
 И свого Степана
 Не пізнає. Такé зъ ёго
 Зробили кайдани.
 — Сину ти мій безталанний!
 Моя ти дитино!
 Де ти въ світі погубаєшь,
 Сину мій єдиний? —

Плаче старий та ридає,
 Й Степанъ сліпий плаче:
 Невидющими очима
 Мовъ сонце побачивъ.
 И беруть ёго підъ руки
 И ведуть у хату;

И вітає Яріночка
 Мовъ рідного брата;
 И гóлову ёму зми́ла
 И но́ги уми́ла,
 И въ сорóчці тонкій, білій
 За сті́лъ посади́ла;
 Годува́ла, напува́ла,
 Положи́ла спати
 У кімна́ті, — и тихе́нько
 Вийшла съ ба́тькомъ зъ ха́ти.

Черезъ ти́ждень безъ старості́въ
 За Степа́на свата
 Старій свою Яріночку, —
 И Яріна въ ха́ті...
 »Ні, не тре́ба, мій та́точку,
 Не тре́ба, Яріно!« —
 Степа́нъ ка́же. »Я заги́нувъ,
 На віки заги́нувъ!
 За що́ жъ свої молоді́і
 Ти літа́ погу́бишь
 За калі́кою, Яріно?...
 Насмію́ця лю́де,
 И Богъ святи́й покара́е,
 И проже́не до́лю
 Зъ ці́і ха́ти весело́і
 На чужее́ по́ле...
 Ні, Яріно! Богъ не кине́
 И зна́йде дружи́ну;
 А я піду́ въ Запоро́жжя:
 Тамъ я не заги́ну,—
 Нагодую́ть.« — Ні, Степа́не,
 Моя ти дити́но!
 И Господь тебе́ поки́не,
 Якъ ти насъ поки́нешь.—
 Остава́йся, Степа́ночку;
 Коли́ не хочъ бра́тись,
 То та́къ бу́демъ: я—сестро́ю,

А ти будешъ братомъ
 И дитьми ёму обоє,
 Батькові старому.
 Не йди одъ насъ, Степáпочку,
 Не кáдай насъ зно́ву!..
 Не покинешъ?.. — »Ні, Яриво!« —
 И Степа́нъ оста́вся.
 Зради́въ старий мовъ малéнький,
 Ажъ за ко́бзу взявся,
 Хотивъ вшкварпть метéлицю
 Зъ усієї сіли,
 Та не вшкваривъ...

Підъ хáтою

Усі грóє сіли.
 »Розкажи́ жъ ти намъ, Степа́не,
 Про свою недóлю;
 Бо й я такі гуля́въ ко́лісь
 Вь Турéцькій нево́лі.
 — »Ото́ жъ мене́, вже сліпо́го
 На світь впусти́ли
 Зъ товари́ствомъ. Товари́ство
 На Січъ прямува́ло
 И мене́ взяло́ зъ собою́,
 И черезъ Балка́ни
 Проста́ли ми вь Україну
 Во́льними нога́ми,
 А на т́хому Дуна́ю
 Насъ перебіга́ють
 Січовики-Запоро́зці
 И вь Січъ заверта́ють..
 И розка́зують и пла́чуть,
 Якъ Січъ руйнува́ли,
 Якъ Москалі срібло; злóто
 И свічі забра́ли
 У Покрóві; якъ козаки́
 Вночі утіка́ли
 И на т́хому Дуна́ю
 Новимъ Ко́шемъ ста́ли;

Якъ царіця по Кйиву
Зъ Нечосомъ ходила...

— — —

П якъ степі Запорозькі
Тоді поділили
И панамъ, на Україні,
Людь закріпостили...

— — —

Оттакъ, тату! Я щасливий,
Що очей не маю,
Що нічого того въ світі
Не бачу й не знаю...

— — —

Оттакé-то! тяжко, тату,
Изъ своєї хати
До Турчина поганого
Въ сусіди прохатись.
Теперь, кажуть, въ Слободзеі
Останки збирає
Головатий, та на Кубань
Хлопцівъ підмовляє...
Нехай ёму Богъ поможе!
А щó зъ того буде —
Святий знає: почуємо,
Щó розкажуть люде. —

Отакъ вони що-день Божий
У двохъ розмовляли
До півночі, а Ярина
Господарювала,
Та святихъ отіхъ благала...
Такі жъ ублагала:
На всідній у неділю
Вона спарувалась
Съ сліпимъ своїмъ....

Такéе-то

Скóилось на світі,

Мої любі дівчаточка,
Рожевні квіти!
Такее-то. Одружились
Мої молоді.
Можє вонó я не до ладу,
Та щó маю діять,
Коли такє сп діялось.

Рікъ ужé минає,
Ужé я дрúгий: Зъ дружиною
Ярина гуляє
По садóчку. Старій батько
Сидить коло хати.
Та вчить внука пузанчика
Чоломъ отдавати....

Т. ШЕВЧЕНКО.

ДВА СИНІ.

(М. А. Максимовичу.)

I.

Чоловік умеръ, двѣ дітѣ мнѣ покинувъ, два сині. Треба мнѣ заробляти, треба своїхъ дітѣ годувати. Не справлюсь сама. Тѣ продала, тѣ продала — усѣ попрѣдала. Вѣжко намъ убѣгимъ своє добро збувати — що вонѣ въ насъ кровью обкипіло!

Збула... клопочуся, бѣдаюся — зъ нѣчи до нѣчи. Ніколи гарздъ и діточками втїшатисъ....

А дітки ростуть, уже й вьютця коло мене и щебѣчуть — мої соловѣйки.

II.

Андрійко бувъ у мене повновідий, ясноокий, кучерявий; весѣлий бувъ хлопчикъ, жвавий. Було за день дѣбре мнѣ впечѣтця своєю пустотою, а ще лѣчче розвѣжитъ. И посваріюсь, и поцілюю єго. Вінъ бувъ старшенський.

А що вже Васілько, — тихий, сумірний: и въ хаті не чутъ, и надворі невідно. Бувъ якийсь задумшливий зъ-мѣлку. Чи те, що вінъ у такѣ тяжкѣ годиву народився, хутѣнько після мого чоловіка, чи такѣ вдѣчу єму Богъ давъ.

Андрійко село обижіть, — вѣрнетця червоний, сміючися, пустуючи; а сей, гледі, підъ хатою де-нѣбудь сидітима: землею переспіаѣтця, або зілля всѣкі вишѣкуе; роскопуе щось — робачка вигребе, або метѣлика вловить, — дивитця, дѣмає.... Гукне Андрій, вінъ увѣсь издригнѣтця. А коли, то було ляже въ садкѣ,

та цілісінький день и пролѣжпть нерухомо, мовъ прислухаетця до чо́го.

»Що се задумався, сїну?« спитаю.

— Якпй сей світь великпй, пісно!

Ще хлопьямъ бувъ, прїземкомъ, а всі вже зілля знавъ — и якъ зветця, и де й коли процвітає, и якїмъ цвітомъ, — и коли пташкї у вірай одлітають и коли прилітають зъ вірею — усє вінъ тєє знавъ.

»Се єму такъ Богъ давъ!« було мнї кажуть люде. »Не хайте єго, — се єму такъ Богъ давъ!«

III.

Ото було тімї вечорами довгими осінніми, якъ вже стїмпть менє робота, — заберу обоїко до себе на колїна, та почну на добрий розумъ навчати — якъ вмїю, такъ и навчаю... розказую їмъ и про те, и про другє, — толкуюся зъ ними. Отъ же, мїй Андрїйко хутко и заскучає; такъ вінъ и вартця: очи собі тре, и позїхає, и зітха. »Пустїть вже, мамо!« прїсптця. А скоро пустивъ, чо́го не загадає! И гомонїть, и пустує — по́кпй и сонъ змо́же. А Васїлько б́уде хочъ цілечку нічъ тую довгу пзо мною сидїти, менє слухаючи, та мпнї вь вічи пильнєсенько дївлячїсь.

Поснемо́. Вь-ночі прокінесся, — не сппть Васїлько мїй.

»Сїну! Чому не сппшь?«

— Такъ.... не хочу!.. Чо́го, мамо, нічъ тємна-невїдна? —

»Такъ Богъ давъ, дїтїно, що тємно у-ночі... Спп«, кажу єму, »спп!«

Вінъ и змóвкне... Тїльки довго ще неспо́кійно воро́чаєтця.

Було, якъ місяць вь вікóнечно засвітїть, Васїлько дївїтця, очей не збóдячи. А я одъ людєй чу́ла, що недóбре, якъ на соннихъ дїтєй місяць сїпле промінїямъ, — то й укриваю було їхъ и наказую Васїлькові: »Не дивїсь, Васїлечку, на місяць: не годїтця!« Вінъ и зітхнє!.. То́ вже вь радї-годї упадє така нічка, щобъ вінъ спочївъ тїхпмъ дұхомъ, абб зовсїмъ не́ма єму сну, абб-жъ снп неспо́кійнї спїтця.

Андрїйко не такий: Уже зоря заняла́сь, вже й сонєчко зішло, а вінъ мїцнїмъ сномъ виспїаєтця; розкїдався-розгорївся...

Якъ ёго зъ-вѣчора трѣдно упорхати, такъ и піднятъ у-ранці. А прокїнувся вінъ, мій пустунчикъ, — п гукомъ ёго въ хаті, ажъ сохи движять! Ну бігать, гомонїть, гайнувати, ажъ усє піде жу́жмошъ! А самó такє радіє, весєле, милє!... До тó вже, хочъ жалко, не жалко, а трєба вппнїть: и пострахаєшъ булó и покрякнешъ на ёго....

Васїлько мєншєнькїй, а навчає старшого брата. Андрїйко скóриий бувъ, палкїй, якъ іскра; то булó трїчп на день и бїльшъ посваритця зъ дїтьми на ўлиці, атó й побьєтця за яку пустóту.

»Андрїйку!« каже тоді Васїль, »а щó ти невесєлий!«

— Бивсь, óтъ щó!

»Отó-то й бачпшъ, Андрїйку, щó за твою пустóту тобї и не мнїлось; а якъ-бї ти не заводпвсь, то й не смутковавъ би тепєрь, и не стїдно бъ булó, щó тебе попобїто!«

А Андрїйко ёму своє:

— И такъ спдїть нїдно!

Та звóвъ югне зъ хатп, — и слїдъ загўвъ!...

Тїхий бувъ Васїлько, розсудливий. Хто ёго й на рóзумъ добрий наставлявъ, Госпóдь ёго знає! Чи піде булó, чп не піде до товáриша, вже й повернўсь, вже й дóма: не засїдитця, не заграєтця нїдє. Такъ и зрїсь на самотї, самъ изъ собою.

Не говіркїй бувъ, не смїшливий. У кóго вже вінъ вдáвся такїй! Андрїйко, то всїхъ дївчáтъ у селї знає. Рóбитъ и дїло, щїримъ сєрцемъ рóбитъ, а годїнку урвє собї на гуляння парубóцьке! Сей же, якъ до чóго ставъ, — и очєй не зведє и дўмки нї на щó не звєрне — уся душа ёго въ рóбóтї.

IV.

Дїти мої, дїти мої!

Пройшла въ насъ чўтка — некрўтчина сєгó рóку бўде. Якъ я почўла, нáче менє холодомъ обнялó. Поглянула на своїхъ парубкївъ: щó-то за хорóші, за молодї, Бóже мїй добрий!

Одногó рáнку — бодáй такóго нїхтó не оглядавъ! — скáзано мивї, щó на чєрзї Андрїйко у некрўтп

Збїраю останне, споряжаю ёго.... Яковó-то свою дитїну на

лихо, на бідү впряжати! Хто того не знае, нехай-же мене спитає!... А вінъ, то на моїхъ очяхъ вже привьявъ.... Дё той поглядъ молодецький, дё всміхъ веселій!

Чи мині-жъ тё оповідати, що не одна́я нёнъка старá хлопцеві сёрденько слівми вьялила? Плакали и молоді очи за нимъ, за ёго гáрною вродою! Любо вінъ пісні виспівуе булó яснимъ зорями. Голосъ ёго по усёмү селү разлягаеця. Отъ же й виспівавъ собі дівчину́ любу та гáрну. Літнёі порі, тихими та теплыми ночами, лежү булó довго безъ сну, — дүмаю та горюю, и чюю булó розмову ихъ тиху та любу.... Сподівалась я невісточкы, якъ ластівочки, собі на втиху.... Пішла́ мо́я сподіванка слідомъ за некру́тами!...

V.

Кáзано въ сёреду везти новобранцівъ по обіді. Сиджү я та дождаю тії години, — коли вбигае мій Василько задиханий, блідій, и за нимъ два чоловіки въ хату.

»Панімáтко! спорядіть обóхъ... панъ звелівъ и Васи́ля брáтні!» Я віри не йму імъ....

»Не буде сёго!« такы на ихъ кажү... »Ажé-жъ панъ самъ людина Бóжа!«

— Ні, ма́мо, — промовить Васи́ль, — такъ вонó дїсне есть, якъ воні тобі сказа́ли!

И всі мене вмовляють, а въ мене сёрце на́че замёрло: и чюю, що говорять, и бачу ихъ, а до сёрця ніщо́ мині не дохóдить....

VI.

Виаджали три трóйки: Усё новобранці. За ними рідъ идё, проважае. Сїла й я міжъ своїми свѣами, іду. Шляхъ мигтїть; гаї та поля на бчи вабїгають....

И такъ мині стáлося, на́че я дитїва малá: не розумію нічо́го, не знаю, не пам'ятаю. Тїлько, якъ глянү на дїтєй, то страшно стáне.

Пріхали до прієму, повелі їх, а ми стоімó, ждемó. Менé мовь совъ хілить; та будять менé — хто плачémъ, хто ридánнямъ. Пёршихъ вівелл моіхъ.... Гóсподи, Бóже мій! Ти жъ у насъ великий, ти жъ мїлостивий! Лúчче бъ я у зéмлю поховáла їх обóхъ!...

VII.

Привелі менé у тэмну якусь хатїну — землѣнка, чи лэхъ, чи щó воно такé, не скажý. Якийсь москаль сидїть: головáчъ, розкошланий, невміваний, підъ щотїною увесь, якъ іжáкъ. Се бóде їх старший, дядько....

Клáняюсь, прошý: »не оставте лáскою вáшою, добрóдію, и моіхъ синівъ!«

Даю ёмý, щó змоглáсь, грошеня́тъ; атó полотна́, и на дїто́къ дé-щó....

»Не журїсь, стару́шка«, прохрпївъ; »трóшки вáші синки поскучáють — безъ тóго не мóжна въ світі, а тамъ злюбитця: молодці́ будуть, отъ якъ и я, приміромъ́ кажучи!«

Поглянула я тоді спїльна на ёго: червоний, обдýтий якийсь вїнь, óчи въ ёго якось помёрхли.... Бóже-жъ мій!.. А мої сині, мої голубї сїзі! Щó у їх душá тепереньки святá, и поглядъ ясний, и любї обліччя квіткою процвітають!...

VIII.

Попроціался. Провелі менé дїти за мїсто....

Отъ ище́ п-дóсі, якъ вїберетця літомъ́ день гарячий, дýшний, то́ п згадаю́ собі те прощáння на́ше: отъ, пдемó мїстомъ... позачїниювані будїнки, запїняні́ вїкна скрізь; за мїстомъ́ сосні́на тэмва, далéка заступїла́ шляхъ́ пісковáтпї; сýне передъ очї́ма по піскý рпплївий вїзь, на небї́ сонце́ пекуче....

IX.

Зостáлась я самá-самісінька, недугýючи. Нї сну́ мині, нї одпочїнку. Роблю́ черезъ́ сі́лу, нічóго не знаю́, не чýю....

Миняє рікъ и другий и п'ятий....

Обняла мене мовъ хмара чорна; тільки й світятця мині, якъ дві зіроньки темної нощі: то дітоньки мої!

По Різді, сиджу я одного вечора, такъ вже у пізні лягови, пряду.... Надворі завирюха, ажъ у вікна б'є, и світло мигтять....

Коли — стукъ, стукъ! Одчиняю — Василь!

»Василечку, синочку мій! а Андрійко дє?...«

— Немá вже, мамо, Андрія! Лигъ Андрій, мамо — та й не встане вже!

А я наче знала: я ёго що-дня въ Бóга, що-ночи оплакала!.. А жити бъ такóму, та жити! На вірість и на сілу и на лічку у бáтька Удавсь: отъ же за бáтькомъ и на тої світъ погнався!..

»Зстáрїли ви, ненько!.. якъ вамъ тутъ жилóся? нужді при-
нялі?...«

— А такъ мині жилóся: устаю — плачу, и лягаю — плачу,
такъ мині жилóся!

»Я, мамо, до васъ умірати припшовъ!...«

Придивлюсь до ёго: лишенько моє!.. вонó й молодé, та вже надломлене!

— Синочку мій! бодáй би я не дїждала твого слóва почути!

Отъ же то щїра правда була, що вінъ сказавъ.

Тáne й тáne мій Василько, якъ свїчка. Полéжавъ, похїрївъ — та на весні й переставився.

Дé ёму й жити було! Вонó й росло такъ, абї слава, а тї вїправки та походи сілу зъ ёго усю вїбрали....

— Не на те народївсь, мой мати, щобъ мині людéй на вї-
ні трáтити! — було каже; — не для такихъ, якъ я, вїбна, и воєвникъ зъ мене не жвáвий!

Якъ вже въ тяжкóму подүзі лежавъ, то все було дума та дү-
ма та дүма собї.

»О Бóже, Бóже!« заговорить, »який у тебе свїтъ красний! А я й не пажївсь у свїті, а я й не навчївся, я й не знаю ні-
чóго!...«

И въ остáнню годину промовивъ:

»Не живъ я, мамо, на свїті! тільки збірãвся жити!...

Молодé, то якъ косóю скосїло... А я зостãлася....

X.

Тільки мні її потіхи, що коли приснітця мої дітки. Та все снітця вони маленькими, а парубками ніколи не приснітця.

И якъ живіи вони стоять передъ душею моєю:

Андрійко веселий, кучерявий, ніби по хаті бігає та гомонить, а въ хаті ясно, ясно! Василько надъ квітками та зіллями сидить, задумався....

Прокінусь... нуто! робота дожидає; треба жити, треба діло робити, треба терпіти горенько...

Живу; дивлюсь, якъ хата валицца. Чую, що її самá я піломъ припадаю... якось дурнішаю, якось туманію, наче живá у зéмлю вхожу....

МАРКО ВОВЧОКЪ.

ТІТКА НАСТЯ.

— — Тоді не такъ ще було, якъ теперъ! Теперъ в жплёткі у насъ, в всяка дурніця; абó ще йноді й самовари... Іншій, покій не головувавъ абó не прикажчикувавъ, — каша, може, зъ мякнью, борщъ — димъ зхóплюетця; та якъ и одпáсса людськíмъ пóтомъ, — сiре тобі, звнiйте, якъ той кнуръ сiрий товстiй: «мє-вiс, кáже, «оттó свiжопросóлня» — рiба — «якъ пахнiть!» а ливтарєвий кожухъ — за пiвмiлi члнбáрьскимъ квáсомъ; а «живiть», кáже, «пáрить!» И-й! не такъ би тебе, гóлубе, попáрить!

Такъ-то, кажú, теперъ! И тоді люде любiли и хóроше виходiть, в смáшно зiсти; тiльки все теє — не забували, якъ було батькi й дiдi, а найпáче, що батькi й дiдi — може й вв чúлп.

Прихóдить одiнъ сóтєний осáула до свогó бáтька: «Повкóвникъ, тáту», кáже, «хóче мєнє цифєромъ записáть!» — «А ти жь ёму щó?» — «А щó жь би я ёму? Кажú, бáтька, пiдú, зпитáю.» — «Тó-то жь, ти менi глядi! атó онъ бачъ» — на цiпурú. «Скажi», кáже, «повкóвниковi, що люде бúдутъ смiятьця!»

Одже тiтку и тоді вже було, нáвєть було татúсь: «Тис, кáже, «сєстро, старосвiцька людiна!» Усмiхнєтця було покiпниця, та ще й рукóю — сiлькисъ, мовъ, — чи такъ, то й такъ!

Старосвiцька була людiна, дúже старосвiцька!

Сивъ було зъ Грúзii хустóкъ усiякихъ шовкóвихъ, матерiй турєцькихъ та персiдцькихъ. — «Про смерть, на цєрковъ, попáмъ!» абó пороздарóвуеть намъ, дiдьковимъ, або отъ Кiбченiятамъ; а самá — матерчатий платóкъ, керсєтъ зъ рукавами, зелєні смужкi... запаскi, та ще щобъ и лiхiвка, черевiки абó чóботи — п вся невєлiчкая!... Ахъ, и забúвся — хúстка ще!.. у пiйса: безъ неi, якъ то кáжуть, и не стúпить! Домоткáна, и тамъ — зáполоччю, абó-що.

И такъ було вона, и въ буддень, и въ свято. А міжъ люде, або въ цѣрковь, кожухъ зъ стоячимъ комірцемъ, зімюю,—сіронімѣцький верхъ; а літомъ — голубий халатъ.... Иноді, якъ лүчитця було зъ нею до рідичівъ-панівъ: »Та ви бѣ, тітүсю, що небудь!« звисно, діти. »Отъ Бігъ зна що! старі вібачять!« або: »Чого впе, каже, »турбуєтесь? Сѣгѣ не знімуть, кращого не дадуть!«—и чи до Кібця, то й до Кібця, хоть все теѣ кудї попавячплось и пиндючптьця почало!.. або и до самого Петельки—и вінъ намъ зъ рідні доводився.

И було якъ приїдемо—мп жъ не знаємо, кудї и повернүтьця, а найпаче, якъ ще панство; а вона, мовлявъ—пзогнүвшисъ, въ тихъ черевікахъ и въ голубому халатку—стукъ тихенько ціпѣчкомъ по гѣринці, стукъ!... Тїхая у покїйниці, и мѣва, и ходя була.

Та и у всѣмү було вона! Достаточокъ бувъ гарнѣнький: сусідскихъ хатъ зѣ три, чи зъ чотїрі, клўнька, коміркі... волівъ супрүга добра—що такі одъ покїйника Буркүти, а то и снїзъ; а въ хаткахъ, не тїльки черезъ сїни, а и въ мїті: и пїчъ, и пїль... лави, полиці, стїль на кѣникахъ, мїсникъ коло порога....

Старосвїцька, кажү, була людина, дүже старосвїцька!

Покї тїльки здүжала,—и садить було, и полеть, жне, вярить їсти; хоть, якъ кажү, про одну дүшу и бѣтчки бѣ! Покїйникъ татүсь не разъ—та чи тобї жъ, мовъ, старүючи! »Ти бѣ ужѣ«, каже, »утихомїриласъ: у тебѣ жъ, слава Бѣгу, сусїди, наймуть, наймпчка!«—»Итъ, Бігъ зна що ти, Пѣтре! на те«, каже, »Бѣгъ и рүки давъ! Не вже жъ тїльки свдїть, зложївши їхъ, та гѣтѣве їсти?«

И було така, що чи въ купанїи, чи такъ міжъ лүдьми, рїдко-рїдко коли розгүторитця! та й то ще не зъ усякимъ, а хто тамъ ужѣ по душі, отъ, примїромъ, зъ матүсею—нехай легенько її згадаєтця, мої старѣнькі! Тї тамъ и се, и те: »мп«, мовлявъ, або »наші батькі й дїдїс; а вона—рукѣю пїдъ цѣоку, або на свїй ціпѣчокъ, слүха. Иноді жъ усмїхаєтця, нїби весѣловька, а иноді—ажъ лїце осүнетця, мовъ якү путь довгу, або коло мерця три нѣчі....

А щобъ оттамъ розсѣрдитця, погрїмать—на наймнта, або такъ на кѣго — нїхтѣ и не чувъ нїкѣли, и не бачивъ! Дүже-дүже велико вже було: »о бѣдай же тебѣ!« а то—»хїрний!« каже. Той тамъ кѣбїлу прппустивъ до новїхъ стїжкївъ,—снопї повицүплю-

вала, абб друге вшкóдливъ: »Оцѣ, тисѣ, ка́же, »хйрний, и коби́лу при-
пустивъ!« Та такі, здаётця, вона п не вміла лаёкъ тамъ, абб слівъ
якйхъ, що йноді п жовота: »сякого такого сына, сякої такой дочкй!«

Разъ тильки инна́че розсёрдилась, та й то, не якъ инші лю-
де — зъ татусёмъ покійникомъ. И за що вони, Богъ ихъ святій
знае! Однó 'дногó любйли дуже, п татусь багато допомагавъ, — отъ
якъ п Буркúта, ка́жуть, вмерь, п потймъ, якъ й Степана въ Грú-
зію зъ Гранникомъ... Мо́же, чи ни за ёго п вйшло! До покійника
доходять було чутки, ча́сто було рёмствуе, що нйби обйжа нашо-
го. А мо́же, п за що друге — Богъ ихъ, кажú, святій знае! И
такъ вонó скóро якóсь тее вчпнйлося!

Я малймъ хлопьямъ ще тоді бувъ, са́ме по надвйрю, — и байдú-
же, що тамъ у хаті. Ко́ли вбйгаю, въ світлицю, п такъ, знаете, ще
прожóгомъ: матúся на дзыглицу коло грúби, блйдая, — и смутная-
смутная! го́лову повисла; протй нєй тйтка, тежъ на дзыглицу, ху-
стыною слёзи... а покійникъ у покúтнёгó стола, выпрямився, п
бчй, що все було ажъ дрижйть.... Я такъ п првкнйвъ до землі!

Трóхи погодй, тйтка встала п мóвчки зъ світлиці; за нею — ма-
тúся, я.

Впхóдимо на рундúкъ, а тутъ п сестри: »Чогó се ви, титúсю,
чогó?« Тйлькй плаче, п на́ймтові скорйше — коби́лу; а запрйгъ —
мóвчки, п пойхала.

Мовъ теперъ се ба́чу!

На рундуці, плачемо, вона йде, йде, — мовъ старій богъ зъ двó-
ру зхóдить.... Вже до ворйть, за двйрь.... А далі матúся, мовъ
у сёрце йй кольнуло: »О, Царйце жъ мой небесная!« — за нею, ми...
»бóже нашъ старій, бóже! титúсю!«

Якъ ужé вона ублагала йй верну́тьця, нйчогó не памятую — ко-
ли теё у Бóга діялось! Памятую, якъ ужé верну́лась, п ми за
нею въ світлицю.

Татусь тамъ же такі, коло покúтнёгó стола, лйктемъ обперся, на
долóню го́лову. Сёрце, вйдно, пройшло вже, тйлькй смúтокъ великйй.

Ввйшла; тихёнько до ёго; вставъ, собй тихёнько.... Разъ поци-
лува́лись трйчй навхрестъ, у друге, у трёте, — и зно́ву, де сидйли...
У брата зъ сестрою тиха розмóва, оббе люде старосвйцькй — не-
чйсть якáсь!... Замо́вкли; пролйзла — зно́ву тиха розмóва у брата
зъ сестрою, оббе старосвйцькй люде....

Одже, и щó бѣ б́ачця! С́ерце, якъ каж́у; а щóбѣ тамъ най-
мнѣ, аб́о сусѣди,—та и кри́й Ѓосподи! Чи такъ уж́е її поважа́-
ли, що, мовля́вѣ, и криво́го сл́ова боя́лись, — чи вмѣла; а якъ
вшко́днѣ бу́ло, «о, бода́й же!» мовѣ... «та л́учче б́о», ка́жуть бу́-
ло, «зря́ду трѣ́чи на сп́овѣд!» а вмовля́е бу́ло на сп́овѣдѣ Верть-
кѣвськѣй пі́пѣ д́уже!

У не́ї кѣтъ Спорѣшко бу́вѣ—літо́мѣ з́авжди вѣ спорѣші коло́
ха́ти, за те и Спорѣшкѣмѣ. А ми ще и Приц́у́вуватимѣ. Оце́, при-
міро́мѣ, сидѣ́тъ бу́ло підѣ поло́мѣ, прислуха́етця, якъ мншеня́та по
нірка́хѣ, аб́о па́рнѣ че́рево на ко́мни, но́ги одки́давши, — та з́разу,
ни́нче якѣй ѓаспидѣ ё́го, до те́бе!.. и чо́бѣтъ ла́памѣ по щока́хѣ, по
щока́хѣ! по́ляпаса ё́му!... Такъ на́вѣтъ отто́й Приц́у́вуватѣй. Якъ
розбі́снѣтця бу́ло оце́—а бу́ло якъ розбі́снѣтця, то и ха́та ё́му
тісна́: и по столу́, и по ла́вахѣ, и по мѣ́снѣку — то неха́й бу́ло
ті́льки покѣ́йни́ця «оце́, мовѣ, хѣ́рний! го́дѣ вже то́бѣ!»—ти́ць, де
бѣ тамъ ни бу́вѣ, и ў́ші насторо́шивѣ! «То́бѣ, то́бѣ, не вля́й хво-
сто́мѣ!»—терне́ ла́пою за одні́мѣ ў́хомѣ, по́тімѣ дру́гою за дру́гимѣ,
куса́, бачѣ, щосѣ ё́го—хѣ́тра прокляту́ща зві́рина бу́ла—и пі́де,
пі́де тихе́нько, мовѣ нестрѣ́пени́й! и хѣ́ба підѣ ла́вою вже, за за-
каблѣ́кѣ тамъ те́бе, аб́о за ха́ляву!

А вже що отті́ колѣ́страторѣ вся́кі!... Зна́ете, якѣ вони́ йно́дѣ
у насѣ: и чва́нитця, пндѣ́чнтця... ро́тъ-безѣ-заворо́тъ, вся́ке чо́рт-
знащо варя́кае: «И та́кий я, и та́кий тамъ ѓаспидѣ!.. мѣ́й оте́ць,
моѣ́ ді́тв...» дивѣ́тця и слѣ́хати гѣ́дко; а ті́льки неха́й вона́ тутѣ...
мовчя́зна, и зогну́вшись, и тамъ де-небу́дь вѣ кутѣ́чкѣ, аб́о коло́
поро́га—та ба! мовѣ ё́му язѣ́кѣ поц́упнѣтъ вѣ се́ре́днѣу! Дре́вня
лю́ди́на, зна́ете, зна́ла не ті́льки і́хѣ, а и і́хѣ ба́тькѣвѣ и ді́дѣвѣ;
и якъ-би до чо́го, и поча́ла роска́зувати,—не одно́му бѣ при́-
шла́ось, якъ то ка́жуть, у сѣ́рка оче́й позича́тъ. Та та́кі бу́ло йно́-
дѣ и допечѣ́тъ, отѣ́ якъ разѣ́ Рѣ́ппця у Петѣ́льки—не се́й Рѣ́п-
ця, що тепѣ́рѣ, а ё́го ба́тько.

Та́кий, зна́ете, вінѣ́ великорозу́мний бу́вѣ, то́й Рѣ́ппця: на-
кру́титѣ-накру́титѣ оце́ верже́тъ, ажѣ́ стричѣ́тъ, мовѣ у ква́ка чу́-
бѣкѣ, та ще й го́лову на́бі́кѣ: «Та вонѣ́, ка́же, «такъ, а загля́нѣ
лише́нь вѣ зако́н!»—все бу́ло зѣ́ тми́ зако́намѣ, ни́нче д́урень
зѣ́ ступо́ю! А якъ пья́ний, то та́ке жѣ́ то́бѣ, прости́ Ѓосподи, пога́-
не, та́ке вѣ́дливѣ, що возьми́, та прѣ́мо и напѣ́юй ё́му се́редѣ́ ло́-
ба!... Отѣ́ разѣ́ вінѣ́ и захо́дѣвѣся у Петѣ́льки, підѣ́ пья́ну ручѣ́.

Та одігатьця стала, такій въ світлиці — завжди було, и одігаєтця и в роздігаєтця въ світлиці, де бь ип була; а вінъ: »чогó та й чогó, пробі, стоїтця оцѣй халатъ?« та ще й губи зшиють, кепкуватъ би то, брідкий, зь старбі людини!... Ми жь зь матусею не знаємо, якъ-то кажутъ, куді й подітьця — татуся на той разь у Петельки не було; а вона хотъ би тобі óкомъ змигнула! застіба повагомъ гудзикъ підъ бородою — руки тільки ніби тримтять.... »Оттого й оттого«, каже, »стоїтця!« — »Поцінно«, той, »поцінно — одѣшна хотъ би й княгині!« Но відержала наслідокъ покійниці! »Сек, каже, »Ониську Семёновичу« — Ониськомъ Семёновичемъ ёго — »сек, каже, »теперъ вонó поцінно здаєтця, грóші дешѣші стали; а якъ купувався сей халатъ, тоді грóші дорогі були. Тоді... Вамъ«, каже, »покійникъ вашъ панотецъ, мóже, розказувавъ, що за такі грóші, абó ще й того дешѣше, тоді въ Києві панство мóжна було купитъ!« — а Рипиця, знаєте, бувъ зь такіхъ, якъ би й ми грішні, та тільки батько ёму чина, въ Києві, за три четверикі пшениці... Якъ сказала вона се, тоді Рипиця, якъ той цуцякъ, вхопивши облизня. А тутъ ще й Петелька, спасибі ёму, — за насъ руку потягъ. Подождавъ трóхи, щобъ такі не такъ вже дуже: »Чи вил, каже, »Ониську Семёновичу«, придівлюючись ёму до бороди, — що-неділі, мовъ, оттакъ голитесь?...

И було такъ покійниці: куді бь ип іхала, а вже безъ паяниці не мóжна. »Годитця такъ!« И приде, склоніла головою, добрідень, чи якъ прпходитця, и напередъ усёго — зь хустини и на стіл іі! а вже потімъ, и првтатъця, и щобъ тамъ наддягтись.

И гостинцівъ тежъ було дітямъ, — ніколи було безъ гостинця! »Сваримось«, каже, »треба и голубити. Чимъ же«, каже, »и згадувать імъ бóде стару?« И не те, щобъ тамъ медяниківъ, абó другóго чогó, городськóго — ні, сёго у неі не було ніколи. А отъ: насіннячка по жмінці... коржá медяно́го, абó прóсто по шматку книшá абó гречаника. »У зайчпка«, каже, »одняла! Біжить«, каже, »и несé, — я и одняла!« И якімъ смашнімъ намъ здавалось, що вона у зайчика одняла! Такъ якóсь уміла все вона, — якъ то кажутъ, всяку копійку рубомъ.

И чи й до неі було: прідемо: дуже любила падатьця коло насъ; а щобъ тамъ пундиківъ якіхъ, прищівъ — ніколи! И не одь скварости, абó, сказатъ би, ні зь чого — ні! така вже людина!

На обідъ було оцѣ — борщъ зъ м'ясомъ, каша зъ молокомъ, и дуже-дуже вже багато, якъ ще й вареники; для забавки — насивнячка, а иноді й вареної по чарупинці: «сеє, каже, «можна»; на полудень — ковбаси, або кришенпківъ сала... Було дядьковн — звісно, мазаніші — мулятця: «Не копійте», каже, «дітки, губокъ, не копійте! їжте, вонó смашнѣ!» — и ті, мовъ не певні, уплітали кришенники.

А щобъ тамъ тарілокъ білихъ, або видѣлокъ и ножівъ — тогó й заводу въ неї не було. Просто: на дерев'яні тарільці — хлѣбъ, на другі — сіль... білі ложки дерев'яні, ніжъ колодій, рушникъ кругомъ столу рѹки обтирають, та для дітей по полів'яному полумиску для кожного, борщъ набірають — отъ и все! «Сідайте», каже, «дітки, за стілъ, атó борщъ простігне!» Хлѣбъ було ріже, хіба котрѣ не подужає; м'ясо — зъ одної тарілки, пальцями... Позаєложуємо було собі и носи, и рѹки — усміхаєтця тільки тихенько, витира: «О, якъ же ти», каже, «Васильку, нечупарно!» — а самá, мовъ вона до єго не приторкалась!

И було вже такъ пильнує за кожнимъ, щобъ тамъ кришенника безъ хлѣба, або щобъ вареники не дуже въ м'ясло! Зіразъ за рѹку: «хлѣбця», каже, «дитино моя, хлѣбця — вава буде!»; або: «помаленьку єго, помаленьку, — осліпнешъ!»

И що жъ! Якъ тільки приходять було святкі, або скажуть, що, мовъ, до тітки Насті, — тільки объ тимъ и речі у насъ!

Простенькі у неї були хаткі, и въ їхъ нічого бъ и такого; а якось такъ тамъ!.. Якъ згадаю, отъ якъ разъ ми до неї на Голóдну Кутю...

Темновáто, морозъ вікна позамурóвувавъ — мовъ у наші старі цѣркві... и стѣни, мовъ у наші старі цѣркві; на столі тріщця — въ василькахъ — въ каліні, казанокъ зъ кропильцемъ, надіалена свічка восковá... Мовъ ми справді въ нашу стару цѣркву на Голóдну Кутю, нема нікого, а буде та служба: и параміі, «тако глаголетъ пророкъ... ріки Ордáвскіі... водó освященная».

И отті ложки білі, мисникъ, сволокі: просто, и двáдцять-сорокъ разъ їх бачивъ; а ще хочетця передивитця, ще щось нивáче въ їх... въ оттихъ мережкахъ, держалнахъ зъ горляночками, въ оттихъ закамаркахъ въ миснику... въ оттому, на сволоці: «Рокъ», каже, «Божого 1764 соорудіся домъ сей...» «Соорудіся?... И старá цѣрковъ соорудіся... Певно отто, якъ

и въ Хвобцяхъ: и владыка — старій, старій! въ золоті шапці; хлопчнки въ золотихъ свиткахъ — якъ янголята співаля!... въ зѣмлю щось закопували...»

А миски у тітки! И на поліцяхъ и на миснику, зъ вінцями и безъ вінець, круті и розложисті, зъ боками и безъ боківъ... И все те, знаєте, поливяне: червоні, зелєні, білі, жовті... цяцьковані!

Ми часто булѡ: »Будьте, мовъ, ласкові, тітусю!« Зопнєтця старєнька на лаву — любила такі їхъ показувать; а ми на землі, кучею, — и почнє одну за'днією: и білу велику, на вінцяхъ хрєщики, на бокахъ пружки — и червону, що паски святять, зъ кривулькою и зъ зелєними голубами на дві. »Оцю«, каже, »въ Лубняхъ, на Спаса — півзолотого вража сідуха! а оцю торікъ въ Оржиці — пятакъ зъ шагомъ; а оцю«, каже, »тутъ такі, ганчаръ въ Богодухівку їхавъ«, — и почнє намъ, якъ той ганчаръ Коломнівськимъ шляхомъ, а вона на вгороді: »по гóршки«, кричїть, »по гóршки!« — пшенїшного борошна зъ верхомъ!

А для играшокъ булѡ у неї! та ще й додому надає!... ячóк-звисківъ, карахóнєкъ, близнятъ усякихъ: сояшникового абб гарбузового насіння, житнїхъ колосківъ, що по два на одному стеблї. Абб ще воликівъ: »Ось«, каже, »дїти, скїльки орєль зъ стєпу нагнавъ!« — и цілїсїнку намъ торбїну квасолї: жовтої, сїної, та ще й смужками усякъ! »Тутъ«, каже, »и сїві, и полові, и підчеревї!« Підъ Великдєвъ — безконєшнихъ писанокъ всякихъ, крашанокъ бразолїйнихъ. А літнєї порї лүчитця у неї — понавóзимо додому зайченятъ малюсїнькихъ, пїръ великихъ, що журавлі зъ крилъ гóблять, дрохвїйнихъ ячóць, оврашківъ — степовїй хүтіръ!

Такая-то булѡ, та тітка Настя! Старосвїцькая, дүже старосвїцькая людина! Тепєръ такихъ людєй, глядї, чи можна вже й найтї!

Не весєлее тїльки покїйниці життїя булѡ! Одъ чоловіка зосталась давнѡ — я й не зазнаю покїйника Буркүти; синъ одїнчикъ бувъ, та й той заїхавъ въ далєкі сторони: одна въ Божому свїті, якъ палець! А щобъ по бенкетяхъ тамъ, по весїляхъ, въ кумпанїї — не любила. Въ радї-годи хїба мїжъ люде, та й то, щобъ не зóвсїмъ такі одцуратця, притьмомъ трєба; а то все

дом'є, все одна! Та якъ лучалося и міжъ люде — мовчазна, кажу: якось не гулилось, и люде ті мовъ її чужі, и вона мовъ імъ чужа... А родичі бъ сказати... Изъ уснеі рідні вона тільки насъ; такъ разъ те, що такі далеко й жили — коли-то въ Бѣга доведѣтца! а друге — матуся тоді молодá людина була, все не те! ну, й другою жінкою у татуся: все ніби чуже, чужіше, ніжъ перша — такъ уже скрізь ведѣтца!...

Люде прираляли, щобъ когѠ за дитину — все такі, кажутъ, охвітніше. Послухалась и взяла дядькову найменшу: »Зъ малогѠ, каже, »якъ зъ воску, все зіппишъ!« Знала жъ віскъ! Дитина вийшла невмѠсна, опрісклива, — а вже що вечупарна, то й кінці погубила! А тутъ ще й старі: »Обіждає!«, кажутъ, — що, бачъ, іноді дубчикомъ, абѠ посваритця... ШуткѠе булѠ покійниця: »Не маѠас, каже, »баба клопоту, та купила порося!«, а видно, дуже її те доймало!

Одна робѠта, здаѣтца, и розважала тільки покійницю, та ще отъ, якъ булѠ у цѣрковъ.

Приѣдемо булѠ до неі на степѠкъ, підъ косовицю: »кѠсарки!« каже. А якъ гребовиця, то й сама ще зъ граблями: дівці, мовъ, сѠромъ, рѣки зложивши; — дівкою булѠ себѠ, якъ веселіша. Прибіжншъ булѠ, дасі зза ўха чолѠмъ... поцѣлує въ голову и знову за граблі. »Бачъ«, каже, »якъ у насъ дівѠта! Скажи«, каже, »своімъ парубкѠмъ« — а парубкі бъ то, удѠві діді, що вже й зубівъ въ рѠті не гуртъ, — »скажи«, каже, »що онъ, мовъ, вона якъ!« — и геть валѠкъ підкіне граблями!

А въ цѣрковъ булѠ, хоть яка хўга бѠе, іде въ Вертькі! До ўтрені булѠ уже не завжди, а до слўжби — ні однісінької не пропўстить. Та ще кожный разъ и свѣчку, заверне въ білу хустину... И якъ вернетца, така жъ тобі! Неговоркіша ще, здаѣтца, а усміхаѣтца: видно, такъ тихо, бѠжо, на душі! а скаже що — мьяко и отѠтъ, здаѣтца, заплаче! »СпрѠті бъ«, каже, »тільки молитьца!«

Та ще булѠ покійниця, якъ отъ обідъ хто, девятіни, чи соковіни, — любить. И не те, щобъ такі справді обідати и поминати, а щобъ поратця: помѠже все, якъ слідъ, и додѠму, ві за що не зѠстанѣтца! Отъ хіба хто заможний, и обідъ йде надѠбе: въ хаті, а хто бідніший и старці — на двѠрі; тоді — такъ, и на такихъ обідахъ любила найпаче: все колѠ таганівъ! И оцѠ

духъ дѹха пошпбá, а вона — підтїкавшись, підсмїкавшись, хустїна та зпідъ керсета. А якъ прїдуть попї и поблагословлять — и почне коло своїхъ: садовить, поштуе, припроштуе... Иноді — всякові, знаєте, бувають покїйники! Инший и вїкъ свїй зживъ, а нічого на той свїтъ не заробивъ — и згадувать ні-защо, наипаче отті бідотї. И якъ обїйде чарка разівъ кїльки — всячпною почнїть!.. То було покїйница, якъ почне, якъ почне — вмїла зъ оттїмъ наро́домъ — то чоловікъ и зхаменѣтця: »Нехай!«, ка́же, »уже Богъ ёго судить! то одїнь суддїя нелукавий!«... Не однї дѹшу вона оберегла тамъ одъ людськихъ проклѣнївъ.

Зъ часомъ у покїйниці и того не стало, старїсть почала одолївать. То було, давнїше — звїсно, діти: »Чого́, мовъ, тїтїсю, зъ цїпочкомъ?« — »Охвїтнїше«, ка́же, »одъ собакъ!«; а то: »поживетѣ зъ мо́ю, самї побачите«... А далї до того вже дійшло — ми підросли, розумїть стали, а найменшїй братѹха... »На теє, ка́же, »моё дитїно, на трѣхъ, щобъ на чотирѣхъ не лãзтити!« И жартѹе було иноді, жартѹе, та на такѣ звѣрне... »Я«, ка́же, »бѹду скоро такою, якъ ти бувъ колись: вь полюшкї мене загорнуть, вь ко́лїсочку полóжатъ!«

Та и не добачать дальше стала, и не дочувать: девятїй десятитокъ каратала, та и трудяща людина... Иноді було, якъ почне приглѣжуватьця до тебе, абó прислухатьця, покї-то пізна абó почѹе! »Мовъ крїзь густѣ сїтоє, ка́же, »а ўші ниначе позатїкани.«

Тимъ вь цѣрковъ дѹже-дѹже вже рїдко, та и то хїба літомъ; а на обїди, вь полю, мїжъ люде — »Одїздила вже своё, нехай ще другї!« На вгородъ хїба було вїдибуля, полóть, помацки; а то все вь хатї, все на полѹ — прадѣ. И прадївня тамъ було.. Самá иноді: »Якъ упушчѹ«, ка́же, »почїнокъ, и нема нікого — покї то намãмраю! иноді всю хату вїрачкую!« Все то за вїскъ! Своё и пасїчка, та и матѹся, — чп вже бъ то пожалїли! »Трудовїте«, ка́же, »не те, що даровите, абó своё: мóже, хотъ сямъ Бóговї приспособлюсь!«

А потїмъ и лїжма трѣба лягтї! Притомна була, покї и вмїрла — и памятувала твѣрдо, и говорила, и розумїла — та сїли нема! Вь рукахъ ще сякъ-такъ — вїкóнце одчинїть, лóжку; а ногамı — хїба підъ рѹки, то и то тїльки-тїльки що дїба! »За-

молоду не поберегла, одтупала, одтоптала!.. Зажилась, каже, »зажилась, поря бз я честь знать!«

Такъ ще вона годівь кільки пронудила світомъ — вілежала, викачалась на полу. Якъ прийде вже дуже тяжко: »Приймї вже!« мовить було Бога: »на-що я тутъ здалась!«; а полєгша: »Его святая воля!... Вінъ«, каже, »зна, що робить!«

Не разъ до сїна писала: »Прилінь, моя дитино, хоть подвлюсь!... хоть въ остатній разъ! хоть очі мені закрий!« — »Радъ би«, каже, »прилінути, та крилець не маю!«

— — —
Въ остатній разъ бачивъ за тиждень передъ смертю.

Приїжжю, а вона підъ комброю, на присінкахъ — на сонечко вінесли...

— Се ти, каже, — дитино моя?

»Я«, кажю, »тітусю!«

— А що жъ ваши — чи ще вони, щє?

»Та ще, слава Бóгу!«

— Слава Бóгу! каже... А я, каже, на сонечко; тільки щось и воно — а сонце и дїхать не дає... Я вже, каже, емү: »и ти, мовъ, старосвіцьке, и я — хоть ти мені!« не грїє, розледачило, за молоднєчею!...

Якъ умірала, ми зъ *моєю* не були, у Лубні ходили... Далї зарїкъ: якъ дасть намъ Богъ сїна — пішкомъ у Київъ, до Печерськихъ, а дочку — до Офанасія святого: Богъ Надєждочку пославъ!

Смерть, кажуть, була — пошли, Господи, и всякому такої! тихая, праведная!... *Зтривожилась* трохи — про сїна згадала; а потімъ и звоу: до кінця вїдержала, хоть, кажуть, кричать, а не плакаты!...

За день почула: »Идєс, каже, идє!«

Послала за всіма, и щобъ Михаїла старого, одсобобрувать: »Его«, каже, »батько вивь, а вїшъ нехай виводить!«

Зібраньсь, одсобобрувавъ покійникъ Михаїлъ — все то покійники!... Роспорядкувала — надїть, на церковь, старцямъ... чимъ домовину — дєсять роківъ ждала, такі дїждалась!

Вечорїть почало!... »Тепєрь жєс, каже, »прощаймось!... — »Що ви!« — будемо, мовъ, жить, Бóга хвалить! — »Нї«, каже, »прощаймось!« — до татуся...

Нахилився покійникъ, голову въ обидві рѣки, и довго-довго придивлялась! »Горенько«, каже, »мені тяжкее!«, и вже пальцями, по лицю... И такъ же то, кажуть!... »Такъ«, каже, »такъ!... и у покійника батька — волосся, лобъ, нисъ... А брови«, каже, »матусини... Де то вона,« каже, »теперъ, мой рідная? чи побачу її?«...

Матусю довго, дуже довго тулила до себе!.. »Ти въ мене«, каже, »золотая була!.. Я, може«, каже, — »впусти мені! Та не пускай въ далекі сторони—нікого не пускай, ні одного!.. Ой«, каже, »сичочку, Степаночку, дитино моя!..«

Потімъ ніби заспокоїлась.

— Поверніть, каже, мене на другий бік!

Повернули, позіхнула...

— Поверніть знову!

Знову повернули, знову позіхнула.

— Ниніче спать, каже, хочеться!.. Поверніть вправо, та кватирку одчинить.

Повернули, одчинили...

— О-хо-хось! каже.

»Заснула!« хтось.

А покійникъ Михайлъ. »Заснула«, каже »заснула!...«

Ми зъ моєю саме до язвця доходили, вертались зъ Лубень...

— Така смутная-смутная вона, дитина плаче, та й у мене щось...

— Коли зразу, ніби ладаномъ...

— Чуєшь? кажу...

»Чую!«

И въ слези!

— Чого ти?

А въ самого такъ и дүшать...

— И сама, любий, не знаю!...

И якъ разъ, въ той самий день, въ ту саму годину...

М. Н о м и с ь.

Р. Б. 1860. генваря 10 дня.

СПБ.

ПІВПІВНИКА

Глишніська дитська казочка.

Була собі колись гарна курочка, и добре їй жилось у дворі въ селянїна. Кругъ неї метушилась кўпка дітокъ чимала, и міжъ тїмъ діткамъ однó собі вдалось препогане и скалічене. Отъ же сего найбільшъ мати її кохала, бо въ матірокъ такъ завжди буває. Мпзєрне те курчя вївелось изъ малєсенького яєчка. Півкурчяти тільки її вївелось, мовъ хто одтївъ половїнку. Зъ однімъ тільки окомъ, зъ однімъ криломъ и однією ногою. Що жъ? дарма, що калїка, а така жъ була пиха въ того курчяти, якъ и въ єго батька, старого півня; а батько єго бувъ найпишнїший, поважний и огряднїй півень, — хочъ сто верстовъ псходїи кругомъ, такого дрўгого не побачишь. Дурнє курчя, підрісши, забрало собі въ голову, що вонó дїво міждо курмї. Якъ зачнуть було кўри єго на смїхъ підїмати, то вонó собі її дўмає: »Се зъ заздрости!« Якъ жє курчята до єго прикладки прикладують, то вонó говорить: »Се зъ досади, що я на їхъ и двїтись не хóчу!«

Отъ, разъ и каже те Півпівника своїй матерї: »Слўхай лишъ, мамо. Обрїдло вже мнї жити въ селї. Надўмавсь я до царя доступитись; хóчу я подвїтись на царя и на царїцю.«

Бїдна мати ажъ закудкудахкала зъ лїку, такє почўвшп.

»Дитїно моя!« каже, »хто се тобі такў дурнїцю въ голову вкїнувь? Твїй батько нїколи зъ свого села не виходивъ, дарма, що кращого півня на всїмъ свїті немає. Чого тобі її бажати, якъ нашъ двір? у царя краще тобі не бúde. Глянь, якє гнóйце гарне, якє зерно намъ смашнє поспїають, якє затишнє сїдало въ насъ, и сїм'я, слава Бóгу, не малєнька, и всї тебе кохаютъ.«

— »Байдужé мнн!«—одрізало навпснé Півпівника. »Браті мої п сéстри — дурні сільскá темнóта.«

»Моé голубятко«, кáже ёму мáти, »хибá жъ ти вь во́ду на се́бе не дви́лось? хибá жъ не бáчишъ, що вь тебе одногó óка п одніі ногі дасть-Бігъ?«

— »Коли ти зачепила менé зь сéгó бóку, мáмо«, — одповідає Півпівника,—»такъ я тобі скажý, що сóромъ тобі самій, що я такій уродився. Ти, мáмо, самá томý винна. Изъ якогó яéчка я вїлупився? Мабуть, такá кўрка знесла, що її на сідало не зскóчть.«

»Ні, моá дитино«, кáже ёму мáти; »зъ такихъ яéць лўпятця тїльки ящуркі, а ти вїлупилось изъ остáннєго яéчка, що я самá знесла; затїмъ такé п мпзёрненьке, що ти поскрїбочокъ. Якá жъ тутъ моя вина, сёрденько?«

А Півпівника, задїраючи червóний гребїнець, кáже:

— »Мóже, я такого лікаря знайдú, що мнн все те поприставляє, чогó вь мене нема. То нічого бїльшъ п балáкати,—пїйдú!«

Бáчить бїдолашня мáти, щó вонó за ушпряка, та її кáже:

»Хочъ же послўхай моéї дóброї рáди, моá дитино. Якъ пїйдешъ у мандрївку, то не прохóдь бїльзько коло такої цéркви, на котóрий святїй Петро намалєванип: не любить вінъ пївпівъ здóрово, а ще бїльшъ—їхъ кукурїкання. Ще жъ оберегаїсь у свїті тпхъ людéй, що кухарїми звўтця, та її куховáркамъ нá очн не навертáйся, бо все то лихі нáши ворогї: п не пїснешъ, якъ вони тобі шїйку перечїкають! Тепéрь же, сїночку, нехáй тебе бережé Господь п святїй Микóла, дóбрий помїшнїгъ у дорóзі. Идї собі, коли не хочеть зь нáми жїти, тїлькп попросї тáта, нехáй тебе благословїть на дорóгу.«

Півпівника скїкну́ло до повáжного пївня, вклонїлось ёму нпзесенько п поцїлува́ло вь кїхоть. Шанóвний бáтько поблагословївъ ёгó не такъ-то жалїбно, а бїльше згóрда, бо за спесїву вдáчу не любївъ вінъ свогó сннкá. Мáти жъ, такъ та за слїзми її свїту Бóжого не бáчила, п знай сухїмъ лпстóчкомъ óчи втпрала.

Рўшило Півпівника вь дорóгу, стрепенúло крилцёмъ п трéпчи заспїва́ло на знакъ свогó одхóду. Привїшло вонó до рївчакá, а дялось се дїло середъ лїта, такъ рївчáкъ мáло не зовсїмъ пересóхъ, п дїтвóра ёгó гребелькою пересїпала. Побáчивъ рївчáкъ подорóжнєго, та її кáже п дзюрчїть такі словá:

»Ти бачишъ, братіку, якъ я заслабъ, насилу ворущуьсь; немае въ мене сили й дитську гробельку прорвати, щобъ вона мене не зупинила; а звернути въ бікъ, — про се вже хочъ и не кажи. Визволь мене зъ сеі біди, розгребй своїми кіхтями пісокъ на гроблі. За се ти питимешъ мою воду, коли схочешъ и скільки схочешъ, а якъ підуть дощі та прибавлять мині води, то я, може, тобі въ великій пригоді стану.

А Півпівника ёму одказуе:

— »Не хочу розгрібати! Що я тобі за робітникъ? Хибá бувають такі робітники въ такого мизёрного та каламътного ривчакá?«

»Ну, дамся жъ я тобі въ знаки тоді, якъ ти й не думати-меть!« заимривъ ривчакóкъ тихимъ гóлосомъ.

— »Дождійсь перше дощú!« — одрізало ёму Півпівника. »Куди, який ти страшний на словахъ! а завтра може й горобці по тобі скакатимуть.«

Дáлі стріло вонó на дорóзi вiтра. Ложить бiдаха вiтеръ, ледви дiше.

— »Любе моє Півпівника!« каже вінъ подорожнёму, — »на віку, якъ на довгій ниві, всёго трапштя; треба намъ помагати одинъ одному. Підійди ближенько та придивійсь до мене. Бачишъ, якъ мене спека полуденна одолала! а я було и лісі ламáю, и житá толóчу, и стріхи зривáю; ніхтó проги мене не встоить. Не лежавъ би я й теперъ на дорóзi, та лихо мині надалó, підупáвши на силахъ, коло квітóкъ гуляти; впився я одъ їхъ дұху солóдко-го, а жаркий день и вклавъ мене середъ дорóги. Колибъ ти мене тiльки трóшечки одъ землі своїми кіхтями підкинуло та ще криломъ піддалó, то я й піднявсь би вгóру и полетивъ у свою сторóну. Тамъ моя мати хуртовина зъ сестрами фiжами працюють теперъ, направляючи золоті хмáри, що я порозривáвъ козакúючи. Тамъ, тiльки дадуть мині попоiсти, такъ я зновъ уви́дú въ силу.«

»Добрóдію!« одвiтувало Пiвпiвника, »а забувъ, якъ ти було мною гордúешъ, та хвiстъ мині куєвдишъ та ростопiруешъ, мовъ томú пндiковi, людямъ на смiхъ, а мині на велику досáду? Отó жъ знай, що всьáкому своя порá. Бувай здорóвъ, мiй пáне!«

Сказáвши се, закукурiкало гóлосно Пiвпiвника и гóрдимъ поступомъ пошкандябáло дáли.

Наузкрай ниви, на стерні, куривсь димóкъ малёнький. Пiвпiв-

ника підійшло до ёго и побачило йскорку въ попелі; ледві, ледві жевріє йскорка...

— »Кохане Півпівника!« каже вона ёму— »у добру годиновьку ти надійшло до мене; ти мене одь смерті оборонивъ; оть-оть мўшу згаснути, що нічимъ мнї живїтися. Не знаю, де мій приятель вітеръ застрівъ, атó бь вінъ мені заразъ допомігъ. Будь ласко, пригорній до мене трóшки сухóго лїстячка абó солімки, — я заразъ оживу й звеселюся.«

»А щó мнї по тóму?« одказало ёму Півпівника. »Гасни собі, коли тобі хочетця; ти мнї ні на віңцо не потрібентъ.«

— »Ой гледї лишть!« каже йскорка. »Мóже, й я коли-небудь стала бь тобі въ пригодї! Не плюй, кажутъ, у воду; мóже, згодїтця напїтьця.

»Дивїсь!« гукнуло на неї Півпівника: »ще й страшить! Отъ же тобі за се!«

Та й засїпало йскорку попеломъ; а потїмъ почало, своїмъ звичаємъ, звовъ кукурїкати, мовъ якé велике діло зробило.

Прїйшло Півпівника въ столицю и йде мїмо цёркви, а на цёркві святїй Петро намалёваний. Тутъ би ёму мерщїй утікати, такъ щó жь, коли ледача вдача така! Стало якъ разъ противъ дверей, напўжилось, та й кукурїкнуло зь усієї силп, абї матері не послўхати.

Підходить вонó до царськóго будїнку, щобъ подивїтися на царя й царїцю. Москаль, стоячи коло будїнку зь оружною, заразъ гукне: »Куди? назадъ!« Вонó такї й злякалося та підъ ворóта. Гляне, ажъ чоловікъ якїлся въ бїлій шапці. Вонó й питаєтця въ горобця: »Щó се за чоловікъ?« — »Се, каже, »кўхарь царськїй.« Ну, щó же бь утікати хочъ звідсіля, якъ мати навчала! Куди! вонó й гребїнець свїй червóний и хвістъ закручений настобўрчило, ваче щó пўтне, та прóсто й чимчикўе до кўхаря бóкомъ на ёго позираючи; а кўхарь хїпъ ёго за крплó! та заразъ чикъ! тутъ вонó й нїжкою задрїгало.

— »Гей!« гукне тоді кўхарь на свої хлопїта, — »а кёте сюди кїпчў! ось я ёго обпáтрошу!«

»Водїце, мой сестрице!« каже тоді Півпівника, »будь ласко, не печї мене, змиласóрдись надо мнóю!«

— »А ти надо мнóю змїлувалось, якъ я тебе прохала, течучї рївчакóмъ?« одрізала вода, та ажъ кипїть узъ сёрця, и обпáрпла ёго

до-щенту; а тутъ хлопці-кухарчата кіпулись п пі одного перця на ёму не зоста́в.п.

Потімъ узявъ кúхарь миску, положи́въ туди Півпівника, та й поставивъ протівъ жару.

— »Ой огнику, мій братіку!« пищить Півпівника. — »не печі́ жь менé, не жаръ же менé!«

»Ось постóй лишъ!« затрещавъ огонь, пізнавши ёго п безъ пір'я: »я тебе навчу, якъ менé понеломъ закида́ти!« та якъ пришкваривъ (а кúхарь одлучивсь на часі́нку до шинку), то вонó й почорніло, якъ головéнка.»

Верну́вся кúхарь зъ шинку, бачить, що огонь знівечивъ Півпівника, та й викинувъ ёго на смітникъ.

— »Ой вітре, вітровьку!« квілить тоді вже Півпівника, — »не займай же хоч ти менé: ламай лúчче дéрево, толóч лúчче житá п зривай стріхп, а я вже тутъ лежáтиму та на свою дóлю плакатимусь.«

»Ні, такъ одъ мене не ви́крутисся!« реве ёму у вь—одвіть вітеръ, та ажъ свйще кру́тячись; далі́ підхопівъ ёго, піднявъ вище царськóго буди́нку та й кинувъ. Летить вонó унизъ, а на буди́нку гóстрий шпиль залізний; вонó на той шпиль п настро́милось; а вітеръ п почавъ ёго зривáти, щóбъ щцé поглу́митися; а вонó на шпилью й кру́титця. П такъ нема ёму впо́кою ні вь день ні вь ночі. Спочине трóхи вітеръ, п вонó спочине; а скóро проки́нувся, зáразъ п почавъ вертiти то сюди́, то туди́ Півпівника. Отó жь ёму за те, що бу́ло неслухи́яне, що висо́ко неслóся п всімъ тiльки пакiсть робiло.

П а н ь к ó К а з ю к а .

ВОСПОМНАНІЕ

О ДВУХЪ МАЛЯРАХЪ.

Въ одномъ селѣ восточнаго малороссійскаго края была, а можетъ быть и теперь существуетъ, личность въ высшей степени замѣчательная. Эта личность способна возбуждать въ душѣ много думъ и оставлять неизгладимыя впечатлѣнія: то былъ крестьянинъ именемъ Грпцькѣ, ремесломъ — маляръ. Какъ извѣстно, въ малороссійскомъ крестьянскомъ быту, маляръ — явленіе частое. Малярство — одна изъ обычныхъ первыхъ ступеней, на которую всходитъ крестьянинъ, коль скоро собственное дарованіе выводитъ его изъ земледѣльческой колен. Маляръ, обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ и грамотный; искусство располагаетъ его къ любознательности; маляръ рисуетъ Богородицу, святыхъ мужей и женъ, — надобно знать, какъ изобразить того или другую; является охота узнать, кто они были и что съ ними творилось въ жизни, и маляръ чтитъ священное писаніе, житія святыхъ. Маляръ пмѣетъ дѣло постоянно съ церковью и потому интересуется церковными вопросами; такимъ образомъ, маляръ входитъ въ область книжнаго міра, которая у поселянъ начинается съ религіознаго круга, точно такъ, какъ начиналась она въ исторіи Русскаго народа. Но извѣстно, что Малороссійанинъ, какъ только сдѣлается благочестивымъ человѣкомъ, сейчасъ начинаетъ философствовать; у него религіозность ведетъ не къ толкованіямъ обрядовъ и частностей богослуженія, какъ это бываетъ съ Великороссійаниномъ, а обращается либо къ піетизму, либо къ размышленіямъ, и — въ первомъ случаѣ — ведетъ къ поэзіи въ жизни, во второмъ — къ желанію знать природу, человѣка, однимъ словомъ — къ наукѣ. Это желаніе обыкновенно находитъ себѣ скоро предѣлъ по

скудости матеріаловъ для питанія.... Не такъ, однако, было съ вашимъ маляромъ Грицькомъ.

Онъ родился крѣпостнымъ. Въ дѣтствѣ потерялъ онъ родителей и остался на попеченіи родни. Его представили пасти господское стадо, не помню — какое. Въ мальчикѣ было что-то странное; крестьяне считали его придуркуватымъ. Лучшимъ будетъ рассказывать, какъ удалялся онъ отъ дѣтскихъ игръ и какъ мальчики за это ципали и тормошили его. Иначе, пришлось бы невольно повторять то, что такъ часто встрѣчается въ житіяхъ святыхъ при описаніи ихъ дѣтства. Когда безвѣтріе не позволяло работать мельникамъ, Грицько усаживался близь села подъ вѣтряной мельницей, и рисовалъ углемъ или мѣломъ на стѣнѣ разныя фигуры; такъ однажды, онъ растерялъ своихъ животныхъ; за что его высѣбли. Тоже повторилось и въ другой разъ. Помѣщикъ разсудилъ, что его дворовый мальчикъ не даромъ чертитъ изображенія и, ради такихъ занятій, дурно проходить свою служебную карьеру: изъ него скорѣе выйдетъ живописецъ, чѣмъ свинарь или овчаръ; подумалъ помѣщикъ и отдалъ его въ науку къ какому-то художнику въ своемъ уѣздномъ городѣ. Такъ поступилъ помѣщикъ въ тѣхъ видахъ, что мальчикъ можетъ выучиться, станетъ ему платить оброкъ; и принесетъ, со временемъ, барину больше пользы, чѣмъ сколько могъ бы принести въ званіи пастуха. И вотъ Грицько живетъ у хозяина, учится прилежно; хозяинъ не похвалится его понятливостью; его не нужно понукавать, — приходится отрывать его отъ работы; ему не надобно десять разъ одного и того же вбивать въ голову, — онъ самъ спроситъ и не забудетъ того, что ему скажутъ. Захотѣлось самому Грицьку научиться грамотѣ: хозяинъ далъ ему букварь, показалъ разъ, другой — и Грицько, въ короткое время, выучился складамъ и сталъ читать бѣгло. Впослѣдствіи онъ сознавался, что когда рисовалъ на мельницѣ фигуры, то это были вымыслы съ буквами. Грицька занимала мысль: какъ это люди читаютъ? «Я», говорилъ онъ, «долго думалъ надъ этимъ и дошелъ до того, что, вѣрно, какое говорится слово, такое и малюется; и началъ въ умѣ самъ съ собою говорить, да какое слово скажу, то и намалюю, а потомъ и помню, что вотъ такъ я его намалювалъ; послѣ того пришло мнѣ въ голову, что вѣрно не такъ: словъ много, — какъ можно всѣ ихъ припомнить! Тутъ я началъ

примѣчать, что иное слово на другое походить, а иное разнится: такъ я, что похоже, то на одну статью и малюю. Сколько припомню, такимъ образомъ, кажется, онъ объяснялъ этотъ путь. Но какъ бы то ни было, нашъ Грицько самобытною дорогою шелъ къ цѣли, которую давно нашло человѣчество. Онъ не дошелъ до нея подъ своей мельницей, а достигъ ся обычнымъ для всѣхъ путемъ за букваремъ у уѣзднаго художника.

Грицько началъ читать что ни попало: читалъ и священную исторію, читалъ и романы, читалъ Библіотеку для чтенія: тамъ, какъ говорилъ онъ, — на него сдѣлали впечатлѣніе особенно жизнеописаніе папы Гильдебранда и какая-то космографическая статья. Когда онъ вчитался болѣе, его стали занимать помѣщенныя въ «смѣси» извѣстія о разныхъ открытіяхъ въ области естествознанія. Бѣда только, что, по причинѣ множества научныхъ терминовъ, онъ понималъ тамъ съ пятого на десятое. Болѣе всего хотѣлось ему знать: какъ это свѣтъ стоитъ, какъ онъ держится и какъ всякія вещи сложились, какъ одно съ другимъ вяжется. Грицьку представлялись безчисленные вопросы; они мучили его, потому что онъ на нихъ не находилъ отвѣта, ни въ тѣхъ книгахъ, какія ему попадались, ни у людей, съ которыми приходилось ему говорить. Грицько чрезвычайно полюбилъ арифметику; онъ получилъ указанія отъ другихъ только въ четырехъ правилахъ, а потомъ уже самъ собою уразумѣлъ таинства дроби и сложность тройного правила.

Пробывъ нѣсколько лѣтъ у хозяина, Грицько сталъ платить помѣщику оброкъ и работать въ разныхъ селахъ своего околка по церквамъ. Однажды, на пасху — это было въ 1837 году, — онъ прибылъ въ свое село къ роднымъ. Здѣсь, въ церкви, въ ночь свѣтлаго воскресенія, предъ заутреней онъ читалъ дѣянія.... тогда я въ первый разъ его увидѣлъ. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, провозгласить: трудно противу рожна прати.... Это было пророческое слово о судьбѣ его!

Грицько былъ невысокаго роста, черноволосый, чрезвычайно худощавый, съ необыкновенно выразительными и добрыми глазами и съ слабою грудью, какъ показывалъ его прерывистый, хотя крикливый, но скоро упадающій, голосъ. Въ характерѣ его была удивительная кротость и мягкость. Онъ былъ молчаливъ и робокъ; не слѣшилъ самъ ни съ кѣмъ разговаривать, а если на-

чиналъ разговоръ, то для того, чтобъ спросить о чемъ-нибудь и научиться отъ другихъ, и только тогда становился смѣлѣе, когда видѣлъ, что его любятъ. Онъ зналъ священное писаніе изумительно и могъ потягаться въ текстахъ библейскихъ съ любымъ Поморскимъ начетчикомъ. Но замѣтно было, что не чувство благочестія влекло его къ такому чтенію: онъ искалъ въ немъ того, что называется положительнымъ знаніемъ. Любознательность Грицька обращалась болѣе всего на матеріальную природу и странно было слышать, какъ онъ задавалъ себѣ вопросы, давно уже рѣшенные физикою или естественной исторіей, и искалъ отвѣта то въ библіи, то въ Иванѣ Выжигинѣ Булгарина, то въ повѣстяхъ Маринскаго. Одинъ помѣщикъ, получившій образованіе въ харьковскомъ университетѣ, началъ давать ему книги и расширилъ кругъ его чтенія. Грицько читалъ ихъ съ жадностію. Ему подарили Всеобщую Исторію Аббата Милота, популярную Астрономію и курсъ математики, и онъ былъ вѣдъ себя отъ восторга.

Нѣсколько лѣтъ не видалъ я Грицька послѣ этого, но случай привелъ меня увидѣть его въ томъ же селѣ, въ 1845 году. Грицько былъ уже женатъ на крестьянской дѣвушкѣ изъ своего села, имѣлъ свою собственную хату, платилъ оброкъ и занимался малярствомъ, выручая насущный хлѣбъ на иконахъ. Безъ посторонняго руководства, Грицько уразумѣвалъ свою книгу — курсъ математики и, съ изумительною правильностію и вѣрностію, рѣшалъ трудныя алгебраическія и геометрическія задачи. Онъ прочиталъ уже физику, зналъ изложенные въ ней законы природы, любилъ толковать объ опытахъ, которыми человѣческой умъ достигалъ до уразумѣнія этихъ законовъ. Но библіи онъ уже не читалъ и, вообще, его мало занималъ священный кругъ. Онъ, повидному, лишень былъ поэтическаго чутья. Его не плѣняла красота природы: онъ стремился къ природѣ разсудочнымъ анализомъ; онъ хотѣлъ изслѣдованія, а не восторга; чудесное не плѣняло его — онъ отвращался отъ него; на первомъ планѣ у него стояла мысль: это невозможно; а что невозможно — о томъ и толковать нечего. Ему скучны казались Пушкинъ и Жуковский; даже стихи Шевченка не пробудили въ немъ сочувствія по родственности языка. Только Квиткины повѣсти заняли его, но не по художественности, а по вѣрности изображенія крестьянскаго мало-

россійскаго быта, въ которомъ онъ самъ родился и взросъ. Пренная кротость и скромность остались въ немъ неизмѣнны. Грицько, казалось, съ покорностью и безъ ропота сносилъ свою долю, но когда ему замѣтили — какъ было бы хорошо, если бъ онъ родился вольнымъ — онъ заплакалъ. Находились люди, хотѣвшіе и тогда выкупить его у помѣщика, и давали, по тогдашнему счету, 500 р. асс.; помѣщикъ не соглашался: по своимъ расчетамъ могъ въ нѣсколько лѣтъ получить съ него болѣе оброкомъ.... И Грицько остался крѣпостнымъ. »Больно тоа, говорилъ Грицько, »что насъ, бѣдныхъ людей, держать въ заблужденіи и невѣжествѣ.«

Быть можетъ, неизбѣжная борьба внутренняго саморазвитія съ гнетущимъ положеніемъ уже свела его въ могилу; быть можетъ онъ и теперь платитъ господамъ оброкъ и пишетъ какую-нибудь Продиаду съ кинжаломъ надъ головой Іоанна Крестителя.... Во всякомъ случаѣ, ему теперь подъ пятьдесятъ лѣтъ; онъ угадъ для всего будущаго въ этой жизни.

Въ тотъ же годъ, когда я видѣлъ въ послѣдній разъ Грицька-маляра, на противоположномъ, западномъ краю Малороссіи, случай свелъ меня съ другимъ маляромъ. Первоначальная судьба его была похожа на судьбу Грицька; но природа, щедрая для обонхъ, даровала этому маляру иныя дарованія и потому судила иной путь. Этотъ маляръ назывался Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Нѣтъ нужды здѣсь излагать повѣсть о его дѣтствѣ, о первоначальномъ его воспитаніи: онъ самъ описалъ все это въ своей автобіографіи. Этотъ маляръ не завязъ въ цѣпяхъ, которыя обвивали его при рожденіи, — его талантъ прорвалъ ихъ, вывелъ его изъ тѣсной сферы неизвѣстности для высокихъ думъ, тяжелыхъ страданій и безсмертія. »Той бѣ слава дней своихъ«, скажетъ о немъ нѣкогда Малороссія, какъ это нѣкогда сказано было объ одномъ изъ ея гетмановъ.

Съ Тарасомъ Григорьевичемъ я познакомился въ Кіевѣ въ 1845 году. На первый разъ въ немъ не показывалось ничего привлекательнаго, ничего теплаго; напротивъ, онъ былъ холоденъ, сухъ, хотя простъ и не церемоненъ. Онъ измѣрялъ мои слова и движенія съ недовѣрчивостію: онъ поступалъ, какъ часто поступаетъ очень честный и добрый малороссіянинъ, встрѣчая незнакомое лицо, и чѣмъ это лицо навязчивѣе старается вызвать его на откоро-

венность и искренность, тѣмъ становится онъ осторожнѣе. Иначе и быть не можетъ въ народѣ, который слишкомъ часто видитъ обманъ и двоедушіе. Это качество измѣнилось у Шевченка въ послѣдніе годы, когда мы съ нимъ увидѣлись послѣ долгой разлуки: оно даже перешло у него въ другую крайность, — излишнюю довѣрчивость. Но въ тѣ времена, въ тѣ поры его молодости, онъ сохранялъ эту своенародную черту. Скоро, однако, мы сошлись и подружились. Тарасъ Григорьевичъ прочиталъ мнѣ свои ненапечатанныя стихотворенія. Меня обдало страхомъ: впечатлѣніе, которое они производили, напомнило мнѣ Шиллерову балладу »Занавѣшенный Санскій Истуканъ«. Я увидѣлъ, что муза Шевченка раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и уповательно было заглянуть туда!!! Поэзія всегда идетъ впередъ, всегда рѣшается на смѣлое дѣло; по ея слѣдамъ идутъ исторія, наука и практическій трудъ. Легче бываетъ послѣднимъ, но тяжело первой. Сильное зрѣніе, крѣпкіе нервы нужно имѣть, чтобъ не ослѣпнуть или не упасть безъ чувствъ отъ внезапнаго свѣта истины, дружелюбно сокрытой для спокойной толпы, идущей по торной колеѣ, мимо таинственнаго занавѣса, — не знающей, что сокрывается за этимъ занавѣсомъ! Тарасова муза прорвала какой-то подземный заклепъ, уже нѣсколько вѣковъ запертый многими замками, запечатанный многими печатями, засыпанный землею, нарочно вспаханною и засѣянною, чтобъ скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ находится подземная пустота: Тарасова муза смѣло вошла въ эту пустоту съ своимъ неугасимымъ свѣточемъ и открыла за собою путь и солнечнымъ лучамъ и свѣжему воздуху и людской любознательности. Легко будетъ входить въ это подземелье, когда воздухъ туда проникнетъ; но какая человѣческая крѣпость можетъ устоять противъ убивающаго въ мгновеніе всѣ силы жизни, погашающаго всякой земной огонь, вѣкового испаренія! Горе дерзкому поэту! онъ забываетъ, что онъ человѣкъ; и если первый рѣшается вступить туда, — то можетъ пасть.... Но поэзія не устрашится никакого губительнаго испаренія, если только она истинная поэзія; и не погаситъ ея свѣточа никакая историческая или нравственная углекислота; ибо этотъ свѣточъ горитъ негаснющимъ огнемъ — огнемъ Прометей....

Не долго видѣлъ я Тараса-маляра въ Кіевѣ: обстоятельства

насъ разлучили.... Не мнѣ рассказывать его дальнѣйшую біографію.... Въ 1858 году, мы увидѣлись снова въ стѣнахъ Академіи Художествъ. Тарасъ не узналъ меня. Цѣлый часъ я не говорилъ ему своего имени, и онъ все таки не назвалъ его, пока не услышалъ отъ меня самого. Тогда онъ заплакалъ и этимъ показалъ, что не отъ того не узналъ, что забылъ обо мнѣ. Но въ немъ— все напоминало прежняго Тараса; его жемъзная натура много выстояла и не пала физически; чистъ онъ остался въ своихъ убѣжденіяхъ, свѣжо еще было въ немъ поэтическое чутье; любовь къ доброму и прекрасному прорывалась во внутренней борьбѣ съ вліяніемъ виѣшняго растлѣнія; но талантъ его великаго творчества — начиналъ ослабѣвать. Тарасъ чувствовалъ это, хотя, отъ страха предъ отвергающеюся пропастью, хотѣлъ отвернуться и увѣрить самого себя, что нѣтъ того, что ему угрожало. Читанныя имъ въ Петербургѣ, въ послѣдніе годы, его стихотворенія были слабѣе тѣхъ огненныхъ произведеній, которыя нѣкогда онъ читалъ мнѣ въ Кіевѣ. Время возьметъ свое надъ человѣкомъ, *зане перстень есть.*

Прострадавшій всю жизнь, Шевченко, предъ концомъ дней своихъ, былъ облеченъ заслуженною славою. Его родина — Малороссія — видѣла въ немъ своего народнаго поэта; Великороссіане и Поляки признавали въ немъ великое поэтическое дарованіе. Онъ не былъ поэтомъ тѣсной исключительной народности: его поэзія приняла болѣе высокой полѣтъ. Это былъ поэтъ общерусскій, поэтъ народа не малорусскаго, а вообще Русскаго народа, хотя и писалъ на одномъ изъ двухъ, искони существовавшихъ, нарѣчій этого народа, оставшемся внутри народной сферы, не испытавшемъ насильственныхъ школьныхъ измѣненій, и потому-то болѣе способномъ для того, чтобы дать Россіи истинно народнаго поэта.

Нѣкоторые близорукіе судьи изяцнаго мѣряли его съ Кольцовымъ, и даже находили послѣдняго выше. Это происходило оттого, что они не понимали, что такое народный поэтъ, и не могли возвыситься до уразумѣнія его достоинства и значенія. По ихъ понятію, народный поэтъ есть тотъ, кто можетъ удачно изображать народъ и заговорить въ его тонѣ. Таковъ и былъ Кольцовъ; въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ превосходно выполнялъ эту задачу и достойно свѣтлѣется его имя въ ряду

знаменитостей русской литературы. Не таковъ былъ Шевченко, и не такова была его задача. Шевченко не *подражалъ* народнымъ пѣснямъ; Шевченко не имѣлъ цѣлю ни описывать своего народа, ни поддѣлываться къ народному тону: ему не зачѣмъ было поддѣлываться, когда онъ по природѣ своей иначе не говорилъ. Шевченко, какъ поэтъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая, — такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ, — какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны, Шевченко былъ избранныкъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя. Народныя пѣсенныя формы переходили въ стихи Шевченка не вслѣдствіе изученія, не по разсужденію — гдѣ что употребить, гдѣ какое выраженіе годится поставить, — а по естественному развитію въ его душѣ всей безконечной нити народной поэзіи; не потому, что Шевченко хотѣлъ ихъ ввести и поставить, а потому, что они, по существу народной поэзіи, сами устанавливались такъ, а не иначе. Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ бы, еслибъ его народное существо могло высвиться до способности — выразить то, что хранилось на днѣ его души. Святое сокровище — оно скрывалось тамъ подъ тягостію житейской прозы, и было для него самого невидимо, незамѣтно, пока животворные звуки генія не коснутся до сокровенныхъ тайниковъ души, и не нарушатъ безмолвія мысли своею упоптельною мелодіею и не покажутъ чувству того, что составляло его достояніе и не было до сихъ поръ имъ ощущаемо. Пробужденный отъ своей прозаической апаціи голосомъ такой поэзіи, народный человѣкъ, съ трепетомъ и восторгомъ, готовъ воскликнуть: «Это самое я только-что готовъ былъ сказать точно такъ, какъ сказано поэтомъ!» Этого не дано было ни Кольцову и никакому другому русскому поэту, кромѣ одного Пушкина (но не для простого народа, а для высшаго русскаго класса). Кольцовъ заговариваетъ въ народномъ тонѣ; Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ ужъ заговорить, и только ожидалъ, чтобъ изъ среды его нашелся творецъ, который бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ: и вслѣдъ за такимъ творцомъ точно такъ заговорить и весь народъ, и скажетъ едино-

гласно: это — мое; и будетъ повторять долго-долго, пока не явится потребность новаго видоизмѣненія его поэтическаго языка. Поэзія Шевченка есть непосредственное продолженіе народной поэзіи; и не даромъ явилась она тогда, когда прежнія народныя пѣсни стали забываться. Поэзія Шевченка — законная, милая дочь старой украинской поэзіи, организованной въ XVI и XVII вѣкѣ, такъ какъ эта послѣдняя была точно также дочерью древней южнорусской поэзіи, той далекой отъ насъ поэзіи, о которой гадательно можемъ мы судить по произведеніямъ Игорева пѣвца.

Народная украинская поэзія видимо приближается къ угасанію. Многія думы козацкихъ временъ, къ счастью, записанныя въ тридцатыхъ годахъ и сохраненныя для литературы, теперь уже совершенно исчезли въ народѣ. Уже и пѣсни семейнаго быта исчезаютъ мало по малу, или портятся: таковъ удѣлъ поэзіи. Поэзія угасаетъ не иначе, какъ упавая въ своемъ достоинствѣ, распадаясь; и потому-то новѣйшія передѣлки старыхъ пѣсенъ и новѣйшіе плоды малороссійскаго народнаго творчества дышали такимъ отсутствіемъ изящнаго. Народъ не можетъ творить цѣлою массою, ибо для этого нужно было бы, чтобъ какое-нибудь сильное потрясеніе вызвало его къ творенію новой поэзіи. Да притомъ и въ такія эпохи потрясеній вездѣ бываютъ личности, обладающія талантомъ первоначальнаго творчества; въ сферѣ существующихъ народныхъ пѣсенъ, эти творческія личности исчезли въ массѣ: ихъ запѣвы переформировались въ теченіи долгаго времени; къ нимъ присоединялись новые мотивы; такимъ образомъ составлялись и пересоставлялись произведенія, существующія въ безконечныхъ отрывкахъ, связуемыхъ народомъ по призыву народнаго вкуса. Между тѣмъ, потребность самооживленія ощущается въ народѣ; народъ чувствуетъ, мыслить; многое переполнилось въ его душѣ, много страданій въ ней накопилось, много желаній онъ готовъ заявить: онъ ищетъ выраженія; онъ находитъ его въ своихъ избравникахъ, поэтическихъ личностяхъ, живущихъ народною жизнію, стоящихъ выше каждаго въ отдѣльности по дарованію, и потому способныхъ выразить надлежащимъ образомъ то, что всѣми чувствуется, думается, желается. Вотъ такую-то личность былъ Шевченко.

Мы сказали, что, будучи малорусскимъ поэтомъ по формѣ и языку, Шевченко въ то же время и поэтъ общерусскій. Это имен-

но отъ того, что онъ — возвѣститель народныхъ думъ, представитель народной воли, истолкователь народнаго чувства.

Судьба связала малорусскій народъ съ великорусскимъ неразрывнымъ узамъ. Только легкомысленное скользаніе по поверхности политическихъ событій можетъ находить единственно государственную связь между этими народами, смотрѣть на Малороссію не болѣе какъ на страну, присоединенную къ Россійской имперіи; — но съ другой стороны, только насплющая централизація, убивающая всякую человѣческую свободу и всякое духовное саморазвитіе мыслящаго существа, можетъ, закрывши глаза, утверждать совершенное тождество русскаго народа. Понятіе, основанное на изученіи исторіи и этнографіи русской, всегда признаетъ, что русскій народъ долженъ быть понимаемъ въ смыслѣ двухъ народностей; между этими народностями лежитъ кровная, глубокая, неразрывная духовная связь, которая никогда не допустила ихъ до нарушенія политическаго и общественнаго единства, — та связь, которая не уничтожилась подъ вліяніемъ прошлыхъ историческихъ обстоятельствъ, насильственно разрывавшихъ эти народности, — та связь, которую не разорвали ни внутреннія неурядицы, ни Татары, ни Литва, ни Поляки, — та связь, которая до сихъ поръ обращаетъ къ нашему русскому горизонту Червоную Русь, уклонившуюся, уже нѣсколько вѣковъ тому, къ иной сферѣ. Ни Великоруссы безъ Малоруссовъ, ни послѣдніе безъ первыхъ не могутъ совершать своего развитія. Одни другимъ необходимы; одна народность дополняетъ другую; и чѣмъ стройнѣе, уравнительнѣе, взаимодѣйственнѣе будетъ совершаться такое дополненіе, тѣмъ нормальнѣе пойдетъ русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствовалъ это и уразумѣлъ, и оттого-то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою неприязнью къ великорусской народности, ни донкихотскими мечтаніями о мѣстной политической независимости: ни малѣйшей гѣни чего-нибудь подобнаго не проявилось въ его поэтическихъ произведеніяхъ. И это, между прочимъ, служитъ подтвержденіемъ высокаго достоинства его таланта.... Поэтъ истинно народный, онъ естественно долженъ былъ выражать то, что, будучи достоинствомъ малорусскаго элемента, имѣло въ то же время и общерусское значеніе. Оттого поэзія Шевченка понятна и родственна Ве-

малоруссамъ. Для того, чтобъ сочувствовать ему и уразумѣть его достоинство, не нужно быть исключительно Малоруссомъ, не нужно даже глубоко въ подробностяхъ изучить малорусскую этнографію, — что можно сказать, напримѣръ, о *Маруся* Квитки, превосходнѣйшей, вѣрнѣйшей картинѣ народныхъ нравовъ, но дурно понятой нѣкоторыми великорусскими критиками именно по недостаточному знакомству ихъ съ частностями малорусской народности. Шевченкову поэзію пойметъ и оцѣнитъ всякій, кто только близокъ вообще къ народу, — кто способенъ понимать народныя требованія и способъ народного выраженія. Не пойметъ и не оцѣнитъ его только тотъ, кто смотритъ на народъ въ лорнетъ, — кто, желая узнать его, не въ состояніи принять другой методы, кромѣ той, чтобъ изучать его жизнь и бытъ, какъ изучаютъ энтомологическій кабинетъ; заноситъ въ дорожную книжку схваченныя у ямщика фразы и составлять по нимъ систему народныхъ понятій; записывать со словъ барскихъ горничныхъ дѣвухекъ пѣсни, слышанныя ими въ дѣтствѣ на селѣ, и по такимъ пѣснямъ произносить сужденія о сущности народного поэтическаго гения; — кто, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ любитъ народъ и готовъ заботиться о народномъ благѣ, но не знаетъ, чего хочетъ народъ и какъ онъ этого хочетъ; кто думаетъ дерзко воспитывать народъ, забывая, что для этого прежде надобно самому поучиться отъ народа, быть имъ избраннымъ и признаннымъ для такого важнаго дѣла. Такой мудрецъ не пойметъ Шевченка, — и, естественно, что Кольцовъ покажется ему выше по своему поэтическому дарованію: ибо Кольцовъ поетъ — какъ народъ уже пѣлъ; а Шевченко — поетъ такъ, какъ народъ еще не пѣлъ, но какъ онъ запоетъ за Шевченкомъ. Естественно, для уразумѣнія послѣдняго нужно чего-то побольше, чѣмъ для Кольцова: мало изученія, — души народной нужно! Къ такимъ же незрѣлымъ сужденіямъ мы должны отнести и то, которое брошено было недавно на свѣжую могилу поэта, — сужденіе, признавшее его гражданиномъ, а не поэтомъ. — На дѣлѣ выходитъ наоборотъ: Шевченко гражданиномъ-то никогда не былъ, и оставался поэтомъ и въ литературѣ и въ жизни. Такіе приговоры не болѣе, какъ плодъ запоздалыхъ узкихъ теорій, признающихъ поэзію только при соблюденіи извѣстныхъ, усвоенныхъ привычками, условій, имѣющихъ силу для того, кто неспособенъ чувствовать

поэзію. Большинство Великоруссовъ смотритъ на Шевченка не такъ. Когда еще Шевченко былъ мало извѣстенъ, былъ люди, не видавшіе во всю жизнь Малороссіи, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, по причинѣ языка, прочтавшіе *Кобзаря* (хотя самый языкъ Шевченка отличается предъ сочиненіями другихъ Малорусскихъ писателей удобовразумительностію) и говорившіе съ перваго раза: «это — великій поэтъ!» Въ сочиненіяхъ его такъ много общерусскаго, что Великоруссы читаютъ его даже въ чрезвычайно-плохихъ стихотворныхъ переводахъ: какъ ни искажали его переводчики, все-таки не могли испортить до того, чтобъ первородная поэзія не высказывалась наружу. По нашему мнѣнію, переводить Шевченка отнюдь и не слѣдуетъ: достаточно будетъ напечатать его съ объясненіями словъ, непонятныхъ для Великорусса, — да и словъ такихъ будетъ совсѣмъ не много.

Въ то время, когда въ великорусской литературѣ находились критики, не понимавшіе достоинства малорусскаго поэта, въ польской — хотя постоянно признавали его великій талантъ, но сближались нѣкоторыми его произведеніями, гдѣ поэтически воспроизведены древнія времена вражды Малоруссовъ съ Поляками: видѣли въ этомъ какую-то неприязнь къ польской націи. Между тѣмъ, таланта у Шевченка отнять нельзя. Какъ тутъ поступить? Поэтъ великій, а Поляковъ обличаетъ. И вотъ — въ одномъ изъ періодическихъ польскихъ изданій въ Червоной Русси явились презабавныя свѣдѣнія о жизни нашего поэта. Писали, — что Шевченко поселился у какого-то *Hrabiego Działuńskiego*, который, по своему панскому великодушію, оказалъ пріютъ поэту, заявившему себя такъ непочтительно къ бывшимъ господамъ своего народа — Полякамъ; что Шевченко проникнулся чувствомъ признательности за такое великодушіе, живетъ у графа въ качествѣ придворнаго поэта, пользуется его благосклонностями и, въ порывѣ справедливой благодарности, *wszystko, co napisałъ przeciwko Polakom, rownymazał i porzzerabiał* ⁽¹⁾ въ послѣднемъ изданіи своихъ сочиненій. Клеветы на поэта хуже выдумать невозможно; но она до такой степени нелѣпа, что вѣроятно, еслибы Шевченко ее услышалъ, то скорѣе смѣялся бы надъ ней, чѣмъ сталъ бы оскорбляться.

(1) Все, что написалъ противъ Поляковъ, исключилъ и передѣлалъ.

Въ настоящее время, когда совершается великая эпоха обновленія народной жизни, съ грустію обращаюсь я къ воспоминанію о двухъ малороссійскихъ малярахъ, которыхъ я зналъ въ своей жизни. Освобожденіе народа не принесетъ пользы моимъ бѣднымъ малярамъ. Грицько - маляръ слишкомъ рано родился, и прожилъ лучшіе годы подъ гнетомъ крѣпостного права, не давшаго ему развитіе свой замѣчательный талантъ для собственнаго духовнаго наслажденія и для пользы другихъ: Тарась - маляръ рано умеръ, не доживши всего шести дней до дня, который былъ бы радостнѣйшимъ днемъ въ его страдальческой жизни: ибо этотъ день положилъ начало исполненія того, что было душею Тарасовой поэзіи.

Но стоить ли, скажете вы, жалѣть о двухъ малярахъ, когда радуются милліоны за себя и за своихъ потомковъ? — Стоить, — потому что, съ воспоминаніемъ о двухъ малярахъ, тѣсняся въ воображеніи тысячъ, милліоны маляровъ, бондарей, столяровъ, пастиховъ, земледѣльцевъ, барской челяди — лакеевъ, кучеровъ, дворниковъ, изъ которыхъ многіе также, можетъ быть, рождены были природою съ правомъ быть чѣмъ-то инымъ, а не тѣмъ, чѣмъ они были на самомъ дѣлѣ; тогда какъ другіе великіе мужи слова и дѣла — книгописцы, художники, законники, сообразнѣе бы своимъ способностямъ исполняли обязанности первыхъ. — Стоить — потому что со всевозможнѣйшими человѣческими улучшеніями не уничтожатся препятствія къ исполненію на землѣ человѣкомъ его природнаго призванія. Стоить, наконецъ, потому, что при каждомъ воспоминаніи о человѣкѣ, который не достигъ въ жизни того, къ чему стремился, невольно оставался на убійственныхъ, безотвѣтныхъ вопросахъ: Зачѣмъ мы смертны? — Зачѣмъ мы глупы? — Зачѣмъ мы старѣемся?...

Н. Костомаровъ.

Апрѣля 14.

1861.

I.

ПИТАННЯ.

Козáче-чумáче!
 Ідешъ у дорóгу —
 Послúхай же, сáну,
 Діда старóго:
 Покі́ль ще живі́й я,
 Покі́ль поміра́ть,
 Про родичівъ дé-що
 Хотівъ роспитáть.
 Якъ зъ сiлля птiмешъ
 На той Берпслáвъ, —
 Зъ Хортiці-сестриці
 Щобъ вістку прислáвъ.
 Якъ стáнешъ блпзéнько
 Сухóго Ярká,
 Помьяні тамъ дúшу
 Дiдуся-Сiркá.
 Якъ «собь» повертáти
 Черезъ Чортмлiкъ,
 Прпслúхайсь... чи чúти
 Тамъ брáтчикiвъ крпкъ ⁽¹⁾?
 Якъ бúдешъ мпнáти
 Самáрську палáнку,
 Привітáй відъ мéне
 Старúю панiвкy.
 Спитáй, якъ доiдешъ,
 У бáтька-Днiпрá:
 Чогó нáша мóва
 И слáва вмiрá?

(1) *Сухий Ярк* — по дорóзi одъ Берпслáва на Перекiпъ; тамъ, кáжуть старi лúде, Сiркó бiвся зъ Татарбю. *Чортмлiк* — рукавъ Днiпрá; течé въ Днiпръ, коло порбгiвъ, зъ великою сiлюю и гiмiномъ. «То гомонiть Запо-рбзцi», кáжуть побережáне.

Чи то жъ старá мати
 Забóвкла на вікъ,
 Чи то жъ народíла
 Нíміхъ, та калікъ?
 Чи то жъ відцурáлись
 Відъ нéї синí,
 Чи то жъ насміялись
 Надъ нéю вонí?...

В. Куликъ.

Полтава, 1861 р.

II.

ДЕ ВОНА?

И сóнечко у садóчокъ
 Прийшлó такъ ранéнько,
 По гíлечкахъ осміхну́лось
 Такъ же веселéнько;
 И тумáни надъ водою
 Сную́тця, якъ думи;
 Качечкі межъ осокóю
 Лепéчуть, мовъ куми —
 Всé такъ булó, якъ ходівъ я
 По сiхъ стéжкахъ зъ нéю —
 Світомъ моімъ, щáстямъ моімъ,
 Дóлею моéю; —
 Якъ не смівъ я мою крáлю
 За рúченьку взáти;
 Якъ не мавъ я бiльшъ нiчóго
 На свiтi бажáти...

Женé вiтеръ тумáнъ лáномъ,
 Сóнце закривáе:
 Такъ ти, моé дру́ге сóнце,
 Зникло — та й нема́е...
 Хожу одiнъ, розгортáю
 Травiцю, листóчки,
 Чи не вглéжу, не пiзнаю

Хоть її слідочка...
 Немá, немá ні слідочка,
 Замóвкь голосóчокъ,
 Що садóчкомъ булó чути,
 Якъ срібний звонóчокъ!

Ось та лáвка, дé любíла
 Вона спочивáти,
 До білої берéзоньки
 Головкү схилáти...
 Булó стою підъ тймъ дúbомъ
 И дивлюсь на не́и, —
 Немá силѣ очей звести
 Зъ зироньки моє́и;
 А берéза свої кóси
 Зелéні спускае
 И холодкóмъ любíй гóсти
 Тíхо повивáе;
 А дé-не-дé прóмíнь сóнца
 Лíстомъ проберéтця
 И цілуе її щíчку,
 Вь очíцяхъ смíетця...
 Булó думаю: мій Бóже!
 Ти давъ мені волю,
 Ти давъ рóзумъ, и я, мóже,
 Маю яку дóлю: —
 Дé жь той рóзумъ, дóля и во́ля?..
 Усе потонúло
 У тíхъ чáрахъ, у тíмъ гóрі,
 Що такъ огорну́ло
 Безталанну молодíчку —
 Прóдану дідүзі: —
 Чи на ка́мені ка́ліні
 Цвістíй, якъ у лу́зі?...

Тяжко тобі! — Мені жь, Бóже!
 Ще вáжче се лíхо....
 Ко́либъ знáла, щó тутъ — вь сёрці,

Хоть ізвѣрху й тихо...
 Не зна вонá, якъ тi óчi
 Свiтять менi вѣ дýшу,
 Якъ сижу я цiлi нóчi
 И зъ мiсця не рýшу, —
 И все вонá, однá вонá
 Вѣ дýмкахъ, якъ у мóрi,
 То потóне, то зновъ вiрне
 У красi и гóрi...

П. ТАВОЛГА-МОКРІЦЬКИЙ.

БАЙКИ.

I.

ВОВКЪ И ВІВЧАРІ.

Разъ Вовкъ тихесенько підкрáвся...
 Всiмъ вiдомо, куди́ вiнъ звикъ ходiть
 И дe вiнъ лиха набiрався, —
 Та щó жъ робiть,
 Коли на те вже Вовкъ удáвся,
 Щобъ овечóкъ давiть!
 И сeй разъ вiнъ туди́ жъ попхáвся...
 Тихесенько кошáру обiйшовъ;
 Прислу́хався — не чутъ; мерщiй на тiнъ зоп'явся,
 Зирну́въ — та й охолóвъ:
 Вiвчáрики прехорóшенько
 Найкращого барáнчика взяли
 Та й пáтрають гуртóмъ, а кунделi
 Мовчáть! лежáть собi смирнeнько —
 Ненáче-бъ то усiмъ iмъ тамъ,
 Кудлатимъ гáсподськимъ синáмъ,
 Позакладáло!.. мовъ не знають,
 Щó передъ нiми впробляють!
 Дивiвся Вовкъ, дивiвся,

Здихну́въ и зновъ у лісь поплівъ,
 Та й ка́же: »Дё та й правда ділась?!..
 Яка бь тутъ шарварка зробілась,
 Якій би гомінь підняли
 И Вівчарі и кунделі,
 Якъ-бі мнѣ такѣ вчинить зхотілось!»

II.

ЖАБА Й ВІЛЪ.

Зелѣна Жа́ба, зу́дрівши Вола́,
 Гладко́ю и собі заду́мала зробітьця:
 (Ий на-лихо — завідлива була́)
 Та й наду́лась, ажъ о́чі ста́ли ий коси́тьця.
 »Дивісь-лишъ, кумо́нько, чи бу́ду я зь бика́?«
 Подру́зі ка́же. — Ні! и трóхи не така́. —
 »Ану́-жъ, тепѣрь дивісь.«
 — Шкода́, хочъ и не дмисъ. —
 »Дивісь же вже тепѣрь: обь кúпу обіпрусь,
 Да здо́рово надму́сь...
 Тепѣрь — яка́ я?«
 — Таки́, яка́ була́, и тепѣрь така́я.
 »Ну и тепѣрь-би-то не потовсти́ла?«
 — Ище́ жъ таки́! кажú жъ — така́, яка́ и була́. —
 Ще́ наду́лася Жа́ба... лусь — и околіла,
 А не зробі́лася похóжа на Вола́.

Отта́къ бува́ и зь на́ми,
 Якъ хо́чемо рівні́тися сь панáми;
 Хочъ дмисъ-не-дмисъ,— жуца́на не достáвъ,
 А кобеня́къ и просвистáвъ!...

Л. Г Л Ъ Б О В Ъ

III.

МІРОШНИКЪ.

Въ Мірошника Івана Шаповала
 Водіця грібельку прорвала.
 Вонó бѣ то й даромá — катъ-мáло бѣ бідъ,
 Якъ-бѣ полагодить заздалегідь;
 Дакъ щó жѣ бо то! Мірошникъ и байдуже;
 Водá жѣ псує, руйнѣе гріблю дуже
 И починá вже й гѣть-то лѣтьця,
 Дзюрѣть и цебенѣть, мовъ нзъ відрá.
 »Эй, дядьку, схаменѣсь! Порá,
 Порá за рóзумъ ухопѣтьця!«
 — Толкѣйтесь, ще далѣко до бідѣ,
 Не мóре трѣба для млинá водѣ,
 Ищѣ її багáто. —
 А самъ на пѣчъ у хáту.
 Ажъ ось — прийшла бідá:
 Зовсімъ понѣзшала водá;
 Ставъ камѣнь, —свасть не слѣжить, —
 Вже млинъ не мѣле.
 Іванъ у гóлосъ тѣжить,
 Кричѣть, мовъ навѣсний: »ой, лѣле, лѣле!
 Не приберѣ й умá, якъ воду зупинѣть.
 Ажъ-ось прийшли до рѣчки кѣрѣ питъ.
 »А, гáспидьска«, кричѣть вінъ, »птіця!
 Тутъ и безъ васъ зовсімъ немá водѣ,
 А ви ще пѣть прийшли сюдѣ —
 Ось я вамъ дамъ напѣтьця!«
 Да зъ слóвомъ сѣмъ на їхъ поліномъ и попѣръ.
 Щó жѣ, дядьку, вигравъ ти тепѣрь?...
 Потягъ сердѣга до дверѣй
 И безъ водѣ и безъ курѣй.
 Такий, якъ дядьдо нашъ Іванъ,
 Бувáе йничий панъ;
 Ђму за панську лáску
 Ми й розказáли кáзку.

Р. Витавський.

IV.

ГОРЛИЦЯ Й ГОРОБЕЦЬ.

Ворковала Гóрлиця у садку,
У кутóчку тихéнькому, на бузку,
Жалкувала спзокрила, що вона
Несчулася, якъ минула и весна,
Несчулася, якъ одцвівся и садóкъ,
И черéшні, и вишеньки, и бузóкъ;
Сумувала, що прийде́тця въ-осе́ні
Де́сь шука́ти ще́ іншо́ї сторо́ні.
Підлабу́звивсь до Гóрлиці Горобéць,
На́че спра́вді за́порóзький мо́лодець:
»Ой послу́хай, голу́бонько, не жури́сь,
Ти на ме́не, мо́лодчика, подиви́сь!
Чи е́ вь сві́ті де́ такі́ мо́лодці,
Якъ ми, сла́вні та весéлі горобці, —
На все вда́тні—до лю́бощівъ, до пісе́нь?—
Цвіри́нкаємъ, жарту́ючи, увесь де́нь!
Ти не бійся, голу́бонько, що зи́ма
Посиплетця бі́лимъ сні́гомъ.... то дарма́!
Нашъ зъ то́бою те́е ли́хо не зляка́:
Перебу́демъ підъ стрі́хою вь козака́.
А якъ гля́не я́сне со́нце на весну́ —
Забу́демо ту́ю зи́му наві́сну.
Пороста́ють т́і бі́лі сні́гі,
Покри́ютця трави́цею всі лу́гі,
Розиве́тця ка́лінонька п садóкъ
Розцвіту́тця и ви́шеньки п бузóкъ;
Заспівáють усі пташкі́, якъ вь раю́,
Приві́татимуть голу́боньку мою́;
А ти, се́рце- голу́бонько, не жури́сь
Та до ме́не мо́лодчика прихили́сь....«
— »Бо́дай то́бі, Горóбчику, не бреха́ть,
А Гóрлицямъ твои́хъ брехе́нь не чува́ть.
Не до па́рі голу́боньці Горобéць,

Хочъ який вінъ прехорóший молодéць:
 Треба мені, сизокрiлий, голубкá,
 Якъ хорóший дiвчiнoньци козака. « —
 Дé не взявся сизокрiлий голубóкъ —
 Якъ ухóпить Горóбчика за чубóкъ,
 Помвiявъ ёго, понiвечпвъ якъ хотiвъ,
 Оскúбъ ёго, молодчика, та й пустiвъ:
 »Оцé тоби, Горóбчику, такъ не вчпсь,
 До чужóй голубоньки не тулись.«
 Якъ дрéмене Горóбчикoкъ у садóкъ;
 Болiть ёго голóвoнька и чубóкъ.
 Регóчутця проклiтi горобци:
 »Оттáкъ нáшi добувáють молодцi!«
 Засорóмивсь осмiяний Горобéць
 Та й покинувъ рiднэсенький табунéць,
 Полетiвъ вінъ свiтъ - за - очi у садкi
 Відшéптувать голóвoньку и бoкi.

Я вiгадавъ, лéжачи на печi,
 Для васъ сiю бáечку, паничi!
 Ой, не бóдте, пэниченьки - молодцi,
 И ви такi, якъ оттiи горобци;
 Пригортáйтеся, козáченьки, до дiвчáтъ —
 Хiба мáло е хорóшихъ бровенiятъ?
 Дiвчiнoнька, якъ квітoчка, — зъ нéю рай, —
 А чужóй молодици не займáй,
 Бо налетiть чáсомъ сiвий голубóкъ —
 Болiтiме голóвoнька и чубóкъ!

Л. ГЛЪБОВЪ.

ГЕТМАНСТВО ВЫГОВСКАГО.

I.

27 июля 1657 г., гетманъ Богданъ Хмельницкій сошелъ въ могилу. Переворотъ, произведенный имъ, остался неоконченнымъ; вопросы, возникшіе въ его эпоху, не были разрѣшены. Отторгнувшись отъ Польши, Украина не соединилась еще съ Московіею въ одно тѣло и, оставаясь съ своею отдѣльностью, должна была служить предметомъ распрей между сосѣдами, которые хотѣли ея завладѣть. Украинскій народъ не имѣлъ ни мало политическаго воспитанія, чтобъ выиграть свой процессъ въ исторіи и на самобытныхъ началахъ организовать стройное гражданское цѣлое. Уже въ самомъ существованіи Козачества заключались, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, причины внутреннихъ безпорядковъ, которые должны были разрушить неутвержденное на разумныхъ основаніяхъ и недостроенное политическое зданіе. Дѣло освобожденія Украины совершенно было цѣлымъ народомъ; во время борьбы съ Польшею всѣ Украинцы были равными козаками; но какъ скоро борьба улеглась — народъ распался на *козаковъ* и *посполитыхъ*; первые должны были съ оружіемъ въ рукахъ стоять на стражѣ возникающаго новаго порядка вещей; другіе — обратиться къ мирнымъ занятіямъ гражданина и селянина. Это было необходимо. Но первыхъ ожидали права и преимущества; они готовились составить привилегированный классъ; — положеніе послѣднихъ не бы-

(¹) Настоящій отрывокъ былъ читанъ на публичныхъ лекціяхъ въ С. Петербургскомъ Университетѣ въ январѣ 1861 года. Авторъ преимущественно пользовался дѣлами Архива иностранныхъ дѣлъ; но не ссылается на нихъ въ частности, потому что онѣ, подъ его редакціею, скоро будутъ изданы Археографическою Комиссіею. Объ источникахъ свѣдѣній, почерпнутыхъ не изъ этихъ дѣлъ, означено въ ссылакахъ.

лю ни опредѣлено, ни охраняемо никакимъ правомъ; на ихъ долю не только выпадало нести всё повннности, отъ которыхъ освобождались козаки, но имъ было суждено, по видимому, подпасть подъ произволъ козацкаго сословія; цѣлыя села, населенныя посполитыми, отданы козацкимъ чиновникамъ въ видѣ ранговыхъ имѣній; — со временемъ эти имѣнія походили бы на польскія старобства. Посполитые долго не могли забыть, что козаки были тоже, что и они, и въ свою очередь сами теперь хотѣли быть козаками, и долго не было опредѣленныхъ границъ между двумя сословіями: при первомъ удобномъ случаѣ посполитые брались за оружіе и называли себя козаками, а признанные прежде законно козаками попадали въ сословіе посполитыхъ. И потому, во второй половинѣ XVII вѣка, не смотря на козацкіе реестры, въ Украинѣ на самомъ дѣлѣ козакомъ былъ всякій, кто хотѣлъ и могъ; и такимъ порывамъ распространять козачество на всю массу народонаселенія Украины протпводѣствовало другое направленіе — ограничить козацкое сословіе тѣснымъ и опредѣленнымъ числомъ записанныхъ въ реестры. Такъ было задолго до Богдана Хмельницкаго, когда польское правительство постоянно хотѣло, чтобъ козаки составляли военное сословіе въ опредѣленномъ числѣ, а народъ домогался весь обратиться въ козаковъ, то есть, быть вольнымъ; нбо съ представленіемъ о козацкѣ соединилось понятіе о свободѣ. Воззванія Хмельницкаго нашли отголоски въ народныхъ побужденіяхъ: всё хотѣли быть козаками, всё шло на брань противъ Поляковъ, которые до того времени не допускали распространяться козачеству. Но только сорокъ тысячъ изъ всей массы ополченнаго народа пріобрѣтали козачество; все остальное народонаселеніе, державшее въ рукахъ оружіе, должно было лишиться прежде пріобрѣтеннаго званія. Протпводѣствіе посполства, исключаемого изъ козацкаго сословія, волновало Украину во все время гетманства Хмельницкаго; оно еще рѣзче выразилось послѣ его смерти.

Сверхъ того, въ самомъ козацкомъ сословіи возникло разлвоеніе: образовались козаки *значные*; къ нимъ принадлежали чиновники, какъ настояще, такъ и бывшіе (бунчуковые товарищи) шляхтичи, приставшіе къ козакамъ, и вообще богатые козаки; противоположны имъ были козаки *простые*, которыхъ значные называли *козацкою чернью* и которые, при случаѣ, готовы были протпводѣствовать возвышенію значныхъ. Самы, наконецъ, значные нешляхетскаго званія хотѣли уравнить себя съ тѣми изъ своихъ собратій, которые носили это званіе. Вліяніе значныхъ развивалось съ успленіемъ гетманской власти. Въ послѣдніе годы Хмельницкаго, власть гетманская хотя зависѣла отъ рады, но онъ, пользуясь всеобщимъ къ

себѣ уваженіемъ, часто дѣйствовалъ безъ рады и самовольно назначалъ чиновниковъ; а чѣмъ меньше власть гетмана связывалась народнымъ собраніемъ или радюю, тѣмъ деспотичнѣе была власть полковниковъ и сотниковъ, тѣмъ больше усиливалось вліяніе ихъ на общественныя дѣла. Радюю начали управлять чиновники; нерѣдко и цѣлая рада составлялась изъ однихъ чиновниковъ да значныхъ. Такой порядокъ породилъ множество недовольныхъ: они бѣжали въ Запорожье; туда укрывались и тѣ посполитые, которые не хотѣли спокойно сносить свое униженіе и видѣть возвышеніе козаковъ; отъ этого въ Запорожьѣ возникло тогда соперничество съ *городовымъ* козачествомъ (¹), какъ называли они Гетманщину. Запорожцы не хотѣли подлежать власти гетмана. Но мысль объ отдѣленіи Запорожья, съ огромными степями по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, не могла еще развиться въ то время, при непрерывной связи съ Украиною; связь эта поддерживалась толпами пришельцевъ, недовольныхъ порядкомъ въ Гетманщинѣ. Запорожцы, почитая себя цвѣтомъ козачества, хвалились, что не городовые казаки, а они первые избрали Богдана Хмельницкаго; что война, освободившая Русскую Землю отъ Польши, вышла изъ Запорожья. Запорожцы говорили, что, поэтому, и теперь не городовое, а *низовое* козачество должно преимущественно распорядиться дѣлами Украины; что ни выборъ гетманства, ни какое другое политическое дѣло, не можетъ быть предпринято безъ согласія Сѣчи (²). Запорожскіе старшины были избираемы и свергаемы толпою, по произволу черни. Такой порядокъ они хотѣли, по видимому, распространить во всей Украинѣ; простымъ козакамъ это нравилось, посполыству, хотѣвшему равенства, еще болѣе, и поэтому Запорожье привлекало къ себѣ простыхъ козаковъ и посполыство, и всякое предпріятіе, начатое Запорожцами, могло имѣть удачу въ массѣ Украинскаго народа. Впрочемъ, какъ пзъ общественнаго строя Запорожья не могло возникнуть новаго порядка вещей, такъ и изъ недовольства посполитыхъ и козацкой черни противъ значныхъ. Низверженіе власти значныхъ могло кончатся только замѣненіемъ однихъ лицъ другими, которые въ свою очередь начинали играть роль значныхъ. Каждый чиновникъ, выбранный пзъ простыхъ козаковъ, дѣлался значнымъ и возбуждалъ противъ себя чернь, изъ которой вышелъ; его смѣняли, выбирался другой — и тотъ точно также, какъ первый, становился значнымъ и также чернь была имъ недовольна. Да и самихъ значныхъ не соединяло единство намѣреній и цѣлей, — каждый преслѣдовалъ пре-

(¹) Лѣтоп. Самов. 38. — (²) Лѣт. Велич. 1,309.

жде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ: каждый хотѣлъ другого столкнуть, потоптать, и самъ подвергался въ свою очередь такимъ же неприятностямъ отъ своихъ товарищей.

Въ отношеніи къ сосѣднимъ странамъ по смерти Богдана Хмельницкаго, въ Украинѣ было двѣ политическія партіи. Къ первой принадлежала большая часть старшинъ, значныхъ, вообще не многія лица съ образованностію, полученною въ Польшѣ вмѣстѣ съ польскими политическими понятіями, и наконецъ шляхтичи русской вѣры, приставшіе къ козакамъ—кто для вѣры, а кто для сохраненія своихъ имѣній во время козацкаго возстанія. Они подняли оружіе противъ Польши не потому, чтобъ польскій политическій составъ имъ не нравился, а потому, что они не могли подъ польскимъ владычествомъ пользоваться выгодами, какія могли бы извлечь изъ польской организаціи. По образцу польскому, они хотѣли бы в Украинѣ, похожей на Польшу: съ сеймами, посольскими избами, рѣчами и вольнымъ шляхетствомъ, и въ этомъ классѣ каждому хотѣлось помѣститься. Не соответствовала такому направленію самодержавная организація московской державы. Въ 1654 году, многіе изъ людей этой партіи пристали къ *московской протекціи*, въ надеждѣ пользоваться такъ называемыми *правами* и *вольностями* подъ правленіемъ русскихъ государей. Но въ 1657 году они начали считать себя обманутыми съ этой стороны. Ихъ огорчало то, что украинскимъ комиссарамъ не позволили участвовать въ переговорахъ московскихъ пословъ съ польскими при заключеніи виленьскаго договора—что миръ Россіи съ Польшею заключенъ былъ безъ участія и совѣта Украинской рады и гетмана; упреки, которые дѣлали Хмельницкому бояре по приказанію царя, возбуждали въ нихъ досаду; наконецъ, они оскорблялись обращеніемъ великорусскихъ воеводъ и служилыхъ людей съ Украинцами и насмѣшками Великороссіянъ надъ тѣмъ, что въ обычаяхъ и домашней жизни Южной Руси было не сходно съ Сѣвальною⁽¹⁾. Вѣроятно, отъ насмѣшекъ надъ одеждою козаковъ разнесся въ то время слухъ, будто царь хочетъ, чтобы козаки не носили красныхъ сапоговъ, а непременно всѣ обулись въ черныя, а посполитые одѣвались бы какъ великорусскіе мужики и ходили въ лаптяхъ⁽²⁾. Но пуще всего усиливало и развивало эту недовольную партію опасеніе, чтобъ царь, по достиженіи польской короны, не присоединилъ Украинѣ къ Польшѣ⁽³⁾ и не уничтожилъ бы

(1) Ист. Рус. 145. — (2) Hist. rap. Jan. Kaz 1. 182. — (3) Лѣтоп. Велич. I. 366.

Козачества: въ виленскомъ договорѣ царь обѣщаль возвратить Польшѣ всѣ земли, отъ нея отторгнутыя (1). Недовольные хотѣли предупредить это ожидаемое присоединеніе Украины къ Польшѣ, какъ провинціи къ государству, добровольнымъ соединеніемъ съ Польшею на правахъ федеративныхъ, съ условіями, которые поставили бы Польшу въ необходимость сохранять права русскаго народа и въ невозможность ихъ нарушить. Въ XVII вѣкѣ не понимали, что въ мірѣ нѣтъ условій для будущихъ поколѣній. Партія эта дѣйствовала по слѣдамъ Богдана Хмельницкаго; во время своей борьбы съ Польшею, до присоединенія къ Московскому государству, онъ слѣдовалъ этой идеѣ федеративнаго союза и, въ противность народному желанію совершеннаго разрыва съ Польшею, долго думалъ уладить дѣло безъ расторженія. При жизни Хмельницкаго, болѣе всѣхъ поддерживалъ въ немъ эту мысль генеральный писарь Выговскій, — я теперь онъ сталъ во главѣ федеративной партіи. Его ревностными соумышленниками были его двоюродные братья, Выговскіе: Данило, женатый на дочери Хмельницкаго Еленѣ (2), Константинъ и Федоръ, дядя его Василій, овруцкій полковникъ, и племянникъ Илья (3); воспитатели молодого Юрія: генеральный судья Богдановичъ-Зарудный, вѣсаулъ Ковалевскій и миргородскій полковникъ, исправлявшій должность втораго генеральнаго судьи—Григорій Лѣсницкій, соперникъ Выговскаго; Иванъ Груша, послѣ избранія Выговскаго въ гетманы назначенный генеральнымъ писаремъ; обозный Тимофей Носачъ, человекъ безъ образованія, какимъ отличались его товарищи, но съ природнымъ умомъ; переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, человекъ безъ дарованій, но съ образованіемъ; прилуцкій полковникъ Петръ Дорошенко, лубенскій — Швецъ, черниговскій — Іоанникій Силитчъ, знаменитый Богунъ, тогда уже полковникъ не виницкій, а паволочскій; подольскій полковникъ Евстафій Гоголь, подпѣстряискій — Михайло Зеленскій, уманскій — Михайло Ханенко, бывшій кievскій полковникъ Ждановичъ, смѣненнй по волѣ царя за походъ противъ Польши—люди также получившіе образованіе (4). Къ этой партіи принадлежали нѣкоторые знатныя украин-

(1) Полн. Собр. Зак. I. 409. Это было напрасное опасеніе, ибо въ договорѣ было сказано: кромѣ Украины.

(2) Лѣт. Велич. I. 377. 15.

(3) Ист. Мал. Рос. II. прим. 18. Hist. rap. Jan. Kaz. 1. 398. Полн. Собр. Зак. I. 504.

(4) Лѣт. Велич. 1. 328. Лѣт. пов. о Мал. Рос. 11. 6. Ист. о през. бр. 12. Ист. о през. бр.

скія козацкія и шляхетскія фамиліи, какъ-то: Сулимы, Лободы, Северны, Нечак (1), Гуляницкіе (изъ нихъ одинъ, Григорій, бѣжалъ изъ Украины послѣ бѣлоцерковскаго мира, а потомъ возвратился и былъ сдѣланъ нѣжинскимъ полковникомъ), Головацкіе, Хмѣлецкіе (родственники казеннаго въ Паволочѣ, въ 1652, за недовольство бѣлоцерковскимъ трактатомъ), Верещака (освобожденный недавно изъ крѣпости, куда былъ посаженъ за привязанность къ Руси), Мрозовицкій (славный въ народной памяти *Морозѣнко*, неизвѣстно гдѣ пребывавшій съ 1649 года, когда пересталъ быть корсунскимъ полковникомъ), Махержинскій и болѣе всѣхъ образованный—Юрій Немирчъ. Потомокъ древней новгородской фамиліи, бѣжавшей въ XV вѣкѣ въ литовскія владѣнія, Немирчъ былъ наследникомъ богатыхъ имѣній въ Украинѣ, и отъ своего отца съ дѣтства паптался тѣмъ религіознымъ вольнодумствомъ, которое въ тотъ вѣкъ носило общее названіе *аріанства*. Молодой Юрій провелъ молодость за границею, преимущественно въ Бельгіи и Голландіи, получилъ отличное образованіе и написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій по предметамъ философіи и рациональнаго богословія; въ 1648 г. онъ присталъ къ Хмельницкому первый разъ, спасаясь отъ преслѣдованія краковской инквизиціи. Неизвѣстно, гдѣ былъ онъ послѣ Зборовскаго мира, но съ 1655 года мы видимъ его работающимъ для независимости Украины; онъ принялъ православную вѣру, вѣру отцовъ своихъ, дѣйствовалъ въ пользу Украины у шведскаго короля, у Ракочія, а теперь, по смерти Хмельницкаго, составлялъ планы образовать союзъ Украины съ Польшею на новыхъ началахъ ихъ общей жизни. Ловкій посолъ Іоанна Казимира, Казимиръ Бепѣвскій, искусно дѣйствовалъ на людей этой партіи. Онъ увѣрялъ ихъ, что козаки своими подвигами научили Поляковъ и всѣхъ сосѣдей уважать въ нихъ доблестныхъ рыцарей, что Польша признаетъ ихъ свободными, и если козаки захотятъ присоединиться къ Польшѣ для взаимнаго охраненія своихъ *правъ и волюностей*, то не иначе, какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ. Значительная часть русскаго духовенства и самъ Діонисій Балабанъ, который мѣтилъ тогда въ митрополиты, раздѣляли такія же убѣжденія.

Еще при Богданѣ Хмельницкомъ, духовенство неохотно шло подъ московскую протекцію. Привычные къ польскому образу управленія и польскому порядку, происходя изъ шляхты, духовные, особенно знатные, слишкомъ много имѣли въ себѣ польскаго... образованіе ихъ роднило съ

(1) Лѣт. Велич. 1. 396. 410.

Польшею и удаляло отъ Московіи. Религіозныя распри навремя вооружали ихъ противъ католической Польши, но когда дѣло дошло до отторженія отъ Польши, тутъ увидѣли они, что не смотря на единство вѣры, они даѣе отстоятъ нравственно отъ единовѣрческой Московіи, чѣмъ отъ католической Польши. Въ эпоху присоединенія кое-какъ заглашались нерасположеніе и боязнь, но вскорѣ начались съ Московской стороны такія движенія, которыя возбудили прѣжнее недовѣріе. Сильвестръ Косовъ умеръ. Бутурлишъ, по наказу московскаго правительства, сейчасъ же изъявилъ духовнымъ—епископу Лазарю Барановичу и печерскому архимандриту Гизелю—царское желаніе, чтобъ духовенство малороссійское «поискало милости государя и показало совершенно правду свою бѣ великому государю: захотѣло бы пти въ послушаніе къ святѣйшему патріарху московскому.» Украинѣ предстоялъ выборъ митрополита. По древнимъ обычаямъ, ненарушимымъ со стороны Поляковъ, надобно было избирать новаго архипастыря вольными голосами. Воеводы наставляли, чтобъ избраніе не было, пока не испросятъ благословенія патріарха и царскаго дозволенія. Лазарь и архимандритъ печерскій должны были по поволѣ показать видъ согласія. Это было тотчасъ по смерти Хмельницкаго, еще до погребенія его тѣла. Но самъ покойный Хмельницкій на дѣло это смотрѣлъ не такъ, и по стародавнимъ обычаямъ написалъ къ епископамъ луцкому, перемышльскому и львовскому, чтобъ они ѣхали для выбора новаго митрополита въ Кіевъ. Украина съ Кіевомъ отдавалась московскому государю, а эти епископы русскіе остались подъ польскимъ владѣніемъ, но въ тоже время подъ духовнымъ первенствомъ кіевскаго митрополита. Признать надъ собою власть московскаго патріарха они ни за что не захотѣли, да и не могли, еслибъ даже и захотѣли. Требованіе московскаго правительства должно было разорвать снязъ въ южно-русской церкви. Въ то время, какъ Бутурлишъ въ Кіевѣ старался склонить Лазаря и кіевское духовенство къ зависимости Никону, епископы польско-русскіе испрашивали у короля дозволеніе ѣхать въ Кіевъ для избранія митрополита, и король дозволилъ имъ по старымъ и тѣмъ обычаямъ, за которые они всегда такъ крѣпко держались. Еще тѣло Хмельницкаго не было погребено, а Бутурлишъ писалъ къ Выговскому, выставя указъ государя, чтобъ не допускать епископовъ до избранія митрополита; а писарь ссылался на старыя права, и не говоря о покорности Никону, звѣщалъ, что пошлетъ козацкихъ пословъ на избраніе митрополита, а потомъ уже о новоизбранномъ напишетъ къ государю.

Наконецъ, пристать къ союзу готовы были богатые мѣщане въ го-

родѣхъ для сохраненія своихъ магдебургскихъ правъ, которыя боялись потерять, если Украина будетъ отдана во власть Поляковъ безъ всякихъ условій. Вообще же надобно сказать, что Украинцы, страшась Польшы, приобъгали къ Польшѣ.

Другая партія—если можно всю массу народа назвать партією—держалась слѣпо царя московскаго. Чувство единства вѣры и племени инстинктивно склоняло народъ къ соединенію съ восточною Русью. Къ этому присоединялось отвращеніе къ Польшѣ; федеративная партія могла своими дѣйствіями вызвать въ народѣ бѣльшую рѣшимость оставаться подъ властію царя, для избѣжанія грозящей опасности попасть въ подданство Полякамъ. Отъ соединенія Украины съ Польшею простой народъ могъ ожидать только того, что значные козаки сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были въ Польшѣ шляхтичи, а простые козаки и все посполство будутъ отданы въ безусловное порабощеніе новому панству; напротивъ, при соединеніи съ Московією, самодержавная воля царя представлялась защитою слабыхъ отъ своеволія сильныхъ. Изъ старшинъ отличался тогда горячею враждою къ значнымъ и вмѣстѣ преданностію Московціямъ—Мартышъ Пушкаренко, полтавскій полковникъ, любимый подчиненными и всѣмъ простымъ народомъ (¹). Запорожье, ненавидѣвшее шляхетныхъ и значныхъ, пзъ которыхъ состояла федеративная партія, раздѣляло въ то время эту склонность—оставаться въ повиновеніи московскому государю (²). Очевидно, что число преданныхъ русскому престолу было столь велико, что противная федеративная партія не могла ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе, что и сами федератисты не прочь были отъ того, чтобъ московскій царь скорѣе сдѣлался польскимъ королемъ.... Но народъ былъ на слишкомъ низкой степени развитія и всегда могъ быть увлеченъ въ противную сторону своими руководителями, даже такими, которыхъ не любилъ, хотя бы на время, не зная хорошо, куда его ведутъ; а разрывъ вилепскаго договора сдѣлалъ этихъ двусмысленныхъ руководителей врагами царя и *протекціи*.

II.

Шестнадцатилѣтній Юрій Хмельницкій вовсе не былъ такой гетманъ, какого требовало тогдашнее положеніе Украины. Юный и неопытный,

(¹) Ист. о през. бр. 1. Лѣт. Велич. 29. Лѣт. пов. о Мал. Рос. II. 2.

(²) Лѣт. Самов. 29. Лѣт. Велич. I. 309—312.

онъ не отличался ни блестящими способностями, ни характеромъ. Одни изъ желанія услужить Богдану при его смерти, другіе изъ боязни, чтобъ не навлечь на себя гоненія отъ его родствениковъ и друзей, — признали Юрія гетманомъ на Чигиринской радѣ. Послѣ смерти старика, возникъ рождъ между старшинами и заслуженнымъ козаками. Иные вспоминали свои рапы и многолѣтніе труды и стыдились повиноваться мальчику, не нюхавшему пороха; другіе въ волвало явное нарушеніе козацкихъ обычаевъ, по которымъ у козаковъ въ начальники выбирали людей достойныхъ и опытныхъ. Многіе изъ старшинъ досадовали потому, что безъ выбора Юрія вольная рада могла бы предоставить начальство имъ; болѣе всѣхъ былъ внутренно недоволенъ Выговскій. Столько лѣтъ онъ былъ первый человекъ послѣ гетмана; и въ Украинѣ и у сосѣдей прославился онъ умомъ; самъ Хмельницкій, отклоня козаковъ отъ выбора Юрія, предлагалъ въ гетманы Выговскаго. Выговскій смотрѣлъ на избраніе Юрія, какъ на похищеніе булавы у себя. Но старикъ Хмельницкій, уступивши желанію козаковъ, препоручилъ Выговскому руководить сына. Хмельницкій столько лѣтъ почиталъ Выговскаго другомъ, и потому Выговскому меньше, чѣмъ кому нибудь другому, можно было дѣйствовать къ измѣненію послѣдней рады. Выговскій долженъ былъ притворяться и увѣрять въ совершенномъ равнодушіи къ почестямъ и нежеланіи принимать начальство. 14 августа онъ писалъ къ воеводѣ Путивльскому Зузину, что гетманомъ всѣ старшины оставили пока Юрія Хмельницкаго, «а впредь какъ будетъ, не вѣдаю; но скоро по погребеніи тѣла будетъ рада всей старшины и нѣкоторой части черни; а что на ней усовѣтуютъ, не вѣдаю.» Такимъ образомъ въ письмѣ къ пограничному московскому воеводѣ онъ далъ понять, что назначеніе тогдашняго гетмана можетъ измѣниться. Но что касается до себя, то онъ уклонялся отъ всякой надежды. «Послѣ трудовъ воинскихъ,» выражался онъ, «я радъ опочить, и никакого урядничества и начальства не желаю.» Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 21-го августа, онъ говорилъ не такъ уже присланному отъ того же воеводы гонцу: «гетманъ Богданъ Хмельницкій, умран, приказывалъ мнѣ быть надъ сыномъ его опекуномъ, и я, помня приказъ его, не покину сына его; и полковники и сотники и все войско запорожское говорятъ, чтобы мнѣ гетманомъ быть, покаместъ Юрій Хмельницкій выростетъ и будетъ въ совершенномъ умѣ.»

Иезуптская изворотливость нашла себѣ лазейку, — говоритъ украинскій лѣтописецъ.

Какъ другъ семьи Хмельницкаго, Выговскій началъ представлять

молодому Хмельницкому его опасное положеніе, съ сожалѣніемъ извѣщалъ его, что козаки ропщутъ и не хотятъ повиноваться столь молодому гетману. Молодой Юрій просилъ совѣта: что ему дѣлать? Выговскій совѣтовалъ отказаться передъ радюю отъ гетманскаго званія, чтобъ этимъ поступкомъ снискать любовь и расположеніе народа. Между козаками издавна велось обыкновеніе, что избираемый въ начальники нѣсколько разъ отказывался отъ предлагаемаго достоинства и принималъ его только тогда, когда рада какъбы насильно принуждала его къ этому.

Чтобъ отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, Выговскій говорилъ, что и онъ оставитъ свою должность и вмѣстѣ не будетъ писаремъ, если Юрія не оставятъ гетманомъ.

Также точно обозный Тимофей Посачъ, воспитатели Юрія — Ковалевскій и Лѣсницкій, и судья Зарудный, подтверждали Юрію вѣсти о всеобщемъ ропотѣ козаковъ, совѣтовали ему отказаться отъ гетманства и увѣряли, что и они, изъ приверженности къ Юрію, не захотятъ оставаться при своихъ должностяхъ, а предоставятъ вольной радѣ распоряженіе Украиною и выборъ гетмана и старшинъ. Молодой Юрій согласился отказаться, въ надеждѣ, что эта покорность радѣ утишитъ ропотъ и онъ останется гетманомъ.

Оповѣстили раду. Выговскій писалъ къ тѣмъ изъ полковниковъ, которые не были при смерти Хмельницкаго, чтобъ они явились съ козаками изъ своего полка для избранія гетмана, а между тѣмъ дарилъ и угощалъ старшинъ и значныхъ козаковъ, собралъ къ себѣ толпу простыхъ козаковъ изъ разныхъ полковъ, выкатилъ имъ горілки, устроилъ нѣсколько обѣдовъ и ласковымъ обращеніемъ расположилъ ихъ къ себѣ.

Въ воскресенье, 24 августа, довшиши ударили на раду. Выговскій и преданные ему старшины назначили ее во дворѣ Хмельницкаго, для того, чтобы помѣстить тамъ только такихъ козаковъ, которые будутъ расположены къ нимъ: это были задобренные обѣдами и горілкою; впрочемъ и расположенные къ Выговскому не всѣ знали, что онъ ищетъ гетманства. Когда во дворѣ набралось довольно козаковъ, ворота заперли наглухо и огромная толпа козаковъ и посполитыхъ стояла за дворомъ.

Изъ дома вышелъ Юрій съ булавою въ рукѣ; за нимъ несли бунчукъ, осѣняя его.

«Павѣ рада!» сказали Юрій: «благодарю вижайше за гетманскій урядъ, который вы мнѣ дали, памятуя родителя моего; но по молодости лѣтъ и по своей неопытности, я не могу нести столь важнаго достоин-

ства. Вотъ булава и бунчукъ. Выбирайте въ гетманы другого, старше меня и заслуженнѣе. «

Онъ положилъ знаки гетманскаго достоинства на столѣ, поклонился и ушелъ въ домъ.

Выступилъ Выговскій, проговорилъ благодарность за псарскій урядъ, отказался отъ него, поставилъ свою чернильницу — знакъ псарскаго званія, и ушелъ.

Обозный положилъ свой перначъ, судья — свою печать, отказались отъ урядовъ и удалились.

Собрание молчало. Козаки поглядывали другъ на друга съ вопросительнымъ выраженіемъ лица; иные хотѣли провозгласить Выговскаго, но боялись. Булава лежала среди двора и «много было такихъ», говорить лѣтописецъ, «которые хотѣли се взять, но не смѣли безъ воли народа.»

Между тѣмъ, за воротами раздался ропотъ. Посполитые ломились въ ворота. Тогда эсаулы, расхаживая между козаками, кричали: «Кого желаете наставить гетманомъ?»

Всѣ молчали. Эсаулы нѣсколько разъ повторили вопросъ.

«Хмельницкого!» раздалось въ толпѣ; «Хмельниченко пехай буде гетьманомъ!»

«Панове рада!» сказалъ Юрій: «я молодѣтень и неопытень, и не въ силахъ управлять народомъ, а къ тому еще я отъ недавней смерти родителя въ большой тоскѣ и печали.»

Нѣкоторые сотники говорили такъ:

«Пусть будетъ Хмельниченко гетманомъ; хотя онъ и молодъ, да слава наша пусть будетъ такова, что у насъ гетманомъ *Хмельницкій*. Пока онъ молодъ, — будутъ научать его добрые люди, а возмужаетъ — самъ будетъ управлять. Пусть и Выговскій и Носачъ и всѣ будутъ на своихъ урядахъ; какъ при покойномъ батьку Хмельницкомъ бузо, такъ и теперь пусть будетъ.»

Юрій, наученный Выговскимъ, отрекался. Козаки кричали:

«Не позволимъ, не уволимъ Хмельниченка отъ уряда гетманскаго!» Хмельницкій представлялъ, что ему, по лѣтамъ его, надобно учиться, а гетману надобно быть при войскѣ и предводительствовать козаками.

Тутъ какой-то сотникъ, расположенный къ Выговскому, сказалъ:

«Пусть булава и бундукъ остаются при Хмельницкомъ; нашимъ гетманомъ будетъ Хмельницкій, а пока онъ возмужаетъ — войскомъ коман-

довать будетъ Выговскій, и булаву и бунчукъ будетъ принимать когда нужно изъ рукъ у Хмельницкаго, а воротившись, опять будетъ отдавать ему въ руки.»

Выговскій съ видомъ покорности и смиренія представлялъ свое недостоинство. Козаки успѣльно требовали.

«Дайте время одуматься, панове рада!» сказалъ Выговскій: «Не могу теперь рѣшиться принять на себя такое важное званіе. Отложите до другого времени.»

Рада дала ему три дни срока.

Въ среду, 27 августа, рада опять собралась въ тотъ же дворъ. На этотъ разъ, прежде чѣмъ успѣли затворить ворота, набралось во дворъ множество простыхъ козаковъ. «Хмельницкаго! Хмельницкаго!» кричали они, и ломаясь въ домъ.

Юрій вышелъ и опять отказывался. Козаки требовали, чтобъ онъ остался гетманомъ, и чтобъ, до его совершеннѣйшаго, управлялъ Выговскій.

Выговскій опять разыгрывалъ роль нежелающаго. Съ потупленнымъ взоромъ, съ сложенными на крестъ руками, со слезами въ глазахъ, онъ благодарилъ раду за честь, просилъ выбрать людей болѣе его способныхъ. Но чѣмъ болѣе кланялся и отказывался Выговскій, тѣмъ упорнѣе козаки избирали его предводителемъ. По козацкому обычаю, толпа начала сопровождать бранью свой выборъ: тогда Выговскій, какъ-бы нехотя и единственно уступая голосу народа, согласился. Толпа была въ восторгѣ.

«Теперь я спрошу воть о чемъ», сказалъ Выговскій: «молодому гетману надобно учиться; по волѣ блаженной памяти родителя, ему надобно дать воспитаніе; ему надобно быть въ училищѣ, а потому ему трудно будетъ подписываться на листахъ и универсалахъ. Когда клейноты будутъ у меня, то и подписываться придется мнѣ. Какъ же рада прикажетъ мнѣ подписываться?»

Сперва это озадачило козаковъ. Но тутъ какой-то доброжелатель Выговскаго выскочилъ изъ толпы съ разрѣшеніемъ вопроса.

«Пусть панъ Выговскій», сказалъ онъ «подписывается такъ:» «Иванъ Выговскій, гетманъ на тотъчасъ Войска Запорожскаго», потому что въ то время, когда у него будутъ клейноты, настоящимъ гетманомъ будетъ онъ.»

Простые козаки были просты, говорить лѣтописецъ, — они не провидѣли ничего особеннаго и согласились, сказавши: «добре, нехай такъ! Служи, пане гетьмане, вѣрно его царскому пресвѣтлому величе-

ству и будь гетманомъ надъ войскомъ запорожскимъ и чини намъ добрую оправу.»

Выговскій, взявъ булаву, сказалъ: »Сія булава доброму на ласку, а злomu на карность; а манить я въ войску никому не буду, коли вы меня гетманомъ избрали; а войско запорожское безъ страха быть не можетъ!«

— »Вычитай же намъ«, сказали полковники. »новообранный пане гетмане, великаго государя жалованную грамоту, чтобъ мы знали, на якихъ воляхъ пожалованы мы отъ его царскаго величества.«

Тогда гетманъ прочиталъ всѣмъ вслухъ грамоту.

По окончаніи чтенія, старшины сказали:

»На милости государской бьемъ челомъ и служить всѣмъ войскомъ запорожскимъ рады вѣчно, и онъ, великій государь, пусть насъ не выдаетъ своимъ неприятелямъ.«

По другому извѣстію, переданному Выговскимъ въ Москву, когда избрали Выговскаго, противникомъ его явился Григорій Лѣсницкій, котораго покойный гетманъ отправлялъ противъ Татаръ съ сыномъ своимъ и далъ ему булаву и бунчукъ въ качествѣ наказнаго гетмана. Опираясь на это, Лѣсницкій не хотѣлъ отдать булавы. Выговскій посылалъ къ нему Юрія Хмельницкаго, — Лѣсницкій упорствовалъ, и отдалъ булаву только тогда, когда его припудили козаки, черезъ недѣлю.

Такъ кончилась эта знаменитая рада. Выговскій послалъ къ Запорожцамъ и лѣстилъ имъ, увѣряя, что онъ не почитаетъ себя настоящимъ гетманомъ, пока сѣчехое товариство не признаетъ его; послалъ, съ согласія рады, посольство въ Крымъ (1); отпустилъ съ увѣреніями пріязни къ королю польскаго посла Бенѣвскаго, котораго козаки, изъ старой ненависти къ панамъ, чуть было не убили. Въ то же время Выговскій, въ письмѣ своемъ къ московскому воеводѣ, доносилъ, что Бенѣвскій прислалъ для того, чтобъ учинить ссору и говорилъ, что они его задерживаютъ; бранилъ Поляковъ, доносилъ, что польскій король соединяется съ императоромъ и вовсе не думаетъ мириться съ Москвою и хранить данныя въ бѣдѣ условія; что распространился слухъ, будто козаки поссорились съ Москвою и Поляки собираются, вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ, на Украину. Онъ изъявлялъ готовность пролить кровь за государя. Онъ чернилъ даже своихъ сообщниковъ, доносилъ на брацлавскаго полковника Зеленскаго, что онъ хотѣлъ отступитъ къ Польшѣ, но онъ, гетманъ, его удержалъ и убѣдилъ.

(1) Величко, II, 307.

III.

Не смотря на избраніе Выговскаго, власть его была очень не тверда. Лѣсницкій, какъ видно, продолжалъ досадовать и надѣялся, что на другой радѣ избрали бы его, а не Выговскаго. Пушкаренко, полтавскій полковникъ, былъ другой врагъ и соперникъ Выговскаго. Въ Чигиринѣ рада была не полная и могла казаться незаконною: надобно было собрать другую. Выговскій, хотя взялъ булаву, по только въ качествѣ временнаго правителя; для соблюденія козацкихъ правъ, онъ самъ назначилъ снова раду въ Корсунѣ къ 25 сентября. На эту раду съѣхались старшины; были на ней всѣ сотники и изъ каждой сотни по два простыхъ козака. Таковъ былъ избирательный обычай у козаковъ. Новоизбранный предводитель хотѣлъ нѣсколько разузнать духъ своихъ товарищей. Въ то время прибылъ отъ шведскаго короля въ Чигиринъ Юрій Немирчъ. Онъ привозилъ отъ Карла Густава предложеніе союза, чтобы, по старому доброму расположенію, козачество помогало шведскому королю, а шведскій король козакамъ. Самъ Юрій Немирчъ снова отдался служить козацкому дѣлу. Дѣло шло къ возобновленію дружбы со Швеціею; съ Московщиною, напротивъ, шло къ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ.

Явился къ гетману царскій посланникъ Артамонъ Матвѣевъ. Въ царской грамотѣ гетманъ названъ былъ *писаремъ*, а не *гетманомъ*, хотя царь уже извѣстился чрезъ кіевскаго воеводу о его избраніи на гетманское достоинство. Онъ получилъ царскій выговоръ за то, что не объявилъ о смерти Хмельницкаго и о своемъ избраніи чрезъ своего посла. Царскій посланникъ требовалъ, чтобъ Запорожское Войско отправилъ къ шведскому королю посланцевъ совѣтовать ему помириться съ царемъ, оставить притязанія на пограничныя земли, которыя московскій царь считалъ своимъ, и отнюдь не надѣяться на помощь Войска Запорожскаго; напротивъ, если онъ будетъ во враждѣ съ царемъ, то Войско Запорожское пойдетъ на него войною. Гетманъ отвѣчалъ, что исполнитъ приказанія царскія, а отъ выговора отдѣлялся такъ: «когда гетмана Богдана Хмельницкаго не стало, я въ тотъ же день хотѣлъ отправить къ царскому величеству своихъ трехъ урядниковъ; а начальные люди, услышавъ объ этомъ, стали бунтовать, толковали, будто я посылаю отъ себя; оттого я не послалъ, а написалъ къ воеводѣ кіевскому Андрею Васильевичу Бутурлину и къ князю Ромодановскому въ Бѣлгородъ, чтобы они извѣстили государя.»

Артамонъ Матвѣевъ сказалъ: »Его царскому величеству учинилось вѣдомо, что гетмана Богдана Хмельницкаго не стало; и великій государь, жалюя васъ, указалъ ѣхать въ Войско Запорожское, съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и для своихъ государевыхъ великихъ дѣлъ, боярину и намѣстнику казанскому, Алексѣю Никитичу Трубецкому, да окольникему и ржевскому намѣстнику, Богдану Матвѣевичу Хитрово, да думному дьяку, Ларіону Лапухину. Гетманъ долженъ послать къ полковникамъ и везть имъ съѣхаться въ Кіевъ, и сверхъ того, чтобъ изъ всѣхъ полковъ по пяти человекъ было прислано. Дѣло будетъ великое. Да чтобъ въ черкасскихъ городахъ были собраны кормы и приготовлены подводы для ихъ приходу. Да еще Павелъ Тетеря, когда былъ въ Москвѣ посланцемъ у государя, то просилъ оберегать васъ противъ непріятелей вашихъ; и теперь приказано князю Ромодановскому итти наскоро съ конными и пѣшими людьми, да везти также боярину Василію Борпсовичу Шереметьеву выслать конныхъ и пѣшихъ; а ты, гетманъ, вели приготовить имъ запасы и подводы.«

Гетманъ, разумѣется, обѣщалъ, но какъ услышали старшины, то стали видѣть въ этомъ тайное намѣреніе нарушить ихъ права. Немедленно явилось великорусское войско и стало двумя отрядами: одинъ, съ Ромодановскимъ, въ Переяславѣ, другой, съ Ляпуновымъ, въ Пирятинѣ. Ожидали, какъ объявлено было, еще прихода Трубецкаго съ товарищами; это особенно пугало старшину, потому что не сказано было, для какихъ дѣлъ придетъ это войско. Артамонъ Матвѣевъ привезъ приказаніе собирать по Украинѣ запасы на прокормленіе войску съ доходныхъ статей (орандъ); а всѣ эти статьи были въ распоряженіи старшинъ и они видѣли теперь посягательство на свои доходы.

Пужно было представить все это дѣло на обсужденіе рады. Рада собралась въ назначенный день. Иноземные пособники шляхетской партіи, съ стороны польской — Бенѣвскій, со стороны шведской — Немчиричъ, по извѣстію кіевскаго воеводы, явились туда же. Самп между собою противники, они тутъ неволью дѣйствовали заодно противъ общаго для нихъ обонхъ соперника. Рада проходила въ полѣ. Выговскій положилъ свою булаву и бунчукъ, поклонился собранію и сказалъ, что ему прислапы отъ царя такіе пункты, чтобъ у козаковъ прежнія вольности отнимать. »Я въ невольѣ быть не хочу«, прибавилъ онъ, и отказывался отъ гетманства. Онъ объявилъ, что рада вольна выбрать другаго гетмана, и поѣхалъ прочь. Тогда начальные люди послѣдовали за нимъ,

воротили и начали просить, чтобъ онъ остался на гетманскомъ достоинствѣ. Судья Самойло Богдановичъ-Зарудный вручилъ ему булаву.

«Мы», говорили козацкіе чиновники, «будемъ стоять за свои вольности заодно, чтобъ у насъ ничего не отняли, чтобъ не было перемѣны, чтобъ какъ прежде были, такъ чтобъ и теперь остались мы, свободны.»

Выговскій, какъ будто исполняя всеобщую волю, принялъ снова булаву. Этой церемоніей и окончилась рада.

На другой день была другая рада во дворѣ. Посланный путивльскимъ воеводою на провѣдки, посадскій человѣчишко Пиколка затесался между козаками, или, можетъ быть, спрятался тамъ, гдѣ происходила рада, и передалъ потомъ въ общихъ чертахъ это совѣщаніе. («И я Пиколка былъ въ той свѣтлицѣ, гдѣ была рада», доноситъ онъ своему начальству въ *роспросѣ*).

Выговскій сказалъ: «при покойномъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ у насъ не бывало рады и совѣта, но теперь вы меня избрали гетманомъ, и я безъ вашего воинскаго совѣта не стану дѣлать никакихъ дѣлъ. Шинѣ я объявляю вамъ: прислалъ къ намъ шведскій король, зоветъ насъ къ себѣ въ союзъ (въ «подданство», перешначилъ Пиколка: въ письмѣ Бутурлиина просто — союзъ, а не *подданство*), а царское величество прислалъ къ намъ грамоту съ выговоромъ, зачѣмъ мы, безъ его государева вѣдома, сложились съ Ракочи; хочетъ, чтобы Антона Идавовича наказать: «вы уже», говоритъ, «прежде измѣнили шведскому королю, измѣнили и крымскому хану и Ракочию венгерскому и господарю волошскому, а теперь и намъ хотите измѣнить. Долго ли вамъ быть въ такихъ шатостяхъ?»

Гетманъ хотѣлъ, очевидно, раздуть зародившееся неудовольствіе къ царской власти, но въ то же время выгораживалъ себя, если преждевременно дойдетъ вѣсть объ этомъ въ Москву, и потому сталъ совѣтовать козакамъ покорность.

«А только намъ», продолжалъ онъ, «отложиться отъ царскаго величества, никто намъ болѣе не повѣритъ за непостоянство наше, и мы дойдемъ до конечнаго разоренія. Теперь, безъ всякой шатости, дайте мнѣ совѣтъ, какъ поступить?»

Выступили полковники: нѣжинскій Гуляницкій, полтавскій Пумкаренко, прилуцкій Дорошенко, иркѣевскій Джеджалы, и сказали:

«Мы не отступимъ отъ присяги, данной его царскому величеству.»

Другіе начальныя люди, сотники и ссаулы съ лѣвой стороны Дыбира

повторили тоже: »мы не отступимъ отъ его царскаго величества; какъ присягали, такъ въ той мысли и стоимъ.«

Когда гетманъ сталъ допрашивать ихъ, какъ ему поступить, — вмѣсто совѣта, они закричали:

»Якъ ти намъ прірадишь, такъ ми и бѣдемо!«

Гетманъ не добивался отъ нихъ совѣта о шведскомъ предложеніи, а долженъ былъ, потакая имъ, сказать:

»Я вамъ свою мысль объявляю, что намъ быть надежно при милости царскаго величества, по присягѣ своей неотступно, а къ инымъ ни къ кому не приложиться.«

По правобережные полковники — Зеленскій, Богунъ и третій полковникъ (»имени его не упомяну«, говорятъ свидѣтель) отозвались не въ такомъ духѣ.

»Намъ, пане гетмане и всѣ паны-рада, не ладно быть у царскаго величества: онъ, государь, къ намъ милостивъ, да начальныя его люди къ намъ не добры, наговариваютъ государю, чтобъ навести насъ въ большую неволю, и достояніе наше отнять!«

Выговскій, выслушавъ эти рѣчи, принялъ суровый видъ и сказалъ:

»Вы, панове, не дѣло говорите, и въ войскѣ смуту чиняте; а намъ отъ царскаго величества отступать за его государеву милость не слѣдуетъ и помышлять!«

Наконецъ порѣшили послать къ царю посольство и просить о ненарушеніи данныхъ вольностей.

»И всѣ тогда«, пишетъ Бутурлинъ въ своемъ донесеніи къ царю, — »межъ собою душами укрѣпились, чтобъ имъ всѣмъ за гетмана и за свои права и старыя вольности стоять заодно. И много другихъ непристойныхъ рѣчей у нихъ было.«

Съ этихъ поръ, вѣроятно, Выговскій выбросилъ изъ своей подписи выраженіе: *на тотъ часъ*, которое, по сказанію украинскаго лѣтописца, наложилъ на себя какъ условіе, когда козаки на первой радѣ вручили ему булаву.

По приговору корсунской рады, отправили въ Москву посланцами: корсунскаго полка есаула, Юрія Миневскаго и сотника Ефима Коробку—просить царскаго подтвержденія Выговскаго на гетманское достоинство и правъ козацкихъ, сообразно прежней царской грамотѣ, данной послѣ переяславскаго присоединенія. Гетманъ отпустилъ Бенѣвскаго съ дружескими увѣреніями. Но Польша не хотѣла оставлять Украины безъ наблюденія, и тотчасъ же за Бенѣвскимъ пріѣхалъ другой гонецъ

и агентъ Вороничь. Какъ искренно было это сближеніе съ застарѣлыми врагами, видно изъ того, что въ то же время, какъ Бенѣвскій отъ имени Рѣчи-Посполитой сулилъ козакамъ права, свободу и дружбу, у Выговскаго въ рукахъ было перехваченное письмо польскаго полковника Маховскаго къ одному изъ крымскихъ мурзъ. Польскій панъ уговаривался, какъ бы сдѣлать на козаковъ, своихъ *душмановъ*, вмѣстѣ съ крымцами нападеніе. А Выговскій, принимая радушно польскихъ посланцевъ, отправилъ перехваченное письмо въ Москву съ Миневскимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ, что послѣ Бенѣвскаго пріѣхалъ въ Украину Вороничь — по прежнему склонять козаковъ къ подданству Польшѣ; но козаки не дозволятъ себя провести и останутся вѣрны его царскому величеству. Крымъ былъ очень опасенъ Украинѣ. Въ послѣднее время, союзъ хана съ Польшею болѣе всего не позволялъ Украинѣ брать верхъ въ борьбѣ съ Поляками. Услышали въ Крыму, что въ Украинѣ не долюбляютъ московскаго владычества, и ханъ первый подалъ желаніе примириться, а Выговскій отправилъ въ Бахчисарай посланца своего Бута съ товарищами.

Послѣ избранія, въ радѣ, гетмана, козацкіе обычаи требовали еще освященія отъ церкви. Гетманъ, полковники и старшины отправились въ Кіевъ. 13 октября встрѣтили Выговскаго съ почестію у землянаго ваза. Въ то время умерла сестра Выговскаго, жена Павла Тетери; вся семья и родные Выговскаго были въ сборѣ: отправляли похороны; потомъ уже обратились къ дѣламъ. 17 октября въ Братскомъ монастырѣ, въ присутствіи царскихъ воеводъ, принесли въ церковь жалованную отъ царя гетману Хмельницкому булаву, саблю и бунчукъ. По совершеніи обѣдни, епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ окропилъ святою водою эти знаки достоинства и отдалъ ихъ гетману. «Принимая гетманство», говорилъ ему архипастырь, «ты долженъ служить вѣрою и правдою великому государю, какъ служилъ до сихъ поръ: управляй и укрѣпляй Войско Запорожское, чтобъ оно было неотступно подъ высокою рукою его царскаго величества.» Сказавъ это, епископъ осынилъ крестомъ новозабраннаго вождя.

Изъ церкви епископъ позвалъ гетмана и старшинъ на обѣдъ. Туда же были приглашены и воеводы съ товарищами. Когда вино развязало языкъ гетману, онъ сталъ увѣрять въ своей преданности царю, доказывалъ предъ воеводами, что еще какъ былъ писаремъ, то и покойнаго гетмана Хмельницкаго привелъ къ подданству. «Но я теперь опасаюсь», прибавилъ онъ, «государева гнѣва, что безъ его указа выбранъ гетма-

номъ: мы получили грамоту отъ государя, а въ ней я названъ не гетманомъ, а писаремъ.»

Тогда Богдановичъ, генеральный судья, проговорилъ такую рѣчь:

»Когда мы, козакъ, поддались подъ высокую руку его царскаго величества, то государева милость была къ намъ такова, чтобъ вольностей нашихъ у насъ не отнимать; а теперь присланы къ намъ пункты, по которымъ приходится потерять намъ вольности; а мы какъ были подъ королевскимъ владѣніемъ, то у насъ вольностей король не отнималъ; мы же отступили отъ короля и поддались подъ государеву высокую защиту только ради обороны христіанской вѣры отъ ляхскаго гоненія, чтобъ намъ не быть въ папешской вѣрѣ, либо въ униі.»

Бутурлиня, обратясь къ Выговскому, сказалъ:

»На тебя, гетманъ, нѣтъ никакого гнѣва государева; а отъ тебя передъ великимъ государемъ такъ есть неисправленіе: обираютъ тебя на Богданово мѣсто, а ты великому государю о томъ и не написалъ и не учинилъ никакой вѣдомости. Великому государю невѣдомо, что ты гетманомъ учинился; потому-то въ государевыхъ грамотахъ къ тебѣ и названъ ты писаремъ; какъ ты былъ прежде писаремъ, такъ писаремъ и названъ. Ты, гетманъ, о томъ не оскорбайся и служи по прежнему великому государю, а государево жалованье и милость будетъ тебѣ выше прежняго.»

—»Когда только меня стали выбирать въ гетманы», сказалъ Выговскій, »я не хотѣлъ брать на себя этого реинента безъ государева указа; я долго отговаривался; но полковники и чернь мнѣ дали булаву и знамя съ большимъ упросомъ; пусть государь насъ пожалуетъ: не велитъ у насъ отнимать прежнихъ вольностей; а мы ему, великому государю, готовы служить и стоять противъ всякаго непріятеля и никогда не отступимъ отъ высокой руки его величества!»

Скоро послѣ того брошена была новая тѣнь опасенія въ нарушеніи вольностей. Наступалъ выборъ митрополита. Съѣхались въ Софійскій монастырь духовные и старшины козацкіе. Гетманъ пригласилъ кіевскихъ воеводъ. Бутурлиня отвѣчалъ, что не поѣдетъ безъ царскаго указа. Уже прежде онъ передавалъ и духовнымъ и свѣтскимъ желаніе московскаго правительства, чтобъ кіевскій митрополитъ подчинился патріарху московскому и былъ бы отъ него назначенъ. Теперешній отказъ пріѣхать на выборъ указывалъ, что московское правительство намѣревается нарушить одно изъ важнѣйшихъ правъ присоединеннаго края. Выборъ тогда не состоялся. Отложили выборъ до Николая дня, между тѣмъ возрасло и неудовольствіе къ московскому правительству и страхъ за свои права.

Изъ Кіева гетманъ поѣхалъ въ Переяславъ, и 24 октября свидѣлся съ Ромодановскимъ въ присутствіи своихъ старшинъ: обознаго Носача, Тетери, Богдановича, Ковалевскаго и своего брата Данила. Ромодановскій уже два мѣсяца стоялъ подъ Переяславомъ съ ратными людьми и не получалъ никакихъ запасовъ. Онъ жаловался, что его прислали сюда по просьбѣ козаковъ, чтобъ оборонять край отъ непріятеля, а продовольствія не даютъ, и грозилъ уйти назадъ.

Не смотря на подозрѣніе, которое рождалось отъ прихода великороссійскихъ войскъ, гетманъ старался удержать всѣми способами Ромодановскаго, и совсѣмъ не въ томъ духѣ съ нимъ говорилъ, какъ на радѣ въ Корсунѣ. Онъ извинялся въ недачѣ запасовъ тѣмъ, что въ Украинѣ, послѣ смерти Богдана, онъ, Выговскій, еще не былъ настоящимъ гетманомъ; не было еще начальства, котораго бы всѣ слушали; онъ представлялъ, что непріятели сдѣлаютъ нападеніе на Украинну, какъ только великороссійское войско отступитъ прочь, и наконецъ описывалъ внутреннее безпокойство края. «Послѣ Богдана Хмельницкаго», — говорилъ онъ, — въ черкасскихъ городахъ учинился мятежъ и шатости и бунтъ; а какъ скоро ты, окольнічій его царскаго величества и воевода князь Григорій Григорьевичъ, пришелъ въ черкасскіе города съ ратными людьми, то, милостию Божіею и государевымъ счастіемъ, все утишилось; теперь въ Запорожѣ бодьшой мятежъ: хотятъ побить своихъ старшинъ и поддаться крымскому хану! Я, помня свое крестное цѣлованіе, за такіе заводы, бунты и нямѣну царскому величеству, поѣду ихъ усмирять съ войскомъ, а ты, окольнічій и воевода, съ ратными людьми перейди за Днѣпръ; съ тобой будутъ полковники: бѣлоцерковскій, уманскій, браг-лавскій и другіе; а я управлюсь съ бунтовщиками и предателями. Они наговариваютъ на насъ, бунтовщики, будто бы мы царскому величеству невѣрны; а мы живымъ Богомъ обѣщаемся и клянемся небомъ и землею: чтобъ намъ Богъ своей милости не показалъ, если мы мыслимъ или впередъ будемъ мыслить какое-нибудь дурно и неправду! Какъ за Бога, такъ и за негб, великаго государя, держимся.»

Но Ромодановскій отвѣчалъ, что не пойдетъ за Днѣпръ безъ воли государя. Напрасно Выговскій, черезъ три дня послѣ того, снова просилъ его и извѣщалъ, что пойманы Татары, которые обвѣляютъ, что ханъ собирается съ Поляками нападать на Украинну. Ромодановскій не пошелъ за Днѣпръ. Совѣтуя такимъ образомъ и стараясь перевести Ромодановскаго за Днѣпръ, Выговскій въ самомъ дѣлѣ, кажется, руководился страхомъ. Ему хотѣлось отрѣзать Ромодановскаго отъ Трубецкаго и поста-

вить его въ такомъ краѣ, гдѣ всякое покушеніе, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ могло быть, какъ ходили слухи, было бы встрѣчено съ негодова-ніемъ и съ противодѣйствіемъ, и гдѣ Ромодановскій не въ силахъ былъ бы противостать туземной массѣ.

Потомъ Выговскій отправилъ Юрія Хмельницкаго въ Кіевъ учиться, а самъ вынулъ изъ-подъ земли зарытые имъ вмѣстѣ съ Хмельницкимъ сокровища—болѣе милліона и началъ дарить и угощать старшинъ, значныхъ и простыхъ козаковъ. Веселія пирушки нѣсколько недѣль шли безъ перерыва. Выговскій былъ человекъ трезвый, но чтобъ поправить-ся толпѣ, прикидывался пьянымъ, показывая бурлацкое обращеніе съ простыми козаками, былъ чрезвычайно обходителенъ съ подчиненными, и козаки въ восторгѣ кричали: «отъ щірий, не гордый козакъ!»

IV.

Въ Литвѣ, въ послѣднее время, распространилось козачество, какъ нѣкогда въ самой Украинѣ; хлопны самовольно записывались въ козаки. Польское правительство старалось ограничить ихъ число; такъ, подобно послѣднему, поступили теперь московскіе воеводы въ покоренной Литвѣ, по приказанію своего правительства. Въ могилевскомъ повѣтѣ вписывались въ козаки пашенные крестьяне. Правительство запретило это, но полковникъ Нечай, бывший наказнымъ гетманомъ въ Литвѣ, принималъ ихъ въ реестръ. Московскіе воеводы лишнихъ самовольныхъ козаковъ исключали сами, били ихъ батогами, били ослопьемъ и сотниковъ и есауловъ, чтобъ тѣ не вписывали новыхъ козаковъ. Правительству хотѣлось, чтобъ эти пашенные крестьяне несли тягло; а они, дѣлаясь козаками, не хотѣли платить ничего съ тѣхъ земель, на которыхъ были населены. Напрасно полковникъ Нечай жаловался и ссылался на приказанія гетмана Богдана Хмельницкаго и Выговскаго, которые запрещали ему выводить козаковъ. «Война наступаетъ» — представлялъ онъ, — «козаки нужны будутъ; нельзя выгонять и бить людей заслуженныхъ, которые и раны терпѣли и въ осадахъ сидѣли.» 27 августа, Нечай отправилъ къ царю жалобу на воеводу мстиславскаго, оршанскаго, борисовскаго, шкловскаго, копильскаго, минскаго. «Воеводы», писалъ онъ, «отнимаютъ у насъ деревни, съ которыхъ мы могли бы имѣть хлѣбъ себѣ; подданныхъ вашего царскаго величества, козаковъ моихъ, выгоняютъ насильно изъ домовъ, требуютъ съ нихъ какъ

съ мужиковъ податей, рѣжутъ имъ чуприны, бьютъ кнутами и грабятъ; и еслибъ подробно все противное намъ описывать, то много времени было бы потребно». Полковникъ приписывалъ такіе поступки наущенію шляхтичей, которые желаютъ всячески вывести козачество изъ Литвы. Онъ писалъ: »какъ волкъ выкормленный все въ лѣсъ смотреть, такъ и шляхта въ Польшу. Шляхтичи передаютъ секреты польскому королю, и оттого польскій король все знаетъ и готовится воевать на ваше царское величество, заключаетъ договоръ съ цесаремъ и крымскимъ ханомъ; и вотъ, по наговору этихъ хитрыхъ лисицъ, измѣнники воеводы теперь меня и товарищество мое преслѣдуютъ, какъ непрітелей». Въ особенности жаловался онъ на боярина Василя Шереметьева; »козако.. беретъ и сажаетъ въ тюрьму, а другихъ дѣваетъ невѣсть гдѣ», говоритъ о немъ Нечай.

Ожиданіе прихода Трубецкаго и ратныхъ людей произвело смятеніе. Полковники писали объ этомъ по сотнямъ; начали собираться на рады, толковать; на лѣвой сторонѣ Днѣпра, миргородскій полковникъ Лѣсницкій разсылалъ по сотнямъ своего полка такого рода извѣстіе: »Мы присягали его царскому величеству, чтобъ намъ по обычаю быть на своихъ вольныхъ правахъ въ Запорожскомъ Войскѣ, и были мы вѣрны въ подданствѣ его царскаго величества по смерть гетмана Богдана Хмельницкаго; а теперь идетъ на насъ бояринъ царскій князь Трубецкой съ войскомъ да князь Ромодановскій съ ратными людьми; и вамъ приказано давать имъ живность беззаборонно; хотятъ учинить на Украинѣ по городамъ воеводъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Умані и по всѣмъ другимъ, чтобъ вездѣ имъ давали живность, и будутъ брать на государя всѣ тѣ подати, что народъ платилъ когда-то польскимъ панамъ; а козацкаго войска только и останется, что въ Запорожьѣ десять тысячъ, и они будутъ получать изъ нашихъ доходовъ жалованье отъ *орандѣ* и мельницъ; а больше уже и не будетъ войска, а станутъ всѣ — мѣщане и хлопы; а кто не захочетъ быть мѣщаниномъ или хлопомъ, тотъ будетъ въ драгунахъ и солдатахъ. Крымскій же ханъ присылаетъ къ намъ и проситъ, чтобъ мы по прежнему были съ нимъ въ дружбѣ. И отъ насъ не требуетъ никакихъ поборовъ...»

Бросивши волненіе въ массу народа, полковникъ чрезъ нѣсколько дней разсылалъ другія приказанія: чтобъ козаки не тревожились. И такъ одинъ разъ онъ въ пародѣ возбуждалъ опасеніе, въ другой разъ обращалъ народное раздумье къ догадкѣ, что это опасеніе напрасно. Такимъ образомъ Лѣсницкій держалъ народъ въ недоумѣніи, чтобъ тѣмъ удобнѣе управлять имъ и повести, когда нужно будетъ, къ своей цѣли.

Другіе полковники за Днѣпромъ также волновали народъ такими вѣстями. За Днѣпромъ отзывалось болѣе намѣренія защищать свои права, и заднѣпровскіе полковники разсылали на лѣвую сторону универсалы, въ которыхъ писали: »мы, заднѣпровскіе козаки, не привыкли къ неволѣ, и не хотимъ ее. А если вы поддадитесь царскому изволенію, такъ мы съ Татарами на васъ войною пойдемъ. »Великій государь«, говорилъ миргородскій полковникъ одному великороссіянину. — »не устоялъ въ прежнемъ договорѣ; панъ гетманъ Выговскій и мы, старшины, царскому величеству воли своей не уступимъ; не хотимъ воеводъ царскихъ и отступимъ отъ царя; крымскій царь за насъ пойдетъ, —мы будемъ слыть его подданными; а податей никакихъ не будемъ платить.«

Противники московскаго владычества толковали народу: »вотъ, какъ возьмутъ васъ царь и москва въ руки, тогда и кабаки введутъ, горілки и меду нельзя будетъ дѣлать всякому и въ сапогахъ чорныхъ не прикажутъ ходить, и суконныхъ кафтановъ носить не вольно будетъ; поповъ своихъ нашьютъ, митрополита въ Кіевѣ своего поставятъ, а нашего въ Московщину возьмутъ, да и весь народъ туда же погонятъ, а останется тысячъ десять козаковъ, да и тѣ на Запорожѣ; а тѣ, что въ городахъ будутъ, тѣ службу стануть держать подъ капитанами.«

Распустивъ по сотнямъ вѣсти, миргородскій полковникъ надѣялся, что народъ этимъ слухомъ достаточно настроенъ, и приказалъ собраться въ Миргородъ на полковую раду всѣмъ сотникамъ и атаманамъ своего полка, и изъ cadaго города и мѣстечка по пяти человекъ выборныхъ.

Полковникъ сталъ имъ читать пункты, гдѣ были изложены показанныя выше предположенія о перемѣнахъ. Чтобъ раздражить еще болѣе народныя интересы, полковникъ читалъ имъ между прочимъ, что государь приказываетъ собирать со всѣхъ хозяевъ десятину.

»Хотите поддаться крымскому хану или Ляхамъ?« сказалъ онъ послѣ этого.

Но козаки — говорятъ одинъ изъ простаго народа, тамъ бывшаго, — сейчасъ догадались, что эти пункты не правые, и сказали: а мы что сдѣлаемъ безъ черни? Тогда полковникъ роздалъ каждому сотнику и атаману экземпляръ возбудительнаго писанія, велѣлъ собрать рады и прочитывать простому народу. Вездѣ по селамъ чтеніе это произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе, нежели какого ожидали; козаки говорили: »мы хотимъ служить великому государю и за нимъ жить, а ни къ крымскому хану, ни къ Ляхамъ не пойдемъ, —мы государскіе. Куда намъ великій государь укажетъ, туда всѣ пойдемъ.« Такіе отвѣты послѣдовали изъ всѣхъ со-

тень. Нѣкоторые сотники и атаманы оповѣщали простымъ козакамъ, что гетманъ приказывалъ имъ свинець и пульки наготовить, въ походъ за Днѣпръ пойдуть. — »Мы за Днѣпръ не поидемъ по приказу гетмана; а послушаемъ и поидемъ, когда царскій указъ будетъ.«

Услыша о неблагопріятномъ для его цѣлей настроеніи народнаго духа, миргородскій полковникъ собралъ снова раду и отдавалъ свое полковничество, и положилъ бузаву. Сотники и отаманы и есаулы начали его уговаривать, чтобъ онъ оставался, и полковникъ, какъ будто нехотя, уступая волѣ народной, взялъ опять свой знакъ. Но этотъ обычный маневръ козацкій вовсе не такъ подѣйствовалъ на чернь, какъ на чиновныхъ лицъ; стоя кругомъ полковника, чернь бранила его матерно, а полковникъ слушалъ и притворялся, что не слышитъ, но видѣлъ ясно, что народъ его ненавидитъ. Присылкою бояръ и уничтоженіемъ козацкаго правленія трудно было тогда испугать народъ. »Мы« — говорили московскому послу губенскій войтъ Котляръ — »рады будемъ, когда придуть къ намъ воеводы съ ратными людьми; а гетмана мы всѣ недолюбиваемъ; и мы и мѣщанство и чернь заодно; вотъ будетъ ярмарка объ Николинѣ днѣ, и мы станемъ совѣтовать съ своею братією, чтобъ намъ послать къ государю бить челомъ о воеводахъ, чтобы у насъ были царскаго величества воеводы.«

Тогда въ Москву стали являться изъ Украины письма, объяснявшія, въ чемъ состоитъ народное желаніе. Протопопъ Филимоновъ переписывался секретно съ бояриномъ Ртищевымъ и сообщалъ ему о состояніи умовъ въ Украинѣ.

»Какъ только прослышали мы, — писалъ онъ, — что придетъ сюда князь Алексѣй Трубецкой съ товарищами на государя праведнаго сей край отбирать и постановитъ государевы власти, то всѣ меньшіе стали очень радоваться этому и вся чернь обрадовалась, желая, чтобъ уже мы имѣли единаго государя, до кого мы бы могли прибѣгать. Правда, отчасти опасаются, чтобъ воеводы не нарушили здѣшнихъ обычаевъ и правъ, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ строеніи, и чтобъ отсюда насильствомъ въ Московщину людей не гнали; но мы ихъ обнадеживаемъ, что государь царь и великій князь ничего этого не хочетъ. И я, добротъ государевъ, желаю отъ сердца, чтобъ ужъ мы знали государя праведнаго себѣ за совершеннаго государя и его полную власть надъ собою; и многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ того хотятъ, а не хотятъ этого гетманъ да полковникъ да старшины; и это дѣлаютъ они для своего закона: они бы рады были одни пановать и тѣшиться своимъ самовла-

стиемъ, ибо уже разлакомились въ господствѣ своемъ, и не хочется имъ его потерять. Сказываютъ о войсковой казнѣ, а войско ея и не знаетъ; только и знаютъ о ней, что одинъ или два человѣка старшинъ, а войску изъ ней заплата нѣтъ. Того ради изволь твоя милость вступиться предъ его царскимъ величествомъ, чтобы непременно государь прислалъ воеводу и взялъ на себя все наши города; въ Украинѣ никто не станетъ противиться. Это будетъ добро, а мы будемъ всячески къ тому людей приводить.»

Филимоновъ переслалъ это письмо черезъ другого священника Василія, который тогда хлопоталъ о мѣстѣ для себя въ кievскомъ софійскомъ соборѣ. Тоже писалъ къ Татищеву изъ Чернигова другой духовный, архимандритъ черниговскаго монастыря Иванъ Мещеринъ; онъ давалъ совѣты ввести въ Украинѣ кабаки и вѣрныхъ головъ и воеводъ.

«Мы слышали, — выражался онъ, — что имѣть быть къ намъ князь Трубецкой. Какъ бы скорѣе конецъ былъ съ панами, нашими начальными! все мы сего ждемъ, а я желаю, чтобъ единого небеснаго Христа царя имѣючи, и единого царя православнаго имѣли; дай же намъ, Христе царю, того дождати!»

Съ своей стороны, Запорожье интриговало противъ Выговскаго. Туда убѣгали изъ Украины толпы простого народа. Кто для промысловъ, а кто промотается и пропьется — и тотъ бѣжалъ въ Запорожье, покинувъ семью свою; и такіе-то составляли оппозицію Выговскому. Главою ихъ былъ Яковъ Барабашъ. Имъ на руку была народная молва, что царь хочетъ оставить въ одномъ Запорожьѣ только десять тысячъ; они-то и думали, вѣроятно, сдѣлаться этими привилегированными остатками. Барабашъ отправилъ въ Москву посланцами Самойла, Михайла Иванова, Степана Дьякова да Семена Остапенка.

Это была депутація отъ простого народа, показывавшая московскому правительству, что простонародье хочетъ не того, чего старшины. Она жаловалась на старшинъ, что имъ не даютъ ловить рыбу, держать вино, берутъ поборы и наживаются сами, а простымъ не даютъ жалованья; доносили на Выговскаго, что онъ сносится съ Поляками, съ ханомъ, съ шведскимъ королемъ. Запорожцы представляли, что гетманъ избранъ неправильно, безъ участія Запорожцевъ; что онъ самъ не Запорожецъ, а Полякъ, и жена у него шляхтянка; что хоть Хмельницкій и сдѣлалъ его псаремъ, но ни онъ, ни жена его не хотятъ добра Запорожью; что радъ слѣдуетъ быть на Запорожьѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ Лубнахъ;

последнее мѣсто правилось имъ оттого, что бѣглецы изъ того края составляли въ то самое время зерно запорожской вольницы.

Въ заключеніе они просили, чтобъ въ Украину ввести воеводу и московское управленіе. »Вся наша чернь и мѣщане этого желаютъ«, говорили они, »да козацкая старшина недопускаетъ ради своей корысти.« Посольство изъ Запорожья отправили Запорожскіе старшины, а толпа неистово порывалась итти на города и шарпать имѣнія знатныхъ и богатыхъ. Выговскій, услышавъ объ этомъ, собирался съ своей стороны итти съ родовыми козаками усмирять Запорожье и приказалъ разставить караулы (заставы), чтобъ перенять запорожскихъ посланцевъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы, — да еще не велѣлъ торговцамъ возить въ Запорожье порохъ, свинець и припасы, чтобъ край этотъ отрѣзать отъ Украины и лишитъ продовольствія. Въ то же время Выговскій отправилъ письмо къ боярину Морозову, умоляя его ходатайствовать предъ царемъ, чтобъ доносы враговъ не получили успѣха, и просилъ задержать посланцевъ. »Пусть бы, государь«, писалъ онъ, »покаралъ ихъ по своему премудрому разуму; ибо они, своевольники, только о суетной своей волѣ помышляютъ, не радѣютъ о вѣрѣ и о прислугѣ его царскому величеству; нѣтъ у нихъ ни женъ, ни дѣтей, ни пожитковъ, ни добычи, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ ѣсть имъ да пить да въ карты играть да всякія безчинства Богу и людямъ чинить; а мы за вѣру православную и за достоинство государя, при женахъ и дѣтяхъ и маестностяхъ нашихъ, всегда умирать готовы.« —

Барабашенко, отправивъ уже посольство и роя подъ Выговскимъ яму, послалъ къ нему письмо, увѣряя въ своемъ расположеніи и покорности и возбуждая неудовольствіе гетмана на толпу повѣсъ, пришлецовъ изъ Украины. »Тѣ, которые поднимали бунтъ«, писалъ онъ, »пришли изъ мѣргородскаго повѣта. Часть ихъ уже повязана, да у половины у нихъ ни самопала, ни корма, ни одежишки не спрашивай, а мы сверстные козаки зимовчакіи ихъ не послушали; и въ мысли у насъ не было, чтобъ итти на города грабить.«

Въ такомъ положеніи было общее настроеніе умовъ, когда прибылъ въ Москву Миневскій съ товарищемъ. Въ распросахъ, которые ему дѣлала бояре, онъ отъ имени Выговскаго чернилъ всячески Лѣсницкаго, указывая, что этотъ-то полковникъ даетъ поводъ ко всѣмъ волненіямъ, потому что ему хотѣлось булавы, но онъ ея не получилъ, и теперь вотъ онъ научааетъ народъ къ неповиновенію и возбуждаетъ чернь противъ царской власти: распустилъ слухъ, будто царь прислалъ князя Трубецкаго съ

тѣмъ, чтобы вездѣ по городамъ поставить войско и уничтожить козакіа вольности. Бояре объяснили ему, что у его царскаго величества и въ мысли не было, чтобы ломать права и вольности ихъ, и приписывали такіе выдумки наущенію враговъ. Посланцы старались выставить въ благопріятномъ свѣтѣ сношенія Выговскаго со Шведами и Поляками и откровенно объявляли, что польскіе послы пріѣзжаютъ для того, чтобы склонить козаковъ къ измѣнѣ царю, и увѣряли, что не успѣтъ имъ въ этомъ. Запорожскіе посланцы были тогда въ Москвѣ; выслушавши отъ ихъ доносъ, бояре стали вывѣдывать отъ посланцевъ Выговскаго, были ли Запорожцы на радѣ? На это Миневскій отвѣчалъ, что не были; но въ самомъ Запорожьѣ народъ въ то время состоялъ изъ козаковъ разныхъ полковъ городовыхъ, а изъ этихъ полковъ на радѣ были и старшины и выборные козаки. «На Запорожьѣ», объясняли они, «людей вовсе немного, всего тысячъ пять, и тѣ не живутъ тамъ постоянно; одни изъ городовъ приходятъ, другіе уходятъ назадъ.»

Посланцы доказывали, что Запорожье не есть что-нибудь особое, а часть того же войска.

«Мы не чаемъ бунта», говорили они, «потому что Ивана Выговскаго выбрали цѣлымъ Войскомъ; а лучше было бы учинить такъ, чтобы великій государь изволилъ послать кого укажетъ въ войско, чтобы собрать полковниковъ и сотниковъ и всю городовую чернь вновь на большую раду; кого на этой радѣ выберутъ, тотъ будетъ и проченъ; а гетманъ самъ желаетъ этого; и если кого иного выберутъ, Иванъ Выговскій о томъ не оскорбляется.»

— «А прежніе гетманы гдѣ выбирались?» спрашивали бояре, слышавшіе предъ тѣмъ отъ запорожскихъ посланцевъ, что они выбирались на Запорожьѣ. «Гдѣ Богданъ Хмельницкій выбранъ?»

«На Запорожьѣ прежніе гетманы выбирались», сказалъ Миневскій, «и Богданъ выбранъ на Запорожьѣ и Запорожанинъ былъ.»

Бояре замотали себѣ на усъ, что Миневскій говорилъ въ-одно съ Запорожцами, и это доставляло оправданіе послѣднимъ во мнѣніи бояръ.

Посланцы Выговскаго были отправлены съ честію, съ жалованною грамотою, составленною буквально по образцу данной Богдану Хмельницкому, и съ письменнымъ милостивымъ словомъ царскимъ ко всему Войску, гдѣ сказано, что такъ-какъ козаки обѣщаются служить вѣрою и правдою его царскому величеству, то и великій государь вѣрныхъ подданныхъ, православныхъ христіанъ, будетъ держать въ вольностяхъ сего

всякаго умаленія; а на подтвержденіе новоизбраннаго гетмана и для принятія отъ него присяги на вѣрность пошлется бояринъ Хитрово.

Въ то время, какъ эти посланцы были еще въ Москвѣ, Выговскаго уже посѣтилъ одинъ московскій гонецъ, стряпчій Рагозинъ. Онъ посланъ былъ въ Украинну подѣ предложомъ извѣстить гетмана о дарованіи отъ Бога радости царскому семейству рожденіемъ царевны Софіи, но въ самомъ дѣлѣ у него былъ наказъ — провѣдывать, что дѣлается на Украинѣ, и любятъ ли и желаютъ Выговскаго? По всей дорогѣ, отъ московской границы до Чигирина и обратно до московской границы, простые люди, проводники и подводчики, въ одинъ голосъ, какъ будто бы сговорившись, утверждали, что Выговскаго недолюбливаетъ народъ. Въ Чигиринѣ говорили ему, что Выговскаго выбрали одни старшины, чернь его не желаетъ, а хочетъ Хмельниченка; но на лѣвой сторонѣ Днѣпра не вспоминали и Хмельниченка.

»Вотъ, сказываютъ«, говорили поселяне Рагозину, »будто бояре и воеводы съ ратными московскими людьми придуть къ намъ, а мы этому и рады.«

Такъ, съ одной стороны, Выговскому и его партіи представлялся поводъ къ подозрѣніямъ и неприятнымъ ожиданіямъ перемѣнъ отъ царя, а съ другой — московскому правительству приходили вѣсти, что народъ не любитъ новоизбраннаго правителя, что народъ расходится съ нимъ и съ его партіею въ желаніяхъ, что Выговскій и значные—тайные недоброжелатели Москвы. Запорожцы поймали посланцевъ Выговскаго, отправленныхъ въ Крымъ, перехватили письма гетмана къ хану; по извѣстію современника Поляка, самыхъ посланцевъ утопили, а письма отправили въ Москву съ своимъ посломъ. Они доносили, между прочимъ, что къ Выговскому ѣздилъ какой-то ложный монахъ Данило, французъ родомъ, который ведетъ тайныя сношенія и подстрекаетъ его къ отпаденію отъ Московщины, старались растолковать письма гетмана къ хану такъ, что гетманъ съ ханомъ и Поляками хочетъ итти войною на Московщину.

Явился Выговскому сильнѣйшій врагъ, который образовалъ около себя центръ недовольной партіи, полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкаръ; пользуясь рѣзкостью народнаго смысла, недовольствомъ черни противъ значныхъ, Пушкаръ надѣялся сдѣлаться самъ гетманомъ, свергнувши Выговскаго, созвалъ у себя раду, и объявилъ на ней, что Выговскій измѣнникъ, свосится съ Поляками, Крымцами, думаетъ измѣнить царю.

Вмѣстѣ съ запорожскими гонцами онъ отправилъ въ Москву и сво-

его атамана, Стринджу, съ товарищами; они повезли доносъ, что гетманъ измѣнникъ, сносится съ Ордою и Поляками. Рѣшившись въ то же время дѣйствовать оружіемъ, Пушкаръ отправилъ къ Запорожцамъ просьбу помогать ему противъ Выговскаго: шестьсотъ молодцовъ отправилось къ Пушкарю подъ начальствомъ атамана Якова Барабаша (1). Но главная сила Пушкаря состояла въ народѣ. Полтавскій полковникъ, чтобъ вредить своему врагу, постоянно призывалъ козаковать посполитыхъ, стремившихся къ уравниенію правъ своихъ съ козаками. Ненависть, прежде обращенная на польскихъ пановъ, теперь готова была съ тѣмъ же неистовствомъ обратиться на единоземцевъ, которымъ болѣе другихъ послужило житейское счастье. Призывы Пушкаря подѣйствовали на бездомныхъ и безземельныхъ: такихъ было множество въ Украинѣ отъ разореній, смутъ и отвычки къ работамъ во время непрерывныхъ войнъ. Со всѣхъ сторонъ стекались къ Пушкарю работники изъ винокурень и пивоварень, — а винокурни и пивоварни тогда находились чуть не въ каждомъ зажиточномъ домѣ, — сбѣгались пастухи, наймыты; не имѣвшіе своего угла и жившіе изъ куска хлѣба у богатыхъ теперь бѣжали козаковать — въ надеждѣ отомстить за побой хозяевамъ и присвоить ихъ имущества, для того, чтобъ пропить и промотать награбленное въ нѣсколько дней; все, что носило названіе *золоты* (т. е. голп, голяковъ), являлось подъ знамена Пушкаря. Они шли безъ лошадей, безъ оружія, нерѣдко безъ одежды и обуви, въ лохмотьяхъ, съ рогатинами, дубинами, косами и, по замѣчанію лѣтописца, съ сердцами, готовыми на убійства и грабежи (2).

Пушкаръ составилъ изъ нихъ пѣхотный полкъ: они назывались *дейнеками*, (т. е., можетъ быть, *де-не-які*, кой-какіе), и въ короткое время у Полтавскаго полковника было, какъ думали, до двадцати тысячъ.... (3) и съ каждымъ днемъ партія его увеличивалась; окрестности Гадяча, Зинькова, Ромна, Миргорода, возмущались; посполство обращалось въ козаковъ.

Выговскій побѣжалъ въ Гадячъ, захватилъ на мѣстѣ нѣсколько возмутителей народа противъ гетманской власти и казнилъ смертію; потомъ отправилъ гадячскаго *намисныка* Тпмоша въ Полтаву и ласково просилъ Пушкаря оставить свои враждебныя намѣренія и предлагалъ миръ.

(1) Лѣтоп. Величка, I. 317.

(2) Лѣтоп. Величка, I. 328.

(3) Кратк. повѣст. о Коз. Мал. Нар. 83.

«Чи не такъ», сказалъ Пушкаръ, «Выговскій хоче мене зъ собою погодити, якъ погодивъ въ Гадячомъ брѣттю нашу, луччихъ одъ себе товаришівъ Війська Запорозького, поутинавши імъ голови?... але не дїжде сего!»

Приказалъ Пушкаръ оковать Тимоша и отослалъ его къ воеводѣ московскаго царя, Колонтаеву, своему пріятелю, въ Каменное (1).

Тогда Выговскій рѣшился успокоить Пушкаря оружіемъ и послалъ противъ него два полка: нѣжинскій и стародубскій. Но на пути протые козаки взволновались, отказывались подымать руки на братьевъ и разошлись.

Выговскій увидѣлъ, что на козаковъ плоха надежда въ междоусобной войнѣ. Но бурная эпоха Хмельницкаго привлекла въ Украину толпы иноземцевъ: у гетмана были *затлжмые* полки (*затлжци*, наемные): въ нихъ были Сербы, Волохи, Поляки, Нѣмцы. 25 генваря 1658 года, гетманъ послалъ противъ соперника отрядъ Сербовъ, подъ начальствомъ Ивана Сербїна, и Малороссїанъ, подъ предводительствомъ Богуну. Они должны были напасть на Полтаву въ располхъ и схватить Пушкаря.

Отъ скорости зависѣлъ успѣхъ. Сербы прошли удачно и быстро до Полтавы, но подъ самымъ городомъ сбились съ зимней дороги, и промедлили день. Въ Полтавѣ узнали объ нихъ, и 27 генваря Барабашъ съ Запорожцами напалъ на нихъ во время обѣда при урочищѣ Жуковомъ-Байракѣ. Триста человекъ легло на мѣстѣ, не успѣвши схватиться за оружіе. Остальные не пошли впередъ и убѣжали. Многіе попались въ плѣнъ и были отосланы къ московскому воеводѣ, пріятелю Пушкаря. Лѣснякїй, узнавъ о несчастїи, дѣлалъ кличъ по всему миргородскому полку, призывалъ спѣшить противъ бунтовщика Пушкаря, но многіе миргородцы переходили на сторону враговъ (2).

Въ это время уже совершился выборъ митрополита. Новозбранный архипастырь, Дїонисїй Балабанъ, сторонникъ Выговскаго, написалъ къ Пушкарю увѣщательное письмо и грозилъ церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе гетману.

«Хотя ваша святительская милость», отвѣчалъ Пушкаръ, «и возложили свое благословеніе на Ивана Выговскаго, но Войско Запорожское не признаетъ его гетманомъ. Когда будетъ полная рада, на которой вся чернь Украинская единомысленно съ чернью Войска Запорожскаго изберутъ его гетманомъ, тогда и я признаю его. А ваше архипастырское неблагосло-

(1) Лѣтоп. Величка, I. 325. — (2) Лѣтоп. Величка, I. 325.

веніе извольте возлагать на кого-нибудь такого, кто не жаает добра его царскому величеству и ищетъ невѣрныхъ царей; мы же почитаемъ царемъ одного царя православнаго (1).»

Пушкарь выступилъ изъ Полтавы и дейнеки повсюду грабили зажиточныхъ и опустошали ихъ имѣнія. Этотъ походъ увеличивалъ войско Пушкаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздражалъ всѣхъ имѣвшихъ собственность.

Но въ то время, когда такое волненіе поднялось въ восточной части Украины, прибылъ Хитрово. Еще онъ былъ въ дорогѣ, а уже козацкіе старшины сильно тревожились. Посланники Выговскаго, возвратившись къ гетману, извѣщали, что царскій посолъ ѣдетъ собирать новую раду для новаго избранія. Опасался, чтобъ противная Выговскому партія не взяла верхъ и не избранъ былъ другой гетманъ; это значило уступить свои свободныя сословныя права произволу самодержавной власти; тогда показали бы примѣръ, что вольное избраніе ничего не значить. Вопросъ о воеводахъ и великорусскихъ войскахъ въ Украинѣ долженъ былъ разрешиться съ прїѣздомъ боярина. Зловѣщіе слухи объ уничтоженіи козаковъ должны были съ нимъ или оправдаться, или обличиться. Страшная для всѣхъ гроза примирила всякія несогласія; гетманъ и Григорій Лѣсницкій стали друзьями. Многие готовились стать грудью за Выговскаго, не изъ любви къ нему, а потому, что съ нимъ вмѣстѣ должны были защищать самихъ себя и все свое сословіе.

V.

17 генваря, Хитрово прїѣхалъ въ Лубны; и отъ гетмана и старшинъ явился посланецъ съ письмомъ просить, чтобъ рада была не въ Переяславѣ, а въ иномъ мѣстѣ. Бояринъ подарилъ говцу пару соболей да пять рублей денегъ и сказалъ ему: »это тебѣ за то, чтобъ, прїѣхавши къ гетману, наговаривалъ его ѣхать на раду въ Переяславъ, а не въ иное мѣсто.«

25 генваря прибылъ Хитрово въ Переяславъ и остановился въ домѣ какого-то Грека Ивана, а 30-го получилъ извѣщеніе, что гетманъ прїѣдетъ на раду. Выговскій былъ предъ тѣмъ въ Миргородѣ вмѣстѣ съ Лѣсницкимъ. Еще не было рады, не порѣшили дѣлъ съ Хитрово, а ужъ путивльскій воевода спрашивалъ Выговскаго, когда онъ поѣдетъ въ Мос-

(1) Истор. М. Росс. II. прим. 12.

кву. Выговскій обѣщавъ вѣхать какъ только утихнетъ волненіе и кончитъ дѣло, по которому пріѣхавъ бояринъ Хитрово.

Собрались съ Переяславъ полковники. Прибыль гетманъ. Старшина роптала. Выговскій не показывалъ охоты начальствовать. Онъ говорилъ старшинамъ такъ: «Москаль ни во что считаетъ выборы по нашимъ стародавнимъ правамъ, и хочетъ, чтобъ у козаковъ гетманы были не выборные, не изъ нашего народа. Они думаютъ навязать намъ какого нибудь своего бородача. Если вы теперь это допустите, то навѣки потеряете права и вольности; не поддавайтесь Москалю, не позволяйте себѣ давать гетмана, выбирайте вольными голосами, какъ прежде всегда въ старину бывало.»

На раду прибыль и новоизбранный митрополить Діонсій и знатное духовенство. Рада произошла въ одинъ изъ первыхъ дней февраля. Прибыль въ собраніе бояринъ; Выговскій не явился; вмѣсто его выступилъ монахъ Петроній и сказалъ:

«Панове рада! Приказалъ вамъ Выговскій сказать, что онъ отказывается отъ булавы, которую ему дала рада; онъ увидѣлъ къ себѣ неблаговоленіе его царскаго величества, да притомъ и въ Войскѣ много у него недоброжелателей. Пусть бояринъ назначитъ вамъ гетмана, кого пожелаетъ, а Выговскій, утомленный долгими трудами и видя на себѣ всюду гоненія, желаетъ остатокъ дней своихъ посвятить Богу въ монастырѣ.»

Съ негодованіемъ выслушали козаки официальный отказъ своего гетмана. Они были научены заранѣе, будто отъ Выговскаго требуетъ этого бояринъ.

Одинъ смѣльчакъ такъ говорилъ:

«А бодій тогò ніхтò не дїждавъ, щобъ Выгòвського зъ булави запорòзької збїнули; ані цареві, ані тобі, воеводо, козаки нічого не здїлали, щобъ ви право наше козацьке — обірати гетьмана — у насъ вїдерли; Выгòвський гòлову смаживъ, насъ зъ тяжкої неволі лядської вїзволяючи; всі при нїмъ умирати, изъ нїмъ жити готòвїсємо; то вся Україна: полковники, осауди, отамани, сотники и чернь, поприсягаємо!»

«Згòда! згòда!» раздалось множество голосовъ.

«Все», говорилъ какой-то полковникъ, «все, щò царь и ти, боярине, намъ скажешъ, ми учїнимо, а зъ рукъ у себе обірання гетьмана вїдерти не дамò: на те постріли рани и люту смєртъ у битвахъ зъ ворогами одважно терпимò, щòбъ дослужити слави и чєсти въ нашїмъ козацькїмъ народі!»

— »Если такъ, папы рада«, сказалъ бояринъ: »если вы желаете, чтобъ Выговскій былъ у васъ гетманомъ, то пусть будетъ по вашей волѣ и по вашимъ старымъ обычаямъ, съ тѣмъ, чтобы новый гетманъ присягнулъ передъ крестомъ и евангеліемъ, что не будетъ сношаться съ царскими врагами, а Поляковъ будетъ считатьъ непріятелями, если они не выберутъ на престолъ его царское величество, и противъ Турковъ и иныхъ, кто будетъ его царскому величеству непріателемъ, будетъ съ козаками биться; а потомъ пусть отправляется въ Москву видѣть свѣтлыя очи его царскаго величества (¹).«

Полковники увѣряли боярина, что Выговскій всегда былъ и будетъ вѣренъ царю. Тогда разрѣшилось наконецъ загадочное дѣло о воеводахъ. Воевода изложилъ прежнее состояніе Украины, когда въ ней не было крѣпостей, и польскіе люди, соединяясь съ Крымцами, приходили войною и опустошали города и мѣстечки; припомнилъ, какъ государь присылалъ своихъ ратныхъ людей для защиты края и велѣлъ устроить въ Кіевѣ крѣпость, и сами козаки хвалили это.

»И теперъ«, говорилъ бояринъ, »великій государь, желая по христіанству, чтобъ было все Войско Запорожское въ осторожности и въ безстрашіи отъ внезапнаго прихода непріятеля, изволилъ учредить своихъ воеводъ и ратныхъ людей въ знатныхъ городахъ Малой Россіи: въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Переяславѣ и въ другихъ, гдѣ будетъ пристойно, также какъ въ Кіевѣ, для вашей обороны. Воеводы и ратные люди будутъ укрѣплять города и устривать осады, а въ городахъ и мѣстечкахъ будутъ вѣдать козаковъ и чинить между ними расправу полковники и войты и бурмистры — по вашимъ правамъ; а осадныхъ людей въ городахъ будутъ судить и расправу чинить надъ ними — воеводы, только также по вашимъ правамъ. Тѣ поборы, которые собирались у васъ — *подымное* и съ *орандъ*, будутъ собираться въ оныхъ городахъ въ войсковую казну и даваться на жалованье Запорожскому Войску и на царскихъ ратныхъ людей, которые будутъ съ воеводами, да на войсковые расходы.«

Бояринъ доказывалъ, что такое устройство принесетъ большую пользу всему краю. »Тогда«, говорилъ онъ, »если непріатели и наступятъ на города Малой Россіи, то Войско Запорожское надежно будетъ стоять противъ нихъ; въ городахъ въ то время будутъ для береженья воеводы и ратные люди и не дадутъ непріателю пустошить городовъ и уѣздовъ;

(¹) Hist. panow. Jana Kaz. II, 327. Annal. Polon. Climaet. II. 272.

а сверхъ того, на то время войску будетъ заплата, когда оно пойдетъ противъ непріятели, не будетъ никакой нужды, и вамъ всѣмъ будетъ охотнѣе служить: будете знать, что дома ваши цѣлы и не разорены: воеводы берегутъ.»

Простые козаки должны были видѣть въ этомъ свою выгоду. Но эти нововведенія парализовали власть старшинъ, потому что отнимали у нихъ распоряженіе доходами, которые они собирали какъ хотѣли и употребляли въ свою пользу. Приходилось согласиться на требованіе боярина. Постановили быть воеводамъ въ малороссійскихъ городахъ.

«Но въ которыхъ именно городахъ», сказалъ Выговскій, «надобно быть воеводамъ, я самъ доложу о томъ великому государю, царскому пресвѣтлому величеству, когда, Богъ дастъ, буду оглядать его царскія пресвѣтлыя очи и принесу вѣчное свое подданство.»

Посольство требовало, чтобъ козаки, водворившіеся въ литовской землѣ, именно въ Старомъ Быховѣ и Чаусахъ, были выведены оттуда, и пашенные крестьяне, вступавшіе самовольно въ козацкое званіе, были обращены въ прежнее состояніе; московское правительство считало Литовское Великое Княжество уже своимъ завоеваннымъ достояніемъ, размѣстило своихъ воеводъ по городамъ и приписало къ нимъ повѣты. Находили, что Быховъ принадлежалъ къ оршанскому, а Чаусы къ могилевскому повѣтамъ, и слѣдовательно этими городами должны начальствовать воеводы, помѣщенные въ Оршѣ и Могилевѣ. Полковникъ козацкій долженъ выйти прочь, и въ Литвѣ не слѣдуетъ быть козачеству.

Приходилось радѣ безропотно согласиться и на это требованіе, а оно также сильно щекотало козацкій патриотизмъ и внушало опасеніе за будущее: если московское правительство теперь по своей волѣ уничтожило козачество въ одномъ изъ краевъ, гдѣ козачество уже завелось, то могло впоследствии уничтожить его и въ другихъ мѣстахъ, и такъ постепенно обрѣзывать территорію, какую козачество успѣло занять во время войнъ съ Поляками. Бояринъ давалъ знать, что правительство не хочетъ слишкомъ сильнаго расширенія козачества и признаетъ его вреднымъ для гражданскаго порядка. Бояринъ жаловался, что изъ сосѣднихъ краевъ Великороссіи, изъ уѣздовъ: брянскаго, карачевского, рыльскаго, путивльскаго, крестьяне, живущіе въ имѣніяхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, и холопы бѣгаютъ въ Малороссію, потомъ приходятъ оттуда на прежнее жительство толпами, подговариваютъ къ побѣгу съ собой другихъ крестьянъ и холоповъ, и нерѣдко отмщаютъ своимъ господамъ, если прежде были ими недовольны: набѣгаютъ на ихъ дома—сожигаютъ

ихъ, убиваютъ хозяевъ и ихъ семейства; иногда они запирали господъ въ домахъ и закапывали дома со всѣхъ сторонъ землю, и такъ оставляли жильцовъ умирать взаперти голодною смертію. Ясно было, что козачество, которое возникло изъ возстанія простаго народа противъ владѣльцевъ, было искушеніемъ для сосѣдняго великороссійскаго простонародья.

»О всѣхъ тѣхъ людяхъ,« отвѣчалъ Выговскій, »мы сдѣлаемъ розыскъ, и всякій полковникъ и урядникъ подвергнется наказанію, если не будетъ поступать согласно нашему приказанію. :

—»Великому государю учинилось вѣдомо,« сказалъ бояринъ, »что въ Запорожское Войско не однажды пріѣзжалъ старецъ Данило, родомъ изъ французской земли; но онъ на самомъ дѣлѣ не старецъ, и теперь уже скинулъ съ себя чернеческое платье, и ходитъ въ мірскомъ; онъ пріѣзжалъ сюда отъ шведскаго короля лазутчикомъ и чинить ссору въ Запорожскомъ Войскѣ; и потому, какъ только онъ пріѣдетъ, вели, гетманъ, задержать его и отписать объ немъ его царскому величеству.«

Гетманъ отвѣчалъ на это:

»Мы и прежде не слушали никакихъ сплетней и теперь не станемъ слушать. Если же этотъ Данило станетъ дѣлать что-нибудь противное у насъ, мы его самого отошлемъ къ его царскому величеству.«

Бояринъ, какъ органъ московской власти, выражалъ и теперь, какъ дѣлалось прежде, неудовольствіе со стороны этой власти за склонность къ дружелюбному отношенію къ Шведамъ; съ выговоромъ замѣчалъ, что до сихъ поръ не послано отъ Козаковъ посольства къ шведскому королю съ объявленіемъ ему непріязни, въ случаѣ если онъ не исполнитъ требованій царя и не примирится съ нимъ по желанію послѣдняго. Выговскій долженъ былъ обѣщать отправить такой отзывъ къ шведскому королю, съ которымъ втайнѣ велъ мирныя сношенія. Въ отношеніи Поляковъ, бояринъ объявилъ, что война будетъ неизбежна, потому что Поляки уклоняются отъ исполненія виленскаго договора 1656 года, не думаютъ собирать сейма и разсуждать на немъ объ избраніи на королевство московскаго государя. Бояринъ приказывалъ козацкому войску быть наготовѣ къ выступленію на войну, когда придетъ указъ изъ Москвы о началѣ военныхъ дѣйствій.

»Мы«, отвѣчалъ гетманъ, »готовы итти на польскаго короля и велили написать универсалы, чтобъ разослать козакамъ, когда будетъ нужно; желаемъ сложить наши головы за достойніе его царскаго величества и противъ шведскаго короля, и противъ каждаго царскаго непріятеля поидемъ покорно, по царскому приказанію.«

Наконецъ бояринъ замѣтилъ слѣдующее:

» Въ прошлыхъ годахъ, покойный гетманъ Хмельницкій подписывался въ своихъ листахъ отъ козаковъ къ царю — *вѣчными* подданными его царскаго величества, а ты, Иванъ, въ листѣ своемъ къ великому государю подписался — *вольными* подданными; такъ тебѣ не годилось писать, и впредь вамъ подписываться просто — *вѣчными* подданными царскаго величества, а не *вольными*. Да еще ты писалъ листъ къ крымскому хану и не подписался въ немъ подданнымъ царскаго величества, а въ грамотахъ къ крымскому хану и къ султану Калгъ пишутъ васъ отъ великаго гусударя царскими подданными и приказываютъ посланникамъ говорить, чтобъ ханъ шертовалъ на томъ, чтобы не ходить на васъ, запорожскихъ козаковъ и не чинить вамъ никакого лиха, потому что вы подданные царскіе; а если бъ васъ царскими подданными не писать въ грамотахъ къ крымскому хану, то на васъ бы давно война была.»

Отвѣта на это замѣчаніе не дошло до насъ; трудно было что нибудь и отвѣчать на него; оставалось молчать, потупивъ головы.

Въ соборной церкви святыхъ апостолъ произнесъ гетманъ присягу, — по выраженію того времени, — его царскому величеству прямиъ и добра хотѣть. Выговскій счастливо увернулся отъ немедленной поѣздки въ Москву, и бояринъ изъ своихъ рукъ далъ ему булаву, бунчукъ и царскую грамоту на гетманское достоинство. Украинскій лѣтописецъ говорить, что Выговскій расположилъ къ себѣ боярина угощеніями и подарками. Съ своей стороны, бояринъ щедрою рукою раздавалъ царскіе дары, состоявшіе въ соболяхъ и рубляхъ, и Выговскому и всѣмъ старшинамъ и духовенству и многимъ простымъ козакамъ, съ кѣмъ только приходилось ему имѣть сношеніе ⁽¹⁾. 18 февраля уѣхалъ бояринъ съ своею свитою изъ Переяслава.

VI.

Во все продолженіе времени когда бояринъ находился въ Переяславѣ, Пушкаръ со своими дейнеками стоялъ въ Гадячѣ; власть его рас-

(1) Тогда полковниками, по свѣдѣніямъ изъ посольскихъ дѣлъ, были слѣдующія лица: мпргородскій — Лѣсницкій, черниговскій — Іоанникій Сялпчъ, корсунскій — Тимофей Анкиевъ(?), капевскій — Иванъ Стародубъ, бѣлоцерковскій — Яковъ Люторенко, переяславскій — Иванъ Кульбака, пркѣвскій — Матвій Пацкѣвъ(?), уманскій — Михайло Ханенко, паволочскій — Михайло Суляччъ, вѣжинскій — Григорій Гуляницкій, кievскій — Павелъ Яленко-Хмельницкій; но и сверхъ того упоминается наказный кievскій — Василій Дворецкій.

ширлась на побережь Псла. Съ нимъ были: весь полтавскій полкъ и толпа изъ миргородскаго полка, изъ чигиринскаго и другихъ. Предводитель хотѣлъ было итти прямо на Переяславль, но остановился. Тамъ былъ царскій бояринъ, прѣхавшій рѣшить дѣло о Выговскомъ. Нападать теперь на Переяславль показалось бы бунтомъ противъ царской власти. При томъ, разнесся слухъ, что Выговскій опять посылаетъ войско на полтавскій полкъ; Полтавцы боялись, если они отойдутъ далеко на западъ и оставятъ за собою свои мѣста, то противники разрушатъ ихъ беззащитныя жилища. Пушкарь стоялъ въ Гадячѣ, посылалъ къ Хитрову въ Переяславль и просилъ собрать великорусскую рать и придти къ нему на Лубны: онъ увѣрялъ, будто Выговскій намѣренъ напасть врасплохъ на Великороссианъ. Онъ отправилъ снова козака, по имени Яковенка, гонцемъ въ Москву съ доносомъ, писалъ сверхъ того угрожающія вѣсти путивльскому воеводѣ. Выговскій, — увѣрялъ онъ всѣхъ, — помирился тайно съ Ляхами и съ Ордою, идетъ противъ нашего войска на украинскіе наши города, хочетъ взять ихъ, опустошить огнемъ и разрушить всю Украину, а потомъ итти на рать его царскаго величества. Онъ прибавлялъ, будто получилъ отъ Юрія Хмельницкаго извѣщеніе, что Выговскій измѣняетъ царю. Съ своей стороны, Григорій Лѣсницкій, письмомъ къ путивльскому воеводѣ, указывалъ на Пушкаря, какъ на измѣнника царю, увѣрялъ, что онъ желаетъ разоренія православной Россіи и производить смуту, къ искорененію святой вѣры, на радость окрестнымъ неприятелямъ: Татарамъ, Ляхамъ, Волохамъ, Мултянамъ, Венграмъ, которые всегда угрожаютъ набѣжать на Украину и разорить ее. Тогда какъ Пушкарь, обвиняя Выговскаго въ измѣнѣ, ссылался на свидѣтельство Юрія Хмельницкаго, Лѣсницкій, воспитатель Юрія, изъявлялъ готовность ѣхать съ Юріемъ въ Москву за гетмана Выговскаго, если послѣднему нельзя будетъ оставить Украины безъ главы.

Хитрово, который былъ посланъ утишить безпокойство утвержденіемъ Выговскаго, возвращаясь назадъ, видѣлся съ Пушкаремъ и уговаривалъ его оставить вражду и пребывать въ повиновеніи у гетмана. Онъ въ то же время увѣрялъ въ царской милости и Пушкаря, одарилъ его, какъ и всѣхъ чиповниковъ, подарками и деньгами, и вообще оказывалъ къ нему знаки расположенія. Пушкарь старался какъ можно болѣе очернить своего врага гетмана и увѣрялъ, что онъ измѣнникъ и недостойнъ милостей царя. Бояринъ терпѣливо выслушалъ эти увѣренія, и все-таки приказалъ ему оставить возмущеніе.

»Побѣдите«, сказалъ Пушкарь, »якій огонь зъ сѣго разгорѣца!«

Полтавскій полковникъ не оставилъ своей вражды, и продолжалъ писать доносы. Московское правительство хвалило его за вѣрность, въ которой онъ увѣрялъ, ласкало, но не давало ему перевѣса.

Прибыли къ нему посланники: стольникъ Иванъ Олѣимовъ и дворянинъ Никифоръ Волковъ. Они привезли Пушкарю приказаніе оставаться въ покоѣ и не нападать на гетмана.

«Не я нападаю на Выговскаго», отвѣчалъ Пушкаръ, «а Выговскій нападаетъ на меня, хочетъ принудить меня не мѣшать его замысламъ; но я, вѣрноподанный его царскаго величества, не хочу нарушать своей присяги; я замѣчаю изъ поступковъ Выговскаго недоброжелательство, а потому отдѣлился отъ его властолюбія и прошу, какъ себѣ, такъ и всѣмъ вѣрноподаннымъ, царскаго заступленія и покровительства (1)».

Съ такимъ отвѣтомъ гонцы отправились обратно въ Москву. Пушкаръ продолжалъ посылать въ Москву доносъ за доносомъ и въ то же время возстановлялъ народъ противъ гетмана.

Гетманъ былъ поставленъ въ неловкое положеніе. Онъ видѣлъ, что московское правительство, настроенное Пушкаремъ и Запорожцами, не благоволяетъ къ нему, хотя и признаетъ его начальникомъ края; Пушкаръ и Запорожцы, высказывая желаніе подчинить малороссійскій край тѣснѣйшей зависимости отъ Московіи, естественно должны были въ Москвѣ нравиться больше, чѣмъ Выговскій и старшина и вообще партія, стоявшая за мѣстную независимость.

Требованіе ѣхать въ Москву не нравилось гетману. Въ ожиданіи его пріѣзда, правительство не приступало ни къ какимъ измѣненіямъ: не вводило воеводъ, не посылало войска. Онъ понималъ, что если поѣдетъ въ Москву, то долженъ будетъ согласиться на всякія условія, какія ему предложить. Мысль отторгнуться отъ Московіи и сойтись съ Польшею стала теперь тверже въ головѣ его. Онъ выжидалъ только, чѣмъ кончатся дѣла Польши съ Швеціею, и откладывалъ свою поѣздку подъ благовидными предлогами. Хитрово писалъ къ нему безпрестанно и торопилъ ѣхать. Въ Путивлѣ готовили ему подводы и провожатыхъ. Онъ отговаривался въ письмѣ своемъ тѣмъ, что нельзя ему покинуть Украины въ смутныхъ обстоятельствахъ. «Хотя (писалъ онъ отъ 18 марта къ отцу своему, съ увѣренностію, что это письмо покажется воеводѣ)

(1) Лѣтоп. повѣсть о Малорос., II. 4.

«окольныйчій его царскаго величества часто ко мнѣ пишеть; но поѣздка моя замедляется, и я остаюсь въ раздумьи болѣе отъ того, что меня со всѣхъ сторонъ извѣщаютъ: польскій король со шведскимъ помирился и оба государя хотять вмѣстѣ итти на великаго государя; полки подходятъ къ Межибожью; съ другой стороны великая литовская рать подвигается, а тутъ у насъ дома отъ Татаръ добра не надѣяться, стоятъ уже на Кисляхъ съ ханскою великою ратью.» Заднѣпровскіе полковники: брацлавскій, уманскій, корсунскій и другіе собрались въ Чигиринъ и представили, что гетману не слѣдуетъ ѣхать. «Ума не приберу, какъ мнѣ и быть», писалъ онъ въ Кіевъ, «куда мнѣ повернуться не знаю.»

Въ Москву поѣхалъ Лѣсничкій; онъ оставилъ полковническій урядъ; мѣсто его заступилъ избранный полковникъ Стефанъ Довгаль. Это былъ недоброжелатель Поляковъ, сторонникъ Пушкаря. Онъ, 7 апрѣля, писалъ къ путивчскимъ воеводамъ для доставленія сообщаемаго извѣстія въ Москву: «Извѣщаемъ вашимъ милостямъ, что никогда Иванъ Выговскій къ его пресвѣтлому величеству ѣхать на столицу не думаетъ; вездѣ пословъ своихъ поразсылалъ: къ Туркамъ, къ крымскому хану, и письма Татарамъ и Ляхамъ послалъ!»

Не надѣясь выиграть въ Москвѣ, потому что противники его предлагали больше, чѣмъ онъ съ своею партіею могъ предложить, Выговскій искалъ помощи у Татаръ. Первое его посольство въ Крымъ было неудачно. Запорожцы утопили посла и письмо отослали къ царю. Второе достигло Крыма. Перекопскій бей извѣстилъ гетмана, что и ханъ соглашается оказать ему помощь. Въ половинѣ апрѣля донесли Выговскому, что обѣщанные Татары пришли въ Украину. Гетманъ, въ сопровожденіи старшинъ, полковниковъ и сотниковъ, отправился на встрѣчу желаннымъ союзникамъ на берега Ирклѣя. Прибылъ старинный пріятель козаковъ, побѣдитель при Батогѣ—Карабей съ ордою, которая, по сказанію одного современника, простиралась до сорока тысячъ, а сверхъ того находилось пятьдесятъ тысячъ, но извѣстіямъ самого Выговскаго, съ султаномъ Нураддиномъ у Полтавы.

Оба предводителя выѣхали другъ къ другу, и послѣ привѣтствій уѣхали въ уединенное мѣсто и тамъ около двухъ часовъ разговаривали между собою. Потомъ они вмѣстѣ пріѣхали въ козацкій лагерь и тамъ, предъ собраніемъ чиновниковъ, утвержденъ былъ дружественный союзъ между Козаками и крымскимъ ханомъ. Татары и Козаки обязывались помогать одни другимъ и идти повсюду, гдѣ бы ни предстояла опасность комунибудь изъ союзниковъ. Козаки цѣловали крестъ. Потомъ отправлялась ве-

сезая пирушка съ пушечной пальбой; Татары не уступали союзникамъ въ употребленіи напитковъ. Вечеромъ Карабей уѣхалъ въ свой лагерь и двое козацкихъ чиновниковъ сопровождали его: они отобрали отъ Татари присягу или шерть по ихъ закону ⁽¹⁾.

Въ слѣдующую ночь Выговскій чуть было не лишился жизни. Тайный разговоръ его съ Карабеемъ возбуждалъ подозрѣніе. Оно усилилось, когда въ тотъ же день пріѣхалъ въ лагерь Джебжалы. Природный Татаринъ, онъ, во время бесѣды, услышалъ такіа двусмысленности въ разговорѣ Выговскаго съ Карабеемъ, которыхъ не поняли другіе, но молчали и шлѣ за здоровье Карабея. Выговскій, по обыкновенію своему, прикинулся пьянымъ и, послѣ ухода Карабея, легъ спать въ своемъ шатрѣ. Джебжалы, самъ пьяный, подкрался къ шатру гетмана и пустилъ въ него копьё: онъ думалъ, что убилъ Выговскаго, и, выскочивши, гордо кричалъ: »Лежить собака, що козацькую кровь Ляхамъ та Татарамъ продаѣ! У чорта тепѣрь гроші лічѣтимешь!« Но гетманъ былъ живъ, и понявши, что противъ него существуетъ заговоръ, убѣжалъ въ татарскій лагерь ⁽²⁾.

Неизвѣстно, какъ расплатился Джебжалы за эту выходку, но съ тѣхъ поръ имя этого сподвижника Хмельницкаго не упоминается въ исторіи. Уже онъ иркѣвскимъ полковникомъ не былъ и прежде, ибо во время послѣдней Переяславской рады при бояринѣ Хитрово, вмѣсто его полковницкій урядъ занимало другое лицо, какой-то Матеей Пацкѣвъ (Пацько?). Дружелюбныя сношенія Выговскаго съ Ордою напугали народъ, настроенный и безъ того противъ гетмана его недоброжелателями. Павлочскій полковникъ Суличичъ извѣщалъ кievскаго воеводу о соединеніи гетмана съ крымскимъ ханомъ, о сношеніи съ Ляхами. Кievскій полковникъ Павелъ Янѣнко-Хмельницкій, наказный кievскій полковникъ Дворецкій, кievскіе мѣщане, духовенство и самъ митрополитъ показывали знаки негодованія, хотя неискренно, потому что сами принадлежали къ партіи Выговскаго. Пріѣзжавшіе съ разныхъ сторонъ въ Кievъ Украинцы, кричали: »уже Татары пришли къ гетману; скоро и Ляхи придуть, начвуть враги церкви Божіи раззорять, людей нашихъ въ полонъ погонять.« Нѣкоторые письменно изъявляли Бутурлину желаніе, чтобы государь прислалъ свое войско на помощь Пушкарю и оборонилъ бы Украину; иначе Ляхи съ Татарами бросятся и на порубежныя московскія об-

(1) Лѣтопись Самов. 29.

(2) Hist. rapow. Jana Kazim. 1. 339. Ann. Pol. Clim. II. 274.

ласти. Съ другой стороны, Бутурлинъ получалъ письма въ противномъ духѣ: излагались жалобы, что Москали стоятъ больше за гетмана, старшину, а не за все Войско; въ одномъ такомъ письмѣ было сказано: «Пушкарь никакой услуги не учинилъ царю, развѣ то за услугу считать, что вырѣзалъ царскихъ людей надъ Донцомъ (фактъ неизвѣстный), и теперь пожогъ загородные дворы, а его люди грабятъ; однако онъ становится праведенъ съ своею злобою, а мы съ правдою мѣста не находимъ; онъ сродниковъ нашихъ и козаковъ много побилъ, и женъ и дѣтей ихъ помучилъ, а у васъ чистъ.» Бутурлинъ послалъ поскорѣй гонцовъ въ Москву просить войска, извѣщалъ, что Украина въ опасности: Поляки уже пришли, Татары принимаютъ угрожающее положеніе, внутри края неурядица. Въ Москвѣ пришли въ нерѣшительность. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ столицу Лѣсницкій посланцемъ отъ гетмана и всего Запорожья; за нимъ вслѣдъ прибыли и другіе гонцы — Бережецкій и Богунъ съ дополнительной просьбою объ усмирении мятежниковъ. Малороссіянѣ объясняли, что Татары призваны по крайней необходимости, и если бы они не пришли, то мятежники убили бы гетмана и раззорили бы весь край. «Предложенія, которыя тогда дѣлалъ Лѣсницкій, сообразовались съ тѣмъ, чего только могло желать московское правительство. Видно, что желая вооружить московское правительство противъ Пушкаря, Выговскій и его партія рѣшились предъстить Москалей такими же предложеніями, какія дѣлалъ Пушкарь: Лѣсницкій отъ имени гетмана и всего Запорожскаго Войска просилъ комиссаровъ для приведенія въ строгій порядокъ реестра, чтобъ Козаковъ было не болѣе опредѣленнаго числа — шестидесяти тысячъ, чтобъ такимъ образомъ отбить у мужиковъ охоту самовольно дѣлаться козаками; ибо отъ этого происходятъ и смуты и бунты; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ послать въ украинскіе города воеводъ и указывалъ на шесть городовъ, гдѣ удобно пребывать воеводамъ: Бѣлую Церковь, Корсунъ, Нѣжинъ, Черниговъ, Полтаву и Мпргородъ; «объ этомъ», говорилъ Лѣсницкій, «и гетманъ и все Запорожское Войско бьетъ челомъ пренизко; только тѣмъ и можетъ усмириться бунтъ; но хотя бы великій государь пожелалъ и въ другіе города помѣстить воеводъ, тѣмъ лучше будетъ для войска: смирише станеть. Вотъ и теперь Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, уѣзжая, оставилъ немного ратныхъ людей, а бунту стало меньше.»

Правительство приняло благосклонно посольство и назначило комиссаромъ для реестрованія козаковъ боярина Василя Борисовича Шереметева; онъ опредѣлялся въ Кіевъ на воеводство, и долженъ былъ вести перепись

по полкамъ, начиная съ тѣхъ полковъ, которые размѣщаются по близости къ польскимъ границамъ. Въ подтвержденіе извѣстій о неистовствахъ Пушкиря, Лѣсипцкій привезъ просьбу отъ Юрія Хмельницкаго. Юрій жаловался, что Пушкаревцы раззорили его имѣнія, ограбили его людей, нѣкоторыхъ варварски замучили, другихъ взяли въ неволю, и просилъ приказать освободить задержанныхъ.

Не смотря на расположеніе, которое въ Москвѣ оказывали Выговскому, его поступки начали казаться двусмысленными; послали къ нему стольника Скуратова надзирать за его дѣйствіями. Скуратовъ встрѣтилъ гетмана, когда тотъ шелъ къ Полтавѣ и остановился съ войскомъ подъ Голтвою. Гетманъ, не выдавшись съ посланцемъ, оставилъ его въ Голтвѣ и велѣлъ ждать, пока самъ не кончитъ дѣла съ Пушкаремъ. Это дѣлалось подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы царскій посолъ не подвергался опасности; но Скуратовъ объявилъ напрямки, что присланъ государемъ провѣдывать вѣстей, что ему велѣно быть при гетманѣ и разузнавать, нѣтъ ли еще какой смуты въ войскѣ, въ послушаніи ли у гетмана полковники и всѣ козацкіе чиновники; онъ требовалъ настоятельно, чтобы Выговскій взялъ его съ собою. Вслѣдъ за тѣмъ, не дождавшись отвѣта, Скуратовъ поѣхалъ прямо къ козацкому обозу и далъ знать, что прибылъ съ царскими милостивыми грамотами. Гетманъ поневолѣ долженъ былъ принять его, но уже плохо срывалъ свою досаду.

Посла ввели въ обозъ и помѣстили близко гетманскаго шатра; явился козакъ и объявилъ, что гетманъ зоветъ его итти пѣшкомъ въ свой шатеръ, потому что недалеко; посолъ заупрямился: ходить пѣшкомъ вообще для знатнаго человѣка считалось несообразнымъ съ его достоинствомъ. Ему начали сѣлать коня; какъ увидѣлъ это вводившій посла въ обозъ Самойло Выговскій, родственникъ гетмана, то сейчасъ далъ знать, и отъ гетмана привели лошадь. Около шатра козацкаго предводителя встрѣтили посла полковники. Самъ гетманъ выступилъ нѣсколько шаговъ изъ шатра. Посолъ проговорилъ передъ нимъ заученую рѣчь, написанную до слова въ наказѣ, и подалъ царскія грамоты. Ихъ было двѣ. Подавая грамоты отъ имени царя, онъ спросилъ о здоровьѣ гетмана и полковниковъ. И гетманъ и полковники поклонились низко въ знакъ благодарности. Одну грамоту гетманъ прочелъ про себя. Въ этой грамотѣ извѣщали его о скоромъ прибытіи въ украинскіе города воеводъ съ ратными людьми. Гетману не понравилась эта грамота, онъ не читалъ ея вслухъ, но и не изъявлялъ неудовольствія, пока дѣло съ врагомъ еще не кончилось. Другую грамоту Выговскій велѣлъ читать вслухъ писарю своему

Грушѣ. Едва только Груша окончилъ въ грамотѣ длинный царскій титулъ и приступилъ къ дѣлу, Выговскій сѣлъ на свою походную постель и приглашалъ сѣсть гостя. Но Скуратовъ сказалъ: «достоитъ царскаго величества грамоту слушать всю со всякою подобающею честію, а не сидя». — «Все у васъ высоко», сказалъ гетманъ, и прослушалъ грамоту стоя. Эта грамота извѣщала, что къ Пушкарю посланы убѣжденія прекратить бунтъ и пребывать въ согласіи съ гетманомъ и старшинами. Взявъ ее у Груши, Выговскій пробѣжалъ ее самъ и сказалъ:

«Этой грамотою не унять Пушкаря; взять бы его самого, да голову ему отрубить или прислать въ Войско Запорожское живого.»

— «Такая грамота», объяснялъ Скуратовъ, «отправлена къ полтавскому полковнику со стольникомъ Алѣксѣевымъ, и въ Запорожье тоже послано, и уже два раза, и со мною присланъ тебѣ, гетману, списокъ для вѣдома, а мнѣ велѣно при гетманѣ побывать.»

Выговскій заговорилъ сердито: «Давно бы слѣдовало вора поймать и прислать въ войско, какъ я и писалъ уже много разъ его царскому величеству; можно было укротить Пушкаря еще до Пасхи; а если не изволятъ его смирить, то я самъ съ нимъ управлюсь: можно было до сихъ поръ его усмирить; цѣлы были бы православные христіане, которые отъ него безвинно побиты; а я все терпѣлъ, все ждалъ указа его царскаго величества. Иначе еще зимою я смирилъ бы Пушкаря огнемъ и мечемъ. Я не домогался булавы, хотѣлъ жить въ покоѣ, но Богданъ Матвѣевичъ Хитрово обѣщалъ мнѣ взять Пушкаря и привести ко мнѣ, да не только не привелъ, но пуще ободрилъ его, подарилъ ему соболей и отпустилъ, и къ Барабашу написалъ. Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали его царскому величеству на томъ, чтобъ никакихъ правъ нашихъ не нарушать; и въ пунктахъ написано, что государь вольность намъ обѣщаетъ паче того, какъ было при польскихъ короляхъ, а по нашимъ правиламъ слѣдуетъ такъ: ни къ полковнику, ни къ кому иному не должно посылать грамотъ мимо гетмана. Одинъ гетманъ чинить во всемъ расправу; а вы всѣхъ въ гетманы произвели; подавали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ такихъ грамотъ и бунты начались. А какъ мы присягали царю, въ ту пору Пушкаря и не было; все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій; да я другихъ статей, кромѣ нашихъ, никакихъ не видалъ. Не слѣдовало было того начинать. Теперь Пушкарь шлетъ, будто ему позволено взять на четыре года на всякаго козака по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ побольше; будто бы мы завладѣли шестьюдесятью тысячами талеровъ, а этого и не бывало.

Не впервые къ нему такія грамоты посылаются, да Пушкаръ ихъ не слушаетъ вовсе.»

— «Это уже въ послѣдній разъ», сказала Скуратовъ; «подожди, панъ гетманъ, что сдѣлаетъ Пушкаръ. Если онъ теперь не учинитъ по государевой грамотѣ, тогда своевольство ему отъ его царскаго величества даромъ не пройдетъ, а я останусь и буду ждать.»

«Ты, стольникъ», сказала гетманъ, «пріѣхалъ проповѣдывать, а проповѣдывать тутъ нечего, — все явно; вѣстей про непріятеля нѣтъ; я иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ. Куда бы онъ ни убѣжалъ, я его тамъ найду и стану доставать; хоть бы онъ ушелъ и въ царскіе города, такъ я и туда пойду, и кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется, а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ; не я началъ: онъ собрался съ самовольниками и пришелъ подъ Чигиринъ-Дубраву. Я съ нимъ хочу биться не за гетманство, а за свою жизнь. Дожидаюсь рады; я булаву поквну, а самъ пойду къ Волохамъ или Сербамъ или къ Мультинамъ, — вездѣ мнѣ рады будутъ. Великій государь насъ прежде жаловалъ, а теперь вѣрять ворагъ, которые государю не служивали, на стени царскихъ людей убивали, казну царскую грабили, — тѣхъ государь жалуетъ, принимаетъ ихъ посланцевъ, деньги и соболей имъ отпускаетъ, а этихъ бунтовщиковъ надобно было бы прислать въ Войско Запорожское.»

Выговскій съ досадою разстался съ царскимъ посланцемъ; его очень огорчало то, что посланецъ открыто возвѣщалъ, что пріѣхалъ смотрѣть за нимъ. Въ тотъ же день сошелся съ нимъ Самойло Выговскій и говорилъ:

«Въ Войскѣ Запорожскомъ большое сомнительство: думаютъ, что царь иотакаетъ Пушкарю; самъ Пушкаръ толкуетъ, что во всемъ войскѣ были царскіе воеводы; кричатъ они, что не замолчатъ до тѣхъ поръ, пока воеводъ не примлютъ. А при короляхъ польскихъ было подобное: назначили полковниковъ изъ Ляховъ, и при каждомъ изъ нихъ было челоуѣкъ по десяти Ляховъ; за то сдѣлалось возмущеніе: и полковниковъ и Ляховъ побили.»

Здѣсь, очевидно, былъ намекъ на положеніе Скуратова; его предостерегали, хотѣли, чтобы онъ самъ побоялся оставаться при гетманѣ.

17 мая пригласилъ Выговскій московскаго посланца обѣдать въ свой шатеръ. Гетманъ уважительно поднялъ чашу за здоровье государя, но потомъ заговорилъ еще рѣзче, чѣмъ прежде:

«Обычай, видно, у васъ таковъ, чтобы все дѣлать по своей волѣ. Отъ

чего бунты начались? — Все отъ вашихъ посланцевъ; вотъ также и при короляхъ польскихъ бывало: какъ начали ломать наши вольности, такъ и бунты стали. Вотъ я теперь въ Колонтаевѣ задержаны наши козаки и Сербы, и терять шуку такую, что и невольникамъ подобной не бываетъ. Что же, развѣ не вѣдаетъ этого его царское величество? Я готовъ поклясться, что ему хорошо это извѣстно. Михайла Стрынжу зачѣмъ отпустили изъ Путивля? подержали, подержали, да и выпустили, а его бы въ войско — вотъ бы и бунты унялись!»

— «Не дѣломъ клянешься, панъ гетманъ», сказалъ Скуратовъ; «великому государю неизвестно, что твои козаки и Сербы задержаны. Это сдѣлалось безъ государева указа; и какъ только твои посланцы пожаловались — сейчасъ велѣно было задержанныхъ выпустить и воеводу переимвить; а Михайло Стрынжа и его товарищи изъ Путивля ушли, а не отпущены.»

Стольникъ старался опровергнуть жалобы Выговскаго, а гетманъ оставался на своемъ.

«Тебѣ нельзя втти со мною», говорилъ Выговскій; «оставайся въ Голтвѣ, пока я покончу съ Пушкаремъ. Ждать нельзя: къ пушкареву совѣту много черни пристаеъ и кое-кто изъ полковой старшины противъ меня; оставайся въ Голтвѣ, я пойду и буду тебя извѣщать.»

VII.

Въ то время возвратился изъ Москвы Лѣсницкій и извѣщалъ, что царь принималъ его отлично; а Пушкаренкова посланца, Искру, велѣлъ задержать въ Москвѣ. Выговскій былъ доволенъ расположеніемъ московскаго правительства, и прежде чѣмъ пристуилъ къ Полтавѣ, отправилъ еще разъ послѣднее увѣщаніе къ Полтавцамъ и хотѣлъ этимъ показать передъ царскимъ посланцемъ, что онъ непрочъ исполнить миролюбивую царскую волю, да не хочетъ Пушкарь. Гетманъ желалъ добраго здоровья старшинѣ, черни полтавскаго полка и всѣмъ Запорожцамъ, находящимся при Пушкарѣ. «Мы не знаемъ до сихъ поръ», писалъ гетманъ, «съ какого повода Запорожцы вышли изъ Запорожья, пришли до Кременчуга и другихъ городовъ, чинить похвалки на войско наше, обѣщаются грабить пожитки наши и убивать насъ. Только и слышно о безирестанныхъ убійствахъ; мы долго терпѣли, но теперь должны защищать жизнь свою и идемъ на васъ вовсе не для пролитія крови, какъ завѣряютъ васъ старшины ваши, а для усмиренія своевольства. Ваши старшины достали себѣ

какія-то грамоты и возмущаютъ и обманываютъ васъ, простыхъ людей; у насъ теперь есть списокъ съ грамоты, что прислалъ государь къ Пушкирю съ дворяниномъ Никифоромъ Хрисантовичемъ Волковымъ; пришлите двухъ своихъ товарищей прочесть ее, — увѣритесь, что царское величество не сонзволнеть никакому своевольству, а повелѣваетъ вамъ, такъ какъ и намъ, жить между собою въ любви и соединеніи; изъ того правду нашу можете понять, что царское величество милостиво и ласково принялъ и отпустилъ посланцевъ нашихъ Прокопія Бережецкаго и Ивана Богуна, и миргородскаго полковника Григорія Лѣсницкаго, съ почестью отпустилъ, а Искру съ товарищами за неправду велѣлъ задержать въ столицѣ. Что не хотимъ проливать крови, можете видѣть изъ того, что мы задержали своевольныхъ и непослушныхъ людей, и не убивали никого, а хранимъ ихъ. Самъ Барабашъ — свидѣтель нашей кротости и разсудительности. Хотя онъ и много дурного надѣлалъ, однако мы не лишили его маестностей, какъ онъ лжетъ на насъ, а напротивъ, хлѣбомъ и деньгами дали ему вспоможеніе; такъ и никому изъ васъ не хотимъ мстить; оставьте только ваши затѣи и не слушайте старшихъ своихъ, которые ложно вамъ пишутъ, будто бы отъ царя прислана за четыре года заплата войску, а мы будто удержали ее себѣ, и вамъ не даемъ; старшины ваши полковые у себя въ рукахъ имѣли за тѣ годы винныя и табачныя аренды и всѣ доходы полтавскаго полка, а мы ничѣмъ не корыстовались, и теперь вамъ ничего возвращать не можемъ; когда не хотите терпѣть никакого зла, такъ присылайте скорѣе товарищей; а если этого не сдѣлаете, то уже послѣ вамъ времени не будетъ, потому что война начинается. «

Товарищи не прибыли съ покорностью. Между тѣмъ въ насъ была первая стычка Пушкиревцевъ съ гетманскими людьми, неудачная для первыхъ: гетманцы отняли два знамени и литавры, и Выговскій всѣмъ обозомъ подвинулся къ Полтавѣ. Скуратовъ, не смотря ни на какія представленія, оставленъ въ Голтвѣ. «Не кручинься, прошу твою милость», написалъ къ нему Выговскій съ похода, «что ты оставленъ въ Голтвѣ, ибо какъ вѣрить врагамъ царскаго величества? Я оберегаю тебя, чтобъ ты не попалъ въ ихъ руки. Я послалъ увѣщательное посланіе къ бунтовщикамъ: не знаю, что изъ того выйдетъ; но если покорятся, то все будетъ имъ прощено; я не такъ скоръ на кровопролитіе, какъ Пушкирь, и если мы помирился, то сейчасъ же извѣщу тебя и отпущу къ его царскому величеству. «

Скуратовъ остался на нѣсколько дней, прислушивался къ народному говору и замѣчалъ полное раздвоеніе: одни хваляли Выговскаго, другіе

Пушкаря, но вообще простой народъ, чернь, явно склонялся на сторону послѣдняго. Простые козаки бѣгали толпами изъ войска Выговскаго. Козаки мѣстечка Голтвы, въ виду царскаго посла, упрямылись и не хотѣли идти съ Выговскимъ на Пушкаря; гетманъ только тѣмъ и принудилъ ихъ, что обѣщалъ сжечь и разорить мѣстечко, если они не послушаютъ. «Куда я ни ѣхалъ», писалъ Скуратовъ въ Москву, «съ кѣмъ только ни говорилъ, козаки на этой сторонѣ Днѣпра желаютъ, чтобъ государь прислалъ въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей, но заднѣпрскіе не того желаютъ: Пушкарь, — говорятъ они, — хочетъ, чтобъ были въ Украинѣ государевы воеводы, — никогда этого у насъ не будетъ, мы не допустимъ!»

Поразвѣдавши что нужно, царскій посланникъ опять сталъ требовать, чтобъ гетманъ допустилъ его находиться при себѣ. Неизвѣстно, какъ случилось, — позвалъ ли его наконецъ самъ гетманъ, или Скуратовъ противъ его воли пріѣхалъ, — только во время войны подъ Полтавою Скуратовъ былъ въ козацкомъ лагерѣ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, Выговскій размѣстилъ орду въ ущельѣ въ Сокольемъ-Байрацкѣ; потомъ съ козаками и нѣмцами пошелъ ближе къ Полтавѣ, оставилъ нѣмцевъ въ долинѣ Полузори, а самъ съ козаками и съ многочисленнымъ обозомъ отправился еще далѣе, и, приблизившись къ самой Полтавѣ, растянулъ свой обозъ въ виду города между селеніями Жуканами и Рябцами на полугорѣ такъ, что возы бросались въ глаза.

Пушкарь не рѣшался-было выходить и предпочиталъ засѣсть въ Полтавѣ и отражать непріятеля; но дейнеки взбунтовались, кричали, что войска Выговскаго очень мало, укоряли предводителя своего въ трусости и требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на непріятеля. Голоту соблазняли позы въ обозѣ Выговскаго: голота не предвидѣла, что Выговскій рассчитывалъ именно на это желаніе овладѣть возами и для того выставилъ ихъ на показъ.

1 июня, на разсвѣтѣ, Пушкарь вышелъ изъ Полтавы. Войско Выговскаго тотчасъ же разбѣжалось во все стороны. Голота бросилась на возы: тамъ были бочки съ горілкою: «тутъ» говорить лѣтописецъ, «они не надѣялись конца своему счастью.»

Того только и хотѣлъ Выговскій. Онъ пріѣхалъ въ долину Полузори и двинулъ впередъ нѣмцевъ, а самъ побѣжалъ въ Сокольи-Байраки за Ордою.

Нѣмцы исполнили свое порученіе худо. Дейнеки отколотили имъ

бока дубинами и прогнали, а сами опять принялись за горилку и перепились мертвецки.

Тогда Выговскій и Карабей ударили на нихъ съ Татарами. Барабашъ заранѣе отступилъ и ушелъ съ своими Запорожцами. Пьяная голова не въ силахъ была не только защищаться, но даже двигать руками и ногами, и вся погибла подъ татарскими саблями.

Пушкарь держался до послѣдней минуты: умолялъ, заклиналъ, грозилъ.... все было напрасно. Негдѣ было взять столько воды, чтобъ протрезвить несчастное войско. Наконецъ, какой-то козакъ, желая прислужиться Выговскому, умертвилъ полтавскаго полковника, отрубилъ мертвому голову и привнесъ къ ногамъ побѣдителя.

Выговскій вошелъ въ Полтаву; половина города была тогда же разорена и сожжена. Полтава, по замѣчанію лѣтописца, удаленная отъ войны въ продолженіе сорока девяти лѣтъ, со всѣми окрестнымъ краемъ, находилась въ цвѣтущемъ состояніи, а послѣ посѣщенія Выговскимъ не скоро оправилась. Татары разсѣялись по окрестностямъ, жгли селенія, умерщвляли людей, насилывали женщинъ. Такъ продолжалось четыре дни, пока наконецъ войско не взволновалось: козаки стали укорять Выговскаго за позволеніе Орду разорать отечество. Тогда Выговскій сказалъ, что охотники могутъ остановить своеволие Крымцевъ. Хотя Татаръ было много, но такъ какъ они разбились на отряды или загоны, те козаки отбивали у нихъ и пѣвниковъ и награбленную добычу; и Татары, оказавшіе Выговскому помощь, возвратились ни съ чѣмъ. Выговскій не боялся раздражить ихъ, потому что всегда могъ передъ ханомъ сложить вѣну на своевольныхъ козаковъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Полтавѣ, гетманъ вновь организовалъ полтавскій полкъ и назначилъ надъ нимъ полковникомъ Филона Горкушу. (1)

Въ то же время Гуляницкій усмирилъ волненіе въ Лубнахъ. Хотя лубенскій полковникъ Швець держалъ сторону Выговскаго, но простые козаки и посполитые пристали къ Пушкарю и Швець по неволѣ долженъ былъ исполнить общую волю. Когда Гуляницкій подошелъ къ Лубнамъ, жители заперлись. Швець убѣждалъ. Городъ былъ взятъ приступомъ. Народъ въ безпамятствѣ бѣжалъ, спасаясь отъ враждебной партіи; множество потонуло въ Сулѣ. Миргородскаго наказнаго полковника, Довгала, сами Миргородцы, опасаясь участи Лубенъ, схватили и арестовали; выбрали другаго — Козла, и объявили себя за Выговскаго. Оттуда Гуля-

(1) О битвѣ съ Пушкаремъ — лѣтоп. Величка 329-333; Самов. стр. 30.

ниціи пошелъ къ Гадячу и также взялъ его. Все покорялось Выговскому. Мятежная голова бросала свои рогатины и дубины и просила пощады, втайнѣ оплакивая своего защитника.

VIII.

Гетманъ хотѣлъ отпустить Скуратова, но посланникъ, исполняя наказъ, оставался при немъ и объявилъ, что будетъ сопровождать его назадъ въ Чигиринъ. Это не понравилось Выговскому. Когда обозъ двинулся назадъ и дошелъ до мѣстечка Манжелика, явился къ гетману козакъ-бѣлоцерковецъ съ письмомъ отъ бѣлоцерковскаго полковника: полковникъ извѣщалъ его, что въ его городъ пріѣхалъ изъ Москвы воевода, и за нимъ вслѣдъ будутъ наѣзжать по городамъ воеводы, какъ прежде было сказано. Между тѣмъ, гетманъ, хотя и далъ согласіе на воеводу боярину Хитрово, но, разумеется, притворно; онъ тогда долженъ былъ согласиться: дѣло шло о томъ, быть ли ему самому избраннымъ, или нѣтъ. Поэтому-то онъ отложилъ это дѣло до пріѣзда своего въ Москву. Теперь, побѣдивъ своего главнаго непріятеля, Выговскій рѣшился не удерживать болѣе затаеннаго нерасположенія къ Москалямъ, и заговорилъ съ посломъ язвительно и рѣзко.

»Видишь ли, твоя милость: пріѣхали воеводы — пріѣхали опять заводятъ бунты. Бѣлоцерковскій полковникъ пишетъ, что Бутурлинъ изъ Кіева извѣстилъ его: воевода въ Бѣлую-церковь назначенъ; а я еще въ Кіевѣ говорилъ: пиши, пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись».

— »Не за дѣло, панъ гетманъ, сердитуешь«, замѣтилъ ему Скуратовъ: — »ты самъ писалъ къ великому государю, чтобъ въ государевыхъ черкасскихъ городахъ были воеводы.«

»Нѣтъ«, сказалъ гетманъ: »я этого никогда не просилъ; я писалъ къ великому государю, чтобъ мнѣ прислали тысячу человекъ драгуновъ, да тысячу человекъ солдатъ — усмирить бунтовщиковъ, да на Москвѣ смѣются надъ моими письмами. Павелъ Тетеря и Ѳедоръ все мнѣ рассказали. Посланцевъ моихъ задерживаютъ въ Москвѣ, а Ковалевскій говоритъ, что ему сказывалъ Артемонъ Матвѣевъ, будто великій государь не хочетъ, чтобъ я былъ гетманомъ. Вамъ, видно, надобно гетмана по вашей волѣ, такого гетмана, чтобъ взять его за хохоль да и водить какъ угодно!«

— »Если«, возразилъ Скуратовъ, »тебѣ нужны были ратные пар-

скіе люди, отчего же ты не взял ихъ у окольногого и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго? Да и съ окольными Богданомъ Матвѣвичемъ Хитрово были ратные люди: ты могъ взять и у него. Неправду говорить тебѣ твои посланцы, будто ихъ задерживаютъ: сами они мѣшкаютъ по своимъ дѣламъ да отговариваются, — хотятъ себя чѣмъ нибудь оправдать. Поѣзжай, панъ гетманъ, въ Москву: самъ увидишь къ себѣ царскую милость. Ковалевскій лгалъ тебѣ, что ему Артемонъ говорил; Ковалевскій хотѣлъ тебѣ прислужиться. Артемонъ не станетъ такихъ рѣчей говорить. Если бъ великій государь не хотѣлъ тебя имѣть гетманомъ, такъ не послалъ бы къ тебѣ в грамоту на подтвержденіе гетманства; великому государю извѣстно, что ты вѣрнѣе многихъ въ Запорожскомъ Войскѣ.

«Мы», говорилъ Выговскій, «воеводъ не просили у государя; я не знаю и не вѣдаю о воеводахъ.»

— «Какъ же, панъ гетманъ», возражалъ Скуратовъ, «ты не вѣдаешь, когда со мною же доставлена тебѣ великаго государя грамота, и въ этой грамотѣ извѣщали тебя, что скоро отпущены будутъ воеводы и ратные люди? Сказано было, чтобъ ты написалъ во всѣ государевы города и велѣлъ принимать воеводъ и ратныхъ людей честно, и давать имъ дворы и всякое споможенье. Ты взял эту грамоту, прочелъ ее, и ни слова мнѣ тогда не говорилъ про воеводъ. Воеводы и ратные люди ѣдутъ сюда для вашего же обереганья и защиты.»

«Я никогда», говорилъ Выговскій съ возрастающею досадою, «не просилъ, чтобъ въ Бѣлую-Церковь присылали воеводу. Я не писалъ объ этомъ къ государю. Воевода какъ пріѣхалъ, такъ пусть и ѣдетъ. Я не велю ему ничего давать. Если ужъ пришлось пріѣзжать сюда воеводамъ государевымъ, такъ они ко мнѣ, къ гетману, должны были пріѣхать, а потомъ уже разѣхаться по малороссійскимъ городамъ, куда я самъ ихъ назначаю; а какъ же они, минуя меня, гетмана, по городамъ ѣдутъ? Это все для одной смуты. Не надобны намъ воеводы и царскіе ратные люди! Вонъ въ Кіевѣ не первый годъ государевы люди съ нашими людьми кіями бьются, а какъ пришлось управляться съ самовольниками, такъ я и безъ государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей управился. А государевы люди гдѣ были? Съ Пушкаремъ! Какъ былъ бой съ мятежниками, такъ наши Нѣпцы взяли у нихъ московскій барабанъ!»

— «Да я же самъ», возражалъ Скуратовъ, «былъ съ тобою вмѣстѣ на бою противъ Пушкаря подъ Полтавою и не видалъ государевыхъ людей, а только казаковъ тамъ видалъ. Хоть бы одного убитаго Моска-

ля изъ нашихъ украинскихъ городовъ ты мнѣ тогда показалъ! А что ска-
зываетъ, панъ гетманъ, про барабанъ, такъ это вовсе и не барабанъ, а
бубень; такіе у насъ бываютъ у медвѣдниковъ. А хоть бы и въ самомъ
дѣлѣ настоящій барабанъ былъ, такъ что жъ тутъ такого? Малороссіине
ѣздить въ царствующій градъ Москву, и въ разные города пріѣзжаютъ
и покупаютъ, что имъ надобно. Заказу имъ на то никакого нѣтъ. Лю-
дей же царскихъ не было съ Пушкаремъ ни одного человѣка.»

»А зачѣмъ же украинные воеводы«, говорилъ Выговскій, »моихъ
измѣнниковъ и своевольниковъ у себя укрываютъ? и теперь ихъ доволь-
но въ Зміевѣ и въ Колонтаевѣ; воеводы ихъ держатъ и не выдаютъ мнѣ.
Наши бездѣльники надѣлаютъ здѣсь дурна, да и бѣгутъ въ московскіе
города, а тамъ ихъ укрываютъ! А отъ насъ требуютъ, чтобъ мы госу-
даревыхъ злодѣевъ отдавали! Теперь я объявляю вамъ: не стану отда-
вать вашихъ злодѣевъ, что къ намъ прибѣгаютъ изъ московскихъ горо-
довъ, и воеводѣ къ себѣ не пущу въ города. Какъ государевы воеводы
съ нами поступаютъ, такъ и мы съ ними будемъ поступать. Государь
только тѣшитъ меня, а его воеводы бунты противъ меня поджигаютъ;
въ Москвѣ ничего не допросишься. Теперь я вижу, что подъ польскимъ
королемъ намъ хорошо было: къ нему доступъ прямой, и говорить мож-
но все, о чемъ нужно, и рѣшеніе сейчасъ скажутъ.«

— »Ты, гетманъ, говоришь: при короляхъ польскихъ вамъ было
хорошо; только, вспоминая объ этомъ, слѣдовало бы вамъ плакать.
Тогда всѣ благочестивые христіане были у Ляховъ въ порабощеніи и
терпѣли всякія насилія и принужденія къ латинской вѣрѣ, и между ва-
ми униатство множилось. А какъ вы стали въ подданствѣ у великаго го-
сударя, такъ теперь и благочестивая вѣра множится на хвалу милости-
вому Богу и вамъ на безсмертную славу, и милостію царскою вы отъ
непріятелей оборонены; надобно вамъ милость царскую къ себѣ знать, и
не говорить такихъ высокихъ рѣчей. Негоже говорить, что тебѣ воево-
ды ненадобны и не станешь выдавать царскихъ измѣнниковъ: это ты
чинишься царскому указу не послушенъ.«

»Я«, сказалъ Выговскій, »радъ служить вѣрно царскому величе-
ству, а воеводы и ратные люди мнѣ ненадобны, — отъ нихъ только бунты
начнутся.«

Тогдашній тонъ рѣчи гетмана былъ до крайности страненъ, послѣ
того какъ Лѣсницкій въ Москвѣ именемъ гетмана и всего войска просилъ
присылки воеводъ. Лѣсницкій самъ предлагалъ сдѣлать перепись въ ко-
зацкомъ войскѣ; теперь старшины были этимъ очень недовольны.

»Не надобно, не надобно воеводу!« кричалъ Богунъ: « жещъ и дѣтей нашихъ прїѣхали переписывать! Да и ты, стольникъ, ѣдешь къ намъ въ Чигиринъ, кажется, воеводу: ну, смотри, нездорово будетъ!«

Оскорбленный посолъ просилъ Выговскаго унять Богуня. »Перестань!« сказалъ послѣднему гетманъ: »это не теперешняя рѣчь!«

Скуратовъ попробовалъ было напомнить гетману, что онъ общался ѣхать въ Москву, и теперь кажется пришла пора, когда бушты усмирены. Гетманъ отвѣчалъ очень холодно: »Нельзя мнѣ ѣхать къ великому государю ударить ему челою: бунтовъ въ Войскѣ новыхъ опасуюсь.«

17 юня прибылъ Скуратовъ съ гетманомъ въ Чигиринъ, и видѣлъ каждый день возрастающую къ себѣ холодность и даже презрѣніе. Предъ его глазами прїѣзжалъ крымскій посолъ подвигать Выговскаго воевать вмѣстѣ области Ракочія, и Выговскій отправлялъ къ хану посольство; вслѣдъ затѣмъ прїѣхалъ польскій гонецъ Стрѣлковскій и извѣстилъ, что скоро прїѣдетъ посолъ, знакомый козакамъ, Янъ Бенѣвскій. Скуратовъ четыре раза посылалъ къ гетману просить свиданія, но гетманъ не допускалъ его къ себѣ и приказалъ ему сказать, что ему нечего дѣлать въ Чигиринѣ.

Неизвѣстно, какъ и когда уѣхалъ Скуратовъ, но въ юлѣ его не было въ Чигиринѣ. Между тѣмъ прибылъ въ Кіевъ новый воевода, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ. Бутурлинъ простился съ Украиною, гдѣ его полюбили: Бутурлинъ умѣлъ какъ-то ладить съ народомъ, и хотя и при немъ ратные люди часто изъ-за дѣла дрались съ туземцами, но онъ не потакалъ имъ. Бояринъ Шереметевъ прїѣхалъ въ Украину съ понятіями своенароднаго превосходства, силы, пресметвенной гордости и великорусской полной простоты. Число недоброжелателей увеличилось....

»Василій Борисовичъ«, говорилъ Выговскій одному игумену, который передавалъ его слова боярину Ртищеву, « не только сажаетъ мѣшанъ всякихъ въ тюрьму, но обижаетъ козаковъ и духовныхъ, похваляется отбирать церковныя имуществы, и, вдобавокъ, меня знать не хочетъ, ни во чтó почитаетъ и самъ гетманомъ именуется.«

Подозрительный, онъ началъ видѣть измѣну; не нравился ему и въ Великой Россіи вольный духъ украинцевъ; сталъ онъ поступать съ ними, какъ привыченъ былъ въ Великой Россіи, выставлялъ свою власть, говорилъ, что онъ старше гетмана. Еще онъ и осмотрѣться хорошенько не успѣлъ, а уже заслужилъ всеобщее недоброжелательство.

У гетмана возникла ссора и съ Ромодановскимъ. Уже послѣ пораженія Пушкаря, Ромодановскій вступилъ въ Украину и расположилъ-

ся въ прилуцкомъ полку; Барабашъ находится у него; съ нимъ были вѣкоторые другіе подвижники цушкаревой партіи: Довгаль, Семень писарь (онъ находится полъ вломъ арестованнаго, а въ самомъ дѣлѣ на волю). Выговскій почелъ эти поступки за явное противодѣйствіе себѣ. Выговскій жаловался, что Ромодановскій, пришедши въ Украину, не ссылается съ нимъ, съ главою страны; Ромодановскій, почитая себя старше гетмана, обвинялъ Выговскаго, что гетманъ къ нему не является. Гетманъ говорилъ, что Ромодановскій похваляется схватить его и притащить къ себѣ; «нельзя жить иначе, какъ обружить себя Татарамъ», говорилъ гетманъ. Выговскій писалъ къ царю и жаловался, что къ нему отъ царя не присылаютъ отвѣта. «Побѣдивъ Пушкаря», говорилъ онъ, «я сейчасъ же написалъ съ дьякомъ Василюемъ Петровичемъ Кикинымъ, а миѣ ничего не сказали; или жалобы мои не доходятъ, или что-то другое тутъ дѣлается—не знаю и не приберу ума: по указу ли царскому дѣлаютъ миѣ обиды Шереметевъ и Ромодановскій, или нѣтъ». По просьбѣ Выговскаго о выводѣ войскъ, Ромодановскому велѣно было выступить; онъ оставилъ часть войска въ городѣ; у нихъ съ жителями начались ссоры и драки; гетманъ потворствовалъ народному нерасположенію, какъ только ему случалось прорываться противъ Москалей. Когда миргородскій полковникъ Козель извѣстиялъ его, что въ Гадлячѣ стали великорусскіе ратные люди, Выговскій позволилъ ему выгонять ихъ силою и биться съ ними, какъ съ непріятелемъ. По обычаю, пограничныя воеводы отправляли своихъ людей провѣдывать вѣстей въ Украину; прежде такіе молодцы ѣздили безопасно, а теперь ихъ стали ловить и сажать въ тюрьмы. Украинные молодцы Сѣверской земли шайками стали набѣгать на пограничныя великорусскія села сѣвскаго уѣзда, грабить и жечь....

IX.

Въ Польшѣ, къ 10 іюля, собирався сеймъ. «Въ настоящее время», писалъ король въ оповѣстительномъ универсалѣ, «для насъ нѣтъ ничего желаннѣе примиренія съ московскимъ государемъ и соединенія польской державы съ московскою. Виленская коммпсія можетъ достаточно служить доказательствомъ нашего расположенія къ этому. Мы созываемъ генеральный сеймъ всѣхъ чиновъ королевства польскаго, преимущественно съ цѣію утвержденія дружественной связи съ народомъ московскимъ

и соединенія обѣихъ державъ, дабы вѣчный миръ, связь и союзъ непоколебимаго единства образовался между Поляками и Московитянами — двумя сосѣдними народами, происходящими отъ одного источника славянской крови и мало различными между собою по вѣрѣ, языку и нравамъ. Поручаю чинамъ королевства размыслить о средствахъ такого соединенія, дабы народъ московскій, соединенный съ польскимъ, получилъ право старинной польской вольности и свободного избранія государей (1).

Козацкій гетманъ и старшины послали изъ Украинны депутатовъ на этотъ сеймъ, какъ-будто для того, чтобъ, заключить заранѣе съ Польшею союзъ, обезпечивающій Украинну, дабы впоследствии, когда Московія и Польша соединятся, и Украинна могла бы вступить въ это соединенное государство съ своими правами. Посломъ въ Варшавѣ былъ обозный Тимофей Носачъ съ товарищами. Выговскій въ то время приказалъ всѣмъ козакамъ быть въ вооруженіи.

Между тѣмъ, изъ Варшавы донесли царю его послы, что, въ противность договору съ Хмельницкимъ, козацкіе послы прибыли въ Варшаву, и для поддержанія царской чести, они не хотѣли вступать ни въ какіе переговоры съ Поляками, пока не вышлютъ козацкихъ депутатовъ; наны принуждены были удалить козаковъ на предмѣстіе (2). Черезъ нѣсколько времени царь получилъ новое донесеніе отъ пословъ о совершенномъ нежеланіи Поляковъ избирать царя на престолъ; послы принисывали эту перемѣну вліянію козаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, когда Тимофей Носачъ былъ допущенъ къ королю, то требовалъ отъ имени всей Украинны, чтобъ Польша, согласно данному обѣщанію, даровала корону Алексѣю Михайловичу, а права Украинны обезпечила на будущее время особымъ съ нею трактатомъ. Носачъ выражалъ свои требованія съ жаромъ и даже грубо. Паны отвѣчали, что присланы будутъ особые комиссары для заключенія договора съ Украинною (3). Депутаты сейма, обладаемые возможностью присоединить Украинну къ Польшѣ, прервали, подъ предлогомъ повальныхъ болѣзней, засѣданія и ограничились единственно тѣмъ, что обѣщали посламъ московскимъ назначить комиссію для разсужденія, на какихъ началахъ могутъ обѣ державы приступить къ соединенію (4). Царскіе послы поняли, что Поляки только хотятъ протянуть время.

Поляки дѣятельно хлопотали, чтобъ преклонить Выговскаго и всю

(1) Ann. Pol. Cl. II, 295. Hist. pan. Jan. Kaz. I, 345. (2) Hist. pan. Jan. Kaz., 347. (3) Hist. ab. exc. VI. IV, 416. (4) Dzieje pan. Jan. Kaz. I, 95.

Украину къ соединенію съ Польшею. Хитрый Бенёвскій безпрестанно переписывался съ гетманомъ, со старшинами ⁽¹⁾, держалъ въ Чигиринѣ агента, львовскаго мѣщанина Грека Теодосія Томкевича, который вкрад- ся въ довѣренность къ Полякамъ и козакамъ, и безпрестанно ѣздилъ изъ Украины въ Польшу и обратно, и служилъ посредникомъ между козац- кимъ правительствомъ и Бенёвскимъ ⁽²⁾. Сначала Выговскій повидимо- му подавалъ Полякамъ такую же невѣрную надежду, какъ и покойный Хмельницкій. Послѣ избранія его, король послалъ къ нему поздравленіе; Выговскій отвѣчалъ съ благодарностію, но не показывалъ охоты къ воз- обновленію подданства Польшѣ ⁽³⁾. Гнѣзненскій архіепископъ написалъ ему, что вольному народу съ вольнымъ удобно соединиться. Выговскій въ отвѣтъ своемъ соглашался, — съ такимъ, однако, замѣчаніемъ: «по Божіе- му устроенію, ни одинъ изъ нашихъ союзниковъ не оказалъ такого благо- родства, какъ царь московскій, не лишающій насъ милости ⁽⁴⁾». Онъ ка- зался стоекъ и твердъ въ сношеніяхъ съ Поляками, не хотѣлъ уступать Писка, отдавашагося Хмельницкому, и грозилъ войною, когда Поляки вы- гналя оттуда козацкій гарнизонъ ⁽⁵⁾.

Мало по малу все намѣнялось. Весною неутомимый Бенёвскій пи- салъ, что надежды его оправдываются, что козаки не уживаются съ Мо- сковіею, и приписывалъ это своимъ трудамъ ⁽⁶⁾. Къ-сожалѣнію, неиз- вѣстны всё продѣлки, какія употреблялъ эготъ ловкій дипломатъ, чтобъ внушать Выговскому и козацкимъ старшинамъ ненависть къ московско- му правительству. Знаемъ только, что Поляки разсылали по Украинѣ воззванія и писали разнымъ лицамъ письма, гдѣ пытались напугать стар- шинъ разными опасностями, грозящими изъ Москвы. Несомнѣнно, что наклонность къ соединенію съ Польшею усиливалась вмѣстѣ съ тѣмъ не- доразумѣніями, какія возникали съ Московіею.

Въ половинѣ іюня Выговскій отправилъ къ Бенёвскому Тетерю, са- маго ревностнаго приверженца Поляковъ; писалъ, что отрекается отъ союза съ царемъ и, въ случаѣ надобности, готовъ съ Татарами идти на царя ⁽⁷⁾. Что касается до Бенёвскаго, то эготъ видимый благопріятель Украины, расточавшій козакамъ самыя мирныя, самыя лестныя обеща- нія, въ письмѣ своемъ коронному гетману изъяснялъ, что необходимость заставляетъ вести переговоры, но, конечно, лучше было бы, если бъ мож-

(1) Пам. кiev. комм. III, 3. 161. 181. 190. 191. 202. 203. 204. 211. 218. 251. 270. 211. (2) *ibid.*, 217. 219. 220—227. (3) *ibid.*, 166—169. (4) *ibid.*; 173. (5) *ibid.*, 362. 193. 212. (6) *ibid.*, 221. (7) *ibid.*, 270. 276.

но привести козаковъ во власть Польши оружіемъ, безъ всякихъ трактатовъ (').

Новыя сборища остатковъ партіи Пушкаря и Барабаша зашевелились на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Враги Выговскаго искали содѣйствія у Ромодановскаго и у пограничныхъ украинскихъ воеводъ; между тѣмъ гетманская политика склонялась къ рѣшительному союзу съ Польшею, и Выговскому надобно было опасаться, что какъ скоро на Москвѣ узнаютъ объ этомъ, такъ сейчасъ войско двинется въ Малороссію. Гетману нужно было поговорить о важномъ дѣлѣ съ народомъ на генеральной радѣ. Гетманъ, въ августѣ, разослалъ по всеѣмъ полкамъ приказанія, чтобъ все были въ сборѣ, въ вооруженіи и готовились въ походъ. Между тѣмъ московское правительство, хотя знало о волненіи умовъ въ Украинѣ, но приписывало его прояскамъ Поляковъ и показывало прежнюю довѣренность къ гетману. Изъ Москвы посланъ былъ къ Выговскому новый посланецъ, подъячій Яковъ Портомоннъ, съ подарками и милостивымъ царскимъ словомъ. Онъ прибылъ въ Чигиринъ 9 августа. Въ царской грамотѣ, поднесенной Выговскому, объявлялась ему похвала за вѣрность, предостерегали гетмана и козаковъ не вѣрять прелестнымъ письмамъ, которыя рассылаютъ Поляки по Украинѣ и въ нихъ клеветуютъ на московскихъ бояръ и воеводъ, желая произвести ссору.

Но подъячій увидѣлъ, что вѣтеръ уже сильно переменялся. На его дружелюбныя рѣчи гетманъ отвѣчалъ, что онъ радъ служить государю; потомъ выразился въ такихъ словахъ:

»Изъ разныхъ мѣстъ ишутъ мнѣ полковники и сотники и всаулы, что воевода Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Ромодановскій присылаются къ намъ въ Малороссію для того, чтобъ меня извести. Въ разныхъ мѣстахъ по Украинѣ ратные люди полку князя Ромодановскаго убивали нашихъ людей, чинили грабежи и разоренія; самъ князь Ромодановскій принялъ къ себѣ въ полкъ Барабаша и Лукаша и иныхъ враговъ моихъ. Когда я просилъ помощи противъ Пушкаря, государь не послалъ мнѣ, а какъ я управился съ Пушкаремъ самъ, такъ тогда и войска пришли для того, чтобъ укрѣплять своевольниковъ да новые бунты заводить. Я не хочу ждать, пока ратные люди придутъ на насъ войною. Иду самъ за Днѣпръ со всеѣмъ козацкимъ войскомъ и съ Татарами. Буду отыскивать и казнить мятежниковъ, а если государены ратные люди задумаютъ заступаться за нихъ, или сдѣлаютъ какой-нибудь задоръ въ на-

(') Ibid., 239.

шем малороссійскомъ краѣ, то я молчать не стану; и буду биться съ государевыми войсками, если они станутъ укрывать мятежниковъ; и въ Кіевъ пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами; велю выгнать оттуда боярина Шереметева и разорить городъ, который былъ строенъ по указу его царскаго величества.»

— «Объ этомъ», возразилъ ему посланецъ, «тебѣ, гетману, и мыслить нельзя, не токмо что говорить. Бояринъ Шереметевъ и околъничій князь Ромодановскій посланы были по твоему челобитью. Нечего тебѣ вѣрять письмамъ твоихъ полковниковъ и сотниковъ и эсауловъ. По государеву указу ратнымъ людямъ учиненъ заказъ, чтобъ они никакихъ задоровъ не дѣлали и никого не обижали, и если бъ что такое сдѣлалось, такъ тебѣ бы гетману объ этомъ писать къ великому государю, и его царское величество велѣлъ бы сыскать, и про то учинить свой указъ по сыску; а когда ты собралъ войско да призвалъ Татаръ, такъ это значить: ты преступаешь священную заповѣдь и нарушаешь крестное цѣлованіе.»

«Много я писалъ», отвѣчалъ Выговскій, «и пословъ своихъ не разъ посылалъ, а теперъ только и осталось мнѣ, что идти съ войскомъ да съ Татарами.»

Въ это время, какъ бы на обличеніе гетмана, бояринъ Шереметевъ прислалъ гонца съ письмомъ, приглашать Выговскаго на свиданіе.

«Уже не одинъ разъ ко мнѣ пишетъ бояринъ», сказалъ Выговскій, «о томъ, чтобы намъ сойтись, да времени нѣтъ. Вотъ какъ полки соберутся, тогда и разговоръ у насъ будетъ.»

Царскаго посланца отпустили на квартиру. Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ другой гонецъ изъ Москвы, Федоръ Тюлюбаевъ, спрашивать: что значить, что Войско Запорожское вооружается, и противъ кого?

11 августа, гетманъ выѣхалъ изъ Чигирина. Къ Портомоину явилось шесть человекъ съ ружьями и объявили, что гетманъ послалъ ихъ держать стражу у двора московскаго посланца. Вслѣдъ затѣмъ привели на тотъ же дворъ Тюлюбаева и помѣстили, вмѣстѣ съ Портомоинымъ, подъ карауломъ. Но караулъ былъ не крѣпокъ. Вѣроятно, гонцы имѣли возможность переговариваться съ проходящими, получать и передавать вѣсти. 30 августа, по приказанію гетмана, присланному въ Чигиринъ, явились на дворъ, гдѣ сидѣли гонцы, мѣщанскій эсаулъ и два бурмистра съ отрядомъ козаковъ, взяли обонхъ посланцевъ и съ ними провожатахъ изъ Путивля, обобрали у нихъ платье и лошадей, повели въ гетманскій дворъ, заковали въ кандалы и приставили стражу. «И терпѣли мы»,

доносили Портомоини, «и голодъ и всякую нужу, а корма намъ давали мало. Три недѣли сидѣли мы въ кандалахъ, потомъ насъ расковали и развели по дворамъ, и сидѣли мы тамъ подъ карауломъ, какъ прежде.»

Между тѣмъ, въ началѣ августа, Ромодановскій препроводилъ Барабаша подъ стражею въ Кіевъ къ Шереметеву — какъ послѣ объяснили — для того, чтобъ предать его войсковому суду. Московское правительство считало его виновнымъ и не хотѣло предоставить его безъ войскаго суда мести Выговскаго. На дорогѣ, уже недалеко отъ Кіева, въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, когда сотенный отрядъ, провожавшій Барабаша, сталъ на ночлегъ, вдругъ напалъ на него козацкій отрядъ черкаскаго полка, подъ начальствомъ черкаскаго полковника Джулая. Нѣсколько дѣтей боярскихъ были побиты, другіе ограблены, нѣкоторые разбѣжались; самъ начальникъ конвоя Левшинъ попался въ плѣнъ съ Барабашемъ. Ихъ посадили на телеги и умчали въ Переяславъ. Выговскій велѣлъ Барабаша везти за Днѣпръ въ обозѣ, чтобъ предать суду козацкой рады.

Около этого времени, какъ рассказывали, случилось будто бы сѣдующее происшествіе.

Говорили, будто по Днѣпру плылъ гонецъ изъ Москвы съ грамотою къ кіевскому воеводѣ Шереметеву. Козаки схватили его и привели къ Выговскому.

На козацкой радѣ прочитана была перехваченная грамота. Въ ней, по сказкѣ современныхъ лѣтописцевъ польскихъ, было написано, что Выговскій и старшины хотятъ измѣнить царю, и предписывалось Шереметеву тайно схватить неблагонамѣреннаго гетмана съ соумышленниками и подъ стражею отправить въ Москву. Это, безъ сомнѣнія, выдумка, и если что-нибудь было подобное, то, вѣроятно, это была польская интрига. Грамота была подложная.

«Это еще не все», говорилъ козакамъ гетманъ: «перебѣжчики изъ московскаго войска сказывали, что царь хочетъ послать на насъ свои силы и истребить все Козачество, оставить всего на все только десять тысячъ.»

Раздались крики негодованія.

«Чого ще маємо ждати? Ходили до громади и до оборони самихъ себѣ и старшини, присягали единъ другому лягти, рятуючи панівъ полковниківъ и старшину.»

Выговскій воспламенялъ такой духъ, выкативши козакамъ нѣсколь-
ко бочекъ горшки (1).

Выговскій потянулся съ войскомъ къ восточнымъ предѣламъ мало-
россійскаго лѣвобережнаго края. А между тѣмъ, разсылались универса-
лы по всей Украинѣ, возбуждать народъ къ возстанію противъ Мос-
калей.

Настроенные противъ Москалей козаки стали вездѣ задерживать,
грабить и оскорблять Великороссіянъ, гдѣ только встрѣчали въ своей
землѣ. Тогда между козаками были молодцы, что безъ всякаго повода
готовы были пограбить и посвоевольничать надъ человѣкомъ; и теперь,
конечно, такіе были рады случаю, когда своевольство не только могло
пройти даромъ, а еще допускалось. Не было ни прохода, ни протѣзда: «и
твоихъ государевыхъ протѣжихъ всякихъ чиновъ людей по дорогамъ
Черкасы побиваютъ, а иныхъ задерживаютъ и отсылаютъ къ гетману
Ивану Выговскому», доносили въ Москву пограничные воеводы.

Братъ гетмана, Данило, по порученію гетмана, покусился взять Кі-
евъ; съ нимъ было пять полковъ: бѣлоцерковскій, кіевскій, паволоцкій,
брацлавскій и подпѣстрианскій.... Но порученіе окончено очень неудачно.
Козаки, подступая къ Кіеву, стали ловить лошадей на пастбищѣ и уда-
рили на сторожевыя сотни, разставленныя въ разныхъ мѣстахъ для на-
блюденія за приходомъ непріятеля. Сторожи побѣжали и дали знать въ
пору, и воеводы собрали ратныхъ людей. Козаки вторгнулись на посадъ,
перебили нѣсколько Великороссіянъ, зажгли посадъ, чтобъ очистить
мѣсто для приступа, и начали копать шанцы, чтобъ вести правильный
приступъ на городъ. Но Великороссіяне вышли изъ города, напали на
козацкіе окопы, выбили изъ нихъ козаковъ и захватили знамена, литав-
ры, бубны, бунчукъ, печать; простые козаки покидали оружіе и сдава-
лись, другіе пустились бѣжать и хотѣли переправиться черезъ Днѣпръ,
но потонули. Самъ Данило убѣжалъ раненый. Шлянныхъ козаковъ под-
вергли пыткамъ. Со страху они старались какъ можно болѣе чернить Вы-
говскаго, и увѣряли, что пошли подъ Кіевъ по неволѣ, что ихъ сѣкли
и били для того, чтобъ они шли. Шереметевъ далъ имъ приказаніе не
слушаться болѣе гетмана, и отпустилъ ихъ.

Выговскій жаловался, что послѣ того Шереметевъ началъ розыски-
вать, мучить, рубить головы—по подозрѣнію, и вообще преслѣдовать не-
покорный духъ. Отецъ Выговскаго, Евстафій, пріятель Бутурлина, съ се-

(1) Hist. раков. Jan. Kaz. 1, 358. Ann. Pol. Cl. II, 308.

мействомъ убѣжалъ въ Чигиринъ. Шереметевъ сжегъ Борншполь близъ Кіева, гдѣ, какъ узналъ, собиралось мятежное ополченіе.

Когда, такимъ образомъ, разыгралось неудачное покушеніе отнять столицу южнорусскаго края у Москалей, Выговскій пошелъ къ Гадячу, подъ предлогомъ преслѣдовать и карать мятежниковъ и своевольниковъ, которые въ этихъ мѣстахъ снова воскрешали пушкаревскую партію. Съ нимъ были Татары и польскій отрядъ. Съ нимъ ѣхали польскіе послы Бенѣвскій и Евлашевскій съ инструкцію для заключенія союза. Немиричъ былъ устроителемъ согласія.

Х.

Когда войско достигло мѣстечка Камышни, 31 августа прибылъ новый царскій гонецъ, дьякъ Василій Михайловичъ Кикинъ, уже бывавшій прежде у Хмельницкаго и у Выговскаго. Въ Москвѣ узнали уже о вооруженіи, о похвалахъ на великорусскія войска, и новый гонецъ ѣхалъ уже не такъ какъ злополучный Портомоннъ съ милостивымъ словомъ, а съ выговоромъ и съ упреками.

Первая встрѣча показывала новому послу, какъ идутъ дѣла у козаковъ. Къ нему явился Полякъ и объявилъ, что будетъ у него приставомъ. Но тѣмъ не менѣе, соблюдены были всѣ почести. Когда посоль ѣхалъ къ гетману на свиданіе, выстроена была пѣхота и стрѣляла начестъ; Кикинъ замѣтилъ послѣ, что пѣхота была плохо и худо одѣта. Высланный къ нему отрядъ чигиринскаго полка въ двѣсти человекъ сошелъ съ лошадей; всѣ кланялись, а полковникъ говорилъ привѣтствіе. Другая встрѣча ожидала его далѣе: ее отправлялъ Ковалевскій. Когда посоль приблизился къ шатру гетмана, — на третью встрѣчу къ нему вышелъ Немиричъ: присутствіе такого лица и участіе въ дѣлахъ не обѣщало хорошаго.

Гетманъ изъ Камышни перешелъ въ Липовую-Долину, и тамъ принялъ посла торжественно, въ шатрѣ, окруженный полковниками, сидѣвшими около своего предводителя кругомъ. Дьякъ подалъ увѣщательную грамоту, и Выговскій пригласилъ его сѣсть возлѣ себя. Не смотря на неудовольствіе, которое было и поводомъ посольства, дьякъ отъ имени государя спросилъ гетмана о здоровьѣ.

Дошло до переговоровъ о дѣлахъ.

Посланникъ спросилъ отъ имени царя: »на какого непріятеля собрались вы съ такими силами козацкими и татарскими?«

Гетманъ ропталъ, что, послѣ усмиренія Нушкарн, его приверженцы нашлн покровительство у Ромодановскаго.

«Барабашъ», говорилъ Выговскій, «именуетъ себя гетманомъ, при живомъ гетманѣ, а околыничій Ромодановскій величаетъ себя великимъ княземъ, а бояринъ Шереметевъ погубилъ безвинно много православныхъ душъ и пожегъ христіанскія церкви. Бояринъ Василій Борисовичъ меня зазывалъ къ себѣ, чтобъ погубить; я это зналъ, и не поѣхалъ къ нему, а послалъ на разговоръ брата своего Данила и въ предостереженіе далъ ему нѣсколько полковъ, именно для того, чтобъ бояринъ не учинилъ какого-нибудь зла. Такъ и случилось. Бояринъ неожиданно напалъ ратью, и Данила и многихъ козаковъ и мѣщанъ побилъ. Глупъ мой Данило, не умѣлъ отдѣлать ихъ! За то я пошлю на боярина войско, и со всѣми его людьми прахомъ выкину изъ Кіева!»

— «Какъ же», говорилъ дякъ, «ты, гетманъ, это говоришь, не боясь страшнаго владыки херувимскаго? Своими устами читалъ ты присягу на евангеліи и цѣловалъ крестъ быть до смерти вѣрнымъ царскому величеству и никакого лиха не замышлять: а теперь поджидаешь Татаръ, идешь на помазанника и своего благодѣтеля, который васъ денежною казною надѣлялъ такъ щедро, что не можно и вмѣстить, и воинству своему повелѣвалъ кровь свою проливать за васъ! Блюдитесь же, чтобъ вамъ не навести на себя, за преступленія, праведнаго Божія наказанія! Вотъ то, что мнѣ прилучилось слышать о Кіевѣ—это примѣръ, что Богъ свыше зрять на неправду и мститъ за нее!»

«Мы отъ руки его царскаго величеста не отступили», сказалъ гетманъ, «а воеводы его Ромодановскій да Шереметевъ много намъ зла надѣлали: и права наши поломали, и церкви Божія пожгли, и иноковъ и инокинь и христіанскія души невинно погубили. Мы зато будемъ имъ мстить и управляться съ ними, пока насъ самихъ станеть. Какъ и при королихъ польскихъ мы за свои права стояли, такъ и теперъ будемъ стоять.»

Дякъ замѣтилъ: «это не дѣло подданныхъ—управляться между собою самимъ, воздвигать междоусобную брань и проливать кровь. Василій Борисовичъ Шереметевъ и князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій — люди честные и великородные; не годится ихъ такъ безчестити, а еслибъ что отъ нихъ и было, то можно послать бить челомъ государю нашему и ожидать его указа, а того и помыслить страшно, чтобъ, собравшись съ врагами креста Христова, нападать на людей его царскаго величества и воздавать зломъ за добро, на радость латинщикамъ и бу-

сурманамъ! А лучше вамъ, вспомня свое обѣщаніе предъ евангелиемъ, отстать отъ злыхъ дѣлъ и неправдъ, распустить войска свои и отпустить Татаръ, впередъ съ ними не ссылатся и не чинить соединенія.»

— «Этого и въ мысли нашей нѣтъ», сказалъ гетманъ, «чтобъ не упрився съ непріателемъ, да разойтись по домамъ и Татаръ отпустить; не токмо Татаръ — и Турокъ и Ляховъ сюда притянемъ!»

«Такъ если вы задоръ учините», сказалъ дьякъ, «то его царское величество пошлетъ на васъ многія свои пѣшія и конныя силы, и будетъ вамъ разоренье самимъ отъ себя!»

— «Мы писали уже къ его царскому величеству, а государь не показалъ намъ своей милости, не изволилъ прислать намъ бунтовщиковъ, и окольникему Ромодановскому за его неправды никакого указа не далъ; такъ мы, посовѣтовавшись съ старшиною, идемъ на бунтовщиковъ в на тѣхъ, кто стоитъ за нихъ!»

— Князь Ромодановскій отправилъ уже Барабаша въ Кіевъ, чтобъ отдать его на войсковою судъ.»

— «Барабашъ уже въ моихъ рукахъ», сказалъ Выговскій.

«Зрадлива Москва», сказалъ черкасскій полковникъ Джулай, «дала Левшину наказную память, чтобъ Барабаша везли съ великимъ береженьемъ: это значить, чтобъ мы его не отбили да не взяли!»

— «Не годилось бы вамъ дѣлать такія грубости и Барабаша отбивать: и безъ боя отдали бы его тебѣ; а написано въ наказѣ: *везти съ береженьемъ* — не отъ васъ, а отъ такихъ своевольниковъ, какъ самъ Барабашъ. Вы жалуетесь, что воеводы вашихъ бунтовщиковъ укрываютъ, а нѣжинскій полковникъ зачѣмъ это держитъ у себя вора, у котораго за воровство уши порѣзаны? Онъ-то его на всякое дурно подводитъ. Вамъ бы прислать его къ его царскому величеству, да и впередъ не принимать такихъ воровъ.»

«Съ чего это взяли?» сказалъ Гуляницкій: «у меня такого московскаго бѣглаго челоуѣка нѣтъ и не бывало!»

Еще принялся дьякъ истощать свое краснорѣчіе, убѣждая оставить непріязненные дѣйствія. Но гетманъ повторилъ то же, что прежде говорилъ:

«Не враги мы царскому величеству; а боярамъ, которые насъ отъ царской милости отлучаютъ, будемъ мстить! Довольно. Въ другой день потолкуемъ, а мы пока со старшиною посовѣтуемся!»

Тѣмъ и кончилось это интересное свиданіе. На другой день, 3 сентября, пришелъ къ дьяку Немиричъ и сказалъ:

«Гетмана извѣстили, что Шереметевъ послалъ своихъ Москалей жечь и разорять города и мѣстечки: въ Боришполь всѣхъ людей побили; прямо на Переяславъ отправилъ воевода полковника Корсака; мучать православныхъ христіанъ разными муками. Пошли къ нему, чтобъ онъ пересталъ такъ поступать.»

«Я не смѣю», сказалъ дьякъ, «писать къ нему: онъ бояринъ и воевода, и намѣстникъ бѣлозерскій, человекъ честный; за это мнѣ быть у его царскаго величества въ опалѣ.»

Затѣмъ дьякъ началъ просить отпуска.

Нѣсколько дней послѣ того пробылъ дьякъ безъ дѣла, и вотъ приходитъ къ нему зсаулъ Ковалевскій.

«Хотѣлъ бы», говорилъ онъ, «гетманъ и всѣ старшины отпривить пословъ своихъ къ царю, да не смѣетъ никто ѣхать — бояться гнѣва царскаго, задержанія и ссылки.»

Дьякъ сказалъ:

«Великій государь нашъ щедръ и милостивъ. Потѣжай, Иванъ, ты безъ сумнѣнія, а старшину разговорн, чтобъ войной не ходили на царскіе украинные города.»

Тогда Ковалевскій, сторонникъ Выговскаго, хотѣлъ поддѣлаться къ царскому послу и началъ наговаривать на своего предводителя:

«Правду скажу, и я и многіе изъ насъ не чинили бы этого, да гетманъ страшитъ насъ смертью и муками; да и всѣ козаки въ Запорожскомъ Войскѣ видятъ, что гетманъ великое разоренье дѣлаетъ, — видятъ да терпятъ, бояться татарской сабли.»

4 сентября, царскаго посла пригласили въ шатеръ къ Немиричу. Тамъ сидѣлъ гетманъ и нѣсколько полковниковъ. За день передъ тѣмъ привезли въ обозѣ скованнаго Барабаша. По извѣстіямъ, сообщеннымъ предъ тѣмъ тайно послу отъ одного козака, Барабашъ подъ пыткой сказалъ, что онъ гетманомъ назывался по своей охотѣ, а вовсе не по наущенію Ромодановскаго, и ему никакихъ грамотъ не прислано отъ царя. Но теперь гетманъ послу сказалъ такъ:

«Открылось намъ вотъ что: какъ мы съ войскомъ и съ крымскими Татарами пошли на бунтовщиковъ и злочинцевъ нашихъ, то царское величество, услыша объ этомъ, приказалъ бунтовщика Барабаша послать въ Кіевъ—будто бы отдавать его въ Войско Запорожское, на войсковыя права, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ гетманъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и тутъ бы Шереметевъ гетмана схватилъ. Барабашъ такъ говорить, можешь его спросить. Да еще видно немилосердіе къ намъ цар-

скаго величества: перебѣжчики изъ московскаго войска говорили намъ, что сами слушали царскую грамоту, присланную къ Ромодановскому, велѣно чинить промыселъ надъ гетманомъ и старшиною: всѣхъ переловить и побить.»

— »Какъ это вы Бога не боитесь! выдумываете такую неправду на его царское величество, когда великій государь прислалъ меня къ вамъ съ своею милостью? Яшқа Барабашъ говорить воровски, затѣваетъ съ досады, чѣмъ бы гетмана отъ милости государевой отлучить; и простой человекъ разсудить: какое ужъ добро говорить вору и измѣннику, на смерть осужденному! Незачѣмъ мнѣ видѣть Барабаша: съ такимъ воромъ мнѣ и говорить не годится!«

Послѣ того Немирничъ пригласилъ посла къ гетману на обѣдъ.

Когда обѣдали, Барабашъ стоялъ у полы шатра, прикованный къ пушкѣ.

»Что дѣлается въ Бѣлгородѣ?« спрашивалъ его Выговскій, пируя съ гостями: »много ли ратныхъ людей въ Бѣлгородѣ?«

— »Багато людей«, отвѣчалъ Барабашъ.

»Это Барабашъ на ссору наговариваетъ«, замѣтилъ дьякъ: »въ Бѣлгородѣ людей немного.«

Гетманъ пилъ чашу государеву. Пили гости. Барабашъ стоялъ на поруганіе предъ гостями въ злополучномъ видѣ.

5 сентября опять позвали дьяка къ гетману:

»Говоришь ты, гетманъ« сказалъ дьякъ, »что царскаго величества воевода Ромодановскій и ратные люди, будучи въ Запорожскомъ Войскѣ, козакамъ и крестьянамъ учинили обиды и насильства и разореніе; а мнѣ случилось видѣть твой листъ къ Богдану Матвѣевичу Хитрово: ты просилъ его бить челомъ государю, чтобъ его царское величество приказалъ Ромодановскому съ ратными людьми выступить изъ черкасскихъ городовъ только потому, что своевольство у васъ укрѣпилось, и утруждать войска нечего. Тамъ ты не писалъ о насильствахъ и разореньяхъ, а теперь говоришь мимо истинной правды, будто тебѣ дѣлаются отъ нихъ насильства и обиды! Вскладывать напраслину и затѣвать неправду отъ Бога грѣхъ, и отъ людей стыдно!«

Гетманъ на это отвѣчалъ:

»Когда я писалъ письмо къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, мнѣ еще не было подлинно извѣстно о тѣхъ невыносимыхъ несправедливостяхъ, какія дѣлали войска; а какъ мнѣ стало вѣдомо про всѣ насилія, и грабежи, и разоренія, и убійства, тогда я, посоветовавшись съ старши-

ною, призвалъ Татаръ и пошелъ на отмщеніе своихъ обидъ, и буду биться, пока насъ всѣхъ станеть.»

Дьякъ началъ расточать прежнія убѣжденія, напичивалъ о присягѣ, о единствѣри, о царской милости, и просилъ по крайней мѣрѣ: удержаться отъ несприятельскихъ дѣйствій, пока придетъ царскій указъ.

Гетманъ отвѣчалъ:

»Неудобно намъ съ большимъ войскомъ стоять на мѣстѣ. У насъ не заготовлено припасовъ, войско будетъ дѣлать тягости мѣщанамъ и пашеннымъ крестьянамъ.»

Дьякъ снова началъ убѣждать и страцалъ козаковъ гнѣвомъ Божиимъ. Послѣ долгаго упорства, гетманъ наконецъ сказалъ:

»Хорошо, я напишу съ тобою къ его царскому величеству и буду ожидать царскаго указа отъ сего числа три недѣли и четыре дни.»

— »Такъ скоро? И за дебелостью своею не посиѣю!« сказалъ дьякъ.

»Болѣе четырехъ недѣль мы ждать не будемъ«, сказалъ гетманъ, »и послѣ четырехъ недѣль начнемъ биться съ княземъ Ромодановскимъ и съ измѣнниками своими, которые поселились въ новыхъ городахъ. Да еще вотъ что. Какъ листъ мой гетманскій придетъ къ государю, такъ принимаетъ его посольскій думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, а государю кажетъ не подлинныя листы, а списки съ нихъ; а самъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ недоброхотень ни мнѣ, ни Войску Запорожскому, и я думаю, что онъ къ великому государю вносить несходныя съ подлинными листами списки. Я самъ, какъ былъ писаремъ при Богданѣ Хмельницкомъ, то бывало—кто мнѣ недругъ, и о чемъ нибудь пишетъ гетману, такъ я читаю гетману не то, что писано, нарочно, чтобъ гетмана разсердить на того, кто пишетъ. Пусть его царское величество пожалуетъ гетмана и все Войско Запорожское: не велятъ вѣдать листовъ нашихъ думному дьяку Алмазу Иванову, а поручить кому-нибудь другому изъ ближнихъ людей; да чтобъ государь велѣлъ предъ собою читать подлинныя мои листы, а не списки.»

— »Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ«, объяснялъ Кипкичъ, »по милости его царскаго величества, человекъ честный, навичный книжному ученю и многимъ философскимъ наукамъ; ему вручены и повѣрены отъ государя всѣ грамоты отъ разныхъ христіанскихъ и бусурманскихъ государствъ; не для чего ему быть къ тебѣ и къ Запорожью недоброхотнымъ; и не годится тебѣ такъ безчестить думнаго палатнаго человека его царскаго величества.»

»Мнѣ мои посланцы сказывали«, — говорилъ Выговскій.

— »Посланцы твои«, сказалъ дьякъ, »пьяницы и баламуты, на ссору тебѣ говорятъ, не хотя видѣть тебя въ милости у его царскаго величества. Будь надеженъ на милость великаго государя нашего, не прельщайся на злохитрыя прелести и не вѣрь ссорнымъ и смутнымъ рѣчамъ.«

Съ этииъ словомъ дьякъ вышелъ отъ гетмана.

По приходѣ въ свой шатеръ, явился къ нему войсковой Федоръ Лобода съ чигиринскимъ козакомъ Коробкою. Онъ былъ ему знакомъ издавна по прежнимъ его поѣздкамъ въ Малороссію.

»Гетманъ«, сказалъ Лобода, »положилъ тебя отпустить, а полковники, корсунскій Краховецкій, да черкасскій Джулай, да Павелъ Тетеря приговариваютъ тебя отдать Татарамъ, а Татары докучаютъ объ этомъ безпрестанно: но гетманъ отговаривается, сказываетъ, что отпустить тебя въ Чигиринъ на работу — дѣлать городъ. Всей измѣнъ у насъ заводчикъ Павелъ Тетеря: онъ все нынѣшнее лѣто проживалъ въ Корцѣ съ Ляхами и съ ними сговаривался, какъ бы освободиться изъ-подъ власти царскаго величества.«

На другой день явился Немиричъ и потребовалъ Кикина къ гетману на отпускъ. Гетманъ отдалъ ему свое письмо къ государю и изъявилъ желаніе, чтобъ государь умилосердился и оказалъ справедливость.

»О справедливости«, сказалъ дьякъ, »бей челомъ государю чрезъ своихъ посланцевъ, а войско распусти по домамъ и Татаръ отпусти.«

— »Войска я не распушу и Татаръ не отпушу, а буду ожидать указа царскаго величества отъ настоящаго дня четыре недѣли.«

Посолъ поклонился и вышелъ. Въ тотъ же день пріѣхалъ сотенный отрядъ, и выпроводилъ его не на прямую дорогу, а въ Миргородъ. Подозрительно это казалось и давало достовѣрность томѹ, что говорилъ Лобода, но посла увѣрили, что это дѣлается для предостереженія отъ Татаръ.

Н. Костомаровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОБЗОРЪ УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

IV.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья первая.

Когда г. Артемовскій-Гулакъ умолкнулъ, какъ-бы сознавъ несостоятельность украинскаго слова, вопросъ о нашей словесности былъ, казалось, рѣшенъ окончательно. Пара крошечныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень украинскихъ, изданныхъ въ 1819 и 1827 годахъ, одна пародія, двѣ театральныя пьесы да нѣсколько небольшихъ стихотвореній представлялись чѣмъ-то въ родѣ надгробныхъ памятниковъ нашей народности, къ которымъ только изрѣдка обращали взоры живые люди. Россійская словесность, усиленная и облагороженная Пушкинымъ, вступила во всѣ права своего господства на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, на Волыни, на Подоли, въ Черноморіи, Новороссіи и вездѣ, гдѣ есть Украинцы. Судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ періодъ нашего литературнаго безсилія изъ среды насъ, Украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ не-украинскимъ. Онъ убѣдительно всѣхъ доказалъ своими повѣстями, тогдашнему обществу, что для изображенія Украины нѣтъ надобности въ украинскомъ словѣ. Занявъ почетное мѣсто въ великорусской литературѣ, онъ сдѣлался единственнымъ представителемъ нашего народнаго духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его въ области понятій объ Украинѣ продолжалось и тогда, когда появились въ печати истинно украинскіе писатели, Квитка и Шевченко; оно ощущательно еще и въ наше время, когда у

многихъ уже совершенно измѣнились историческія и этнографическія воззрѣнія на эту страну. Вотъ почему, проходя критикой постепенное развитіе украинской идеи въ литературныхъ ея проявленіяхъ, мы дѣлаемъ и украинскія повѣсти Гоголя предметомъ своего изслѣдованія.

Въ эпилогѣ къ *Черной Радѣ* я ужъ представилъ небольшой опытъ подобнаго изслѣдованія: я набросалъ въ общихъ чертахъ характеристику Гоголя, какъ живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочимъ, указалъ на нѣкоторые погрѣшности *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргородѣ* противъ исторіи и народнаго быта нашего. Это было дѣло смѣлое послѣ рецензій Бѣлинскаго и другихъ великорусскихъ критиковъ, признавшихъ повѣсти Гоголя вѣрнымъ отраженіемъ украинской прошедшей и настоящей жизни. *Русская Бесѣда*, вѣровавшая во многое съ дѣтскимъ простодушіемъ, рѣшилась отстоять Гоголя и дала у себя мѣсто очень странной статьѣ М. А. Максимовича, который съ перваго слова объявилъ, что будто бы я «умалюю достоинства повѣстей Гоголя изъ желанія возвысить этимъ значеніе *Черной Рады* въ глазахъ читающаго общества» (1). По мнѣнію г. Максимовича, личные виды могли заставить покривить искреннимъ судомъ о Гоголѣ даже и того, кто употребилъ столько трудовъ на собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя, кто дважды составилъ опытъ его біографіи, кто, изъ опасенія бросить какую-либо тѣнь на память высоко цѣнимаго имъ поэта, пересвѣтлялъ мѣстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порицанію со стороны другихъ біографовъ, кто еще недавно издавалъ, со всевозможно кропотливой повѣркой по рукописямъ *Сочиненія и Письма* этого поэта, и вмѣняетъ себѣ въ особенную честь такое дѣло, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась къ бумагамъ его земляка, умершаго вдали отъ родины.

Еслибы сказать, что біографъ и издатель Гоголя, въ началѣ своего дѣла, не имѣлъ никакихъ литературныхъ претензій, но что потомъ, написавъ *Черную Радѣ*, возгордился мнимыми преимуществами своими въ изученіи и пониманіи украинской жизни и исторіи; то это придавало бы еще обвиненію г. Максимовича какую-нибудь послѣдовательность. Но *Черная Рада* могла быть напечатана уже въ 1846 году, еслибы это отъ меня зависѣло. Ссылаюсь на людей извѣстныхъ въ литературѣ, Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченка (2), которые уже тогда читали ее

(1) См. *Русск. Бес.* 1838 года.

(2) Писано при жизни Шевченка и читаво въ его присутствіи, въ украинскомъ литературномъ кругу.

въ рукописи, на украинскомъ языкѣ. Слѣдовательно, собирая по листочку матеріалы для біографіи Гоголя, заводя объ этомъ переписку съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ самимъ г. Максимовичемъ, разъѣжая по этому дѣлу въ разные мѣста и лѣта въ книгу всякую мелочь, относящуюся къ Гоголю, съ благоговѣніемъ къ его невозвратному существованію,—я былъ тѣмъ же авторомъ *Чорной Рады*, что и нынѣ, и преклонялся предъ его высокимъ талантомъ точно такъ же, какъ и теперь преклоняюсь.

Въ изданныхъ мною *Запискахъ о жизни Гоголя* я не подвергалъ его сочиненій критическому разбору, во исполненіе завѣщанія его, что бы не слышать ни хвалы, ни осужденіемъ его произведеній⁽¹⁾. Если же, начертывая, въ эпilogѣ къ *Чорной Радѣ*, историческое развитіе южнорусской словесности, я упомянулъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ украинскихъ повѣстей Гоголя, то это вовсе не значить, что я умышленно понижалъ ихъ достоинство. Извѣстно каждому, что полного совершенства достигаютъ поэты въ періодъ полной своей зрѣлости. Гоголю было 23 года, когда онъ писалъ *Тараса Бульбу*. Тогда онъ еще не былъ авторомъ произведеній, которыя составляютъ его истинную славу, и не напрасно сохранилось преданіе, что Пушкинъ, заинтересованный въ началѣ чтеніемъ *Тараса Бульбы*, сталъ потомъ обнаруживать неудовольствіе и наконецъ началъ говорить автору-чтецу: »Дурно! дурно! нигуда не годится!«. Само собою разумѣется, что негодившееся нигуда для такого великаго поэта и строгаго судьи искусства, какъ Пушкинъ, безразлично восхитительно для такого критика, какъ г. Максимовичъ. Онъ называетъ *Тараса Бульбу* »дивнымъ созданіемъ«, не видя въ немъ вовсе недостатковъ, которые, по преданію, очень ясно видѣлъ Пушкинъ. Мало ли кто чему удивляется! но не мѣрою нашего удивленія опредѣляется достоинство поэтическихъ созданій. Иной дивится всему въ великомъ писателѣ, потому только, что это великій писатель; а другой гораздо болѣе дивится, что есть на свѣтѣ грамотные люди, которые нападаютъ на критика за то, что онъ обратилъ вниманіе цѣнителей искусства на погрѣшности писателя, къ которому уваженіе засвидѣтельствовалъ цѣлыми годами спеціальнаго труда своего.

Очень понятно для меня, что замѣтки, подобныя моимъ указаніямъ на недостатки Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, могли бы болѣе или менѣе вредить литературной репутаціи какого-нибудь ав-

(1) Соч. и П. Гоголя, т. III, стр. 333.

тора средней руки. Но въдъ Гоголь богачъ, для котораго ничего не значить—заплатить дань критикѣ. Лучшія изъ его украинскихъ повѣстей, какъ бы мы ни понизили ихъ уровень, всё таки могутъ быть понижены только въ отношеніи къ послѣдовавшимъ за ними его произведеніямъ; въ сравненіи же со всякими другими повѣстями, онѣ до сихъ поръ остаются, въ своемъ родѣ, единственными.

Если бы я, внявъ замѣчаніямъ г. Максимовича, отказался отъ своего взгляда на украинскія произведенія Гоголя и призналъ ихъ, какъ онъ, просто *дивными*, тогда бы я долженъ былъ признать, что великому писателю совершенство дается сразу. Напротивъ, въ жизни такого таланта, какъ Гоголь, каждые пять лѣтъ — а пожалуй и менѣе — составляютъ новый періодъ развитія. Только люди съ посредственными способностями, поднявшись до извѣстной высоты умственнаго развитія въ эпоху своей зрѣлости, не идутъ далѣе, а подъ старость, пожалуй, тупѣютъ и становятся ниже самихъ себя. Ничего нѣтъ мудренаго, что кто-нибудь, четверть столѣтія назадъ, чувствовалъ живѣе и смекалъ кое-что лучше, нежели въ 1858 году; но было бы очень странно, еслибы Гоголь былъ столь же дивенъ въ *Тарасъ Бульба*, въ какъ и въ *Мертвыя Душахъ*.

Я полагаю, что г. Максимовичъ написалъ свою критику противъ меня не по какимъ-нибудь побужденіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя предполагаютъ онъ во мнѣ. Я долженъ думать, что онъ писалъ ее искренно и прямодушно. Поэтому я прочелъ ее очень внимательно и, не смотря на то, что ея ревностный къ истинѣ авторъ присвоилъ себѣ право хозяйничать даже въ моей душѣ, вижу изъ нея, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишкомъ поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждаетъ вопросы, не давая на нихъ отвѣтовъ, и что, какъ ни ясна она для автора, имѣющаго специальныя свѣдѣнія о предметѣ, — въ глазахъ читателей она, можетъ быть, не болѣе, какъ собраніе афоризмовъ. Эти мысли приводятъ меня къ заключенію, что не слѣдуетъ мнѣ останавливаться на томъ, что высказано мною въ эпилогѣ къ *Чорной Радѣ*, а слѣдуетъ взяться за критическую работу вновь и внести въ нее возможную полноту изложенія, которая бы сама собой разрѣшала недоумѣнія, могущія опять возникнуть въ умѣ читателей.

Прежде всего, я нахожу нужнымъ выписать изъ моего эпилога къ *Чорной Радѣ*, всю характеристику Гоголя. Прошу читателей, при чтеніи моей критики, постоянно имѣть въ виду высказанный въ этой характеристикѣ мой взглядъ на нашего великаго поэта.

».... Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ на украинскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію украинской жизни въ повѣстяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многие изъ Украинцевъ сожалеютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть украинскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагу въ своемъ творествѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Какое бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соотечественниковъ, а на великорусское общество — никакого. Но, заговоривъ объ Украинѣ на языкѣ, общедоступномъ для обоихъ народовъ, онъ, съ одной стороны, показалъ своимъ землякамъ, что у нихъ есть и было прекраснаго, а съ другой — открылъ для Великороссіянъ своеобразный и поэтический народъ, извѣстный имъ дотогдѣ въ литературѣ только по карриатурамъ. Судя строго, украинскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины, но въ нихъ чувствуется общій поэтический тонъ Украины. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти пѣсни. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать до конца родной народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за исторію Украины, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это *Тарасомъ Бульбою*, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ. Перечитывая теперь *Тараса Бульбу*, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись или преданіе брасаютъ ему искру свѣта, — съ необыкновенной зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобы распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ *Тарасъ Бульба* только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ жгущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многие изъ Украинцевъ сожалеютъ, что Гоголь не продолжалъ изучать Украины и не посвятилъ себя худо-

жественному воспроизведенію ея прошедшаго и настоящаго; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливейшій инстинктъ генія. Въ его время не было возможности знать Украину больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, пресмнники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдался бы въ разработку украинскихъ архивовъ и лѣтописей, въ собраніе пѣсенъ и преданій, въ разъѣзды по Украинѣ, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, — наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Ук, аины; то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обратясь къ современной великорусской жизни, онъ дохнулъ свободнѣе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственного саморазвитія останавливало его творчество. Всѣ таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ *Мертвыхъ Душахъ*, этой великой попыткѣ произвестъ нѣчно колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ *Мертвыя Души*? Самы Москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь Украинцемъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго (1). Но созданіе *Мертвыхъ Душъ*, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ *Авторской Исповѣди* и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи Украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія *бардъ* козацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это—самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо, оправдаст-

(1) См. *Нѣсколько словъ о Поэмѣ Гоголя: Мертвыя Души*, К. Аксакова. Москва. 1842, стр. 17—18.

ся зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра ⁽¹⁾. Со времени Гоголя, взглядъ Великоруссовъ на натуру Украинца перемѣнился: почували въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ снльною жизнью и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, Украинцы, призванные имъ къ сознанию своей національности, имъ же самымъ устремлены къ любовной связи ея съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всей глубиной души своей и заставилъ насъ такъ же почувствовать. Назначеніе Гоголя было — внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки.»

Вотъ онѣ, несчастныя страницы моего эпизода къ *Черной Радѣ*, которыя неумышленно огорчили г. Максимовича и подали ему поводъ къ психологическимъ догадкамъ на счетъ сокровенныхъ мотковъ побужденій! Развернемъ теперь первый томъ *Сочиненій и Писемъ Гоголя*.

Съ самаго появленія въ свѣтъ *Вечеровъ на Хуторѣ*, а потомъ и *Миргорода*, много было въ журналахъ толковъ объ украинскіхъ повѣстяхъ Гоголя. Нѣкоторые изъ критическихъ разборовъ написаны были людьми, весьма опытными въ законахъ искусства, и утвердили въ русской эстетикѣ, по этому поводу, нѣсколько новыхъ понятій о художественности изображенія людей и природы. Но, какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографическому разбору украинскіхъ повѣстей его, а пожалуй — не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественнаго произведенія требуется безусловная вѣрность относительно нравовъ и обычаевъ изображаемаго народа. Напримѣръ, въ первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, всѣ у-

(1) См. *Авторскую Исповѣдь въ Соч. и П. Гоголя*, т. III, стр. 300.

влеклись блестящимъ началомъ и не обратили вниманія на механизмъ повѣсти, противорѣчащій глубоко, до религіозности вкорененному у украинскихъ поселянъ обычаю выхода въ замужество....

Гоголь начинаетъ свою повѣсть *Сорочинская Ярмарка*, словами: »Какъ упителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимающая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» и т. д.

Все это правда, если смотрѣть на украинскую природу сквозь природу отсутствующаго изъ родины двадцати-лѣтняго поэта, который не навывкъ еще строго взвѣшивать значеніе и силу каждой фразы, а между тѣмъ у него въ тѣлѣ —

Младая кровь играетъ

и грезятся ему во-снѣ и на-яву, какъ изображенному имъ въ послѣдствіи козаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опоэтизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу »умалить«
цѣну молодому творчеству автора *Вечеровъ на Хуторѣ*. Я хочу только показать степень его физической температуры, которая должна была болѣе, чѣмъ въ послѣдствіи, имѣть вліяніе на неокрѣпшую еще силу его творчества. Кому угодно посмотрѣть съ этой стороны на *Сорочинскую Ярмарку*, тотъ увидитъ ясно, отчего она такъ жарко и въ такомъ преувеличенномъ блескѣ начата Гоголемъ; тотъ безъ улыбки прочтетъ, на первыхъ ея страницахъ и про »влюбленную землю«
и про »золото«, которое »прыщеть«
при сильномъ вѣтрѣ на живописныхъ массахъ листьевъ, и про »изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ наскѣкомыхъ«, и про »сладострастіе и нѣгу«
украинскаго лѣта; тотъ почувствуетъ душою, что первыя страницы первой повѣсти поэтическихъ *Вечеровъ на Хуторѣ* суть не что иное, какъ радужное облако юныхъ грѣзъ, окружавшее голову поэта при началѣ его литературной дѣятельности и препятствовавшее ему видѣть природу тѣмъ »прозравшимъ сквозь всякій туманъ«
взглядомъ великаго писателя, какимъ онъ впоследствии видѣлъ ее при созданіи *Мертвыхъ Душъ*.

Развернувъ первый томъ сочиненій Гоголя на началѣ *Сорочинской Ярмарки*, мы коснулись только самой манеры Гоголя изображать украинскую природу и показали фантазмагорическое преувеличеніе этой манеры. Это, однакожъ, вовсе не значитъ, что мы низводимъ Гоголя, даже

и въ самыхъ первыхъ его повѣстяхъ, до уровня посредственности. Въ непомѣрной яркости красокъ, въ эскизности контуровъ, въ недоконченности исполненія пейзажа видна уже и тамъ болѣе или менѣе самостоятельная манера писать съ натуры. Перечитывая *Вечера на Хуторѣ*, мы имѣемъ право повторять отзывъ о нихъ самого Гоголя, въ предисловіи къ изданію 1842 года: »Много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!« но при этомъ никогда не должны терять изъ виду его же постепенной »зрѣлости« въ послѣдовавшихъ сочиненіяхъ, его многосторонней »обдуманности«, его достойнаго мужескихъ лѣтъ »совершенства.« Только тогда чтеніе его сочиненій, въ хронологическомъ порядкѣ, будетъ для насъ художественнымъ курсомъ критики; безразличнымъ же восхищеніемъ ничего не выиграемъ, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже съ Гоголемъ: »!то первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя« (1). Но такой строгости, съ какою великій и »выскаательный художникъ« оцѣниваетъ свои произведенія, мы, въ качествѣ судей между нимъ и обществомъ, не должны позволять себѣ; и если авторъ *Мертвыхъ Душъ* включилъ *Сорочинскую Ярмарку* и другія подобныя ей повѣсти въ собраніе своихъ сочиненій, изданное имъ 1842 года, то какое право имѣетъ критика исключать ихъ изъ предметовъ своего строгаго вниманія?

Сдѣлаю ксати замѣчаніе о живописи и скульптурѣ, имѣющее свою параллель и въ поэзи. Когда пишется молодымъ художникомъ картина, или когда молодой скульпторъ изсѣкаетъ изъ мрамора статую, — какъ бы ни былъ великъ природный его геній, онъ долженъ имѣть много технической опытности, чтобы, какъ выражаются художники, *докончить* изящное произведеніе. Смысль сочиненія, гармонія всѣхъ частей, красота въ почувствованіи художественной идеи, облеченной въ цвѣта или въ мраморъ, — все это дается всякому таланту въ пластическихъ искусствахъ гораздо ранѣе, нежели то, что на языкѣ художниковъ выражается словомъ *доконченность*. Написать бойкую вещь могутъ многіе; докончить свою картину или статую могутъ только художники вполне образовавшіеся. Поэтому -то, когда подходитъ къ картинѣ профанъ и передается очень понятному удивленію, его озадачиваетъ иногда отзывъ знатока: »Жаль, что не докончил!« и онъ, забравъ кой-какія справки о судѣ, готовъ обвинить его очень неблагоприятно въ »умаленіи« цѣны изящному произведенію. Эта же самая доконченность даетъ относительную

(1) Въ томъ же предисловіи.

дѣльность и художественнымъ произведеніямъ въ литературѣ. Въ глазахъ знатока важно не одно то, что поэтъ задумалъ свое созданіе смѣло; для знатока мало и гармонія въ частяхъ; не удовлетворяетъ его вполне и красота въ почувствованіи всей идеи созданія. Все это необходимыя условія изящнаго произведенія; но надобно, чтобы это произведеніе въ каждой мелкой своей чертѣ носило печать той же творческой силы, что и въ самыхъ крупныхъ своихъ массахъ, другими словами — чтобы оно было *докончено*. Въ глазахъ знатока, поэту, небольшая картинка, исполненная сои атоге великимъ мастеромъ, стоитъ выше большой картины самаго гениальнаго, но еще не созрѣвшаго ученика. Какъ ни широка рама *Тараса Бульбы*, какъ ни живы въ ней мѣстами краски, какъ ни могущественна кисть живописца, создававшего натуру даже и тамъ, гдѣ она существовать не могла въ такомъ видѣ; но его скромная повѣсть *Шинель*, написанная въ скромъ тонѣ, далеко превосходитъ эту повѣсть-поэму и поэму-повѣсть, а въ сущности ни то, ни другое.

Что я говорю здѣсь о доконченности вообще, то еще сильнѣе чувствуется, при чтеніи Гоголя, относительно стороны мѣстной и этнографической въ особенности. Акакія Акакіевича со всею его обстановкою Гоголь видѣлъ, поэтическимъ своимъ зрѣніемъ, среди бѣла дня; Тараса Бульбу онъ отыскивалъ — и съ трудомъ отыкалъ — въ историческихъ потемкахъ, и сколько онъ ни озарялъ эти потемки пѣсенными и лѣтописными преданіями старины, всё таки многія стороны жизни, вызванной имъ изъ прошедшаго, остались для него и для строгаго критика очень неясны, а многія совершенно покрыты мракомъ, какъ это мы увидимъ послѣ, когда освѣтимъ *Тараса Бульбу* новыми свѣдѣніями и понятіями историческими. Теперь мы всё еще, покаместъ, ниѣмъ передъ собой *Сорочинскую Ярмарку* и заходимъ впередъ единственно по принятому нами правилу — измѣрять достоинство повѣстей Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведеніями. Но, какъ уже мы сблизили между собой двѣ разнородныя повѣсти Гоголя, одну изъ настоящаго, другую изъ прошедшаго времени и высказали мнѣніе о томъ, что помогало ему въ возсозданіи одной сферы и что препятствовало ему въ ясновидѣніи другой; то кстати привести изъ *Авторской Исповѣди* собственное объясненіе автора, согласное съ нашимъ взглядомъ. »У меня не было влеченія къ прошедшему«, говоритъ онъ. »Предметъ мой была современность и жизнь въ ея цинѣшнемъ быту, — можетъ быть, оттого, что умъ мой былъ всегда склоненъ къ существенности и пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ же-

ланіе быть писателемъ современнымъ» (1). Далѣе: «Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самого тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ-бы его собственное тѣло.... Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрягъ жизни, когда, держа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ него все тряпье, до малѣйшей бумажки, которое кружится ежедневно вокругъ чловѣка, словомъ—когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то есть способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и потороплюсь выводить, оно выходило только рѣзко и необыкновенно» (2).

Эти послѣднія слова какъ нельзя больше идутъ въ характеристику *Тараса Бульбы*. Гоголь далеко не всѣхъ выслушалъ, кого надобно было выслушать ему (т. е. изучить) для того, чтобы козакъ временъ Острияницы вполне воплотился у него въ плоть, чтобы духъ того вѣка, нравы и обычаи того времени олицетворились въ такой безукоризненности, какъ чиновники и вся ихъ прозаическая обстановка въ повѣсти о шинелѣ. Но возвратимся къ *Сорочинской Ярмаркѣ* и бросимъ этнографо-критическій взглядъ на завязку и развязку этой повѣсти. Тутъ мы укажемъ на слишкомъ крупный недостатокъ относительно знанія простонародной Украины, изображенной Гоголемъ въ этой, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ повѣстяхъ. Мелкихъ же промаховъ или невѣрностей мы исчислять не намѣрены, ибо повѣсть — не статистика, и учесть всего, что въ ней есть и чего нѣтъ, невозможно; а если бы и было возможно, то ни къ чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встрѣчею на мосту удалого пѣрубка съ сельской красавицей, которая ѣхала на ярмарку, вмѣстѣ съ своей мачихой, на возу, наваленномъ вѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею. Возъ былъ запряженъ парой воловъ. За возомъ шелъ самъ хозяинъ, а рядомъ съ нимъ — назначенная въ про-

(1) Т. III, стр. 511.

(2) Тамъ же, стр. 515.

дажу и привязанная къ возу старая кобыла. Изъ описанія воза и наряда путешественницъ можно видѣть, что на ярмарку выѣхало семейство богатое. Все это намъ нужно взять во вниманіе для того, чтобы потомъ представить дѣло во всей ясности. Дѣвушка, ѣхавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя — и подѣ перомъ автора, и въ устахъ познакомившагося потомъ съ нимъ отца красавицы — Голопушенокъ сынъ или Голопушенко. Авторъ могъ давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ, въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой, соблюдаетъ, на свой ладъ, ту же учтивость, что и мы, грѣшныя, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни. Неудобно ли заглянуть въ повѣсти Квитки (Основьяненка). Тамъ вы увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо вѣдома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински въ украинскіхъ повѣстяхъ его. Но мы увлеклись мелочью. Послѣдуемъ за новыми знакомыми и рѣшимъ, Украинцы ли это, по ихъ разговорамъ и обычаямъ?

»Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ.«

Это влюбленный молодой человекъ относится къ отцу своей возлюбленной. Сколько мы знаемъ нашъ народъ, такимъ тономъ могъ бы обратиться къ Солопію только близкій къ нему сверстникъ, присваиваясь за своего сына, да и тотъ выбралъ бы для этого иное время и иное мѣсто, а не площадь, на которой происходитъ ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тотъ назвалъ бы его не Солопиемъ, а по имени и пожалуй — еще и по отчеству. Если бы и къ самому послѣднему изъ простолюдиновъ обратился парубокъ такимъ образомъ съ сватовствомъ, то и тотъ обидѣлся бы неучтивостью, понятною для мужика, такъ же какъ и для каждаго изъ насъ. Но Солопій, при всей каррикатурности даннаго ему имени, былъ не послѣдній изъ своей братіи, какъ это видно уже по одному тому, что онъ одной пшеницы вывезъ на ярмарку десять мѣшковъ (¹). Въ Украинѣ замѣжность (зажиточность) хозяина соотвѣтствуетъ понятію о его трезвости, трудолюбіи и вообще, что называется, порядочности: украинскій пахарь не имѣетъ никакихъ безгрѣшныхъ доходовъ, подобно инымъ сословіямъ, и если что приобретаетъ, то не иначе, какъ трудомъ и хозяйственностію. Отъ этого и происходитъ у него извѣстная степень гордости своимъ достаткомъ, такъ какъ достатокъ есть его документъ на званіе достойнаго человека. Отъ этого же онъ держитъ

(¹) См. разговоръ о пшеницѣ на стр. 17 *Сорочинской Ярмарки*.

себя въ какомъ-то неприкосновенномъ величїи относительно и къ равнымъ, а не только къ младшимъ. Но Гоголь, при сочиненїи первой повѣсти *Вечеромъ на Хуторъ*, не зналъ поселянина близко. Онъ видѣлъ его только съ помѣщичьяго крыльца, или изъ коляски. Онъ не сживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обычнымъ гостемъ; онъ не носилъ на его свадьбахъ какого-нибудь почетнаго званїя, онъ даже не умѣлъ отличить свадебнаго термина *дружкó* отъ слова *дружка*, что читатель и увидитъ изъ примѣчанїя, сдѣланнаго мною, какъ издателемъ его сочиненїй (1). Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украинны и изображалъ ее, какъ баринъ, видящїй въ мужикѣ одно смѣшное (2). Но обратимся къ новымъ знакомымъ на ярмаркѣ, знавшимъ дотогдѣ другъ друга только по слуху.

Когда парубокъ зарекомендовалъ себя столь прїятно для будущаго тестя — предложенїемъ себя въ зятевья, Солопїй ни мало не обидѣлся, нужды нѣтъ, что былъ въ трезвомъ видѣ, что былъ занятъ дѣломъ и что была тогда самая рабочая цора, въ которую у пахарей нѣтъ и помину о сватовствѣ, а пожалуй еще и *Спáсївка* (Спасовъ постъ), ибо на страницѣ 12 сказано: »Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа.« (А первая половина августа жарче второй.) Если бы парубокъ-хлѣборобъ и вздумалъ приволокнуться въ это время за сельской красавицей, то всё таки не тѣмъ способомъ, какой представленъ у Гоголя. *Занять* публично дѣвушку изъ чужого села по-Гоголевски ни одинъ, что-называется, *хазáйський синь* не осмѣлится и не захочетъ. *Не осмѣлится* потому, »что стыдно людей« и страшно порубковъ одного съ нею села, которые очень ревнивы къ неприкосновенности своихъ дѣвчатъ вообще, а не то, что только невѣсты или возлюбленныхъ, и, какъ извѣстно, приколачиваютъ до смерти на вечерницахъ непрошенныхъ гостей изъ другого села. *Не захочетъ* потому, что парубокъ *чесноио и хорошого рóду*, какимъ по всему надобно предположить Гоголева парубка, очень остороженъ и разборчивъ въ выборѣ себѣ подруги. Надобно, чтобъ было такъ, какъ, говоритъ въ пѣснѣ козакъ, котораго дѣвчина, лаская, назвала *стѣлющимся зеленѣнькимъ барвіночкомъ*:

Онъ слáвса я, дѣвчїнонько, по твойму горбóу, —
Не тобї лишъ сподобáвса, *всѣму* твойму рóду.

(1) Тамъ же, стр. 18.

(2) Я покажу, въ своемъ мѣстѣ, что и какъ ему казалось не-смѣшнымъ, и въ какомъ отношенїи это не-смѣшное находится къ смѣшному.

Точно то же надобно разумѣть и относительно къ дѣвушкамъ. Есть пѣсня:

Пійшовъ би я въ улоньку, — головка болить:
Свѣтавъ би я дівчиноньку, — такъ рідъ не велить.

Видите, какъ народъ крѣпко держится своихъ обычаевъ! Это святыня, охраняющая его отъ нравственной порчи. Но Гоголь народныхъ обычаевъ не зналъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется современною критикою отъ автора украинскихъ повѣстей изъ народной жизни. Поэтому онъ и не могъ оскорбиться въ душѣ за представленнаго имъ Украинца *Солопня*, а, напротивъ, заставилъ его отвѣчать на предложеніе *Голопуленкова сына*, обращаясь со смѣхомъ къ дочери, вотъ что: «Что жъ, Параска? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, выѣсть и того.... чтобы и паслись на одной травѣ? Что, по рукамъ? А ну ка, новобраный зять, давай могарычу!»

«И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной рестораціи — подъ яткою у Жидовки», и проч.

Оно, можетъ быть, и смѣшно, только не для тѣхъ, кто знаетъ простонародную Украину и не видитъ въ мужикѣ столько смѣшного, сколько видѣлъ Гоголь. Да и каждый, кому угодно сойти ниле крыльца помѣщичьяго дома, или, очутясь среди народа, выдти изъ коляски и поселить въ немъ къ себѣ дружелюбіе, увидить, что приволакиваются къ дѣвчатамъ, по указанному Гоголемъ способу, на ярмаркахъ солдаты, судовые панпчи, а пожалуй и заѣзжіе изъ столицъ Хлестаковы. Зато жъ о нихъ и не думаютъ такъ, какъ подумала Параска среди ярмарки: «Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого», а просто кричатъ: «Геть къ нечистому!» или: «Тю, навіжѣний (1)! чи е въ тебе сорогъ мирський» (2)? И если у оскорбленной дѣвушки есть отецъ или братъ, то онъ не будетъ говорить такъ, какъ Гоголевъ Солопня: «Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вѣжу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дружкой (т. е. дружкомъ: дружка у насъ — дѣвушка), уже надоумилъ».

Кто въ этихъ нечистойныхъ словахъ узнаетъ Украинца-отца, котораго совершеннѣйшій типъ представилъ Квитка въ отцѣ непорочной Маруси, а Шевченко въ отцѣ падшей Катерины? Вспомни каждый, кто

(1) Сумашедшій.

(2) Не стыдно ли тебѣ предъ обществомъ?

пролилъ слезу изъ сочувствiя къ высокимъ душевнымъ движенiямъ Квиткина пахаря, отеческiя рѣчи Наума Дрота ('). Вспомни каждый, кто знаетъ цѣну таланту Шевченка, его мрачно-торжественные стихи:

Сидѣть бѣтько кiнѣць стѣла,
На руки схилився,
Не дѣвiтця на свѣтъ Божiй,
Тѣжко зажурився!

И потомъ этотъ приговоръ отца опозорившей его дочери, послѣднiй приговоръ, въ которомъ слышится вся глубина отеческой любви и вмѣстѣ вся убивающая, клонящая къ землѣ тяжесть позора:

Нехайъ тебѣ Богъ прощѣе
Та добри люде!
Молисьъ Бѣгу та вди собi —
Мнi лѣгше бѣде.

Вѣдь обѣ эти личности въ сочиненiяхъ нашихъ народныхъ писателей принадлежать къ тому же классу, обѣ эти личности того же воспитанiя, того же образа жизни, что и Солопiй Гоголя, а, между тѣмъ, какая разница въ воззрѣнiи на предметъ! Гоголь былъ такой же, какъ и они, талантъ, но онъ воспитался въ иной средѣ, жилъ въ иномъ кругу, былъ повѣствователь иной эпохи — и заплатилъ дань своему сословию, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но гдѣ же нашъ Украинецъ, изуродованный Гоголемъ такъ простодушно, такъ беззаботно, такъ *залиубки*, какъ часто случалось дѣлать и другимъ господамъ съ подвластными имъ Украинцами? Мы находимъ его съ будущимъ зятемъ и дочкою въ подвижномъ кабацкѣ у Жидовки. За горожанку-прачку намъ бы не было стыдно; но за сельскую непорочную красавицу, въ свѣжихъ, какъ сама она, цвѣтахъ, намъ стыдно и даже больно! А Гоголю и нужды было мало. Насмотрѣвшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь, онъ спокойно заставилъ свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потомъ затащилъ ее, какъ непотребныхъ людей, въ кабацкѣ. Но пускай онъ отвѣчаетъ за себя собственноручными показанiями:

(') Главное дѣйствующее лицо въ повѣсти Квитки: *Маруся*. Никогда я не забуду, какъ оцѣнила Наума Дрота одна очень развитая въ области вкуса дама. «Это такой мужикъ, у котораго можно съ почтенiемъ поцѣловать руку», сказала она.

— «Что жь это за красная свитка?»

«Тутъ у нашего внимательнаго слушателя (Солопія) волосы поднялись дыбомъ.» (Такъ-то легко и испугать, среди бѣла дня и въ толпѣ народа, разскажемъ о чортѣ и его красной свиткѣ, человѣка, у котораго въ памяти есть пословица: *Не такий чортъ страшній, якъ ёго малюють.*) «Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и пѣрубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки.»

Тутъ-то онъ отъ ужаса перешелъ къ такъ называемому *малоросійскому юмору* и, что называется, *лїгнувъ* такія слова о себѣ и о своей женѣ, какихъ ни у кого не поворотится языкъ сказать при дочери. Мужикъ нашъ сказалъ бы на это: «Можеть, у пановъ такъ и водится, но у насъ—крий Боже!» Подобныя вещи можно слышать только отъ пьяницъ въ кабакахъ, куда всё-таки и пьяницы не ходятъ съ дочерьми, а развѣ съ жінкою, да и то въ такомъ горькомъ случаѣ, какой представленъ въ одномъ изъ лучшихъ печатныхъ произведеній Шевченка, которое оканчивается такъ:

Умѣвъ кобзарь, сумѣючи:

Щось рѹки не грають....

Кругомъ хлѣпці та дівчата

Слїзюнькї втирають.

Пїшшѣвъ кобзарь по ўлицї;

Зъ журбї якъ заграє!

Кругомъ хлѣпці навпрїсадкѣ,

А вінь примовляє:

«Нехїй буде отгачекки:

«Сидїть, діти, у запїчку,

«А я зъ журбї та до шїнку,

«А тамъ найду мою жінку,

«Найду жінку, почастѹю,

«Зъ ворѣженькївъ покецкѹю!»

Низведя величаваго и поэтическаго своего земляка до уровня съ петербургскими «ризовыми шинелями», Гоголь рисуетъ въ прежнемъ тонѣ и сцену въ кабакѣ, да еще у Жидовки. Чувства украинскихъ поселенъ къ Евреямъ извѣстны. Оправдывать ихъ, или опровергать здѣсь не мѣсто; но объявляю не обвиняясь, что поселенинъ сорочинскихъ окрестностей сказалъ бы: «Се все одно, що запївати свѣтаннїя у чорта въ пеклї!»

Вотъ, вамъ еще разъ—уровень защищаемаго г. Максимовичемъ Го-

голева знанія простонародной України во время сочиненія українскихъ повѣстей. Опъ конечно болѣе или менѣе зналъ ее, сколько могъ знать въ то время *паничъ*, псходившій ниже помѣщичьего крыльца, сколько могъ знать пансіонеръ Пѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, сколько могъ знать столичный чиновникъ и институтскій преподаватель исторіи географіи, — не болѣе.

Сцена въ кабацѣ у Жидовки написана *двемо*, какъ сказалъ бы иной критикъ.

»Эхъ, хватъ! за это люблю!« говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и вида, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварти и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ её въ дребезги. »Что скажешь, Параска? Какого жениха я тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнну!»

Для наблюдающихъ простонародную жизнь съ помѣщичьего крыльца я долженъ здѣсь замѣтить, что зажиточный поселянинъ, мозольнымъ трудомъ содержащій свое семейство, ни комъ образомъ не можетъ восхищаться пьянымъ, рекрутскимъ молодецествомъ будущаго своего зятя. Народныя пѣсни, тысячами доходящихъ до сердца голосовъ, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства ⁽¹⁾. Народныя пословицы опредѣляютъ слишкомъ выразительно, какъ смотрятъ родители на участь своихъ дочерей, которыхъ мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толкъ можетъ удостовѣрить каждаго, что въ ужасъ пришелъ бы отецъ, сдѣлавъ открытіе, что будущій зять его — опытный пьяница, и ему представилась бы та самая перспектива, какую увидѣла предъ собой, въ народной пѣснѣ, безпомощная вдова, которой кабачный повѣса (*нетяпа*, неработающій и немущій) сдѣлалъ предложеніе съ ироническою откровенностію пьянаго человека:

Онъ зажурилася бідная вдова:

»Якъ мнѣ жити, якъ горювати!

»Якъ своїхъ діточокъ прогудувати!«

Онъ обізвѣтца козакъ-нетяга:

»Онъ не журися, бідная вдово!

»Я жъ тебѣ люблю, за себѣ візьму:

(1) Напримѣръ:

Онъ не спийте у ставу воді, нехай вода ріне:

Не дайте мене за пьяничку, нехай вінъ изгіне!

Я съ пьяницею жити не буду, тільки роскоші забуду;

Я съ пьяницею жити не пиймуся, хибя піду утоплюся.

»Я твою худібоньку попрощаю,
 »Я твоіхъ діточокъ порозганію,
 »Я твоі карі бчи поідбиваю!»

Гоголь слишкомъ мало имѣлъ и могъ имѣть подъ рукою источниковъ, изъ которыхъ могъ бы почерпнуть живыя понятія объ Украинѣ. Каждому, надѣюсь, ясно, какъ онъ удаленъ былъ отъ непосредственнаго изученія народа, и «по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и по вліянію окружающихъ его личностей, и по своему воспитанію, и по самому времени, съ которымъ совпало его дѣтство» (слова моего эпилога). Оставались ему однѣ книги и рукописи; и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ столько, сколько возможно было сдѣлать, при его талантѣ. Но много ли въ то время было дѣльныхъ книгъ объ Украинѣ? Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народонаученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но неизнавшему ея въ такой степени, чтобы своими повѣстями не профанировать своего народа и собственнаго великаго таланта? Онъ исчерпалъ все, и изъ всего читаннаго и слышаннаго создалъ какой-то необыкновенный, причудливый міръ, который критика въ правѣ поставить очень, очень низко, въ сравненіи съ его петербургскими повѣстями и другими позднѣйшими его произведеніями. Напримѣръ, сцена въ кабацѣ на ярмаркѣ. Вѣдь это перифразированная рѣчь каррикатурнаго Зевеса, Котляревскаго, объ Енеѣ:

Чи бачишъ, вінъ який парнище?
 На світі тріхи є такіхъ:
 Сивуху, такъ якъ брагу, хліще!
 Я въ парубкѣхъ кохаюсь сякъ!

Что было хорошо въ устахъ *либішого* съ *постацѣ* Юпитера, отнесенительно *завзятійшого* изъ *всіхъ бурлакѣ* Троянца, то вышло дико и оскорбительно для человѣческаго чувства въ устахъ отца, честнаго, работающаго пахаря, вѣряющаго свою дочь - красавицу *хвату* въ попойкѣ! Но Гоголь не виноватъ, что въ его время никто не смотрѣлъ на мужика такъ, какъ онъ самъ на себя смотритъ, если и наше время московскій журналъ возстаеъ противъ новаго воззрѣнія на *Вечера* и *Миргородѣ*.

Послѣдуемъ дагѣ за повѣстью, въ качествѣ этнографа, желающаго видѣть въ произведеніи словесности вѣрный образъ своего народа.

Патанувшись порлочно сивухи вмѣстѣ съ будущимъ зятемъ, въ при-

существом дочери, — Солопій отправился къ женѣ, «посмѣиваясь и покачиваясь».

«Ну, жинка, а я нашелъ жениха дочкѣ», сказалъ онъ.

Еслибъ Гоголь зналъ простонародную Украину, то онъ въ язвительную рѣчь Хиври вложилъ бы факты, выражающіе бытъ народный. Она бы отвѣчала мужу, что добрыхъ людей женихи сами ищутъ, а только такой безпутный человекъ, какъ онъ, Солопій, не знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя отцу. Но Хивря смотрѣла на дѣло по-гоголевски, точно какъ будто и въ украинскомъ простонародьи существуетъ унижительная для достойныхъ родителей ловля жениховъ. Хивря отвѣчаетъ своему Солопію языкомъ московской купчихи: «Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать!... Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбить», и проч.

Если бы Солопій выразился у Гоголя предъ женой въ духѣ народнаго быта, то есть: «Ну, жинко, находится женихъ нашей дочери!» то и тогда язвительный языкъ супруги-Украинки залепеталъ бы иныя рѣчи. Она сказала бы: «Хорошъ долженъ быть женихъ ⁽¹⁾, который не чрезъ старостовъ, а самъ гѣзетъ въ глаза, да еще среди ярмарки! Думаю, оборваннѣйшій изъ ослѣхъ голодрайцевъ: отцовскіе сыновья ⁽²⁾ думаютъ теперь объ уборкѣ хлѣба! отцовскіе дѣти теперь чумакуютъ! добрые люди ожидаютъ Святой Покрѣвы ⁽³⁾ для сватовства! А это видно какой-нибудь пльниця и бродля, который, по твоей милости, срамитъ насъ ярмарочнымъ сватовствомъ своимъ!»

Вотъ мотивы, которые долженъ былъ имѣть въ виду Гоголь, изображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляетъ украинскихъ побранокъ, въ-пережку съ такими анти-украинскими бранными терминами, какъ *сорванецъ*, но никакъ не можетъ выйти изъ типа театральнаго великорусскаго мѣщанина. Скажу болѣе: она даже и въ роляхъ съ поповичемъ вовсе не украинская поселянка. Послушайте, что пишетъ новѣйшій наблюдатель украинскихъ нравовъ, объѣздившій всѣ наши ярмарки, И. С. Аксаковъ ⁽⁴⁾, говоря о козакахъ,

⁽¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ Гоголю.

⁽²⁾ *Отецька дитина, отецький синь* значить у Украинцевъ — парубокъ изъ порядочнаго семейства, а не бездомный бурлакъ.

⁽³⁾ То, что по велико-русски *Покровъ*.

⁽⁴⁾ Въ *Русской Бесѣдѣ*, 1858, въ статьѣ: *Украинскія Ярмарки*, стр. 98—99. Когда была писана эта статья, интересная книга г. Аксакова *О торговлѣ на Украинскихъ Ярмаркахъ* еще не появилась отдѣльно.

хуторянахъ и мѣщанахъ: »Женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія. Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нѣльзя доведенная утонченность въ области чувства — равно присущи всѣмъ Малороссіянкамъ и заслоняютъ недостатокъ образованія.«

Это говорить Москвичъ, это говорить сѣверно-русскій баринъ, сошедшій, по духу вѣка, ниже помѣщичьяго крыльца, вышедшій изъ коляски для того, чтобы вмѣшаться въ пнообычный и иноязычный ему народъ и внушить этому народу дружелюбіе къ себѣ. Въ немногихъ словахъ его слышится уже *непосредственное* изученіе простонародной Украины. У Гоголя, въ его сценѣ между Хиврею и поповичемъ, этого изученія не слышится, потому что еще не наступило въ немъ требованіе со стороны общества, мало развитаго въ области этнографическихъ свѣдѣній. Разверните *Сорочинскую Ярмарку* на 23-й страницѣ и читайте влюбленныя рѣчи Украинки *съ природною граціею, со вкусомъ къ изящному, съ художественнымъ складомъ мысли и съ доведенною до нѣльзя утонченности въ области чувства, заслоняющими недостатокъ образованія:*

»Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже борони, шею?« говорила Хивря.»

Сломить шею, говорится по-великорусски въ смыслѣ грубомъ, или въ томъ, который выражается польскимъ словомъ *gubasznie*. Скажетъ ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: »Не сломили ли вы шею?« На украинскомъ народномъ языкѣ *сломить шею* выражается еще рѣже, грубѣе или *рубашинье*; именно: *скрутить вѣзи*, или *звернуть вѣзи*. Въ устахъ любящей женщины эти слова звучатъ дико, кто бы она ни была, хотя бы послѣдняя изъ послѣднихъ. Можетъ быть, то и вѣрно, что написалъ г. Гончаровъ о медвѣжьихъ нѣжностяхъ великорусскихъ дворовыхъ людей въ повѣсти: *Обыкновенная Исторія* ⁽¹⁾; но въ нашемъ украинскомъ народѣ, даже и между дворовою, панскою челядью можно услышать еще очень много *человѣческихъ* рѣчей. Любить у насъ до сихъ поръ умѣютъ, и формы выраженій, предназначенныхъ только для *одной* особы, да еще въ ночной тишинѣ, какъ у Гоголя, до сихъ поръ у насъ полны мѣстной поэзіи. Но спрашиваю, что за поэзія въ слѣдующихъ словахъ влюбленной Хиври: »Пойдем-

(1) Не имѣя подъ рукою книги, не могу указать страницъ. Но это мѣсто легко припомнить всѣ по похваламъ, которыми осыпалъ его въ великорусскихъ критическихъ статьяхъ.

те же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болѣчка* или *соняшница* пристала: нѣтъ да и нѣтъ!

Какой восхитительный первый мигъ свиданья! Очень понятно, что типографскіе наборщики, какъ это мы знаемъ изъ письма Пушкина къ Гоголю, «пырхали отъ смѣху», трудясь надъ *Вечерами на Хуторѣ*. Очень понятно и поздравленіе Пушкина съ *первымъ успѣхомъ*, сдѣланное молодому, начинающему автору. Очень понятенъ также и общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, знавшихъ Украину не больше его самого и смотрѣвшихъ на простолюдина съ тѣхъ же помѣщичьихъ и чиновничьихъ подмостковъ, что и самъ авторъ.

Sed alia tempora!

комическое паясничанье теперь уже ничего не значить въ литературѣ. Теперь отъ писателя сценъ изъ народнаго быта требуется такой внутренней связи автора съ народомъ, которая на каждомъ шагу видна въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Я думаю, многіе согласятся, что Гоголь смотрѣлъ на простонародную Украину, представленную имъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, не по-украински, то есть, онъ ея не зналъ, и что изображалъ онъ своихъ земляковъ по-городски, то есть, онъ между сельскимъ народомъ проживалъ не иначе, какъ въ роли барина. Прошу послѣ этого вспомнить приводимое г. Максимовичемъ, въ упрекъ мнѣ, сужденіе покойнаго Полевого, который, взглянувъ на нравы и обычаи, изображенные Гоголемъ, поглубже своего живого до сихъ поръ хулиателя, подумалъ очень основательно, что Гоголь «вовсе не Малороссіянинъ, а Москаль, да еще и горожанинъ». Если понимать слова Полевого въ буквальномъ смыслѣ, то, разумѣется, Полевой ошибся. Но если подъ именемъ автора-Малороссіянина разумѣть знатока Малороссіи, который не скажетъ ни одного этнографическаго факта въ разладъ съ характеромъ и бытомъ своего народа, то конечно Гоголь, по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, по своему воспитанію, по окружавшимъ его людямъ, между которыхъ поставили его житейскія обстоятельства, по вліянію важныхъ для него авторитетовъ и просто личностей, дѣлающихъ невольное впечатлѣніе, наконецъ по образу жизни въ Украинѣ и въ Петербургѣ, и по удаленію изъ родины въ періодъ только-что выпущеннаго изъ затвора школьника, — Гоголь, какъ живописецъ быта украинскаго, былъ больше Москаль и горожанинъ, нежели Украинецъ, хорошо знающій жизнь изображаемаго народа.

У насъ въ Украинѣ до сихъ поръ въ ходу по хуторамъ веселые и говорливые вечера, которые желалъ, *искренно* желалъ изобразить Гоголь, да, къ несчастью, краски приготовлены были для него въ книгахъ и въ *его обществѣ* совѣтъ не мѣстных; потому онъ и характеризовалъ великорусскою балабайкою украинскія вечеринки (1), а къ пасичнику Рудому Шанькѣ называлъ въ гости каррикатурь. Впрочемъ, можетъ быть, въ тѣ времена гдѣ-нибудь на хуторѣ, близкомъ къ барской кухнѣ, въ самомъ дѣлѣ водились вечеринки съ балабайкою; а къ такому пасичнику, который пишетъ российскія городскія повѣсти изъ украинской сельской жизни, ѣзжали гости, дававшіе другъ-другу *дулю* (кукишъ). Можетъ быть, гениальная карриатура Гоголя вовсе и не карриатура въ какомъ-нибудь уголкѣ, занимаемомъ барскимъ дворомъ съ передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать всѣ тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, еслибы Гоголь проникнулся духомъ своего народа, такъ какъ Шевченко, то, при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его *Вечера на Хуторѣ* были бы столь же нецѣлѣнно-многочѣннымъ твореніемъ, какъ многія изъ его послѣдовавшихъ созданий, и Украинецъ какого-нибудь XXI столѣтія, прочитавъ у Гоголя о своихъ прототипахъ XIX вѣка, сказалъ бы: »Дѣ, это мои предки! Хоть они часто подходятъ подъ категорію существъ, которыхъ natura prope atque ventri obedientia plixit, хоть они двигаются точно волю въ ярмѣ, хотя ихъ неразвитая съ ободною гражданственностію жизнь очень во многомъ расходится съ моею; но тѣмъ не менѣе представленныя великимъ поэтомъ ихъ образы драгоценны для меня, какъ фамиліные, вѣрные съ подлинниками, портреты варварскаго вѣка«. Подобныя этимъ слова произнесетъ, можетъ быть, отдаленный потомокъ Великороссіянина о *Мертвыхъ Душахъ*, но не могутъ быть они произнесены нашими потомками о простонародныхъ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, — или ужъ пишущій эти строки и все, чѣмъ онъ ихъ оправдываетъ, есть грубая ошибка, и XXI столѣтіе будетъ смотрѣть на вещи тѣми же самыми глазами, какъ и вторая четверть XIX-го, тѣми же самыми глазами, какими мой почтенный критикъ до сихъ поръ смотритъ.

Если искусство состоитъ въ томъ, чтобы замѣтить въ народѣ самое пошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и *выставить* все это *вытукло* и ярко на всенародныя очи (2); то не для

(1) См. предисловіе къ *Вечерамъ на Хуторѣ*.

(2) *Мертвыя Души* въ Соч. и П. стр. 135.

того надобно это дѣлать, чтобы необразованность и нравственный упадокъ нашихъ меньшихъ братій сдѣлать смѣшными въ глазахъ тѣхъ людей, которые обязаны, съ высоты своего положенія, протянуть руку помощи къ людямъ пресмыкающимся гдѣ-то глубоко у нихъ подъ ногами. Если высокое искусство не допускаетъ со стороны автора какихъ бы то ни было объяснительныхъ сценъ или лицъ, и предоставляетъ самому читателю, *и мущему возрастъ*, уразумѣть весь ужасъ картины, на которую онъ смѣясь заглядѣлся; то и тогда всё таки надобно изображать происходящее предъ глазами нашими дѣйствіе такимъ образомъ; чтобы видно было, на какой почвѣ оно происходитъ и чѣмъ обставлены дѣствующие лица; надобно, чтобы поселянинъ, въ своихъ порокахъ и невѣжествѣ былъ дѣйствительно поселяниномъ, а не горожаниномъ; чтобы Украинецъ дѣйствовалъ хоть и безумно, хоть и скотски, но всё же подъ вліяніемъ мѣстныхъ условий и всенародныхъ его обычаевъ. Сватовство среди ярмарки для украинскаго парубка рѣшительно невозможно; сватовство у пахарей въ такое время, когда идетъ уборка хлѣба и вообще горячая работа — просто небылица; сватовство въ Спасовъ постъ (ибо къ такому времени пригналъ Гоголь свою повѣсть) пусто — *чортъ знаетъ что такое*. Отсутствие стыда у украинской дѣвушки, которую Гоголь заставилъ стоять обнявшись съ чужимъ парубкомъ среди ярмарки, для насъ, «преемниковъ Гоголя въ самопознаниі», такое оскорбительное изображеніе, какъ если бы кто въ нашемъ присутствіи изобразилъ чистую и непрочную женщину въ видѣ рыночной вакханки. Наконецъ, отзывъ отца о публичныхъ поцѣлुяхъ, влѣпленныхъ его дочери кѣмъ-то среди многочисленнаго общества ⁽¹⁾, долженъ быть возмутителенъ для каждаго, кому понятны отеческія чувства. И такія произведенія російская столпчая критика своего времени назвала вѣрно живописью украинской простонародной жизни! такія произведенія московскій журналъ до сихъ поръ держитъ подъ своею охраною и упрекаетъ критика въ самохвальствѣ, потому только, что онъ не принадлежитъ къ критикамъ, пишущимъ однѣ критики и ничего болѣе!

Упреки, сдѣланные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишкомъ тяжки и уничижительны для всякаго иного писателя съ его недо-

(1) Прошу извиненія за употребленное такимъ образомъ слово. Для мужика ярмарка — такое же общество, какъ для насъ клубъ или иное мѣсто, и если мы дорожимъ мнѣніемъ своего общества, зная въ немъ честныхъ людей, то онъ въ своемъ обществѣ знаетъ ихъ слишкомъ много и не можетъ не дорожить ихъ мнѣніемъ.

статками; но Гоголю слѣдовало сдѣлать эти упреки, во славу его торжества надъ самимъ собою. Какая поразительная у него разница между изображеніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ* и въ *Мертвыхъ Душахъ*? Здѣсь онъ уже не новичекъ въ искусствѣ, снисходительно похваленный Пушкинымъ, тоже не знавшимъ Украины, — здѣсь онъ полный, самостоятельный вѣдатель той среды, которую изображаетъ. »Умалая«, по словамъ критика *Русской Беседы*, »достоинство украинскихъ повѣстей Гоголя, мы вовсе не умаляемъ цѣны ихъ, какъ созданіямъ, безъ которыхъ не ясно было бы поступательное движеніе гения великаго поэта. Гений, произведшій *Мертвыя Души*, былъ тотъ же самый, который произвелъ и *Вечера на Хуторѣ*; но между ними та разница, что между зрѣніемъ образованнымъ и необразованнымъ. Сила зрѣнія одна и та же, но пониманіе и воспроизведеніе природы въ картинкѣ — совершенно иныя. Человѣкъ, родившійся съ истиннымъ талантомъ, уже въ дѣтствѣ — гений; уже въ дѣтствѣ чудится ему какое-то высшее призваніе; уже въ дѣтствѣ — это не одинъ случай — лепечетъ онъ неточнымъ дѣтскимъ языкомъ о подвигахъ, которые онъ совершитъ когда-то. Но гений, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію — дѣло иное, и гений, созрѣвшій и выразившій себя вполне — опять дѣло совершенно иное. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинствъ Гоголева таланта, то слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами не непогрѣшительность Гоголя въ искусствѣ, а гениальную работу его надъ искусствомъ, освободившую его мало-помалу отъ прежнихъ, слишкомъ важныхъ недостатковъ.

П. Кул и ш ъ.

26 іюня, 1858.

Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

NB. Этнографо-критическій разборъ *Сорочинской Ярмарки* не могъ быть оконченъ въ первой статьѣ, безъ нарушенія ея предѣловъ. Мы посвящаемъ этой повѣсти и вторую статью.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

(Продолженіе).

Напѣвы, которые здѣсь будутъ изданы, сообщены Ав. Вас. Марковичемъ; они записаны имъ изъ устъ народа со всевозможною вѣрностью. Онъ же, со своимъ счастливымъ слухомъ, служилъ и главною живуюю повѣркою гармонической обработки при каждой отдельной пѣснѣ. Будемъ совѣтоваться и съ другими знатоками Украинскаго пѣнія. Приглашаемъ всѣхъ ихъ содѣйствовать намъ въ настоящемъ случаѣ, по мѣрѣ силъ. Пусть каждый принесетъ свою лепту на народный олтарь.

При обработкѣ пѣсень мы будемъ далеки отъ всякаго притязанія на то, чтобы «блеснуть» виртуозною стороною гармоническаго дѣла, «щегольнуть» такимъ-то контрапунктомъ.

Всему, что хоть сколько набудъ отзовется ухищреніемъ искусства, кабинетнымъ обдумываніемъ, здѣсь отнюдь не мѣсто. Въ отношеніи къ простонародной пѣснѣ все подобное — «отъ лукаваго».

Вслѣдъ за переложеніемъ каждой пѣсни на ноты — мелодію съ двумя строками аккомпанимента (переложенія эти должны быть приняты не больше, какъ въ видѣ *опыта*), помѣстимъ эстетико-технической разборъ пѣсни, въ соединеніи съ ея текстомъ; сдѣлаемъ намеки на сокровища собственно-музыкальныя, зерномъ лежащія въ каждомъ изъ этихъ напѣвовъ, не «сочиненныхъ» а — повторяемъ — народомъ, т. е. самою натурою «созданныхъ».

Въ выборѣ и группировкѣ матеріаловъ мы будемъ держаться разнообразія.

Въ каждой группѣ будутъ собраны пѣсни, по возможности, разнаго характера. Поле Украинскихъ напѣвовъ въ этомъ отношеніи замѣчательно-обильно.

Обработка техническая и критическая достаточнаго количества избранных и прежде еще не бывавшихъ въ печати южнорусскихъ мелодій замкнется разборомъ замѣчательнѣйшихъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ Украинскихъ пѣсень, — а именно:

1. М. А. Максимовича. Голоса Украинскихъ пѣсень (въ аранжировкѣ Алябьева). Москва. 1833.

2. П. А. Кулиша. Записки о Южной Руси. Т. 2-й. С. П. Б. 1857. (Переложение пѣсень, числомъ 25, сдѣлано Андреемъ Ник. Маркевичемъ).

3. Гр. П. Галагана. Южно-руські пісні зъ голосами. Кіевъ. 1857.

4. Азовіа Едличка. Южно-русскія пѣсни, переложенныя для одного голоса съ фортепиано. (Издание М. Бернарда).

Эта провѣрка собраній пѣсень, уже извѣстныхъ публикѣ, будетъ полезна —

во-первыхъ, для указанія *вариантовъ* одной и той же мелодіи, записанной въ разныхъ мѣстахъ, а иногда видоизмѣненной при самомъ переложении на ноты;

во-вторыхъ, для указанія бѣльшей или меньшей, по нашимъ понятіямъ, близости печатной *обработки* пѣсни къ характеру народной Украинской музыки.

Выводы изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ и изъ сличенія прежде изданныхъ составятся, такимъ образомъ, почти сами собою и будутъ предметомъ особой, заключительной статьи.

На первый разъ предлагаемъ ноты, слова и разборъ *шести* пѣсень.

I.

ПОБРАТАВСЯ СОКІМЪ.

Andante.

По бра-тав-ся со-кімъ

зь си-зо-кри-лимъ о - рломъ: Ой бра - те мій, брате,

си - зо - кри - лий ор - ле!

По бра та вся со - кілз зь си зо кри лимъ о - - - рломъ:
 »Ой бра - - те мій, бра те, си зо кри - лий б рле!
 Зоста вля ю то бі всі мо і ро скб - - - ші,
 Всі мо і ро - скб - - - ші, всі мо і - у жі тки;
 Всі мо і ро скб - ші, всі мо і у жі - - - тки,
 Всі мо і у - жі - - - тки, и ма лє - нькі ді тки.
 А самъ по - ли - ну у чу жу - стб - - - ро ну,
 Въ чу жу сто ро - нб - - - ньку шу кятъ та - ла но ньку.
 Ой якъ дб бре бұ - де, то я и за ба рїб - - - ся;
 А якъ худо - бұ - - - де, то и на за - дь ве рнұ ся.
 Літа сокілз лі - то, літа со кілз дру - - - ге,
 На трє те е - лі - - - то со кілз при - лі та е;
 Со кілз при лі та - е та ор ла пп та - - - е:
 »А дє ж мо і -, бра - - - те, ма лє ньки - і ді ти?»

—Тво і, бра́ те, ді - ти по ли ну ли въ лу - - - гі,
 По ли ну ли - въ лу - - - гі зъ ве ли ко - і ту ги;
 Сі ли, па ли ді - ти на ви со кімъ дрѣ - - - ві,
 На ви со кі - мъ дрѣ - - - ві, на ко лю - чімъ те рні;
 При і ха ли па - ні изъ чу жо і сто - - - ро ні,
 Терні по ру - ба - - - ли, со ко лі - ть за бра ли.
 Те рні по ру ба - ли, со ко лятъ за бра - - - ли,
 Ту ре цько му - ца - - - рю въ по да ро - къ по сла ли.—
 Пла че со кіль, пла - че, слѣ за ми ри да - - - е,
 Дрі бні ми слѣ - за - - - ми всі лу ги - сто пла е;
 При до брїи го ді - ні и чу жі по бра ті - - - ми,
 При ли хїи го - ді - - - ні не ма е - и родї ни;
 При до брїи го ді - ні, и чу жі бра та ю - - - тця,
 При ли хїи го - ді - - - ні и сво і цу - ра - ю тця.

(Зъ Перекопу).

Весьма-типическая пѣсня въ характерѣ серьёзнаго, грустнаго раздумья и какой-то величавой торжественности, совершенно согласно грустной моральной мысли текста. Заключительныя два такта мелодіи — образчикъ часто-встрѣчаемыхъ въ украинскихъ пѣсняхъ весьма характерныхъ оборотовъ, которые будто рисуютъ музыкою широкую степь, съ ея эпическимъ спокойствіемъ, и органически-отвѣчающій этой ширинѣ размахъ жизни козацкаго быта. У насъ эти характерные два такта, въ ихъ единично-мелодическомъ, безъ-аккордномъ видѣ, выбраны въ видѣ предлюдія, подготовляющей пѣсню.

Начинаясь въ минорѣ, мелодія въ третьемъ и четвертомъ тактѣ переходитъ въ параллельный мажоръ (тонъ верхней терціи тоническаго аккорда) и остается въ этомъ мажорномъ тонѣ на весь пятый тактъ, а на шестой, седьмой и восьмой такты опять въ главномъ, минорномъ тонѣ. Это равновѣсіе минора и мажора (1, 2, 7, 8 въ минорѣ; 3, 4, 5, 6 въ мажорѣ) придаетъ логическому складу мелодіи весьма спокойный характеръ въ отношеніи къ модуляціи. Равновѣсіе такое будетъ встрѣчаемо нами весьма-часто и лучше всѣхъ умствованій говорить въ пользу естественныхъ законовъ гармоніи, присущихъ народному музыкальному инстинкту. Отдѣльно-взятый каждый мелодическій рисунокъ мотивовъ этой пѣсни (то есть, такты 1-й со 2-мъ, такты 3-й съ 4-мъ, 5-й съ 6-мъ, 7-й съ 8-мъ) — по нашему мнѣнію можетъ служить обильною темою для разработки симфонической. Но пользованіе этимъ богатымъ матеріаломъ въ такомъ только случаѣ поведетъ къ результатамъ для искусства

счастливымъ, если разрабатываемая музыка, въ общей своей идѣ, въ цѣломъ организмѣ своемъ, будетъ отвѣчать вполне характеру украинскіхъ мелодій, въ примѣненіи ихъ и къ выражаемому пѣснями тексту.

II.

ГЕЙ ГУКЪ, МАТИ, ГУКЪ!

Moderato.

Гей-гукъ, ма-ти, гу

ff *sempre molto marcato.* *ff*

кѣ! Де ко - за - ви пють, та підь бі - ло - ю

sf8 loco. tr *f* *f*

Detailed description: The image shows a musical score for a song. It consists of two systems of music. The first system has a vocal line in a single treble clef and a piano accompaniment in grand staff (treble and bass clefs). The tempo is marked 'Moderato.' and the key signature has one flat. The vocal line begins with a whole rest followed by a half note G4, then a quarter note A4, and a quarter note B4. The piano accompaniment starts with a fortissimo (ff) dynamic and a 'sempre molto marcato' instruction. The second system continues the vocal line with a quarter note C5, a quarter note B4, a quarter note A4, and a quarter note G4. The piano accompaniment continues with various chords and melodic lines, including a triplet of eighth notes in the vocal line. Dynamics like 'sf8' and 'tr' are used in the piano part.

un poco ritenuto.

staccato

mp *pp*

*marcattissimo
e staccato.*

Гей гукъ, ма ти, гу --- къ,
 Дѣ ко за --- кѣ п'ють!
 Та пидъ бі - ло --- ю та бе - рѣ - зо --- ю
 О --- та ма --- на ждуть.
 О та манъ и дѣ ---, ще и ко нѣ --- ве дѣ,
 Гей пидъ бі - ло --- ю та бе - рѣ - зо --- ю
 Го --- ло - вку --- кла дѣ.
 »О та мане на --- шѣ! По радъ же --- ти насъ!
 Он у же - на --- шѣ та ко - за - че --- ньки
 Кѣ --- нѣ сі --- дѣ ють.
 — Не хай сі дѣ ю --- ть,
 А та Бо --- гъ по ма га...
 Он у же - мо --- ю та го - ло - во --- нь ку
 А --- хмі - ль ро --- збѣра...
 Ко лѣ я и умру ---,
 То и по хо --- вѣй те,
 И до мо - ё --- і та ми - ле - нь ко --- і
 Ли --- стѣ - по --- дѣй те.
 Он мо і ми лѣ ---
 Зъ го ро да --- бу лѣ,
 Що пи са - вѣ же --- я та дрі - бнѣ - ли --- стѣ,
 Во --- на - не --- взѣ ла...
 »Не ве лѣ кий па --- нъ,
 Ти самъ са --- мо звѣнъ!
 Ти по жѣ - ду --- вѣвъ ко нѣ во ро нѣ --- го, —
 Чо - мѣ не при і --- хавъ самъ?

(Зъ хѣтора Петрушовки, Борзенського цовту).

Характеръ пѣсни проникнуть разгуломъ, пированьемъ беззаботныхъ «гульбивыхъ рыцарей». Но на этомъ общемъ фонѣ тѣмъ выпуклѣе выступаетъ эпическая грусть. Среди пира подъ бѣлою березою любимый козаками атаманъ умираетъ...

Согласно главному характеру пѣсни, у насъ сдѣлана прелюдiя въ размахистомъ, почти буйномъ духѣ.

Особенность самой пѣсни — ферматы, окончивающiя *каждую* ея фразу. Этими ферматами непрерывно нарушается плавное теченiе ритма — его хватаетъ только на каждую отдѣльную мысль, на каждый стихъ; потомъ ритмъ какъ будто каждый разъ останавливается, чтобъ снова сильно размахнуться. О правильномъ, т. е. симметрическомъ распределенiи тактовъ невозможно было бы и помышлять въ этой пѣснѣ, не испортивъ ея оригинальности.

Значительно богатство мотивовъ въ каждомъ тактѣ этой мелодiи, размахомъ голоса невыходящей почти изъ предѣловъ одной октавы.

Первый тактъ пѣсни въ своемъ мотивѣ (впрочемъ весьма часто встрѣчаемомъ въ разныхъ малорусскихъ пѣсняхъ) до-того типиченъ, что Глинка, замышляя писать симфонiю на сюжетъ Тараса Бульбы, въ изобрѣтенiи мотива для первой части очень близко подошелъ къ начальному такту разбираемой нами пѣсни (хотя, быть можетъ, *собственно* ея и не слышалъ). Вторая фраза (на слова: «де козаки пьютъ») не менѣе типична въ своемъ бойкомъ взмахѣ, будто уносящемъ въ степное раздолье, но уже съ подмѣсю печальнаго чувства, подъ ударомъ неожиданнаго горя.

Маленькiя украшенiя (*gruppetti*) въ мелодiи служатъ здѣсь ея характеромъ (должно замѣтить, что на фортепьянъ, гдѣ у насъ, въ 5-мъ тактѣ пѣсни, аккомпаниментъ идетъ унисономъ съ голосомъ, такое «грушкетто» выходитъ гораздо тяжелѣе и грубѣе, чѣмъ въ голосѣ, по самому свойству *раздѣльности* звуковъ подъ клавишами).

Въ гармонизацiи нѣтъ ничего, кромѣ трехъ *главныхъ* аккордовъ каждой тональности: тоника — аккордъ минорный въ настоящемъ случаѣ; доминанта — аккордъ мажорный, и нижняя доминанта — аккордъ минорный. Мелодiя начинается и *оканчивается* доминантой. Самая высшая нота въ пѣснѣ опять — доминанта. Это предѣлы самыхъ естественныхъ мелодiй, — какъ придется не разъ еще замѣтить.

III.

ХАТА МОЯ РУБЛЕНАЯ.

Allegro.

un poco ritenuto. Ха-та мо-я

руб-ле-на-я, сі - ни на по - мо - сти!

pp

И самъ и-ду ѿ ко-ня ве-ду до ми - ло - і въ гости.

Хá та мо í рѹ бле на я,
 Сі ни на - - по мб - сті;
 П самъ и дѹ л ко нá ве дѹ } bis
 До мѣ ло - - - і въ гб сті. }

Охъ кінъ не йде, воді не пье,
 Вінь не бѹ - - де пі - ти:
 Де ре вгб ру го лб воньку, } bis
 Хб че ме - - - не вбити. }

— — — — —

(Съ Чорноморіі).

Пѣсня характера спокойно-веселаго, — проникнута чувствомъ само-
 довольства и откровенности на расшашку.

Ритмическое движеніе, очень выпукло выдающееся, требуетъ здѣсь *шести* тактовъ въ каждой фразѣ; чтобъ удовлетворить этой симметріи, внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ подсказываемой, въ аккомпаниментѣ прибавленъ послѣдній тактъ во время паузы въ пѣніи. Это равносильно ферматѣ, т. е. манерѣ оканчиванья мелодіи, встрѣчаемой въ украинскихъ пѣсняхъ какъ нельзя чаще. Рисунокъ всей мелодіи заключается опять въ предѣлахъ одной октавы. Первые два такта—какъ-будто только предварительный разбѣгъ голоса; самостоятельный характеръ пѣсни обрисовывается явственно въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ, — которыхъ будто продолженіемъ, развитіемъ, служатъ такты 7-й и 8-й. — Паденіе первой фразы (каденца) въ тактахъ 5-мъ и 6-мъ, симметрически, но въ нѣсколько расширенномъ видѣ, повторено въ паденіи второй фразы, т. е., въ тактахъ 9, 10 и 11-мъ. Мелодія эта не изъ числа такихъ, которыя легко вызываютъ симфоническую обработку. Сильно развитый аккомпаниментъ уничтожилъ бы легкость, непринужденность теченія мелодической мысли. Здѣсь надо скорѣе довольствоваться намеками на гармоническія богатства. Впрочемъ изгибъ рисунка въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ весьма интересенъ и характеренъ — какъ зародышъ для красивыхъ переливовъ мелодіи. Такты 7 и 8 дышатъ особеннымъ украинскимъ юморомъ. Подобные повороты мелодіи—настоящій кладъ для національной южнорусской оперы, въ комическомъ или полукомическомъ родѣ.

IV.

ПО МА-ЛУ-МА-ЛУ.

Andantino lamentoso.

По ма-лу-

p *p sempre.*

ма-лу, чума-че, грай! не вра-зи - мо - го сер - день - ка

espress. *sf*

вкрай, не вра-зи мо - го сер - день - ка вкрай.

rosso f *sf* *p*

По ма - лу - ма - лу, чу - ма че, граи!
 Не - вра зи - мо - го - се рде - нька вкрай (2)!
 Братъ ме - не - у бивъ, на ла ну за ривъ
 За - то го - ве - при - ка, що въ саду ривъ (2)!

Пригѣвъ въ сказкѣ. Любимый родителями меньшей сынъ былъ убитъ старшимъ (о чемъ подробно разсказывается въ началѣ сказки), на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ схороненъ, выросла калина. Проходившіе чумаки вырѣзали изъ нея свирѣль, которая заиграла имъ эту пѣсенку. Остановясь здѣсь на ночлегъ, они случайно зашли въ хату семьи убитаго. Пораженные, взволнованные жалобной волшебною пѣснью, старики брали свирѣль и она имъ тоже пѣла, что и чумакамъ, съ перемѣной *чумаче* на *матусю* и *матусю*. Когда же долженъ былъ приложить къ губамъ своимъ чудную свирѣль старшій братъ, она въ немъ обличила своего убійцу:

По ма - лу - ма лу, бра ти ку, граи!
 Не - вра зи - мо - го - се рде - нька вкрай (2)!
 Ти жъ ме - не - у бивъ, на ла ну за ривъ.
 За - то го - ве - при - ка, що въ саду ривъ (2)!

(Зъ с. Кулаженецъ, Шпрятвиського повіту.)

Меланхолически таинственная жалоба свирѣли, съ которою связана судьба страдальца, погубленнаго злодѣяніемъ. Томный, тусклый характеръ напѣва не измѣняетъ себѣ ни въ одномъ звукѣ.

Изгибы мелодіи, не покидая основнаго, минорнаго тона, позволяяли, — мало того — вызывали обработку аккомпанимента съ такими же мелодическими изгибами въ другихъ голосахъ и на другихъ ступеняхъ гаммы (выражаясь технически: аккомпаниментъ обработанъ нѣсколько въ стилѣ имитаций). Эти повторенья главныхъ рисунковъ въ аккомпанирующихъ голосахъ являются какъ-будто отголосками жалобы въ окружающей природѣ.

Размѣръ ($\frac{3}{8}$) и строгая симметричность въ поворотахъ мелодіи дѣлаютъ ее отчасти родственною польскимъ пѣснямъ и какъ будто отзываются элементами Шопеновской музыки. Между-тѣмъ, дышетъ въ этой мелодіи и что-то весьма древнее, какая-то первобытная простота, — скорбь души почти-младенческой. Эти оттѣнки должны быть переданы при исполненіи пѣсни, иначе она утратитъ всю глубокую прелесть свою и легко можетъ отзываться чѣмъ-то обыкновеннымъ, даже тривиальнымъ. Томность и нѣжность пѣнія здѣсь необходимыя условія.

V.

»Ой КОЛІСЬ БУЛИ«,

Andante mosso.

Ой колісь бу-ли я-рі-і пше-ни-

p p dolce. p p

Detailed description: This system contains the first two staves of the musical score. The vocal line is in a treble clef with a key signature of one flat and a 3/4 time signature. It begins with a whole rest followed by a half note G4, a quarter note A4, and a quarter note B4. The piano accompaniment consists of two staves (treble and bass clefs) with a 3/4 time signature. The right hand starts with a piano introduction of eighth notes, while the left hand plays a simple bass line. Dynamics include piano (*p*) and piano dolce (*p dolce*).

ці А те-перь о - блю - ги; та ко-лєсь бу-ли

espr. pp poco. f p

Detailed description: This system contains the next two staves. The vocal line continues with a half note C5, a quarter note D5, and a quarter note E5. The piano accompaniment features more complex rhythmic patterns, including sixteenth notes. Dynamics include piano (*p*), pianissimo (*pp*), piano poco (*poco. f*), and piano (*p*). The tempo marking *espr.* (espressivo) is present.

вірні су-сі-доч - ки, А те-перь во - ро-ги.

con moto.

Detailed description: This system contains the final two staves. The vocal line concludes with a half note F5, a quarter note G5, and a quarter note A5. The piano accompaniment continues with a steady eighth-note pattern. The tempo marking *con moto.* (con moto) is present.

Онъ ко лѣсь бу лѣ і рѣ і пше ні ці,
 А те пѣръ о -- бло гѣ;
 Та ко лѣ - сь бу лѣ вѣр ні су сі до - чки,
 А те пѣ - рь во - - - ро - гѣ.
 Онъ не сте лѣ ся, зе лѣ ний сно рѣ - шу,
 А по кру ті - - ѣ го рѣ;
 Онъ не ра - дія те, залі і во ро жб - ныи,
 Та объ мѣ іи при - - - гѣ - ді!
 Бо - ѣ що мо і при - - гѣ до - нька
 Та якъ лі тня - - ро сѣ:
 Сѣ - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
 Ро - сѣ - о - - - па - дѣ;
 Сѣ - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
 Ро - сѣ о - - - па дѣ:
 О - ттѣкъ мо і при - - го до - нька
 На - ві - къ про - - - па - дѣ!

(Зъ-підъ Лубѣнь.)

Пѣсня женской грусти. Мелодія задумчиво-граціознаго характера. Въ рисункѣ чрезвычайно много выразительности и мелодической красоты. Главная, характерная черта пѣсни—перекачиванье ритма, въ тактѣ 2-мъ и 8-мъ (въ оба раза на слово «були»). Это—ритмически выраженный *вздохъ*, т. е. сожалѣнье, глубоко запавшее въ душу. Только въ созданіяхъ великихъ творцовъ драматической музыки, въ операхъ Глука, Моцарта, въ *Фиделио*, Бетховена, можно найти подобную правду чувства, высказанную какиминибудь двумя нотками пѣнія. Въ музыкѣ народной, созданной Богъ знаетъ кѣмъ, Богъ знаетъ когда, этого рода изумительныя красоты являются чуть не на каждомъ шагу, какъ цвѣтки въ полѣ, которыхъ никто не сѣетъ, никто не холитъ: для музыканта наблюдательнаго именно въ этихъ голосахъ *природы* человеческой заключаются данныя для самыхъ богатыхъ результатовъ. Законы музыки, т. е. музыкальной выразительности и «обстановки» ея въ аккомпанирующихъ голосахъ, вытекаютъ изъ народныхъ пѣсней сами-собою. *Тѣ же самые законы* внутренно-присущи и Моцарту, когда онъ писалъ свой *реквиемъ* и Бетховену въ его *девятой симфоніи*. А оффиціальныя профессора гармоніи, директоры консерваторій, съ высоты своей мнимой учености находятъ какія-то «неправильности» (!), нарушенія гармоническихъ законовъ (!) и въ народныхъ пѣняхъ и въ созданіяхъ Бетховена. «Правильно» сочиняютъ музыку на свѣтѣ только они сами и ихъ патентованные ученики. (Простите за отступленіе отъ предмета: къ слову пришлось).

Въ прелюдіи и въ аккомпаниментѣ, по характеру пѣсни, здѣсь главная цѣль была—сердечность общаго тона; оттого—простота въ сочетаніяхъ аккордовъ, но вмѣстѣ ихъ тѣсная сплоченность между собою, довершаемая добавочными рисунками аккомпанимента, во время паузъ голоса (такты 4, 6, 10). Въ этихъ окаймляющихъ рисункахъ (опять въ стилѣ легкихъ «имитаций») повторены главные мотивы самой пѣсни.

VI.

ОЙ ТАМЪ НА МОРИЖКУ.

(Веснянка.)

Allegretto mosso.

p *p*

poco rallent.

a tempo
m. s.

Ой тамъ на мориж - 1

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокал: *бу, по-ста-влю-я хи-жку, ви-ступ-цемъ*. Фортепиано: *m. s.* и *cresc.*

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокал: *ти-хо-йду. А во-да по ка-ме-ню,*. Темп: *Più mosso, allegro.* Фортепиано: *più mosso.*, *f*, *pp*.

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокал: *А во-да по би-ло-му,*. Фортепиано: *p*.

molto ritenuto

А во - да по бі - - ло - му Ище й тих-ше.

Он та - мъ, на мо рі - - - жку,
 По ста влю - я хі жку -;
 Ві сту пцемъ, ті - хо - йду,
 А во да по ка мі ню, а во да по бі ло му,
 А во да по бі - ло му п ще й ті хше.
 Он у - тій же хі - - - жці
 Ді во чкі - си ді ли -;
 Ві сту пцемъ и проч.
 Ді во - чкі си ді - - - ли,
 Ху сто чкі - кро і ли -;
 Ві сту пцемъ....
 Он та - мъ, на мо рі - - - жку,
 По ста влю - я хі жку -;
 Ві сту пцемъ....
 Он у - тій же хі - - - жці
 Па ру бкі - си ді ли -;
 Ві сту пцемъ....
 Па ру бкі си ді - - - ли,
 Но жи ки - го стрі ли -
 Ві сту пцемъ....
 Он та - мъ, на мо рі - - - жку,
 По ста влю - я хі жку -;
 Рó зсту пца! рó - зсту - пца!
 Па не Кре ме пé - цький,
 Во е во до грé - цький!
 Та ві ве ду та - нчикъ (!)
 Са ма мо ло дé - нька я
 По - Ні мець кій!

(Зъ хут. Петрушевки, Борзєнського повіту.)

(!) Стихъ Та ойсеу танчикъ поется такъ, какъ предыдущій.

Последній куплетъ относится къ свирѣтому врагу Украины, князю Іереміи Вишневецкому, збаражскому заключенцу, какъ указалъ на это въ Богданѣ Хмельницкомъ П. П. Костомаровъ; но это, сравнительно, новая, недавняя вставка въ этотъ чистѣйшій хрусталь, уцѣлѣвшій отъ глубокой древности.

Это одна изъ пѣсень, которыя поются большею частію дѣвушками, при обновленіи природы весною, и составляетъ одинъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ народной музыки. Въ словахъ и въ напѣвѣ есть нѣчто обрядовое, отзывающееся отдаленною, языческою древностію. Теплое дыханіе украинскаго апрѣля вѣетъ здѣсь въ каждой нотѣ. Простодушіе общаго характера и какая-то прозрачность, кристальность звуковъ — неподражаемы; есть что-то будто родственное ильми, — вѣроятно, Чешскимъ мелодіямъ въ нѣкоторыхъ квартетахъ Гайдна.

Пѣсня распадается на двѣ части — первая въ тихомъ, мѣрномъ, плавномъ движеніи (первые четыре такта въ голосѣ); вторая часть пѣсни поется быстрѣе (*piu mosso*) — мелодія бѣжитъ, струится, какъ вода по камню.

Согласно съ данными самой пѣсни, — и въ обработкѣ ея главное стремленіе было къ наивности и прозрачности звуковъ.

Въ прелюдіи сведены вмѣстѣ главные рисунки самой мелодіи, нѣсколько въ другомъ порядкѣ, нежели въ напѣвѣ. Подобнаго рода обработка (не больше какъ въ видѣ опыта) можетъ служить отчасти указаніемъ какъ музыканты могутъ пользоваться мелодическими матеріалами, щедро разсыпанными въ украинскихъ пѣсняхъ.

А. С ъ р о в ѣ .

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА,

изданная бывшимъ инспекторомъ татаровской гимназіи, Динейкинымъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ теченіе моей тридцатилѣтней службы перебывалъ я во многихъ гимназіяхъ этого края, — сначала въ должности младшаго учителя нѣмецкаго языка и арифметики, потомъ — старшаго учителя русской словесности, наконецъ — инспектора. Эту послѣднюю должность, со дня опредѣленія къ оной до конца моей службы, занималъ я въ татаровской гимназіи. Какъ инспекторъ гимназіи, я былъ обязанъ слѣдить за образомъ мыслей и связями учащихся. Немаловажнымъ къ тому средствомъ служило мнѣ, между прочимъ, пересматриваніе ученическихъ писемъ. Признаюсь, мѣра эта, которой пользу я испыталъ на опытѣ, навела меня на мысль расширить кругъ моего инспекторскаго контроля, и я сталъ, собственно въ интересахъ службы, заодно съ ученическою, пересматривать корреспонденцію и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Близкое знакомство съ татаровскимъ почтмейстеромъ, сынъ котораго воспитывался въ нашей гимназіи, и авторитетъ моей инспекторской должности облегчили мнѣ это довольно щекотливое занятіе. Съ особенно-интересныхъ писемъ я снялъ копии и хранилъ ихъ на всякій случай.

Прослуживъ свое двадцатипятилѣтіе и еще одно пятилѣтіе, и потерявъ наконецъ всякую надежду добиться директорскаго мѣста, распрощался я съ татаровскою гимназіею и со службою. Очевидно, что, послѣ этого, хранившаяся у меня въ копияхъ корреспонденція потеряла для меня весь свой прежній интересъ. Я было рѣшился сжечь ее и уже вынулъ изъ шкатулки письма, чтобы исполнить это намѣреніе, какъ во мнѣ родилось желаніе прочесть ихъ еще разъ. Господи, какъ мы измѣнились! Правда,

на служебной сценѣ многіе изъ прежнихъ дѣятелей остались, но какое различіе въ началахъ или, какъ теперь говорятъ, въ принципахъ ихъ дѣятельности! Въ послѣднее время моей службы, я самъ не узнавалъ себя: дотога, по долгу служебной исполнительности, усвоилъ себѣ принципы. Ревностью къ просвѣщенію отличались мы всегда; но какимъ образомъ столь внезапно успѣли проникнуться чувствомъ собственного достоинства и въ равной мѣрѣ чувствомъ уваженія къ личному достоинству другихъ; откуда вдругъ явились у насъ эта утонченная гуманность воспитательныхъ мѣръ, это глубокое знаніе таинствъ педагогич. и такое обиліе системъ улучшеннаго преподаванія? Собственнымъ ушамъ не вѣришь, слыша, какъ тотъ, кто еще вчера говорилъ о выправкѣ и маршировкѣ, какъ о надежнѣйшихъ средствахъ здоровой педагогич., теперь твердитъ о превосходствѣ непринужденнаго умственного труда. Собственнымъ глазамъ не вѣришь, видя какъ тотъ кто прежде съ ожесточеніемъ преслѣдовалъ, какъ величайшую учебную контрабанду, пестрые брюки, теперь и усовъ не замѣчаетъ. Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что извѣстные дѣятели, отличившіея особенною изобрѣтательностью на поприщѣ старой педагогич., и на поприщѣ новой обнаружили такой же духъ изобрѣтательности на поприщѣ старой педагогич. Какъ удачно рассуждали они прежде, напримѣръ, о преимуществахъ формы, такъ удачно рассуждаютъ теперь о суетѣ ея. И при перемѣнѣ точки зрѣнія, привилегія природной дальновидности осталась за ними! Но не объ этомъ рѣчь. Къ-удивленію моему, чтеніе хранившихся у меня въ копіяхъ писемъ въ этотъ разъ не произвело на меня того непріятнаго чувства, которое производило прежде, когда еще я самъ вращался въ учебномъ мірѣ сплетень, интригъ, желчи и педантизма. Какъ душа, расставшись съ тѣломъ, равнодушно, говорятъ, смотритъ на свое тѣло, такъ я, вышедши въ отставку, сталъ равнодушно смотрѣть на всѣ гимназіи въ мірѣ. Что прежде, въ письмахъ моихъ сослуживцевъ, возбуждало во мнѣ зависть, раждало опасеніе, оскорбляло самолюбіе, вызывало чувство мести, то теперь, подъ примирительнымъ вліяніемъ отставки съ пансіономъ, показалось не болѣе какъ безобиднымъ образчикомъ здѣшнихъ гимназическихъ нравовъ, и притомъ нравовъ не теперешнихъ, а прежнихъ, въ настоящее время только по преданію извѣстныхъ. Теперь уже нѣтъ обязательныхъ ученическихъ квартиръ; надзиратели старой школы перевелись, по крайней мѣрѣ измѣнили свое обращеніе съ учениками; отношенія членовъ педагогическаго совѣта къ властямъ административнымъ стали другія; прежній способъ производства гимназическихъ и университетскихъ испытаній за-

мѣненъ новымъ; положеніе господъ учителей во всѣхъ отношеніяхъ измѣнилось; измѣнились даже отношенія общества къ учебнымъ заведеніямъ края. Посмотрѣвши съ этой точки зрѣнія на мою коллекцію писемъ, я не только не сжегъ ее, но напротивъ — рѣшился напечатать. Картина учебной жизни, которую представляетъ «переписка», какъ картина прошедшаго, и безъ-того не имѣетъ никакого обличительнаго значенія для настоящаго времени; независимо однако отъ того, я употребилъ всевозможное стараніе, чтобы изображенія разныхъ лицъ, встрѣчающіяся въ этой картинѣ, какъ можно менѣе походили на портреты лицъ живыхъ, то есть обрѣтавшихся и обрѣтающихся *in rerum natura*. Для этого, настоящія фамиліи, упоминаемыя въ письмахъ, я замѣнилъ вымышленными и уничтожилъ, до малѣйшаго слѣда, всѣ нескромныя черты, прямо указывавшія на отдѣльныя личности. Такимъ образомъ, пусть никто не ищетъ въ «перепискѣ» никакихъ намековъ, никакихъ извѣтовъ на отдѣльныя лица, пусть никто не старается узнать здѣсь ни себя, ни своихъ знакомыхъ. По моему мнѣнію, было бы крайне несправедливо слагать на личную отвѣтственность кого бы то ни было общую принадлежность мѣста и времени. Когда холера въ воздухѣ всякій легко можетъ сдѣлаться ея жертвою. Каяться намъ, а не обличать другъ друга, каяться всѣмъ, и первому мнѣ многрѣшному, бывшему татаровскому инспектору! Господи, аще бо назириши прегрѣшенія, кто постоитъ? Да не подумаетъ ктонибудь, что, говоря это, я хочу только оправдать утайку фактовъ, лично до меня относящихся. Какъ несправедливо было бы такое предположеніе, доказательствомъ служить, что всѣ мѣста, въ которыхъ не слишкомъ лестно говорится о татаровскомъ инспекторѣ, то есть обо мнѣ и которыя безъ нескромности можно было напечатать, я напечаталъ. Уничтоживъ въ издаваемой мною перепискѣ все непріятное для самолюбія или скромности отдѣльныхъ лицъ, я расположилъ письма въ хронологическомъ порядкѣ и въ выноскахъ дополнилъ необходимыми поясненіями.

Бывшій инспекторъ татаровской гимназіи, Иванъ Линейкинъ.

№ 1. Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Тропаревича, къ секретарю крюкославской духовной консисторіи.

Ваше высокоблагородіе,
милостивый государь и благодѣтель,
Өма Петрович!

Священнымъ долгомъ считаю увѣдомить васъ, что послѣ всѣхъ испытанныхъ мною тревоженій, достигъ я наконецъ мирной пристани подъ кровомъ татаровской гимназіи въ званіи надзирателя (¹). Рекомендаціонное письмо ваше къ господину директору премного къ тому способствовало и, такъ сказать, открыло мнѣ путь моего поприща. Да наградитъ васъ за то Всевышній!

Представъ со страхомъ предъ особу господина директора, я доложилъ ему о моемъ пребываніи въ семинаріи до риторики включительно. Въ отвѣтъ на сіе ихъ высококордіе изволили спросить меня, искусенъ ли я въ нотномъ пѣніи. Часть эта достаточно мнѣ извѣстна, и я, не обинуясь дерзнулъ увѣрить въ томъ господина директора. Тогда ихъ высококордіе, принявъ отъ меня прошеніе, благоволили немедленно допустить къ исправленію надзирательской должности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возложили на меня и обязанность регента гимназическаго хора.

Всѣхъ насъ надзирателей при татаровской гимназіи семь человекъ. Пять блюдутъ за воспитанниками общихъ квартиръ, два—за вольнопри-

(¹) Какъ добросовѣстный издатель, я старался сохранить текстъ писемъ во всей его полнотѣ и подлинности, на сколько это было согласно съ требованіями скромности. Однако, что касается правописанія, то я предпочелъ сообразоваться не съ подлиннымъ правописаніемъ издаваемыхъ мною писемъ, а съ господствующими въ наше время правилами грамматики. Въ слѣдствіе этого, во многихъ письмахъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими особенностями ихъ подлиннаго правописанія, я не сохранилъ и всѣхъ тѣхъ орфографическихъ тонкостей, которыхъ сущность заключается въ выраженіи большей или меньшей степени уваженія къ разнымъ лицамъ и предметамъ посредствомъ относительной величины буквъ, которыми начертаны названія этихъ лицъ и предметовъ. Впрочемъ выраженія характеристическія, (попадающіяся, напримѣръ, въ письмахъ надзирателя Михайлова) не редки здѣсь безъ всякаго измѣненія, хотя выраженія эти, какъ кажется, и противорѣчатъ господствующимъ въ наше время правиламъ грамматики. Говорю: какъ кажется, потому что съ другой стороны выраженія эти—фактъ, un fait accompli, и слѣдовательно, въ нашъ безпристрастный вѣкъ, имѣютъ свой авторитетъ даже для науки.

ходящими. Мнѣ воспослѣдовало назначеніе въ общія квартиры (1). Квартиры сія именуется общими по совокупности пребыванія въ нихъ учениковъ. Это родъ бурсы, съ платою за содержаніе по усмотрѣнію начальства. Разуетсяя, возможна въ семь и нѣкая экономія, паче же, по внушенію господина директора, облегченіе надзора и духъ воспитанія. Сего ради и содержатся здѣсь надзиратели: я и еще другихъ четыре. Два, подобно мнѣ, изъ духовнаго званія, одинъ изъ отставныхъ воинской службы, одинъ изъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства. Дежуримъ мы чредою, каждый не болѣе четырехъ разъ въ седмицу.

Переписка есть и здѣсь, только умѣренная: двѣ книги для записыванія штрафовъ, одна—для успѣховъ, одна для ученическихъ отлучекъ, одна для внесенія именъ посѣтителей, одна для особыхъ происшествій и, кромѣ того, ежедневно составляется краткое извлеченіе изъ всѣхъ книгъ и при рапортѣ подается его высокородію господину директору.

Жалованія надзирателю полагается ежемѣсячно 16 рублей 33 копейки. По особому условію съ подрядчикомъ, продовольствующимъ учениковъ пищею, надзиратели, кромѣ квартиры, пользуются и столомъ отъ заведенія. Понеже одобреніе яствъ зависитъ отчасти отъ надзирателей, то подрядчикъ пріемлетъ особенное попеченіе о надзирательскихъ порціяхъ.

Что касается добротныхъ приношеній, или, такъ сказать, приватной

(1) Общія квартиры были открыты здѣсь въ 1840 году, въ видѣ опыта на 10 лѣтъ, и просуществовали съ своимъ первоначальнымъ, обязательнымъ, характеромъ до 1856 года. Всѣ воспитанники извѣстнаго учебнаго заведенія, если только не жили у своихъ родителей, обязаны были квартировать въ общей ученической квартирѣ: исключенія допускались рѣдко, и только по очень уважительнымъ причинамъ. Вслѣдствіе такого сосредоточенія учащихся, во-первыхъ, облегчался училищному начальству надзоръ за ними, во-вторыхъ, самое содержаніе обходилось дешево. Поэтому плата за содержаніе въ общей квартирѣ была самая умѣренная. Всѣ расходы по общей квартирѣ (не исключая и жалованія надзирателямъ и прочимъ чиновникамъ) производились единственно изъ денегъ, вносимыхъ родителями за содержаніе своихъ дѣтей. Не смотря однако на свои ограниченныя средства, многія общія квартиры, стараніемъ опытныхъ педагоговъ, доведены были до возможной степени не только внутренняго, но и внѣшняго, совершенства. Не хвастая могу сказать, что во время моего инспекторства, и въ особенности въ первые годы, общія квартиры при татаровской гимназій представляли образецъ чистоты, порядка и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, даже великолѣпія. Мы гордились тѣмъ, что изъ остатковъ суммъ, положенныхъ на продовольствіе и учебныя пособия, безъ всякаго впрочемъ ущерба продовольствію и учебнымъ пособиямъ, могли содержать мебель и зданія общихъ квартиръ въ блестящемъ видѣ, который сдѣлать бы честь и заведенію, располагающему значительными штатными суммами.

благостыни, то, по недавности моего здѣсь пребыванія, въ точности еще не знаю. Слыхалъ, однако, что сослуживецъ мой, надзиратель Кошдаковскій, имѣть нѣкіе источники, изъ коихъ главный заключается въ отдачу ученикамъ денегъ въ ростъ. Въ случаѣ несостоятельности должниковъ, займы взыскиваются съ ихъ родителей, подъ видомъ уплаты за будто бы разбитую учениками посуду и якобы утерянныя казенныя книги.

Хотя при опредѣленіи моемъ имѣлось въ виду и нотное пѣніе, однако, по малочисленности учениковъ православнаго исповѣданія, господинъ директоръ еще не успѣлъ составить гимназическаго хора. Безъ поддержки со стороны господъ учителей, изъ коихъ многіе и сами нечужды нотному искусству, басъ мой былъ бы, на клиросѣ гимназической церкви, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Мѣстечко Татаровка на видъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ мѣстечекъ нашей губерніи: такое же множество Іудеевъ и такія же ветхія іудейскія корчмы. Грязь однако здѣшняя превосходитъ все извѣстное по губерніи въ этомъ родѣ.

По случаю, мнѣ достался очень изрядный турецкій табачекъ, коего три фунтика честь имѣю вашему высокоблагородію почтительнѣйше представить. Не отвергните, достопочтеннѣйшій благодѣтель, сіе приношеніе отъ глубины благодарнаго сердца.

№ 2. Отъ надзирателя татаровской гимназіи, Цаповскаго, къ столоначальнику крюкославскаго губернскаго правленія.

Честь имѣю рекомендовать вамъ, любезнѣйшій Артемій Спирidonовичъ: надзиратель за вольноприходящими учениками татаровской гимназіи, Амфилохій Аввакумовичъ Цаповскій. Пусть не думаетъ твой господинъ совѣтникъ, выжившій меня, по наущенію жидковъ, изъ крюкославскаго городского магистрата, что всѣ мѣста въ губерніи завясятъ отъ губернскаго правленія. На зло господину совѣтнику и всѣмъ врагамъ моимъ, я, послѣ трехмѣсячной безмездной переписки бумагъ въ канцеляріи учебнаго округа, получилъ мѣсто надзирателя гимназіи, по предписанію господина управляющаго округомъ отъ 17-го сентября сего года за № 9,999.

Изъ дѣлъ губернскаго правленія тебѣ извѣстно особое положеніе сего края: оно остается особымъ и по учебной части. Поэтому въ над-

зрители при учебных заведениях назначаются предпочтительно такіа лица, которые, по своей служебной опытности, могли бы имѣть бдительный надзоръ за ходомъ воспитанія.

Директоръ татаровской гимназіи удивилъ меня своимъ знаніемъ всякаго канцелярскаго порядка. И самому Вавилѣ Аммосовичу, первому докѣркюславскаго губернскаго правленія, поучиться бы у господина директора. Пріятно служить у такого начальника: можешь спать покойно, въ полной увѣренности, что никакая въ мірѣ бумажка не захватитъ тебя врасплохъ. Похваляюсь, что и господинъ директоръ почтилъ меня своимъ довѣріемъ на значительную сумму, по части заготовленія дровъ и разныхъ матеріаловъ для общихъ ученическихъ квартиръ, а госпожа директорша приблизила къ своему дому порученіеъ закупки съѣстныхъ припасовъ для ихъ собственной кухни. Въ общій сложности, однако, я не въ убыткѣ. Бываютъ также и экстренные случаи, не говоря уже о пестромъ платѣ, чубукѣхъ, кисетахъ и о прочемъ, подлежащемъ, по нашимъ гимназическимъ правиламъ, конфискаціи. Разумѣется, для всякаго желательнѣе монетою; но по возможности отъ сего удерживаюсь, чувствуя благовидность учебной службы.

Въ сущности и учителя подлежатъ нашему надзору, особенно касательно аккуратнаго хожденія въ классъ и содержанія въ чистотѣ и опрятности классныхъ журналовъ; но отъ учителей, кромѣ неприятностей, не жду ничего. Эти люди не чувствуютъ никакой благодарности. Справедливо, что безъ учителей не можетъ состояться и гимназія; но, сколько я понимаю это дѣло, присмотрѣвшись къ гимназіи на мѣстѣ, въ учительскомъ штатѣ возможны значительныя сокращенія. Довольно сказать, что всегда только одна половина этихъ господъ бываетъ на должности, а другая въ то время разгуливаетъ. Особенно не правятся мнѣ въ учителяхъ ихъ азартныя манеры. Иной, вбѣжавши изъ класса въ инспекторскую, броситъ передъ тобою на столъ классный журналъ, такъ что столъ задрожитъ. Не могу однако пожаловаться на учителей нѣмецкихъ: эти ужъ, видно, отъ природы расположены ко всякой служебной деликатности. Даромъ что и двухъ словъ не умѣютъ правильно сказать по русски, однакожъ требованія высшаго начальства смекаютъ не хуже нашего брата, стараго служака. Право, въ нихъ гораздо больше настоящей преданности и кореннаго духа, нежели въ учителяхъ русскаго языка и словесности.

Прощай, любезный Артемій Спиридоновичъ; кланяйся крюкславскому городовому магистрату и пожелай ему отъ меня, чтобы онъ про-

важнѣе, вмѣстѣ съ твоимъ господиномъ совѣтникомъ, который болѣе вѣрнѣе жидамъ, чѣмъ благородному офицеру.

№ 3. Отъ надзирателя татаровской гимназiи, Михайлова, къ его женѣ.

Дражайшая наша супруга,

Анна Семеновна!

Увѣдомляю тебя, что, по теперешнему моему званію и офицерскому чину, получилъ я мѣсто надзирателя въ татаровской гимназiи, крюкo-славской губерніи. Должность моя смотрѣть за мальчишками, чтобы не портили казенной небели и не пачкали книгъ, а болѣе же по гардеробной части, на счетъ сапогъ. Еще обучаю я здѣшнихъ школьничковъ пѣшей выправкѣ и маршировкѣ: теперь вся ихняя гимназiя прикомандирована подъ начальство его превосходительства нашего генерала.

На второй недѣлѣ великаго поста пріѣзжалъ къ намъ начальникъ: кто говоритъ—казенный инспекторъ, а кто—визитатуръ. Выправкою остались довольны и благодарили. Одно показалось мнѣ обидно: сравнили наше ученіе съ танцованіемъ. Танцмейстеромъ я не былъ и быть не желаю.

Съ пріѣздомъ своимъ ко мнѣ ты, мать моя, повремени. Здѣшнія учительскія и надзирательскія жены говорятъ на языкахъ и наряжаются, какъ помѣщицы. Гимназическая попадья и та въ шляпкѣ подъ зонтикомъ. Тебѣ покажется скучновато, а особенно безъ хозяйства, по строгости здѣшняго начальства на счетъ чистоты: въ гимназическомъ дворѣ свиней не терпятъ. Я самъ одной перешибъ полѣвномъ ноги; кажись, писмоводительской.

Просишь я тебя не называться и не писаться прежнимъ нашимъ прозваніемъ — Сопляковой, а теперешнимъ — Михайловой. Забыла развѣ, что когда на смотру фельдфебель первой роты при всѣхъ ляпнулъ свою фамилію, то былъ приказъ, чтобы въ полкахъ не было разныхъ мужичкихъ прозваній и что тогда и меня переименовали изъ Сопляка въ Михайлова.

Посылаю тебѣ 25 рублей денегъ и два фунта жидовскаго чаю: онъ, какъ сама увидишь, не хуже нашего деркачевскаго, а между тѣмъ не въ-примѣръ дешевле.

№ 4. *Отъ ученика татаровской гимназіи къ бывшему ученику той же гимназіи.*

Имя твое, дорогой Саша, исключенное рукою директора изъ гимназическихъ списковъ, живетъ по прежнему въ сердцахъ твоихъ товарищей. Страшно подумать, въ какомъ ты теперь безвыходномъ положеніи, по милости директорской отмѣтки: *поведенія былъ добропорядочнаго*. Роковыя слова! Тяжелымъ камнемъ легли они на пути твоёмъ. Казалось, близокъ былъ конецъ всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ испытаній; еще шагъ — и университетъ спасалъ жертву татаровскаго воспитанія; но не такъ было угодно судьбѣ. Скажи, какъ принялъ тебя отецъ, что сказала мать?

У насъ все по старому: надзиратель, по милости котораго тебя исключили, такой же какъ и былъ; Соня (да простятъ мнѣ боги, что упоминаю ея имя рядомъ съ именемъ негодяя) по прежнему составляетъ главный предметъ стиховъ и воздыханій нашихъ поэтовъ.

Недавно ярыжка Цаповскій посѣщалъ нашу квартиру и при этомъ, по обыкновенію, утащилъ одесскій чубукъ Стаса и прекрасный кисетъ Больша, вышитый ручками его божественной Марисы. Больша не было въ квартирѣ; мы знали, что онъ дорожитъ кисетомъ, какъ святыней, поэтому предложили Цаповскому, вмѣсто кисета, девять злотыхъ, то есть все, что имѣлось тогда у насъ въ наличности. Какъ нарочно, не согласился.

Миша Чупинскій сыгралъ недавно отличную штуку съ Филиппомъ Потаповичемъ. Ты знаешь, бѣдняжкѣ Митѣ не далась географія. Не желая оставаться на третій годъ въ третьемъ классѣ, за незнаніе водяныхъ коммуникацій, задумалъ Миша уволиться изъ гимназіи и поступить въ аптекарскіе ученики. Но и для этого необходимо представить свидѣтельство объ удовлетворительномъ знаніи предметовъ третьяго класса, следовательно необходимо было держать экзаменъ и получить переводный шаръ изъ географіи. Настало время годичныхъ испытаній; Филиппъ Потаповичъ, по обыкновенію, развѣсилъ у себя на заборѣ, вмѣстѣ съ сушившимся бѣльемъ, разныя географическія карты и открылъ свою фабрику частныхъ уроковъ. Не хотѣлось Мишѣ выбросить 25 рублей за частно-гуртовые уроки и онъ придумалъ слѣдующую штуку. Въ день экзамена изъ географіи, Миша пораньше отправился въ классъ, а къ Филиппу Потаповичу отправилъ нѣсколькихъ товарищей, съ тѣмъ чтобы они, подъ

видомъ переговоровъ о частныхъ урокахъ, задержали его дома, какъ можно долѣе. Встрѣтивши Филиппа Потаповича въ корридорѣ, Миша извѣстилъ его о своемъ намѣреніи поуступить въ аптекарскіе ученики, показать свое прошеніе объ увольненіи изъ гимназіи, помѣченное рукою директора, просилъ снисходчительно экзаменовать его и въ заключение сунулъ Филиппу Потаповичу въ руку десять мѣдныхъ пятаковъ, завернутыхъ въ чистенькую бумажку. Не приходилось Филиппу Потаповичу при свидѣтеляхъ повѣрять содержаніе свертка: онъ спряталъ пятакъ въ карманъ и отправился прямо въ экзаменаціонный залъ, гдѣ уже поджидали его предсѣдатель и ассистенты. Такимъ образомъ и здѣсь не удалось ему пересчитать деньги, что, по своей примѣрной на этотъ счетъ аккуратности, онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, если бы дѣло происходило съ глазу на глазъ. Кончился экзаменъ, Миша получилъ переводной шаръ, а Филиппъ Потаповичъ принужденъ былъ молча проглотить пилюлю, искусно приготовленную рукою будущаго аптекаря.

Сообщаю тебѣ печальную новость: Петя попалъ въ число директорскихъ любимцевъ и уже два раза пилъ чай у директора. Ты знаешь уловку нашего директора — зазвать къ себѣ ученика, помѣ чаемъ, кормить конфетками, ласкать, а между тѣмъ искусно вывѣдывать отъ него разныя ученическія тайны. Кто пилъ у директора чай, того мы считаемъ директорскимъ шпиономъ. На другой день, когда Ваня Гробельскій спросилъ Петю, вкусенъ ли ему показался директорскій чай, Петя покраснѣлъ, отвернулся и сквозь слезы отвѣчалъ: »со временемъ узнаете«. Упрекнула ль его совѣсть, или оскорбился онъ намекомъ?

Прощай, другъ Саша: ждемъ визитаціи, поэтому надо приняться за дозубриваніе положеннаго числа страницъ. Право, какъ подумаешь, что нынѣ изъ насъ остаются по два и по три года въ одномъ и томъ же классѣ для того только, чтобъ одно начальство могло похвалиться нашими твердо выученными отвѣтами предъ другимъ начальствомъ....

№ 5. *Отъ бывшаго ученика татаровской гимназіи къ его товарищамъ.*

Благодарю тебя, дорогой другъ, благодарю всѣхъ васъ за память и участіе. Правда твоя: *добропорядочное поведеніе* закрыло мнѣ много путей, но не закрыло всѣхъ; остался свободнымъ одинъ, намъ близкій, на который такъ часто бросались мы кскати и некстати, но по которо-

му всегда шли съ честью — это путь военной службы. Поздравь меня, я солдатъ. Вотъ какъ это случилось.

Когда безъ спроса и вѣдома моихъ родителей, мнѣ приказали уволиться изъ гимназій, то я, чтобы не попасть въ руки Татаровскаго становаго, тотчасъ нанялъ балагулу⁽¹⁾ и отправился домой. Ты знаешь моего отца, поэтому догадаешься, что не безъ страха за свою шкуру приближался я къ родительскому дому. Какія ни придумывалъ оправданія, чтобы представить отцу дѣло въ самомъ выгодномъ для меня свѣтѣ, какъ ни подбиралъ патетическія фразы, а все казалось мнѣ, что не обойдется безъ расправы. Увидѣвъ меня, старикъ строго спросилъ: зачѣмъ я пріѣхалъ домой въ учебное время. Поклонившись отцу въ ноги, я признался, что удаленъ изъ гимназій за то, что безъ позволенія инспектора пошелъ въ костелъ; разумѣется, о столкновеніи моемъ въ костелѣ съ надзирателемъ Цаповскимъ я благоразумно умолчалъ. »Pierwsze posłuszeństwo, iajdaku, jak nabożeństwo« (повиновеніе, негодай, важнѣе набожности), отвѣтилъ старикъ и уже снялъ со стѣны нагайку, какъ явились въ комнату моя мать и нашъ приходскій священникъ, ксендзъ Галуха. Разказы мои, подтвержденные свидѣтельствомъ матери, которая, во время пріѣздовъ своихъ въ Татаровку, имѣла случай вдоволь наслушаться разныхъ былей и небылицъ о строгости татаровскаго директора, и нѣсколько сентенцій въ пользу набожности ксендза Галухи, спасли меня отъ родительскаго жезла. »Видно, не умѣютъ теперь васъ сѣчь въ школахъ и придумали выгонять«, сказалъ старикъ и повѣсилъ нагайку на ея мѣсто, между одноствольнымъ ружьемъ и охотническимъ рогомъ.

Все состояніе моего отца заключается въ дворянской родословной, которой подлинности не успѣли опровергнуть и строжайшія розысканія современныхъ критиковъ: поэтому мнѣ необходимо было подумать о службѣ, какъ единственномъ для меня кускѣ хлѣба. Туда нельзя, тамъ не принимаютъ, здѣсь самому не хотѣлось бы: оставалось одно, вѣхать въ корпусную квартиру и опредѣлиться въ полкъ. И здѣсь однако чуть не помѣшало мнѣ *добропорядочное поведеніе*, отмѣченное въ моемъ гимназическомъ свидѣтельствѣ крупнымъ директорскимъ почеркомъ. Начальникъ штаба, пересмотрѣвъ мои документы, спросилъ меня, за что это я выпущенъ изъ гимназій не съ хорошимъ, а только съ добропорядочнымъ поведеніемъ? Тебѣ извѣстно, какъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ

(1) Балагуламъ называются въ Западныхъ губерніяхъ Евреи, промышленные извозомъ.

всѣ подобныя мнѣ гимназическіе отверженцы. »За куреніе папироски, полковникъ«, сказалъ я. Почтенный ветеранъ улынулся. »Въ такомъ случаѣ, надѣюсь«, замѣтилъ онъ, »что въ военной службѣ, гдѣ курить позволяется, поведеніе ваше будетъ безупречно«, и меня опредѣлили.

Военная служба и кругъ людей, въ который я попалъ, пришлились мнѣ по душѣ. По крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ выгнанныхъ изъ магистрата надзирателей и другихъ высшаго разбора соглядатаевъ. Въ искренномъ, задушевномъ кружкѣ военной молодежи, я въ три мѣсяца успѣлъ въ русскомъ языкѣ болѣе, нежели въ теченіи всего гимназическаго курса. Но, говорятъ, впечатлѣнія школьной жизни неизгладимы. Жаль, что для насъ съ воспоминаніемъ о школѣ соединено теперь такъ много горькаго и обиднаго. Надѣюсь однако, что время и добрыя силы незапамятной юности скоро изгладятъ въ душѣ моей непріятныя образы надзирателей и директоровъ, приучающихъ насъ къ подличанью и шпионству. Уже и теперь я, кажется, встрѣтилъ бы ихъ безъ вражды и чувства обиды; а учителей, которые, сказать правду, такія же безотвѣтныя жертвы татаровской дисциплины, какъ и мы несчастные, встрѣтилъ бы съ радостью. Воспоминаніе же о васъ, друзья мои, и о той, дорогое имя которой ты упомянулъ въ своемъ письмѣ, воспоминаніе о первыхъ порывахъ сердца и первыхъ мечтахъ воображенія я свято сохранию на всю жизнь. Прощай, дорогой другъ; обними крѣпко всѣхъ товарищей. Пишите мнѣ, адресуя Александру Францовичу Ращу, въ полковой штабъ.

№ 6. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Колпаковского, къ помѣщику того же уѣзда, Розатовскому.*

Исполняя твое желаніе, любезный сосѣдъ, спѣшу какъ можно подробно разсказать тебѣ о всѣхъ обстоятельствахъ опредѣленія сыновей моихъ въ татаровскую гимназію, чтобы ты, наученный моимъ опытомъ, зналъ, какъ лучше поступить и тебѣ, при опредѣленіи своего дятяти.

Само собою разумѣется, что въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе дѣтей въ учебное заведеніе, голосъ матери особенно важенъ; поэтому въ нашемъ домашнемъ совѣтѣ положено было ѣхать съ дѣтьми въ Татаровку не только мнѣ, но и женѣ моей. Жену, вмѣстѣ съ паномъ Цибовичемъ, нашимъ домашнимъ учителемъ и дѣтьми, отправилъ я въ особомъ экипажѣ; самъ же выѣхалъ послѣ и догналъ ихъ въ Кривомъ-Рогѣ, сѣлавъ на моихъ гибдыхъ болѣе 35 верстъ въ два часа. Переночевали мы

у Тренбовича, въ Романсовкѣ, и на другой день благополучно прѣехали въ Татаровку, гдѣ, выдержавъ неизбежный натискъ мишуресовъ (1), остановились въ постояломъ домѣ Янкеля Цимеса. Кое-какъ устроившись, а главное—защитивъ себя отъ напора разныхъ разнощиковъ, пригласилъ мы къ себѣ ветхозавѣтную чету, Янкеля и его почтенную Сару, чтобы пораспросить ихъ о татаровской гимназiи и о всемъ, относящемся до учебнаго и административнаго въ ней порядка. Ветхозавѣтная чета насказала намъ три короба разныхъ ужасовъ о высокоумiи татаровскаго директора, о строгости приемныхъ испытанiй и о притѣсненiяхъ, которыя дѣлаются родителямъ въ выборѣ для дѣтей квартиры. Предметъ этотъ, повидному, очень близко интересовалъ Янкеля и его Сору, и они съ большимъ жаромъ передавали намъ различныя черты татаровской дисциплины. Едва успѣлъ Янкель разсказать намъ одинъ случай, рисующiй нравъ и политику татаровскаго директора, какъ Сора уже начинала разсказывать другой, по ея мнѣнiю, болѣе поразительный; лишь только Сора собиралась перевести духъ, чтобы продолжать свой разсказъ, какъ перебивалъ ее Янкель и начиналъ свое. Когда же кому-либо изъ нихъ приходилось говорить о событiи, которое обомъ казалось особенно замѣчательнымъ, тогда голоса ихъ сливались, и они вмѣстѣ воспѣвали одно и то же: точь въ точь италiянскiе артисты, которыхъ мы съ тобою слышали, въ прошедшемъ году, на одесской сценѣ. Выслушавъ этотъ дуэтъ, я показалъ Янкелю кошелекъ и спросилъ его, не улаживаются ли здѣсь дѣла посредствомъ вотъ этого; но, къ удивленiю моему, онъ отрицательно замоталъ головою. Недовѣряя разсказамъ Янкеля и его Сору, отправился я, за полученiемъ свѣдѣнiй о гимназiи, къ извѣстному въ нашемъ уѣздѣ фортепянному мастеру и настройщику; жену же отправилъ пораспросить о гимназiи татаровскую модистку. То, что услышали мы здѣсь, еще болѣе испугало насъ. Особенно смущали меня разсказы о манерѣ татаровскаго директора принимать родителей, какъ провинившихся подчиненныхъ и просителей. Чтобы избавить меня отъ неприятныхъ объясненiй съ директоромъ, моя добрая Юзя вызвалась взять на себя первую аудiенцiю, въ томъ предположенiи, что для ней, какъ для дамы, татаровскiй директоръ будетъ вѣжливѣе и уступчивѣе. Но увы! только напрасно моя бѣдная барыня провела лишнiй часъ за своимъ туалетомъ. Представъ себѣ: этотъ камчадалъ, татаровскiй директоръ, вы-

(1) Мишуресь — Еврей, исполняющiй въ еврейскихъ постоялыхъ домахъ обязанности и дворника, и лакея, и фактора.

шелъ къ моему Юзѣ въ какомъ-то бекешѣ и, не обращая вниманія на ея вѣжливости, не давши ей кончить комплимента, съ которымъ она обратилась къ нему, сухо спросилъ: «что вамъ угодно», и затѣмъ узнавши, что дѣло состоитъ въ опредѣленіи нашихъ дѣтей въ гимназію, сказалъ: «подайте прошеніе; экзаменъ въ 5 часовъ»; повернулся и ушелъ. Чортъ ихъ знаетъ, у кого эти люди учились учтивости и съ кѣмъ они живутъ! Юзя моя, обиженная пріемомъ директора, страшно его бранила, панъ Цибовичъ ей вторилъ, дѣти слушали, я молчалъ. Но вѣдь какъ ни разсуждай, а гимназію теперь не обойдешь.... За полтинникъ мнѣ написали гдѣ-то прошеніе о принятіи моихъ дѣтей въ гимназію, и я рѣшился повести ихъ на экзаменъ, пригласивъ съ собою и Цибовича. Когда дѣтей экзаменовали, мы съ Цибовичемъ оставались у порога экзаменаціоннаго зала и издали могли видѣть только испуганныя фізіономіи Яся и Стася, отвѣтовъ же ихъ не слышали. Оказалось, что дѣти, которыхъ Цибовичъ взялся приготовить въ третій классъ, могли, по своимъ познаніямъ, поступить только въ первый. Я бы не повѣрилъ этому, если бы меня увѣряли только учителя и директоръ; но и учитель Закона Божія, ксендзъ Пушайло, сказалъ то же самое. Между тѣмъ Цибовичъ старался убѣдить Юзю, что всему виною одно русское произношеніе, которымъ будто бы въ отвѣтахъ моихъ дѣтей остался недоволенъ директоръ и которое одно было причиною, что учителя поняли въ превратномъ смыслѣ отвѣты моихъ дѣтей изъ географіи и ариметики. Боюсь однако, не надулъ ли меня самъ Цибовичъ: здѣшніе учителя узнали его и сказали мнѣ, что, года четыре тому назадъ, онъ, по неспособности къ учению, уволился изъ третьяго класса татаровской гимназіи. Если это дѣйствительно такъ, то, разумѣется, поступивъ въ гувернеры, не могъ другихъ научить тому, чего и самъ не зналъ. Обманщикъ! а когда поступалъ ко мнѣ, то говорилъ, что знаетъ гимназическую программу, со всѣми ея правилами, исключеніями, толкованіями и дополненіями, какъ своихъ пять пальцевъ. Такъ-то нашего брата, помѣщика, всякій надуваетъ!

Сколько я ни увѣрялъ директора и господъ учителей, что дѣти мои прекрасно приготовлены, что только по робости могли сбиться въ отвѣтахъ, сколько ни упрашивалъ членовъ педагогическаго совѣта — принять моихъ дѣтей, если не въ третій, то по крайней мѣрѣ во второй классъ (въ который дѣйствительно и намѣренъ былъ опредѣлить ихъ; въ третій же запросилъ для вѣрнѣйшаго пріема во второй); но всѣ просьбы мои были напрасны. Наконецъ, умолялъ, чтобы хотя старшаго сына, щадя

его самолюбіе и сердце матери, приняли во второй; но и въ этомъ не успѣлъ: оба поступили въ первый.

Послѣ преній о классѣ, перешли (уже въ директорской квартирѣ и собственно съ директоромъ) къ преніямъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на квартирѣ. Я намѣренъ былъ помѣстить ихъ у госпожи Чубацкой. Дочь этой почтенной дамы говорить по французски; зять отчасти тоже говорить по французски и кромѣ того играетъ на скрипкѣ; сынъ отлично танцуетъ. Мнѣ очень понравилось соединеніе столькихъ талантовъ въ одномъ семействѣ, и я, чтобы не потерять случая помѣстить дѣтей моихъ на квартирѣ съ такими воспитательными преимуществами, очень охотно согласился дать госпожѣ Чубацкой, въ счетъ платы за содержаніе моихъ дѣтей, 50 рублей задатку. Но директоръ и слушать не хотѣлъ о помѣщеніи моихъ дѣтей на вольной квартирѣ и требовалъ, чтобы ихъ помѣстить въ такъ называемыя казармы, или общія квартиры. Полагаю, нѣтъ нужды рассказывать тебѣ, что это такое—общія квартиры: всѣ мы очень хорошо знаемъ, въ чемъ заключается вся сила этого милаго учрежденія. Напрасно выставлялъ я директору нѣжный возрастъ моихъ дѣтей, привычку жить въ семьѣ, напрасно умолялъ, горячился, наскучалъ, напрасно самъ просилъ и подсылалъ другихъ просить за меня; онъ былъ неумолимъ. Каменное сердце! Если бы я на свои глаза не видѣлъ, какъ десятки другихъ отцовъ возились съ нимъ тоже безъ всякаго успѣха, то подумалъ бы, что бѣсъ этотъ не расположенъ только лично ко мнѣ. Три дня осаждалъ я татаровскаго директора: ловилъ его дома, въ гостяхъ, на улицѣ, въ гимназін, въ церкви, все не теряя надежды уломать его какъ нибудь; наконецъ принужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ и согласился помѣстить сыновей въ общія ученическія квартиры. Пошли счеты. Въ началѣ нашихъ переговоровъ, восхваляя дешевизну содержанія въ общей квартирѣ и выставляя эту дешевизну, какъ одно изъ преимуществъ, директоръ сказалъ мнѣ, что за содержаніе въ общей квартирѣ обоихъ моихъ сыновей, въ первомъ полугодіи, слѣдуетъ заплатить только 120 рублей; но когда дошло дѣло до расплаты, то вдругъ прибавилось еще 80 рублей на какое-то первоначальное обзаведеніе; затѣмъ, при сдачѣ бѣлья и платья, обраковали, подъ предлогомъ неформеннаго вида, почти весь гардеробъ моихъ дѣтей, и обракованныя вещи надо было перевести на звонкую монету; наконецъ потребовалось представить, въ пользу заведенія, нѣчто и натурою, именно серебрянную ложку, ножъ, вилку и 20 аршинъ какого-то сѣтчатого холста. Всѣ эти сдѣлки облечены въ законную форму; и, въ полученіи отъ меня вещей и денегъ, директоръ вы-

далъ мнѣ формальныя квитанціи. Покомчивъ съ директоромъ, и завернулъ въ общія квартиры, чтобы увидѣть будущее помѣщеніе моихъ дѣтей. Здѣсь ожидали меня новыя, уже частныя сдѣлки и новыя расходы. Надиратель совѣтовалъ мнѣ, чтобы я, для сугубѣйшаго повторенія уроковъ, договорилъ особаго ренетитора; особый ренетиторъ намекалъ, что, для вѣщаго надзора за моими дѣтьми, не мѣшало бы мнѣ пригласить особаго надирателя; инспекторъ рекомендовалъ поручить бѣлье и платье особому попеченію гардеробщика; гардеробщикъ отсылалъ, для особыхъ переговоровъ о чаѣ, къ буфетчику; буфетчикъ во всемъ ссылался на инспектора. Когда я уладилъ все это, то оказалось, что дешевое помѣщеніе въ 120 рублей на бумагѣ, обошлось мнѣ на дѣлѣ въ 220. Задатокъ, данный Чубацкой, пропалъ. Дома я не могъ поймать никого изъ членовъ талантливаго семейства: ни дочери, говорящей по французски, ни музыканта — зятя, ни танцмейстера — сына. Наконецъ удалось мнѣ застать дома старуху Чубацкую, которая на отрѣзъ сказала, что задатка не возвратитъ, потому что издержалась на заготовленіе необходимой для моихъ дѣтей мебели и отказала въ это время другимъ квартирантамъ. Въ заключеніе моихъ татаровскихъ походовъ, плутъ Янкель, подъ предлогомъ большаго сѣзда родителей и дороговизны квартиръ, содралъ съ меня лишнее и по своей части. Когда я выѣхалъ изъ Татаровки, у меня въ душѣ и въ карманѣ было такъ пусто, какъ послѣ пожара.

Такимъ образомъ, любезный сосѣдъ, какъ плодъ моей горькой опытности, можешь принять къ свѣдѣнію и руководству слѣдующія замѣчанія.

1-ше. Когда повезешь сына въ татаровскую гимназію, то не бери съ собой жены, — по крайней мѣрѣ не посылай ее къ татаровскому директору. Сколь я могъ замѣтить, видъ прекраснаго пола еще болѣе раздражаетъ этого варвара, который, вопреки обычаю образованныхъ націй, готовъ скорѣе уважить резоны отцовъ, какъ резоны матерей.

2-до. Не входя съ татаровскими жителями въ необдуманныя сдѣлки и никому изъ нихъ не давай задатку: это народъ деморализованный.

3-ію. Отправляясь къ татаровскому директору, сними съ себя всѣ туалетныя украшенія: часы, перстни, брелоки, булавки, пуговицы; надѣнь старыя сапоги и старое пальто, словомъ нарядись бѣднякомъ; бѣдняковъ, какъ я узналъ, они освобождаютъ отъ помѣщенія дѣтей въ общей квартирѣ. Только предупреждаю тебя, что обмануть этого чорта, татаровскаго директора, чрезвычайно трудно: у него вездѣ свои шпіоны. При выдачѣ квитанціи, онъ шутя сказалъ мнѣ, копѣйка въ копѣчку,

сколько я привезъ съ собою денегъ и какую монетою, также пересказалъ слово въ слово, какъ бранила его моя Юзя.

4-го. Отправляясь въ Татаровку, потуже набивай бумажникъ. Тамъ всякій своимъ манеромъ умѣетъ заставить нашего брата заплатить дань воспитанію.

№ 7. *Отъ помѣщика бабинскаго уѣзда, Розатовскаго, къ помѣщику того же уѣзда, Колпаковскому.*

По совѣту твоему, любезный сосѣдъ, я одинъ повезъ сына въ Татаровку; Касю же мою, какъ ни больно ей было разстаться съ ребенкомъ, оставилъ дома. Пришлось также оставить дома и нашего домашняго учителя, пана Трежескоцкаго, потому что, какъ справедливо замѣтила моя Кася, въ Татаровкѣ привезенный мною домашній учитель могъ бы показаться роскошью, несообразною съ средствами бѣдняка, роль котораго я намѣренъ быть, по твоему совѣту, разыграть передъ татаровскимъ директоромъ. Чтобы выдержать эту роль не только въ костюмѣ, но и въ декорацияхъ, отправился я въ Татаровку шарабаномъ, на парѣ фоль-верковыхъ лошадокъ. Въ Татаровкѣ, подъѣзжая къ постоялому дому, кучеръ мой, позабывши, что держать въ рукѣ простой мужицкій кнутъ, а не тотъ трехъ-аршинный бичъ, которымъ такъ мастерски владѣеть, замахнулся и хотѣлъ хлопнуть; но слабый звукъ кнутика, не соразмѣрный съ артистическимъ размахомъ руки, только возбудилъ хохотъ и бѣдкія замѣчанія въ толпѣ мишуресовъ, равнодушно взиравшихъ на появленіе невзрачнаго шарабана, мало общавшаго поживы для хозяина постоялаго дома и его мишуреса.

Тщательно побрившись, надѣлъ я на себя самое старое изъ моихъ пальто и тотчасъ же отправился къ директору. У воротъ директорской квартиры, сквозь рѣшетчатый заборъ, замѣтилъ я выбѣжавшую изъ дверей директорскаго дома знакомую намъ даму, жену черноморскаго управляющаго, госпожу Роскидальскую. Щеки ея пылали, глаза сверкали гнѣвомъ, бурнусъ, небрежно наброшенный, развѣвался на подобіе флага, шляпка подалась назадъ, какъ уланскій киверъ. Не шла, а летѣла она, крича: *»piechota pójdę do Petersburga! piechota pójdę do Petersburga!«* (пѣшкомъ пойду въ Петербургъ). Встрѣтившись съ нею въ калиткѣ, я посторонился и подаль ей руку, чтобы помочь переступить черезъ лужу; но она, не обращая вниманія ни на лужи, ни на мою вѣжливость,

промчалась мимо меня, прокричавъ еще разъ »*piechotą pójdę do Petersburga!*«. Еще звучалъ у меня дискантъ Роскидальской, какъ тѣ же слова: »*piechotą pójdę do Petersburga!*«, произнесенныя громкимъ мужскимъ басомъ, вновь раздались въ директорскомъ дворѣ, виѣсть съ отвѣтомъ на оныя директорскихъ индюковъ. Я оглянулся и увидѣлъ огромную фигуру нашего сосѣда Цимбалинскаго. Лице его побагровѣло отъ гнѣва; извѣстная тебѣ малиновая шапочка, надѣтая на бекрень, отчаянно подавалась къ лѣвому уху; славутская бурка, вѣроятно, второпяхъ, во время быстрой ретирады отъ господина директора, была надѣта на выворотъ, то есть, красною подкладкою наружу; такъ что въ ту минуту, когда я его увидѣлъ, онъ весь былъ красенъ, какъ свекла. Ступая гигантскими шагами и повторяя тотъ же кликъ: »*piechotą dójdę do Petersburga!*« онъ пронесся, вслѣдъ за Раскидальской, тоже не замѣтивъ меня.

Разсудивъ, что благочестивый обѣтъ Роскидальской и Цимбалинскаго — пѣшкомъ свершить столь дальнѣй путь, обѣтъ, возвѣщенный всенародно и притомъ тотчасъ по выходѣ отъ директора, вѣроятно, былъ слѣдствіемъ какихъ либо неприяностей съ директоромъ, и что поэтому и этотъ послѣднѣй можетъ находиться теперь въ раздражительномъ состояніи духа, я отложилъ мой визитъ до болѣе благопріятнаго времени и поспѣшилъ догнать Цимбалинскаго. Исправивъ превратный видъ своей бурки, онъ велъ уже подъ руку Раскидальскую. Оказалось, что причиной ихъ волненія были дѣйствительно неудачи по части воспитанія. Раскидальская просила директора позволить ей сыну квартировать у ея родственницы, Щупальской, а Цимбалинскій просилъ позволить его эконому помѣстить своего сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ. Директоръ отказалъ и той, и другому, находя, что для удовлетворенія просьбы Раскидальской не довольно достаточна степень родства, а для удовлетворенія просьбы Цимбалинскаго, не довольно достаточна степень бѣдности. Экономъ Цимбалинскаго, впрочемъ, дѣйствительно бѣденъ, какъ только можетъ быть бѣденъ экономъ небогатаго помѣщика, но нечистый духъ хвастовства подстрекнулъ Цимбалинскаго явиться предъ блюстителемъ татаровскаго просвѣщенія въ роли мецената и хлопотать за своего эконома. Увидѣвъ такую важную персону, разумѣется, для перваго визита прилично костюмированную, директоръ заключилъ, что персона эта изволитъ беспокоиться не безъ особенно важныхъ побудительныхъ причинъ; поэтому не только отказалъ помѣстить экономскаго сына на вольной квартирѣ для бѣдныхъ, но, какъ искусный негоціантъ въ торгахъ это-

го рода, еще потребовалъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ въ самый дорогой разрядъ общей ученической квартиры.

Разставшись съ Цимбалнскимъ и Роскидальскою, которые завернули къ родственницѣ Роскидальской, вѣроятно, посоветоваться на счетъ своего путешествія въ Петербургъ, я встрѣтился съ господиномъ, въ которомъ узналъ моего стараго знакомаго, чиновника крюкославскаго городского магистрата, Цаповскаго, сочинявшаго и переписывавшаго мнѣ въ Крюкославѣ разнаго рода дѣловыя бумажки. Я очень удивился, увидѣвъ его въ синемъ фракѣ съ бархатнымъ воротникомъ и пуговицами министерства народнаго просвѣщенія. Занятый мыслями о своемъ собственномъ маскарадѣ, я и на костюмъ Цаповскаго сначала смотрѣлъ съ маскарадной точки зрѣнія; но онъ увѣрилъ меня, что костюмъ этотъ составляетъ дѣйствительную принадлежность его оффиціальной роли—надзирателя за вольноприходящими при татаровской гимназій. Тогда я пригласилъ его къ себѣ и, представивъ ему несомнѣнныя доказательства моей расположенности къ благодарности, просилъ посоветовать, какимъ бы образомъ набѣгнуть мнѣ помѣщенія дѣтей моихъ въ общей ученической квартирѣ. По совѣту и при содѣйствіи Цаповскаго, я взялъ отъ уѣзднаго врача свидѣтельство о болѣзненномъ тѣлосложеніи моего сына, именно такомъ тѣлосложеніи, которое требуетъ особаго діетическаго содержанія, несогласнаго съ нормальнымъ порядкомъ общихъ ученическихъ квартиръ; затѣмъ послалъ къ нашему уѣздному предводителю за свидѣтельствомъ о моемъ близкомъ родствѣ съ какимъ-то майромъ, у котораго Цаповскій договорилъ для моего сына квартиру, и наконецъ оба эти свидѣтельства, вмѣстѣ съ прошеніемъ объ освобожденіи сына моего отъ квартированія въ общей квартирѣ, послалъ по эстафетѣ, на имя нашего всеобщаго ходатая, Загоновскаго, съ приличнымъ приложеніемъ, въ его безотчетное расположеніе. Дня черезъ два Загоновскій увѣдомилъ меня, что на прошеніе мое вскорѣ послѣдуетъ благопріятная резолюція; но что, для окончательнаго успѣха моего дѣла, мнѣ необходимо расположить въ мою пользу и Татаровскаго директора, которому для формы предложить сказать свое мнѣніе по этому дѣлу. По совѣту того же благодѣтеля Цаповскаго, я отправился къ директору тотчасъ послѣ одного изъ моментовъ, определенныхъ у него для приѣма пищи (въ это время, по замѣчанію подчиненныхъ, онъ сговорчивѣе), выразилъ ему, что я считаю учрежденіе общихъ квартиръ одною изъ благодѣлнѣйшихъ воспитательныхъ мѣръ нашего времени; изъявилъ сожалѣніе мое о томъ, что по болѣзненному тѣлосложенію, требующему особаго діетическаго содержанія,

сынъ мой не можетъ воспользоваться воспитательными преимуществами общихъ ученическихъ квартиръ, ввѣренныхъ его попеченію и славящихся по округу своимъ образцовымъ устройствомъ; предложилъ позволить мнѣ внести, въ пользу этого благодѣтельнаго учрежденія, сумму, положенную за годичное содержаніе ученика, и наконецъ просилъ засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ, что резоны мои, изложенные въ прошеніи, посланномъ по эстафетѣ, заслуживаютъ уваженія. Директоръ сразу на все согласился. При мнѣ же пожертвованныя мною деньги были записаны въ кассовую книгу прихода. Въ послѣдствіи Цаповскій, за стаканомъ пунша, объяснилъ мнѣ, что изъ суммъ подобнаго рода, равно какъ и изъ денегъ, вносимыхъ родителями за дѣйствительное содержаніе дѣтей, при соблюденіи всевозможной экономіи въ расходахъ, составляется общая экономическая сумма, которая, въ концѣ учебнаго года, совершенно легальнымъ образомъ переписывается изъ кассовой книги прихода въ кассовую книгу расхода и распределяется по карманамъ благоразумныхъ составителей экономическихъ суммъ и всѣхъ пріемлющихъ о томъ попеченіе. Вещь, какъ изволишь видѣть, организована очень прилично.

И такъ, любезный сосѣдъ, какъ говорить ксендзъ Галуха, *est modus in rebus*. При пособіи одной лжи, засвидѣтельствованной медикомъ, и другой — педводителемъ дворянства, мнѣ удалось обдѣлать мои дѣла успѣшнѣ твоего. Противъ моихъ аргументовъ не устоялъ и самъ татаровскій директоръ.

Въ заключеніе, позволь и мнѣ, любезный сосѣдъ, окончить письмо мое, въ видѣ совѣта тебѣ на будущее время, слѣдующимъ замѣчаніемъ: самая лучшая гарантія отъ всѣхъ золъ и напастей — это листъ чистой гербовой бумаги, съ приличнымъ приложеніемъ.

(Продолженіе будетъ).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О НАРОДНОСТИ ВЪ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ,

(по поводу смерти Шевченка).

Одно изъ характеристическихъ явленій жизни человѣчества въ наше время есть стремленіе каждаго народа къ уясненію и развитію своей *народной* жизни. Славяне восточные, или точнѣе—Славяне великорусскіе, довольно разработавъ прошедшее своей жизни, порываются установить свой славянорусскій взглядъ на многое въ жизни своей и чужой. Не одобряя крайностей въ воззрѣніяхъ этого рода, мы тѣмъ не менѣе, признаёмъ, что въ основаніи этихъ воззрѣній лежитъ начало справедливое. Безъ сомнѣнія, быть замкнутымъ въ своей жизни и отрицать постороннія *разумныя* вліянія не значитъ дѣйствовать ко благу своей народности: народность не исключаетъ усвоенія извнѣ того, что необходимо для ея развитія, точно такъ же, какъ, напримѣръ, то или другое растеніе, самобытное въ своей жизни, не исключаетъ внѣшнихъ условій, необходимыхъ для его развитія. Каждый народъ имѣетъ право усвоить себѣ *лучшее* у другихъ народовъ на столько, на сколько оно дѣйствительно есть лучшее *для него*. Онъ не теряетъ въ этомъ случаѣ своей самобытности, потому что въ выборѣ для себя того или другого изъ внѣшнихъ вліяній онъ самъ господи́тъ себѣ, а не внѣшнія вліянія располагаютъ имъ по своему произволу. Безусловное подчиненіе — такая же крайность въ жизни народа, какъ и замкнутость.

Среди народныхъ стремленій разныхъ народовъ не только славянскихъ, но и не славянскихъ, могъ ли быть равнодушнымъ къ этимъ стремленіямъ народъ южнорусскій, имѣющій свою исторію, говорящій своимъ языкомъ, не смѣшавшійся ни съ однимъ изъ окружающихъ его народовъ славянскихъ, но сохранившій свою самобытную жизнь, и съ свѣтлыми надеждами смотрящій въ будущее?... Находясь въ благопріятныхъ для

развитія условіяхъ своего существованія, — не какъ Славяне австрійскіе и турецкіе, — онъ обратилъ вниманіе на свою *внутреннюю* жизнь, сталъ выкатъ въ свое прошлое, присматриваться къ своему настоящему, для того, чтобы уловить черты своей *народной* жизни. Плодомъ этихъ стремленій было появленіе украинской литературы, еще весьма юной, но уже успѣвшей обратить на себя вниманіе не однихъ Малороссовъ.... И во главѣ этого-то современнаго литературнаго движенія стоялъ одинъ изъ отличныхъ сыновъ народа—Шевченко!... Нѣтъ надобности говорить, чѣмъ онъ былъ для насъ Украинцевъ и чего мы лишились въ немъ.... Еще такъ недавно мы опустили его въ могилу, а уже онъ является для насъ какимъ-то мифическимъ героемъ, предъ которымъ до земли склоняешь свою голову.... Шевченко успѣлъ сдѣлать то, къ чему былъ призванъ: онъ доказалъ собою, что стремленіе народа южнорусскаго къ своенародной жизни — не мечта, какъ казалось и нашимъ маловѣрамъ, и другимъ невѣрамъ. Народъ, среди котораго появилась такая личность, какъ Шевченко, не погибнетъ въ круговоротѣ исторіи, не совершитъ своего назначенія.... После Шевченка наша народность имѣетъ законное право на свое существованіе.

Но если, подобно другимъ народамъ, народъ южнорусскій имѣетъ право развивать свою народную жизнь вообще: то можетъ ли онъ быть народнымъ и въ жизни *религіозной* въ частности? Безъ сомнѣній, религія христіанская — одна истинная религія для всѣхъ народовъ; православная церковь, къ которой принадлежитъ вмѣстѣ съ другими, и народъ южнорусскій, сохраняетъ догматы религіи христіанской во всей чистотѣ и неповрежденности; но можетъ ли нашъ народъ (равно какъ и другіе народы) быть *народнымъ* и въ своей православно-христіанской жизни — *безъ противорѣчія* какъ догматамъ христіанства вообще, такъ и догматамъ православія въ частности? Вопросъ о значеніи народности въ жизни религіозной, какъ онъ ни новъ, заслуживаетъ исполнѣ нашего вниманія, особенно при настоящихъ стремленіяхъ. Религія составляетъ важный элементъ жизни народной. А народъ южнорусскій отличается глубокою религіозностью, какъ это замѣчаютъ и не Малороссы тамъ, гдѣ сталкивается онъ съ другими народами. При своихъ стремленіяхъ къ жизни народной, народъ нашъ можетъ ли поэтому оставить въ сторонѣ вопросы религіозные? Напротивъ, не захочетъ ли онъ, чтобы и религія принимала участіе въ важномъ для него дѣлѣ народной жизни? Стараясь рѣшить этотъ вопросъ — вопросъ объ участіи народности въ жизни религіозной, мы высказываемъ только свое *мнѣніе*, не считая его обязатель-

нымъ для чьей бы то ни было совѣсти: ученые и строгіе догматисты могутъ соглашаться и не соглашаться съ нами.

Задача жизни человѣчества—возможное для человѣка совершенствованіе. Милліоны дѣятелей во всѣ времена стремятся къ выполнению этой задачи: но искомое совершенство всегда будетъ для человѣчества тѣмъ идеаломъ, который человѣчество будетъ стараться вмѣстить въ себя, но котораго никогда не обвинять. Иначе и быть не можетъ: конечнымъ дѣятелямъ не обнять совершенства — безконечнаго по самой природѣ своей.... Однакоже, назначеніе человѣчества стремиться къ совершенству, и оно приближается къ этому совершенству, — не вдругъ, а по частямъ и постепенно. Каждый народъ, какъ соединеніе (нравственное) многихъ личностей въ одну общую великую личность, призванъ выполнить одну какую нибудь *частную* задачу жизни, указываемую ему природою и исторіею, и онъ выполнить ее непремѣнно, если достигъ необходимой для этого степени развитія сознательно-разумной жизни.... Такъ, древній греческій народъ развивалъ однѣ идеи, напримѣръ идею искусства, тогда-какъ древній римскій народъ — другія, напримѣръ, идею права. Когда народъ выполнить уже свое назначеніе, тогда онъ уступаетъ мѣсто другому народу, который въ свою очередь дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ-образомъ, одна великая задача человѣчества—совершенствованіе рѣшается многими народами, дѣйствующими не только совместно—другъ подлѣ друга, но и преемственно другъ за другомъ. Каждый народъ вноситъ свою долю истины и добра на пользу общую. Такъ какъ цѣль человѣчества — усовершенствованіе, то нѣтъ и не будетъ ни одного народа, который могъ бы сказать, что уже все сдѣлано для блага человѣчества и ему ничего не остается дѣлать. Одинъ народъ начинаетъ новое какое нибудь дѣло, другой продолжаетъ начатое, — одинъ дѣлаетъ болѣе, другой менѣе, но чѣмъ болѣе выступаетъ великихъ дѣятелей, т. е. народовъ, вырабатывающихъ свою жизнь ту или другую идею, тѣмъ болѣе движется впередъ общечеловѣческое усовершенствованіе. Такимъ образомъ, безъ множества и разнообразія народностей невозможенъ никакой прогрессъ человѣчества. Школа, которая старается выкроить головы своихъ воспитанниковъ по одной задуманной мѣркѣ, не допуская никакой свободы въ развитіи, подавляетъ и губитъ развитіе подпавшихъ ей вліянію личностей. Но надъ человѣчествомъ нѣтъ такого деспота-губителя: оно развивается свободно, хотя и борется со многими препятствіями. Если развитіе жизни общечеловѣческой совершается посредствомъ различныхъ частныхъ народностей: то отчего такимъ же образомъ не можетъ совершаться и разви-

тіе жизни религіозно-христіанской? Вѣдь и христіанство проповѣдуетъ нравственное усовершенствованіе. Вѣдь и жизнь христіанская есть идеаль необъятный ни для кого, слѣдовательно ничего не будетъ противнаго христіанству, если тотъ или другой народъ своею жизнью разовьетъ ту или другую сторону жизни христіанской; напротивъ, это весьма естественно—при ограниченнѣхъ силахъ человѣка съ одной стороны и при необъятности идеала жизни христіанской съ другой. Это тѣмъ болѣе возможно, что христіанство не отвергаетъ всего человѣческаго: напротивъ, старается возстановить и утвердить въ человѣкѣ все, что есть въ немъ истиннаго, добраго, законнаго. Христіанство ведетъ человѣка къ совершенству не только средствами сверхъестественными, но и естественными. Слѣдовательно тѣ или другія особенности народныя не отвергаются христіанствомъ, если въ этихъ особенностяхъ есть сторона добрая, а она всегда есть въ характерѣ народномъ; напротивъ, чѣмъ сообразнѣе съ характеромъ народа взятая имъ сторона жизни христіанской, тѣмъ успѣшнѣе будетъ развитіе этой жизни... она, въ такомъ случаѣ, своя, *родная* для народа. Такимъ образомъ, различныя народности, развивая различныя стороны жизни христіанской, мало по малу приближаются къ человѣчеству общій великій идеаль жизни христіанской, хотя вполнѣ этотъ идеаль не можетъ быть обнятъ человѣчествомъ ни въ одно время.

Въ исторіи христіанства у различныхъ народовъ, мы можемъ замѣтить, что тотъ или другой христіанскій народъ развивалъ у себя *преимущественно* одну какую нибудь сторону христіанства — ту, которая болѣе сообразна съ его народнымъ характеромъ. Такъ справедливо замѣчаютъ, что въ первыя времена христіанства, на востокѣ—среди господствующаго народа греческаго—развивалась преимущественно теоретическая, или догматическая, сторона христіанства, а на западѣ—среди господствующаго народа римскаго—развивалась преимущественно сторона практическая. Народъ греческій, съ одной стороны—примыкающій къ Востоку, любившему созерцаніе, съ другой—самъ развитіишій мыслительную способность свою философіею,—естественно, болѣе всего разсуждаетъ о теоретической сторонѣ христіанства. Народъ римскій, народъ практическій, способенъ владѣть мечемъ, а не разсуждать. Оттого на Востокѣ спорили о догматахъ вѣры, а на Западѣ и лучшіе умы не совѣтъмъ искусны въ теоретическихъ соображеніяхъ: такъ, Тертуліанъ разсуждаетъ, что если Богъ не создалъ овецъ зелеными или голу-

были, то намъ и не нужно цвѣтныхъ одеждъ... и это въ одно почти время съ существовавшимъ на Востокѣ знаменитого философа-христіанина, Климента Александрійскаго! Самый аскетизмъ христіанскій на Востокѣ имѣетъ характеръ болѣе созерцательный, — на Западѣ — болѣе практическій. Въ послѣдствіи времени, различными народамъ предстояло продолжать начатое, развивая то ту, то другую сторону въ ихъ широкомъ содержаніи. Такъ-какъ сторона теоретическая и сторона практическая объимаютъ всю полноту христіанства, необъятную ни для кого, то различныя народности всегда могутъ найти для себя ту или другую задачу жизни христіанской, которая (задача) оставалась до этихъ поръ не разрѣшенной и которая, при томъ, вполне сообразна съ природнымъ характеромъ народа.... Трудно указать, какую сторону христіанства развили новые народы христіанскіе, занявшіе мѣсто древне-греческаго и древне-римскаго и достигшіе необходимой для этого степени нравственнаго развитія: объ этомъ можно будетъ судить тогда, когда они сдѣлаются предметомъ исторіи, окончивъ свое назначеніе; но и теперь, нельзя не замѣтить, что развивая разныя стороны жизни христіанской, каждый изъ этихъ народовъ дѣлаетъ то, что вполне сообразно съ его народнымъ характеромъ. Не бѣда, если тотъ или другой народъ не рѣшитъ окончательно взятой имъ задачи: онъ сдѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать, а другой народъ продолжитъ начатое. Иныя частныя задачи не такъ легко рѣшить, какъ это представляется: кто, напримѣръ, можетъ указать предѣлъ развитію искусства христіанскаго?... Одна опасность предстоитъ здѣсь народамъ, раскрывающимъ въ своей жизни тѣ или другія частныя стороны христіанства: чтобы, развивая ту или другую частную сторону христіанства, народъ не унижалъ другихъ сторонъ жизни христіанской, раскрываемыхъ или раскрытыхъ иными христіанскими народами, — чтобы своего частнаго дѣла не возводилъ въ законъ общій для всѣхъ, какъ единственно лучшее дѣло жизни христіанской, — чтобы вообще не считалъ себя обнявшимъ всю полноту жизни христіанской. Такъ, Германецъ, любящій углубляться мыслию въ предметъ, остается вѣрныи своей природѣ и народности и дѣлаетъ законно-христіанское дѣло, если старается открыть въ религіи христіанской то, что есть въ ней удобопостижимаго для ума человѣческаго: но онъ погрѣшаетъ, если единственнымъ руководительнымъ началомъ въ жизни религіозно-христіанской полагаетъ разумъ. Такъ, Англичанинъ правъ и предъ своею народностію, и предъ христіанствомъ, когда дорожитъ свободой совѣсти: но онъ погрѣшаетъ, если принципъ свободы считаетъ единственнымъ началомъ

въ жизни христіанской. Такъ, Итальянецъ вправѣ развивать и.ею искусства христіанскаго: но если онъ увлекается своимъ предметомъ до того, что забываетъ прочія стороны жизни христіанской и все христіанство полагаетъ въ искусственной сторонѣ его, то онъ погрѣшаетъ, какъ это и видно на самомъ дѣлѣ: напримѣръ, богослуженіе римской церкви до того блестяще, пышно и разнообразно, что заслоняетъ собою внутреннюю сторону жизни христіанской. Такъ, общительность Француза — прекрасное дѣло: но если онъ навязывается всѣмъ и всякому съ своими услугами и старается утвердить свое вліяніе во всемъ мірѣ, то онъ заблуждается: любовь христіанская не дѣлаетъ насмія независимости ближняго. Словомъ, тотъ или другой народъ, желающій быть народнымъ и въ жизни религіозной, не долженъ смотрѣть на *все* христіанство сквозь призму своей *исключительной* народно-христіанской жизни, а, оставаясь роднымъ въ своей собственной жизни — какъ общечеловѣческой, такъ и христіанской, отдавать должное уваженіе и всѣмъ прочимъ сторонамъ христіанства, которыя раскрыты или раскрываются другими народами. Въ противномъ случаѣ, онъ отступитъ отъ истины и погрѣшитъ противъ христіанскаго ученія. Такъ возникли церковь римско-католическая и общество германско-протестантское съ своими народно-исключительными взглядами, перенесенными на христіанство: особенности католицизма — главенство Папы и особенность протестантизма — рраціолизмъ имѣютъ свое основаніе въ характерѣ обоихъ народовъ — римскаго, приыкшаго къ обладанію всесвѣтному, и германскаго, склоннаго къ самоуглубленію. Но если они захотятъ сдѣлать эти свои особенности общимъ правиломъ для всѣхъ, если они всю полноту христіанства заключать въ эти особенности свои: то становятся въ высшей степени неправы. Пусть римскій первосвященникъ признается главою римско-католической церкви: но зачѣмъ онъ распространяетъ свое владычество на *всю* церковь? Пусть народу германскому будетъ особенно близка теоретическая сторона христіанства, пусть онъ съ особенною любовью останавливается на понятіи о *вѣрѣ* съ теоретической точки зрѣнія: но зачѣмъ онъ отвергаетъ сторону практическую и не даетъ надлежащаго значенія *дѣламъ* (добрымъ)? Вѣрученіе одной православной церкви обнимаетъ *всѣ* стороны христіанства; она, въ своей *догматикѣ*, отдаетъ должное каждой сторонѣ жизни христіанской, хотя *на дѣлѣ* — въ практикѣ, развиваетъ болѣе то ту, то другую сторону христіанства, сообразно народнымъ требованіямъ.

Понятно теперь, отчего церковь римско-католическая подавляетъ

развитіе народностей, а церковь православная не препятствует самостоятельному развитію народовъ, принадлежащихъ ей, (если только не злоупотребляютъ представители церкви...) Первая хочетъ сдѣлать всѣхъ римскими католиками, послѣдняя заботится о томъ, чтобы всѣ были истинно-вѣрующими христіанами. Оттого, на Западѣ, народы римско-католическіе тотчасъ отлагаются отъ католической церкви, если захотятъ быть самостоятельно народными, какъ, напримѣръ, народы германскій, англійскій, даже (въ нѣвѣстной степени) французскій и даже—италійскій. На Востокѣ, православно-христіанскіе народы получаютъ самостоятельность народную и церковную, ни сколько не нарушая единенія съ древне-греческою православною церковію и не отступая отъ православія какъ напримѣръ, народы — русскій, сербскій, ново-греческій, или болгарскій... Православная церковь, давая развитіе различнымъ народностямъ, къ ней принадлежащихъ, возвышается надъ всѣми этими частными народными развитіями въ своемъ общемъ вѣроученіи, которое обнимаетъ всѣ стороны жизни христіанской и при которомъ, поэтому, возможно развитіе всякой частной стороны — безъ противорѣчія общей полнотѣ христіанства. Впрочемъ, можно думать, что съ теченіемъ времени западные народы оставятъ свой исключительный взглядъ на христіанство и станутъ воздавать должное уваженіе и другимъ—разнообразнымъ, но тѣмъ не менѣе законнымъ — взглядамъ на него, хотя въ то же время, каждый народъ будетъ жить своею особою жизнью, отличною отъ жизни другихъ, но и не противорѣчающею ей. Папа, волей-неволей теряющій свое господство, основанное на историческихъ обстоятельствахъ,—вѣдь это шагъ къ сближенію христіанскаго Запада съ христіанскимъ Востокомъ...

Какія же характеристическія черты жизни религіозной у народа южнорусскаго? Какія стороны жизни христіанской онъ взялъ для развитія у себя? Отвѣчаемъ прямо: мы еще не въ силахъ опредѣлить съ точностью и полнотою свои народныя отличія съ этой стороны; мы такъ еще недавно начали изучать свой народъ, такъ еще мало его знаемъ. Теперь мы можемъ указать на нѣкоторое отличіе религіозности народа южно-русскаго отъ религіозности великорусскаго. Въ религіозной жизни великорусскаго народа, прежде всего насъ поражаетъ громадное явленіе называемое *расколомъ*. Малороссы, не бывшіе въ Велико-россін, и не присматривавшіеся къ ея жизни, думаютъ, что расколъ есть какая-то секта, не стоящая вниманія, не подозрѣвая, что расколъ считаетъ сво-

нихъ послѣдователей милліонами, дышетъ здѣсь повсюду, пустилъ свои корни глубоко въ жизнь. Но сильный въ народѣ велико-русскомъ, расколъ нисколько не проникъ въ среду народа южно-русскаго, не смотря на постоянныя связи одного народа съ другимъ — гражданскія и церковныя: явленіе, заслуживающее вниманія! Безъ сомнѣнія, появленію раскола въ одномъ племени и отсутствію въ другомъ способствовали историческія обстоятельства, какъ церковныя, такъ и гражданскія: но тамъ, гдѣ расколъ такъ принялся и развился, нужна была предрасположенность къ нему: иначе историческія обстоятельства не подѣйствовали бы на народъ такъ сильно, какъ онѣ подѣйствовали. Равнымъ образомъ, нужно предположить, что и въ народѣ южно-русскомъ существуютъ такія черты нравственной жизни, въ которыя восприняли бы ему заразиться расколомъ, которыя прямо противоположны жизни народа великорусскаго иначе народъ нашъ не остерегся бы отъ раскола послѣ того, какъ великорусскіе раскольники стали появляться среди него не только отдѣльными личностями, но и цѣлыми обществами, — слободами, монастырями. Какъ частный человекъ, такъ и народъ, если симпатизируетъ чему-нибудь или отвращается отъ чего-нибудь, то въ немъ самою — въ его природѣ — лежитъ основаніе его симпатіи или отвращенія. Объяснить происхожденіе и распространеніе раскола какимъ-нибудь внѣшнимъ случаемъ — невозможно.... Какаѣ же внутренняя, въ самой жизни двухъ народовъ скрывающаяся, причина того, что одинъ — допустилъ у себя появленіе раскола, а другой — отвергъ его? Что касается до Великоросіянъ, то она скрывается въ религиозной жизни этого народа, именно въ его приверженности къ внѣшней церковно-богослужебной сторонѣ жизни христіанской. Когда появилась нужда сдѣлать нѣкоторыя исправленія въ церковномъ богослуженіи велико-русской церкви, то часть народа захотѣла лучше отложиться отъ Церкви, чѣмъ допустить поправку чего-нибудь. Расколъ есть яркая, выпуклая сторона этой приверженности къ существующему обряду (какъ бы ни было недавне существованіе его), есть неизмѣнное ея выраженіе. Приверженность къ внѣшности церковной, въ существѣ своемъ, законна, но не законна только степень этой приверженности, обнаружившаяся въ расколѣ.

Не такимъ показалъ себя нашъ народъ при исправленіи церковнаго богослуженія въ южно-русской церкви. Петръ Могилъ, митрополитъ кievскій, сдѣлалъ болѣе въ исправленіи церковнаго богослуженія въ южной церкви, чѣмъ Никонъ патріархъ московскій: но гдѣ протесты противъ

этого, подобные русскому расколу (1)? Мало этого: Петръ Могила допустилъ въ православное богослуженіе своей церкви нѣкоторые обряды изъ католическаго богослуженія, приспособивъ ихъ, конечно, къ православному богослуженію, наиримѣръ, такъ называемыя *пассии*, т. е. чтенія евангелій о страданіяхъ Христовыхъ въ первыя четыре пятницы великаго поста: и однако, южнорусскій народъ съ особенною любовію сѣзидитъ на это трогательное богослуженіе. Можно себѣ представить, какъ было бы принято подобное въ Великороссіи, гдѣ четвероконечный крестъ, употребляемый всѣми не только не православными, но и православными народами, называется *печатію антихриста*.... Чтѣ же значить это разумное отношеніе народа южнорусскаго къ церковной обрядности? То, что тогда-какъ великорусскій народъ обращаетъ вниманія болѣе на внѣшнюю сторону богослуженія, народъ нашъ придаетъ больше значенія внутренней сторонѣ его, обращая вниманіе на его смыслъ. И тотъ, и другой народъ не противорѣчатъ другъ другу въ своемъ взглядѣ на богослуженіе, хотя и различаются другъ отъ друга, слѣдуя склонностямъ своей природы. Это отнюдь не значить, чтобы народъ южнорусскій менѣе цѣнилъ православно-церковное богослуженіе, чѣмъ великороссійскій: народъ, ведшій такія продолжительныя и кровавыя войны съ римскою унией — не только за догматы своей церкви, но и за ея обряды, доказалъ свою приверженность къ православію.... Если онъ допустилъ у себя нѣкоторые новые обряды, заимствованные изъ католической Церкви, то потому, что эти обряды непротивны духу православныхъ обрядовъ. Указывая на эти факты, мы хотимъ только сказать, что и теперь уже замѣтно нѣкоторое различіе въ нравственно-религіозной жизни двухъ народовъ, не смотря на то, что тотъ и другой народъ строго православны въ своемъ вѣроученіи.

Но если мы не знаемъ въ подробности, въ чемъ именно состоитъ народность религіозной жизни южно-русскаго народа, — то все таки знаемъ и видимъ, что религіозный элементъ *вообще* есть существенный элементъ его жизни, на основаніи котораго, раньше или позже, должна опредѣляться народность и самой религіозной его жизни. Обращаемся къ представителю украинской народности—Шевченку. Шевченко—поэтъ

(1) Любопытныя историческія изслѣдованія объ изправленіи церковнаго богослуженія Петромъ Могилою помѣщены въ духовномъ журналѣ. »Руководство для сельскихъ Пастырей«, за 1860 г., подъ названіемъ: *Недостатки церковной обрядности въ южной Церкви и Треники Петра Могилы.*

народный въ полномъ смыслѣ этого слова: но кто не замѣчалъ, что въ его народной поэзіи религиозность свѣтится яркими лучами (1). Такъ, представляя въ народно-художественныхъ чертахъ образъ поэта, Шевченко говоритъ, что слово поэта —

..... то Божее слово,
То сердце по волі зъ Ббогомъ розмовлі,
То сердце щербече Господнюю славу;

что мысль поэта стремится къ небу, а на землѣ не находитъ себѣ пріюта: — его

.....дўмка край світа на хмарі гулі,
Орломъ сизокрілимъ літає, ширіє,
Ажъ небо блакїтне широкими бє;
Спочїне на сонці, єго запитає:
Дє вонб ночє, якъ вонб встає?
Послўхає мєря, щб вонб говорить,
Спитя чєрну гєру: чого ти нїма?
И зїву на небо, бо на землі гєре,
Бо на ії, широкїї, куточка нема
Томў, хто все знає, томў, хто все чє:
Щб мєре говорить, де сонце ночє —
Єго на сімъ свїті нїхтб не прийма.
Одїнь вїнь мїжъ нїми, якъ сонце висбе:
Єго знають люде, бо носить землі;
А якъ-бї почўли, щб вїнь одинокїї
Спїва на могїлі, зъ мєремъ розмовлі,
На Божее слово вонї бь насміїлись,
Дурїїмъ бї назвали, одь себе прогнаїи.
»Нехай по-надь мєремъ«, сказаїи бь, »гулі!«

Воспроизводя историческіе подвиги въ «Гайдамакахъ», Шевченко рисуетъ своихъ героев и религиозными красками: они преслѣдуютъ Ляховъ и Жидовъ за то, что, по ихъ милости, козацкія

»Дїти не хрещенї ростўть«,

или, какъ выразился Шевченко въ другомъ мѣстѣ, они, истребители Ляховъ и Жидовъ, «віру рятўють» (стр. 51). Пвиготовляясь къ своимъ кровавымъ подвигамъ, они молятся и притомъ не своею одною молитвою а и молитвою церковною — при служителяхъ церкви. Они освящаютъ молитвою церковною самое орудіє казни враговъ своихъ — «ножі» и уже

(1) Мы имѣемъ ввиду одинъ напечатанный произведенїя Шевченка. . . .

«съ священнми гуляють....» Предводитель ихъ, Гонта, налагаетъ руку на собственныхъ дѣтей за то, что они католики, и — мы не можемъ безъ содроганія читать тѣхъ сценъ, гдѣ изображается борьба двухъ противоположныхъ чувствъ въ героѣ — любви отца-христіанина къ дѣтямъ съ ненавистью къ врагамъ-католикамъ? (Кобзарь, стр. 208 — 216). Но, можетъ быть, поэтъ, воспроизводя прошедшее народной жизни, не ищетъ сочувствія къ нему, а относится безразлично? О, нѣтъ:

.... згадаешъ—

Сѣрце усміхнѣтца,

говорить Шевченко, при взглядѣ на прошедшіе подвиги народа (стр. 168, 169). Но тотъ жестоко ошибся бы, кто сказалъ бы, что поэтъ сочувствуетъ не чему нибудь другому въ герояхъ прошедшей народной жизни, а этой крававой расправѣ ихъ съ Ляхами и Жыдами. Поэтъ прямо и ярко высказывается, что въ его сердцахъ лежатъ нынѣ истинно-христіанскія чувства, а не кровная месть:

.... за вiщо,

За що люде гинуть?

Того жь батька, такі жь діти,

Жити бь та брататьця,

Ні, не вмiли, не хотiли,

Треба розъеднатъця!

Треба крови брата, крови,

Бо задро, що въ брата

Е въ комбрі и на дворі

И весело въ хаті.

«Убьѣмъ брата! спалимъ хату!»

Сказали и — сталося.

Все бь, здабгця; ні, на кару

Сироти zostалися.

Вь слізахъ росли, та и вiросли;

Замучені руки

Розвъззалися — и кровь за кровь,

И мѹки за мѹки!

Болить сѣрце, якъ згадаешъ:

Старіхъ Славяніхъ діти

Впилися кровью, а хто вiянепъ?

Ксєндзі, езуїти! (стр. 182).

Поэтъ сочувствовалъ своимъ героямъ не за ихъ кровавыя расправы, а за народно-христіанскую идею, одушевлявшую ихъ. Облечь эту идею въ иную форму поэтъ, конечно, не могъ — безъ противорѣчія истори-

ческой истинь. Правъ и чистъ не одинъ поэтъ; мы не можемъ осуждать и самыхъ героевъ его: ибо можно ли было дѣйствовать иль иначе въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ?... Не герои виноваты, а »ксайдазъ, езуітѣ«, Польша, съ своимъ римскимъ католицизмомъ.....

Въ исторіи »Наймички« поэтъ рисуетъ черты народной жизни, относящіяся къ прошедшему и современному быту народа: но не забыты и черты религиозныя. — Героиня разсказа ходитъ въ Кіевъ «усишь святимъ поклонитись» и изъ Кіева приносить своимъ домашнимъ нѣкоторые священные для нихъ предметы — »шашочку зъ Ивана святого и перстеникъ одъ Варвары;« дома, въ ожиданіи своего Марка, долго не возвращающагося »изъ дороги,« она собирается

»Акаѳистъ нанѣти
Миколаєві святому
Ї на часточку дати,«

а въ послѣдніе минуты своей жизни, она тихо говоритъ: *Отче нашъ.....*

Шевченко влагаетъ въ свою поэзію элементъ религиозный не только тогда, когда воспроизводитъ жизнь народа—прошедшую или современную, — но и тогда, когда его собственная душа волнуется и кишитъ тѣми или другими мыслями и чувствами. Воспомяная, въ чужой сторонѣ, свою милую родину — предъ тѣмъ временемъ, когда

« надворі
Наступає свято,«

т. е. праздникъ Рождества Христова, Шевченко съ глубокою сердечною скорбію говоритъ о томъ, что

« завтра рано
Заревуть дзвіниці
Въ Україні; завтра рано
Зберутьца молятись
Люде добр. . . . «

а здѣсь — на чужбинѣ

. . . . завтра рано
Завіє голбдний
Звір въ пустині, та повіє
Ураганъ холодний
И занесє снігомъ білимъ
Курінь, мою хату....
Отгакъ мені доведѣтца
Свято зострічати! (Хата, стр. 78.)

Но и въ этой далекой и негостеприимной сторонѣ, поэтъ-христіанинъ,

»свої думи тяжкі
И сѣрце убѣге
Заховавши, ходить собі
Та моли́тця Бѣгу« (тамъ же)

Неволя, тягчайшее изъ бѣдствій человѣка, не вырываетъ у поэта ропота на Промыслъ, напротивъ —

» А я, вѣсьню, въ невѣлі
Помолюся Бѣгу,« (стр. 83.)

говорить поэтъ, и, возводя очи къ небу, обращается къ «зарѣ — другу своему», чтобы она «рассказала Бѣгові» о его тяжелыхъ думкахъ (стр. 68). Или, сравнивая прошедшую-бурную судьбу Украины съ настоящею, когда «все замѣкло....» поэтъ замѣчаетъ: «такіа Бѣжа воля!»

Мы сдѣлали бы большой пропускъ, если бы, говоря объ участіи религіознаго элемента въ поэзіи Шевченка, не сказали о его переложеніи «Псалмовъ Давидовыхъ» съ церковно-славянскаго на украинскій языкъ. Много болѣла душа поэта по многиямъ причинамъ.... и изливала свое горе въ тѣхъ звукахъ, которые вылились изъ скорбной души древняго библейскаго пророка. Не всѣ звуки пророческой поэзіи облакаются у поэта нашего въ родную рѣчь его, но только тѣ, которые отвѣчаютъ настроенію души его. Таково всегда отношеніе истинно-великаго поэта къ произведеніямъ другихъ (какъ и вообще къ окружающему міру); онъ не рабски копируетъ ихъ въ своей поэзіи, а относится къ тѣмъ изъ нихъ, которыя прямо совпадаютъ съ его душою, которыя составляютъ часть его собственной поэзіи.... Это совпаденіе такъ велико у Шевченка, что не знаемъ: кто болѣе вызываетъ наше сочувствіе — древній ли пророкъ, или поэтъ, подражающій ему..... Приведемъ одинъ, LIII, псаломъ: онъ такъ живо напоминаетъ жизнь поэта.....

»Бѣже, спасі, суді мене
Тя по своїй волі.
Молюсь, Гѣсподи, внуші імъ
Усть моіхъ глаблї!
Бо на дѣшу мою встали
Сїяни чужї,
Не зрять Бѣга надъ собѣю,
Не знаять, щѣ діють.
А Бѣгъ мїні помагѣе,
Мене заступѣе

И імъ правдою Своєю
 Вертае їхъ злаа.
 Помоліюся Господеві
 Сърцемъ одинокимъ,
 И на злихъ моіхъ погліну
 Незлимъ моімъ окоємъ.»

Заклучимъ наши выписки изъ поэта величественною картиною, которую Шевченко рисуетъ красками, взятыми изъ Библіи, — когда въ посланіи къ Шафарыку, главному дѣятелю возрожденія Славянъ, онъ изображаетъ життельную дѣятельность его въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ нему:

И Славянъ семью велику ...
 — —
 Перелічивъ до одного,
 Перелічивъ трѹпи —
 Ане Славянъ — и ставъ-есѣ
 На великихъ кѹпахъ —
 На росцѹтти всесвѣтнѣму —
 Іезекилемъ...
 И — о дѣво! — трѹпи встали
 И бѣи розскрѣли!
 И братъ зъ братомъ обняліся
 И проговорѣли
 Слово тихой любви
 На віки и віки!

Такимъ образомъ, во всѣхъ родахъ поэзіи Шевченка, элементъ религіозный ярко видѣнъ. Этимъ мы не хотимъ сказать, что поэзія Шевченка есть поэзія религіозная: въ такомъ случаѣ мы приписали бы поэзіи Шевченка (вопреки всякой истинѣ) исключительность и лишили бы еѣ той полноты, какая свойственна поэзіи всѣхъ истинно-великихъ поэтовъ. Нѣтъ, мы хотѣли сказать только то, что въ поэзіи Шевченка есть и элементъ религіозный.....

О, еслибы истина религіозная такъ всегда была близка къ жизни народа! Намъ не нужно ни средневѣковаго фанатизма, ни схоластицизма, занесенныхъ къ намъ Богомъ-знаетъ откуда..... Мы съ любовью останавливаемая на служителейъ вѣры, когда они, какъ въ поэміи Шевченка (¹) одушевлены тою же народно-религіозною идеею, какъ и окружающій ихъ народъ; но нельзя безъ отвращенія смотрѣть на такія лица, какъ

(¹) См. »Гайдамаки« проповѣдь благочиннаго, »Кобзарь« стр. 164

монахъ Климентій, украинскій стихотворецъ XVII в., у котораго рука-объ-руку идутъ, съ одной стороны, нестерпимый фанатизмъ и схоластицизмъ, съ другой—грязный цинизмъ, возмущающій всю душу! Странное примиреніе! Впрочемъ, изъ уваженія къ достоинству религіи и достоинству человека, мы готовы думать, что лица, подобныя Климентію, составляютъ меньшинство. Иногда недостатки общества, долго таившіеся внутри его, отъ тѣхъ или другихъ причинъ начинаютъ вывѣляться наружу и скопляться въ одно какое-нибудь мѣсто: тогда появляется одно или нѣсколько лицъ, въ которыхъ сосредоточиваются эти недостатки, какъ въ фокусѣ. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ Климентій и ему подобные. Но чѣмъ сосредоточеннѣе болѣзни общественнаго организма въ одномъ какомъ мѣстѣ, тѣмъ свободнѣе отъ болѣзней прочія части тѣла: значить, появленіе такихъ уродливо-болѣзненныхъ лицъ, какъ Климентій, — признакъ того, что у насъ есть надежда на исцѣленіе...., что скоро такихъ лицъ вовсе не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не видитъ теперь недостатковъ того направленія, которое обнаруживается въ поэзіи Климентія! Пусть же религіозная истина не извращается и не отгоняется отъ народнаго сердца схоластицизмомъ и фанатизмомъ, а проникаетъ въ него чистою, живою струею; пусть она не заключается въ мудренныя книги, а старается сблизиться съ жизнію народа, станетъ нашею родною истиною. Примѣръ для всѣхъ насъ — основатель нашей Вѣры: нѣтъ истинъ ближе къ нашему сердцу, какъ святая и чистая истина Евангелія.... Пусть же получаетъ и почерпаетъ нашъ народъ и истину изъ Евангелія. Оно же недавно и перевено на великорусскій языкъ, который всё-таки понятнѣе для Малоросса, чѣмъ церковно Славянскій. Но не пора ли подумать объ изданіи перевода Евангелія на языкъ Украинскій....

Г. Т.

5 марта 1864.

№ 10. С. п. 6.

ЛИСТІІ СЪ ХУТОРА

ЛИСТЪ ІV.

ПРО ЗЛОДІЯ У СЕЛІ ГАКІВНИЦІ.

Дивуюцца, кажэце, добродію, люде, що десь на хўторі про Тарасову смерць не згіршъ одъ городянь письмєннихъ метвкўють, а ми дивуємось тымъ городянамъ, що, якъ скаже нашъ братъ пўтне слўво, то вони й роті пороззявляють: дивісь, мовлявь, прўстпй чоловїкъ, а говўрїть розўмно! Коли хочетє знати, добродію, то се *намъ* на-дивовїжу, якъ тамъ по городахъ люде не позабували говўрїти и обертаітїся по-людськїй. Початокъ и кўрїнь городяинства zostавсь у хўторі, то, здастца, тутъ бп трєба й шукати оснўви всякої сирави городяньскїой, тутъ бп шукати й праведного розўму всякої городяньскїой устанўви. Коли ви не цураєтєсь мого писанья, то я вамъ дє-що оповїдаю, щў мнї на вїкў бачпти й чўти лучалося. Мўже, зъ оповїданья бїльшъ дорозумўетца ваша городяньска грўмада, аніжъ изъ моєї хўторяньскїой фїлосўфїї.

Згорїла вь насъ у селї, недалєчко одъ мого хўтора, цєрква. Селяне й прїшлїї до мєне вь пасїку: »Добродію, потурбўїтєсь на послўгу грўмадї, обїдте зъ нашимъ тїтаремъ сєла, чи не знайдете людєй побўжнихъ, щўбъ допомоглї цєркву збудувати.

Ви жъ бо такі всюди бували, усякихъ людѣй знаєте, то, за вашимъ приводомъ, и титарь нашъ краще справитця.»

Ну, коли вамъ правду сказаѣти, то въ насъ по хуторахъ люде не дуже-то звикли про церкви дбати. Байдужѣ намъ, хуторянамъ, про церкву; а селяне, то тѣ вже кажутъ: «то намъ не хвала, якъ у селѣ церкви немає», а городяне, то ажъ золотомъ верхі побивають. Ну, коли жъ хочете знати, то въ насъ по хуторахъ до зорявого неба, або вранці до схидъ сонця, на росі, люде щиримъ серцемъ моляця, а йнший батько дитѣй краще відъ попа навчає. Та дарма: що намъ про те зъ селянами широко ричъ розводити? Треба, такъ и треба церкву. Чомъ не послухати громади? Я такої чоловікъ думки, що громада — всюди великий чоловікъ. И тоді вона була великий чоловікъ, якъ ище наші предки у житяхъ та по-надъ річками въ дубровахъ Богови молилися, и тоді, якъ почали молилися по-грецькій, и тоді буде великий, якъ поклонятця Богу духомъ и истиною, занедбавши Ерусалимъ. Инше, мабутъ, не можна, якъ такъ, у исторіи, бо колибъ можна було, то певно громада йншимъ би рббомъ собі пийшла. Ото жъ я такъ и про селянъ, моїхъ сусідъ, у серці своєму помисливъ, а имъ того марно не виявлявъ: на що? »Добре», кажу: »що громаді, те й бабі.»

И ото зібрались ми съ титаремъ, сіли на візокъ, потуркотіли. Часъ бувъ такий, що люде на весні пообъорювались, а косовиця ще не починалася, то мині хочъ би въ пасіці й треба бжолі догледіти, та въ мене е такий дідокъ про се, а на косовицю ще до господи встигну. Весну давъ Господъ на той рікъ ясну: ажъ нахляємось, ідучи попідъ садами; біле віття по виду займає, запашною росюю кронить.

Титарь — чоловікъ побожний и трішки притаманкуватий — каже:

»Се насъ, добродію, ангели білими крильми обвивають; се вони на землю поспускалися и садовину мовъ лебеді всю вкрили.»

— »Такъ, такъ, Пётре!« кажу (а ёго звали Петро́мъ). Любе мині було те серце тихе та сояшне въ того дідуся старенького. »Сє», кажу, »ангели людѣй у рай заманюють.« Та ще й додавъ ёму зъ свого розуму: »Не живѣ,« кажу, »чоловікъ на світі безъ високої думки про якийсь миръ, кращий одъ нашого. Ся», кажу, »думка свята одъ землі ёго підіймає и зникѣннати не дає ёму.»

По городяхъ, Пётре, міжъ товариствомъ блискучимъ є такі люде, що про корясть та набутокъ байдуже, а все кудись далеко за край світа зазирають и такє людянь оповідують, що хіба тільки въ гърному сні приснітця. Тихъ людєй, Пётре, поэтами велпчяють и до робѣти нї до якої їх не змушують, и у всємъ имъ погурають, бо вони городянамъ не дають усїмъ пождиовити.«

Киянє мнї Петро сйвою чупрїною, а самъ ажъ гоову хїлнть, прислухаючись до соловєйка, що въ томъ пїшньому цвїті, у тїй садовнї запашнїй голосною лунною розлягаєтця: єму тамъ ангельскї спїви здаютьця, и все собї шєпче: »святъ, святъ, святъ«, мовъ той вїтерєць попїдъ густїми вєрбами.

Залюбкї ми громадї прислужїлсь, мовъ де въ гостяхъ у якогось ласкавого, несказанно щєдрога пана побували: травп всюди вже флїюютьця; рїчкї, ставї, озєра стоять уповнї, яснє нєбо зъ веснянїми хмарками въ нухъ виглядаєтця, дїтвѣра весєла золотїмъ воосомъ на сонці тобї свїтнть, — и свою малєчу згадаєшъ, и на сєрці тобї тїхо и якось смутно, и знявь бл, та пї полетївъ, спїваючи, по-надъ землєю.

Тільки вже, якъ вертались додому, почали ми трївѣжитись, якъ би громадського скарбу не втеряти, бо — вїдомє дїло — городї багато такїхъ людєй порозводили, що, мовъ вовкї, въ сєрці тільки хижацтво мають. Заночувати въ полї — страшно. Ато ми знай було въ полї ночуємо. Ну, вже жъ и паша стала не вильна: почали хлопци на вошлїги по толокахъ тільки ставати. А тудї їхавши, ми було такъ прилажуємось, щобъ свої конї міжъ чужї пустити: тамъ уже, звїсно, вартя чергуетця — не вєрадуть. У насъ, бачте, по сєлахъ міжъ хлопцями вошлїжниками давнїй козацькїй звїчай. Ватага спить на обротяхъ та на шапкахъ, головами докупп, а одїнь вартуї. Якъ же який гурть убєзпєчнтця та вклатєтця увєсь спати, то гляди — зъ ишого табурица прискочить, та пї поволочє когѣ схоче до Ерусалїму. Вѣдѣ-то, колї хочете знати, страшнє забавка въ хлопцїв тої Ерусалїмъ, а про-тє батькї за совалївихъ дїтєй не вступаютця. »Нехайк, кажутъ; «козацькїй звїчай знає.« До Ерусалїма въ насъ їздятъ отъ якъ: скрўтитъ пзъ таволги петельку, на погн сонному пакїне, конєві до хвоста привяже, скочивъ ѳхляпъ — гайда по полю! и до-схочу тимъ гєрцемъ у чїстому полї тїшитця, що въ бїдолхп и спїна пї потїлиця облїзе. Оцє въ насъ звєтця до Ерусалїму

іздатн. То ми вже були безпечні, де була вартя: не пропадуть наші коні між господарськими, та й до скрбн лнхій чоловік не підкрадетця. А теперъ уже й моторошно самимъ у полі стояти; бо дідусь мій, титарь, и гóлосу гараздъ не одведе, не то що. Вінъ тільки на те мині въ дорóзі й здався, що якъ уви́демо було до госпóди, то вінъ съ тарілочкою — сівий якъ голубъ, борідка біленька, кучерявенька, самъ тихесенький, лагідненький такий! такъ тутъ уже господарь и госпóдннн не пожалюють и остáнню копійку на църкву подати. Отъ и почали ми съ титаремъ обночóвуватись уже по людськнхъ госпóдахъ, — добрі люде всюди на ніч пускали.

Оце жъ разъ надъ-вечіръ уїхали ми въ село Гаківницю. Гарне село козаче. Ставъ такий, що по тімъ бóці тільки чути, якъ ячя́тъ гúсп, а дитей на березі и не розгледншь; верби далекі ажъ пмла сннн поннлá, нáче въ великому лúзі за Порогами. Църква старосвітська, що щé-то ті люде будувáли, котóрі въ піддáшняхъ та въ ганкахъ, та въ балясахъ кохáлися. Теперъ тобі збудуе църкву або дзвннцю — стоить якъ штнль, мовъ швáйкою въ хмáру кóле; а що старосвітські наші църкви, то любо й поглянути. Вікóнца скрізь обмерéжені та позакруглювані, а якъ дé, то нáче квнтку тобі на писанці введе, ажъ жаль берé, що те старé-незне древо мóхомъ проросло, вітромъ та дощémъ обкрншуеця та трóхне. Підъ вікóнками гонтовий дахъ навкругн църкви и навкругн мерéжані, вирнзувані піддáшня. Тільки скрізь грáти лéд-вe-лéдвe нпзові вкна мрнють. Заднвнсьн на таку църкву, загадáесся: де-то люде тні на спочнвокъ повкладáлися, що докупн підъ тнмн гóнтами зеленáстнми збірáлися!... Оттакá жъ була църква въ тій Гаківниці, въ томú селі великому козачому. Гарне село. Усé майдáни та шпрóкі узбернжнн на верхнвьяхъ тогó стáву величénного. Роскннулось по волі: есть де й днтямъ погуляти, и днвчáтамъ у хрещика побнгатн, и парубкáмъ, лнцáючись до днвчннн, протнвъ мнсяця постóяти.

Отъ, вбнрали двóрпкъ весéлий зъ морнжкóмъ, прбснмось обночувáти. Молоднчка протнвъ чередн внйшла. »Не мóжна«, кáже, »люде добрі.«

— »Чомъ не мóжна?«

»Такъ«, кáже, »у насъ не мóжна ночувáти.«

— »Де жъ намъ, голубко, съ кнньми поднтнсья?«

»Ідьте, каже, люде добрі, до злодія.«

— »До ко́го?«

»До злодія. У злодія васъ пúстять на́ нічъ.«

Сказала, та й кинулась своїхъ овечать займати.

Зглянулись ми зъ дідусьмъ: що се за двовижа така? скільки світу проіхали — всюди намъ була одъ людей шаноба, а тутъ, глянь, до злодія насъ одсилають на́ нічъ!

Проіхали ще дворівъ зо́ два; зновъ такий двіръ вибрали, що й до водопою не далеко, и веселенький, чистий, вёрбамн зъ ўлиці понахíлланий. Витаємось изъ дідомъ (дідъ за воритьми сивий сидить у старому кожушкú; дитину на рукахъ, укóривши въ полі, голубить, коло ёго хлопять и дівчатокъ кúпець). Прóсимось на́ нічъ.

»Ідте, каже, люде добрі, до злодія, а тутъ васъ нігдє не пúстять.«

Що за повітря! дúмаю собі.

»Чомъ же не пúстять?«

Не говіривъ бувъ дідъ, кивнувъ головою. »Не пúстять«, каже.

»Въ насъ нікого не пускають.«

Що жъ се зъ нами, Господи, дітця? дúмаємо собі. Одъ злодівъ усю́ дорóгу остерегáлися, а тепєрь би то до злодія ночувати заіхати!

Ідемо по селу́. Вже й коненята наші ржуть озирáючись; спочинку бажáють. Стрели молодіцю зъ відрами, въ неї питаємось.

»До злодія«, каже, »заіждáйте: тамъ вамъ бóде гараздъ.«

»Та побійся ти Бóга, душє спасєнна: якъ такі́ доброму чоловікові въ злодія ночувати?«

А вона підтупцемъ переходить намъ дорóгу впóвні, спасібі їй, та тільки рукою на край села махає. »Тамъ«, каже, »всі́ ночують.«

Мáбуть, вечерю хапáлася варити — ніколи съ подорóжніми розмовляти.

Що за напáсть така?

»Діду Пєтре!« кажу́ до свого титаря. »Сповідáйся, кажу́, мині, чи, нема́ въ тебе яко́го грíхá на душі: мóже, въ трєте женітиси надúнавсь?«

Шуткúю, а на душі я́кось ажъ сúмно, що куді́ се ми протівъ-ночи заіхали? мiжъ які́ се ми люде заіхали, що до злодія спрoвáджують на́ нічъ?

Стоімó, вже й не ідемо; стоімó середъ майдáну. Ажъ тутъ ко-

сáрь косо́ю проти́въ кра́сного за́ходу крі́зь ку́ряву, що череда́ пройшла́, світити́. Підожда́ли по́ки наді́йде, жалку́ємось, що отта́ка й така́ річъ.

А чолові́къ, зда́ється, до́брый, неглу́мливий. Осміхну́вся. »Та і́дете, ка́же. »Чого́ ви боїте́сь? Вамъ тамъ бу́де до́бре. Нігде́ на все́му селі́ кра́ще не бу́де.«

»Де жъ той злоді́й у васъ живі́ть?»

»А отто́, ка́же, »на рі́жку коло́ ца́рпни є́го дві́рь. Онъ«, ка́же, »верба́ черезъ усю́ до́рогу зъ дво́ра перегну́лась и зъ дру́гою вербо́ю навпроти́въ ви́йшла́ся. Отто́ й злоді́й у насъ.«

Здвигну́ли ми плочи́ма, зспри́улися.

»А руша́йте, ка́же, »добро́дію!«

Ну, вже ко́ли тита́рь не бої́ця въ злоді́я вочува́ти, то що́ вже тутъ? Ру́шпц, надблї́жпльсь: дві́рь га́рний, зе́лений, на узгі́рї; у дво́рі ха́та чепурна́, висо́ка, білпмъ причі́лкомъ на ўлпцю зпідъ вербо́й, мовъ молоді́ця світло́о́ка, дівитця. Коша́ри въ дво́рі, по-ві́ткї, все га́рно покрі́вано, хме́лемъ та гарбу́зїннїямъ зъ горо́ду повпло́ся. Тутъ и коло́дязь підъ вербо́ю коло́ ворі́тъ, и ворота́ настї́жь очпнені́. Ко́ни самі́ такъ и поверну́ли. Ну, се хоро́ша прикме́та.

Уі́здпмо, ажъ сей злоді́й спр́авді́ господáрь багáтпй. Во́лі сто́ять у за́городі́ га́рні, впвозні́ї, такі-то, бачъ, що хочъ яку́ парові́зцю сбли́ черезъ дрючо́къ зъ мї́сця ру́шпц бъ⁽¹⁾. Свпне́й зъ де́сятко́въ у вели́ке корі́то повла́зли. Молоді́ця га́рну коро́ву до́їть. Усю́ драбі́ну на ха́ту засі́ли пндї́кп. Вї́дно за́разъ, що го-сподáрь хоро́ший.

Роздпвля́ємось мп, ажъ до насъ пзъ ко́мори́ чолові́къ впході́ть, на впду́ чепурні́й такі́й.

»Здорóві́ лю́де до́брї!« ша́пку проти́въ насъ пздї́ймае. »Ночува́ти заї́хали? До́бре, почу́йте зъ Бо́гомъ. У насъ простóро.«

Такъ лї́бо та лагі́днєнько до насъ говóрпть; и молоді́ця зпідъ коро́вп весє́лпмъ о́комъ на насъ озпрпну́лася. Дї́ти повпбі́гали зъ сї́ней; кучеря́ві такі́, повнові́ді. Все бъ воно́ такъ до ладу́, що

(¹) Якъ набі́рають сї́ль, на соляні́х о́зєрахъ, то накла́даї якъ хбчешъ ма́жу, абї́ парою зъ мї́сця ру́шпвъ. Ха́взпнъ дрючо́к підъ ко́лєса підкї́не, щобъ не такъ-то лє́гко ру́шптп. Отъ прото́ї-то случа́ї держі́ть чума́кї до́бру па́ру *свпозні́хъ* во́лївъ, що по́тїмъ одну́ ма́жу на два и на три во́зп пересп́ають, у до́рбгу.

й Господи, а намъ ялось ніяково: що куді се ми заіхали? Ще зъ-роду въ злодія не ночували; та ми звикли злодія п на селі обходити.

Отто вже я зляжу зъ во́за, а чоловікъ ужé й коней розгнудує. »Не турбуйтесь«, каже, »дядьку, я вамъ и повипрягаю коні и напою. Прошу́ в́ашої ласки вступити до господи.«

»Та ми«, кажемо, »спасібі вамъ, и тутъ переночуємо. У насъ есть изъ собою й харчъ.«

— »Та що се ви, Господь зъ вами? У насъ, якъ и двір стоить, свої харчі ніхто ще не ївъ. Не погордуйте, богаю«, та ажъ кланяється.

А чоловікъ статечний такий, моторний. Намъ и соромъ вимовляється, та якъ же ёго й покинути усé на во́зі?

»Я«, каже, »все за вами и знесу, хочъ вонó й на дворі въ насъ, нехай Бігъ криє, ніхто чужого не зачепить.«

Коли жъ на порозі стоить старий чоловікъ: придививсь трóхи на насъ изпід рукі. »Та не бійтеся«, каже, »люде добрі: тутъ в́аша й порошина не пропаде. Уступіте, спасібі вамъ, до господи, а синь мій упорає вамъ коней и сіна хорóшого закіне.«

Познімали ми шапки, вітаємо господаря. Вінъ двєри передъ нами въ світлицю одчиняє; дівóра ёму въ по́ли повчплювалася, веселенько на насъ позирає.

Увійшли: світлиця простора и кімната по-старосвітській зроблена: не збóку відгорбжена, а противъ двєрей, якъ по старіхъ будовахъ позоставалося. Образі гарні, все Київської роботи; тіхъ Сўздальцівъ, нема й одного. Вишиваннмъ рушникóмъ покривані, квітками позатикані, голубкі съ папєру вісять, писанкі передъ образами; все такъ, якъ у добрихъ людéй.

Посадивъ насъ господарь у стóлу, росперізуватись прóспить, шапки наши, поясі на кілóчкахъ повішавъ. А тутъ и скриньку зъ нашимъ скáрбомъ синь ёго внієть и на лаві гарненько поставивъ.

Ми вже такъ якъ малі діти, ні до чо́го й не міпаємось.

Заразъ внієть господарь и съ кімнати тарілку меду гарного, хліба покраявъ передъ нами, рушникъ закінувъ намъ поза стóломъ, достає съ полиці чáрку й кувбўшечку поливіну, по чáрці намъ наливає и самъ до насъ звичайно випивъ, и такий же то чоловікъ увічливий, що хочъ куді. Та намъ усé ялось ніяково.

Поглянемо по собі, та й годі; дідусь тільки свєвєнькі кучері свої пригладжує.

Випили, закусили трóхи; náче й повеселішало намъ, а все не йде зъ думки, що де жъ оцє намъ Господь привівъ ночувати?

Господарь по другій прóсить, самъ припиває. Трєба намъ випити й по другій.

»А по третійє, каже, »за вечєрею. Ось моя невістка впрóра-етця, вечєрати намъ дасть.«

Тó про се, тó про те зъ нами говоритъ, и такий вінъ чоло-вікъ пріязний и розумний, що ми тільки плечима здвигаємо.

Дáлі я кажú: »Панє господарю! вибачтєє, кажú, »що я вь васъ поспитáю.«

»А що такє вашій ласці завгóдно?»

— »Та тутъє, кажú, »вь васъ люде якісь чудні; чи вони на васъ ворогують, чи Богъ їхъ знає; и вже й не знаю, якъ вамъ и сказати.«

А вінъ засмієтця та й каже: »Знаю, знаю, щó вь васъ на язи-ці вертїтця. Нїхтó не пустивъ васъ до сєбе на нїчть?»

»Эгє жъ, добродію.«

— »Ідтєє, кажуть, »до злодія, такъ?»

»Та вже жъ нехай бóде й такъ, бо й справді такъ говорєно.«

— »Гєє, каже, »отó жъ вони й знають, щó говорять: я й справ-ді злодій.«

Ми ажъ стрепенулись. »Що се ви? Господь зъ вами!«

»Не турбуйтєсь, люде дóбрї, годуйтєсь на здоровья, а я вамъ розкажú, щó вонó й якъ. Ось слухайтєє.«

Та й почавъ розказувати.

»Зоставсь яє, каже, »пїсля бáтька-мáтери у сирїтствї, слу-живъ по наймахъ. Вже й парубокъ зъ мєне, а чужї, мовлявъ, во-лії пасучї та чужї возї мáжучи, не багáто придбавъ. Немá зъ мєне чоловіка; бурлака я вь свїті безрїдний. Чи такъ же мнї й вїкъ звїкувати? думáю булó собї гїрко. Коли бъ мнї хочъ на парó воликівъ розгóрити, то бъ я собї сякъ-такъ росталанивъ го-сподарствєчко. Такъ щó жъ? чи зарóбишть якого цїлкового — на подúшне йде, одєжинку трєба про свáто справити, бо господарь одєжи не дає про ирáзникъ, тїльки про бóдень. То — господарь, не бáтько: єму абї грїшне тїло не свїтїлось, та й робї. А трєба жъ и мїжъ люде, до цєркви, чи на майдáвъ до дївчáтъ вийти. Такъ я

собі не живу, а бідую. Що на мнї, то й усєго въ мене. И жени-тись мнї, якъ добримъ людемъ, не приходитця. Ужє й такъ дівчата, жартуючи, мнї приспівують:

»Он гультаю гультаю,
Чогось тебе спитаю:
На що мене свѣтаешъ,
Коли хати не маєшъ?
Збудуй свою зъ лободї,
А въ чужю не веди.«

Знаєте, дівчача натура: шуткуючи, усю правду тобі віспивають; и одспівуватись нічимъ; стїснувши себе за сєрце, одїйдешъ та й годї. »Божє жъ мій!« думаю, »що мнї діяти на свїті? Хочъ би мнї або вкрасти де, або-що, чи не розжився бъ я хочъ трохи?« — Якъ почавъ, якъ почавъ такъ думати. »А що жъ? украду!« — Отъ, надумавшись, приходжу до свого господаря. »Спасїбі вамъ, пане господарю, за хлїбъ за сїль и за добру науку. Не хочу вже я въ васъ бути.« — »Що ти, Дмитре? чомъ не хочешъ?« — А я, знаєте бувъ парубїка трудящий и тверезий, то господарь мене дуже вподобавъ. »Такъ«, кажу, »роцїтайте мене, пїдїуже я одъ васъ.« — »Куди жъ ти пїдешъ?« — »Та вже мнї-то про те знати. Годї вже мнї чужї волї пастп!« — Ну, господарю нічого зо мною робити, роцїтавъ мене, відпустївъ. Якї грїши мнї впадали, я въ єго зоставивъ. »Я«, кажу, »вїзьму їхъ опїсля; нехай вони въ васъ бїдуть.« — Узївъ пїдъ повїткою вижечки старєнкі, змотавъ, свїтку на плєчи, сакївкї взявъ пєсь хлїбомъ, пїйшовъ собі зъ села. Було вже надъ-вечїрь. Пїки ввїдїшовъ я верстє изъ десятокъ, зовсїмъ стємвїло. Назїривъ я въ полї — огнь кладуть хлопцї, ночують; вартувати не звїкли, зразъ и вїдно. Пїдождавъ; пїки вклатїтця спати, сь тихъ вижечокъ поробївъ обротї. Упавъ навкїлїшки, звївъ на небо очї. Зоряве небо миготїть. Хотївъ молїтись, та й молїтви не добравъ, тїльки заплакавъ. У полї тїша, роса блищїть по зорї, конї пасучїсь пїрхають. Мїсяць почавъ изиходити; рогомъ у зємлю вперся, пїдїявъ угору. До мене кїнська тїнь досягає. Такъ мнї здалось тодї, наче Богъ надо мною змїлувавсь, а на сєрцї така смїливість, що и въ пєкло полїзъ би, не то-що. Обїдїшовъ я коней, вїбравъ, которї найкращї. Пїра гїрнихъ коней пасєтця, укїпї спїтанї. »Нї«, думаю собі, »се одного господаря конї; не

треба ёго дуже обіжати.« Роспўтавъ тільки одного, а друго́го зъ друго́ї па́ри ви́путавъ. Хло́пці хрону́ть; не бо́йтця Ерусали́ма: ще не про́учені. Понадіва́въ я на ко́ней оборо́ті, сівъ, свісну́въ, — тільки зо́ри всі́хнулися. До світу незна́ть де опини́вся. Пе́редъ світомъ забра́въся у гу́щину, потрино́живъ ко́ні, пусти́въ; са́мъ прина́въ підъ ку́щъ; віспа́вся до́бре; поспи́давъ, що́ бу́ло въ са́ківка́хъ; пайшо́въ во́ду, напои́въ ко́ней; га́йда́ да́лі. А бу́ла въ ме́не така́ вда́ча, що́ іду́ и но́сомъ чу́ю, куди́ веде́ доро́га. Зъ-ро́ду бу́ло не заблу́жу. Якъ разъ у я́рмарокъ утра́пивъ. Я та́кі й зна́въ, що́ въ та́кому й та́кому місто́чку бува́е у ту по́ру я́рмарокъ. Хожу́ собі по база́рю, ко́ней во́жу, мовъ спра́вді́ оте́цький синъ. Вже́ я на що́ нава́жусь, то́ мні́ все ба́йдуже.»

Оттаку́ нашъ господа́рь розві́въ істо́рию. Ми́ зъ діду́сомъ тільки́ згля́дуємось. Ве́чіръ насу́пився; кукури́кнули на са́дали півні. Молоди́ця сві́тло внесе́ла, низе́нько на́мъ уклони́лася. Господа́рь хре́сть на се́бе положи́въ, ве́черять зве́лиъ подава́ти. Бо́же жъ ми́й, що́ се за чолові́къ та́кий? думаю́ собі; а вінъ, прогорну́вши ўсп, да́лі опові́дуе, и та́кий у ёго по́глядъ ти́хий и весе́лий, — якъ же ёму́ злодія́кою бу́ти? Ще́ проти́въ сві́тла ви́різали́сь морщи́ни на чо́лі и ўста́ оживи́лися, то́ мовъ ка́зань у це́ркві на́мъ ка́же.

»Хожу́ я«, ка́же, »по то́му я́рмарку. За́разъ Жидкі́ мої́х ко́ней назі́рили, що́ до́брі ко́ні, поча́ли торгова́ти; збу́въ я тихъ ко́ней карбо́ванці́въ за шість-деся́ть, бо́ й спра́вді́ ко́ні до́брі бу́ли, завяза́въ гро́ши въ ху́стину, пі́йшовъ собі́ зъ села́, на́че до́бре ді́ло зроби́въ. Со́нце са́ме заходи́ло, якъ́ я ви́йшовъ. Я́рмарко́вимъ пі́ломъ по́ле затума́нило. Та́къ на́че тепе́рь стою́ и се́редъ зеле́ного по́ля и дя́кую Бо́га, а со́нце ни́жче, ни́жче запа́дає, кра́снимъ про́менемъ бью́чі по лева́дні́х ве́рбахъ, по ві́тряка́х кри́латихъ, по висо́кихъ моги́лахъ. Мовъ́ я на Бо́жий сві́тъ наро́дівся, мовъ́ упе́рше побачи́въ, якъ́ со́нечко за зе́млю кри́етця и Бо́жа роса́ хо́лодомъ по́ полю́ ді́ше. Стрепе́нує́ся я, мовъ́ той птахъ, и степо́мъ на Кри́мськи́й шля́х дві́нує́. Ро́зуму́ я зъ-ро́ду не пози́ча́въ ні́ въ ко́го. Оберну́въ ся́къ-та́къ свої́ гро́ши, — верну́вся въ-осе́ні до́дому́ съ парови́цею со́ли. Тутъ́ уже́́ й дівча́та го́ді мні́ гу́льта́я присці́вувати: вже́́ въ ме́не сві́й дві́рь, сво́й ха́та. Одру́живъ́ся я, пони́въ собі́ дівчи́ну-господа́рку: не погорду́вали́ мно́ю лю́де хоро́ші́ — оддали́ зъ га́рнимъ ви́номъ. Отъ́́ уже́́ ми́ й

живемо, вже въ насъ и дітки; добрі люде насъ знають. Тільки все мині кортіть, якъ би ще пару воликівъ придбати. Думаю: »Господи! ти мене закрий одъ людського ока: закрий мене ще разъ! нехай я буду господаремъ, якъ и всі люде.« — Иноді й середъ поля стану — молюся, голосно середъ поля слово здійму до Бога, ажъ сѣмно мині стане, и наче хто ззаду въ мене всміхастця. Довго такъ я наважувавсь, далі зновъ у серці сміливість така, одвага така... зновъ не боюсь нічого въ світі. Добувъ ще пару коней підъ чужимъ селомъ; продавъ — негідки. Що жъ би ви думали? Съ того часу такъ мині й рупить ледяче діло, такъ и трушусь, якъ забачу де безъ нагляду коней попутанихъ. Покріпівсь ищє зъ рікъ, — ищє разъ Бога прошу, ще разъ пійшовъ на здобичъ. Погодивъ мині Бігъ и на сей разъ. Почавъ я вже розживатися. Уже люде якось на мене чудво поглядують, и на серці часами въ мене дуже погано. Було молюся Богови: »Не карай мене, Боже, за мої гріхи ні на мині самому, ні на дітяхъ.« И вже працію було на господарстві, не жалуючи сіли. Люде й бачять, що я тверезий и трудящий и нікого въ селі волосомъ не чіпаю, та мині вже такъ здається, наче вони мене не такъ щиро вітають и чогось пильно мені въ вічи дивлятьця. Уже въ мене старший хлопчикъ підпарубочимъ вірісь: Світлицю навпротивъ старої хати я собі вбудувавъ, и все мині йде въ руку, чи бжолá, чи худоба, у всьому Богъ мені приспоряє, а про-тє наймплійшъ мині було крадене. Держусь-держусь було, та й потягну що-небудь у чужихъ сéлахъ. Було иноді самъ оддасі старцеві сорóчку, а чужє рямъя съ тину знімешъ; ажъ дүшу тобі тягне, якъ розминесся, не занявши. И вже такъ бувъ роздродився на чужє добре, що крадені коні въ мене у загороді по два, по три дні перестóюють, поки збуду на ярмарку. Нічого не боюсь: то мині свято, то мині великдень, якъ щò вкраду.»

Дідусь мій, титарь, ажъ христитця, такє слухавши. Тутъ и молодїця вже подаб вочєрати, и синъ увійшовъ знадвору, до столу сїдає; що одїнъ синъ молодїкъ съ поля пригнався. Не сорóмитця вінъ и при семъї свою óповідь оповідати, що вже я дуже здивувався. Скільки світу я бачивъ, а такє впєрше на віку мині трапилось.

«Добродію!» кажу, «якъ же ва́ша господи́ня? якъ ва́ши діти?»
 — «Господи́ня моя», ка́же, «ца́рство ї́й небе́сне! все же зна́ла
 п діти зна́ли, та що́ ж? сво́є рідне, сво́я кро́вь. Було́ пла́чучи
 покі́йна На́стя про́сить: »Чолові́ченьку, голу́бчику! покінь ти сю
 »ледя́чу ва́ду, себе́ пожа́луй, насъ пожа́луй, люде́й посоро́мса.
 »Вже́ ми́ні парче́вого очі́пка наді́ти стра́шно; вже́ я въ це́ркві
 »становлю́ся по са́мому за́ду, и сві́чку поста́вити ми́ні со́ромъ, и
 »лю́дямъ у ві́чі гляну́ти бо́юся.» — Що́ ж би ви ду́мали? запри-
 сягну́ передъ не́ю, о́бразъ зні́му и поці́люю, а пі́ду въ до́рогу —
 не вте́рплю: хочъ стригунця́ приве́ду до́дому, хочъ плахти́ву при-
 ве́зу, ніби́ купі́въ на я́рмарку. На́стя було́ й пізна́е одъ́ разу, що́
 на́дівана пла́хта, у пі́чъ було́ вкї́не и го́лосомъ го́лосить. И въ
 са́мого въ ме́не се́рце зані́е, а безъ кра́жи нема́ ми́ні життя́ на
 сві́ті. Да́лі вже́ синъ поча́въ за мво́ю на́зпрцемъ хо́дити, не пуска́е
 мене́ безъ се́бе зъ двору́. Було́ вночі́ не сплю, піджи́даю, по́ки
 посну́ть усі́, скра́дююсь, то ві́нъ: »А куди́ се ви, та́ту?» Я й ля-
 жу. Прошу́сь було́ въ ёго́, якъ дпті́на, що́ ми́ні ні що́ не ми́ле на
 сві́ті, тільки́ й мо́го, якъ де́ зда́лека хі́стю засягну́ти. Такъ-то вже́
 ми́ні Бо́гъ да́въ, що́ й ро́зумъ одня́ло въ ме́не и со́ромъ, и зовсі́мъ
 я пропа́щий чолові́к зроби́вся. Ото́ жъ у́жé таю́сь и передъ́ си-
 вомъ, на́че ми́ні й байду́же; ді́ло роблю́, хо́жу до це́ркиви разъ́ у
 разъ́. Угамува́вся синъ, ставъ́ ми́ні по́пускъ по́пускати. Вже́ жъ
 я й посі́вивъ, и унуча́ть ді́ждавъ, хва́лити Бо́га; то й ду́мае —
 неха́й здоро́впй бу́де — синъ, що́ я вже́ скамені́вся и на сво́ю
 се́мью згла́нувся. А въ ме́не ду́мка да́вно засі́ла, стра́шна ду́мка —
 це́ркву сво́ю обі́красти.»

Тутъ у́жé й са́мъ той зло́дій перехри́стився, и всі́ ми, скільки́
 насъ ні сиді́ло за ве́черею, усі́ охри́стия́ся. Зроби́лась ти́ша ве-
 лі́ка. Тільки́ кага́нчикъ трі́скае.

«Тимъ́ я», ка́же, »ї́ до це́ркиви вча́щавъ, щобъ́ роздиві́тись и
 змі́ркува́ти, якъ́ те ді́ло вчпні́ти. Вже́ й Бо́га не прошу́, щобъ́ ми́ні
 помі́гъ, щобъ́ оборо́ни́въ мене́ и закрі́въ відъ́ людсько́го о́ка. Ви-
 бравъ́ я таку́ нічть,́ якъ́ не було́ ста́ршого́ сї́на въ госпа́ді. Кри́к-
 ну́ли дру́гі пі́вні, я вже́ й на цві́нтарі́. Яко́сь ми́ні й ні́яково по
 мо́гилка́хъ ступа́ти; ба́тьки, дя́дки, ді́ди мо́ї ле́жать, п вже́ ми́ні
 приві́джуєтця́, що́ вони́ підъ́ тими́ підда́шшями хо́дять; во́лосъ
 вї́де, та, на́ лихо́ ми́ні, сторо́жі захо́рплі́ підъ́ дзві́ницею. Жи́ви
 лю́де — не стра́шно мертці́въ. За́разъ та ока́йна смі́ливість ме́не́

взяла; підваживъ у церкві двѣри, виставивъ. Просто до громадської скарбівни, до церковної скриньки. Тамъ ще старá Терещиха кубки срібні на схованку въ церкву віддала, — все те я знавъ, де й якъ лежить. Набрáвъ повну торбу. Місяць у церкву скрізь грати зазирає, щось ніби шáмкає, ступáє поза престоломъ, — схоплять мене дрижакі, та й зновъ байдуже. На образі не двлюся, въ зéмлю потупивсь, вийшовъ изъ церкви.... де тобі вийшовъ? вискочивъ! Думка була двѣри до одвірківъ притулити — страшно, наза́дъ страшно обернутись; утекомъ черезъ могилкі до хвіртки. Холодна росá зъ дѣрева мене обсіпала; мовъ щось мене держить за плечи, мовъ хтось за нóги хапає; я біжý óсліпъ. Вже одбігъ далéко геть-то, и не знаю, де я. Упѣрше зъ-рóду зъ дорóги збівся. Ставъ, озирну́вся.... та се жъ я середъ могилóкъ, на цвѣнтарі коло церкви! Місяць підбивсь угóру, крізь ліпину старій гóнтовий дахъ світомъ своїмъ мерéжить, у вікна б'є; зъ віковъ хтось визирає. Кі́нувся я съ цвѣнтаря, ажъ хвірткою брязнувъ; до Бунякового гайка, до байраку, за селó поспішаю: тамъ ужé въ мене й ямка готóва, щобъ свій скарбъ приконати. Такъ біжý, такъ біжý! Вже й за селóмъ; глянó — незнакóма дорóга, та й зóвсімъ нема́ дорóги, мóкра рóсяна трава́ въ мене підъ нога́ми. Озирну́сь навкру́гі — зновъ я коло церкви! У вікна люде́ якісь мши́ні всміхаю́тця. Ті́хо, ті́хо, якáсь пта́шка підъ крі́шкою стóгне, мовъ чья́ душа́ пла́че. А сторожі́ хропóуть підъ да́вни́цею. На́ що їмъ стерегті́, де самъ Богъ́ стереже́?... Зновъ я бігти, зновъ я вті́кати; піть зъ мене́ такъ и вѣрне; нóги вже́ підó мною́ трóсатця. И такъ я, люде́ добрі́, бігавъ навкру́гі церкви́ до са́мого світу́. Сóвечко́ вже́ по даховóму мóху красни́мъ світомъ грає́, чередá озивáетця; проки́нулись сторожі́, дівля́тця — церќва відч́инена, а я зъ мішкóмъ на плéчахъ по росі́ бігаю́, стéжку навкру́гі церкви́ ви́бивъ. Узя́ли мене́ — я й рúки́ попусты́въ. Зі́шли́ся люде́, попá поклі́кали. Я й призна́вся, що отта́къ и такъ, панóве громадо́; тепѣ́рь я въ ва́шій во́лі. Ну, піть тутъ́ з́аразъ́ кри́кнувъ́ на отáмана, щобъ́ пода́въ за́лізне́ пúто, щобъ́ мене́ з́аразъ́ до становóго відвезті́; а старі́ громадські́ люде́, порáдпвши́сь міжъ́ се́бе, ка́жуть: »Щó́ жъ́ намъ́, панóтче, за́ корі́сть, якъ́ ми́ сё́го́ чоло́віка́ запро́торно́ туди́, де́ ко́замъ́ рóги́ правля́ть? Хиба́ то́ намъ́ сла́ва? А́ лúчче́ ми́ отъ́ що́ вчини́мо. Ось́ одчепі́ть, хлóпці́, одъ́ дзвóнівъ́ ви́жки́, дамó́ ё́му́ з́аразъ́́ прочухáна́ та́ накі́немо́ на ё́го́ бра́тську́ по-

»куту. Нехай три роки паламаріює въ церкві, нехай три роки приймає до себе всякого подорожнёго, страннёго, нехай дарює всякого прочанина, й захожого и проїзджачого, контентує, и щобъ ніхто, поки й живе на світі, інше ёго не звавъ ні на імєння, ні на прізвище, якъ злодій.« — Отто жъ менє вибили середъ громади тми віжками відъ дзвонівъ, та й пустили. Якъ минуло три роки моєи покути, я й кажу громаді: »Що жъ, панове громадо! уже нехай буде ваша ласка: зоставте менє, поки снаги моєи, паламарювати, та й проїзджачихъ нехай соляно до мене відсплають, щобъ уже я одинъ за все село ними турбувавсь.« — Громада, спасібі їй, на те зозволила. Оце жъ я вже охотою паламаріюю въ церкві, странніхъ приймаю, якъ гостой, и звать мене люде на все село злодіємъ.»

Сказавши, низько намъ обомъ уклонівся, а ми ёму вклонілися низько.

Отъ вамъ, добродію, оповідь, котору я своїми ушима чувъ, и чоловіка того своїми очима бачивъ. И теперъ пойдете въ село Гаківницю, то й теперъ ще знайдете той двір на ріжку коло царици зъ велпчєною вербою, а навпротівъ тні верби друга нахилїлась, и въ село наче кризь зелені ворота вїдете. Уже вмеръ старий Дмитро Гарбузъ, що звали злодіємъ, а вінъ Гарбузъ изъ діда й прадїда. Сїна ёго не звать злодієнкомъ, крий Бже! Усі поважають, бо чоловікъ хорощий и странніхъ по-батьківській залюбки приймає.

Ну, а въ васъ, добродію, у городяхъ, що бъ єъ такого чоловіка зробили?

Хуторянінь.

КАЛЮЖА.

.... А отъ вамъ кáзка и не кáзка...
 Весно́ю іхала каля́ска,
 Упрóстяжъ ко́ней шестпирі́я;
 Каля́ска, на́че та свині́я,
 Була́ забóвтана гразе́ю;
 Хвалѣ́тарь, кúчеръ, два лаке́і,
 Юхто́внй зза́ду чамапа́днъ; —
 Зъ вікна́ диві́сь старе́нькпй панъ, —
 Людці шапкі́ ёму зді́ймаіп;
 На лісу́ діти позлі́зали —
 Побáчпть: щó вонó за-бісь?...
 Проіхало вонó.... а да́лі —
 Яко́сь-то Богъ не перенісь —
 Середъ калю́жй ко́ні й ста́ли —
 Усі, одра́зу, якъ оди́нь!...
 Чому́ й не ста́ты! — якъ роздвй́лісь:
 У грязь ко́леса заспті́лись
 Троха́ не бі́льшъ, якъ на арші́нъ!...
 Тутъ кúчеръ зра́азъ: »Ну, ребѣ́ятка!
 Ну-ну́! — *вптя́гувай!!* кричі́ть...
 Тоне́нька пúжка, знай, свпсті́ть!...
 — »Ні, па́рень! чо́ртового ба́тька!«
 Стоіть и дúмае наро́дъ:
 — »Се, бачъ, калю́жа—нашъ дохо́дъ,
 Троха́ мабу́ть не ці́лпй годъ....
 Тутъ, бра́те, ко́ні не потя́гнуть:
 Неха́й тамъ бу́дуть хочъ які —
 Чи генора́льські, чи царські —
 Де-де,—а тутъ вони́ постря́нуть!...«
 А й справді́ людь той угада́въ,
 По іхне́му, бачу́, и вй́шло:
 Хвалѣ́тарь мовъ вомáрь ппца́въ,
 Вптя́гувавъ, ажъ трі́снувъ дішель;
 Той біднйй кúчеръ ажъ охрп́въ —

А все нічого!... Кони — сіпъ, —
 Та й годі... дергонуть — и стануть...
 Упріли такъ, що жалко й глянуть!
 Досталось біднимъ лошакамъ!...
 До-віку бъ кучеръ мордувався,
 Колибъ до насъ не обізався
 Изъ прѣзбою панюга самъ:
 — »А чи не можна, добрі люде,
 Зарятувати? одъ мене буде
 Карбованецъ, чи й більше вамъ...«
 — Чому не можна? За волами,
 Якъ що такѣ, то и пити,
 А коннятокъ одягати,
 То й витягнемъ... Ходімъ, Овrame!... —
 И привели, и запрягли;
 Зъ каліски челядь постягали, —
 Тому мизерству показали,
 Що коні, бачте, не волі —
 Середъ Юрківської калюжі:
 Бо кінъ який не буде дужий,
 Та, бачъ, гарячий: стрибъ да сіпъ,
 Кицять, мовъ у горшку окріпъ
 И сілу даромъ потрачае...
 Святѣе діло — вилъ: ступае
 Повагомъ, стіха римига —
 А витаска вагу зъ багнюки...
 Ся вірша вамъ за-длѣ науки —
 Не вамъ, старі, а вамъ, онуки!...

Иванъ Затиркевичъ.

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ XVI ВѢКА.

(Исследование Д. Мордосцова, въ III т. Архива, издав. П. В. Калачовымъ).

Историческое изображеніе юридическаго прошедшаго у всякаго народа, сообразное съ установившимся требованіями современной науки, исполнено живаго и назидательнаго интереса. Безполезныя попытки ученыхъ отыскать общее начало, или право, на которомъ держится все общество, будетъ ли такимъ началомъ первобытный контрактъ, польза или понятіе человѣческой личности, заставили науку права оставить міръ остроумныхъ гипотезъ и низойти на реальную почву. Смѣшонъ теперь нашимъ современникамъ многоученый Бентамъ съ его вѣрою въ могущество открытаго имъ начала, съ затѣю писать кодексъ государственныхъ учреждений для всѣхъ народовъ и съ легкомысленнымъ предложеніемъ своихъ услугъ иностранцамъ, занимавшимся въ его время составленіемъ уложений. Съ тѣхъ поръ государственная мудрость успѣла вступить въ тѣсный и неразрывный союзъ съ историческою дѣйствительностію. Требуя оцѣнки государственнаго или общественнаго учрежденія, мы не справляемся о томъ, согласно-ли оно или нѣтъ съ отвѣченнымъ началомъ какой нибудь философской системы права, но желаемъ прежде всего знать исторію этого учрежденія: когда оно принято народомъ; нашло-ли оно, въ новомъ кругу своего примѣненія, противодѣйствующія и благопріятствующія стхія; было-ли парализировано противодѣйствіемъ, или восторжествовало, и вышло-ли изъ борьбы во всей первобытной чистотѣ своей, или получило новый, не бывалый прежде, оттѣнокъ. Только отвѣтивъ на эти вопросы, мы будемъ вправѣ дѣлать свои заключенія о томъ, есть-ли

въ разсматриваемомъ законѣ условія народности, возможно—ли ожидать, отъ примѣненія его, благотѣльныхъ послѣдствій, или же, для общаго блага, нужно желать его уничтоженія.

Развитіе этого взгляда на право заключается въ признаніи юридической силы обычая, въ изысканіи органической связи всякаго отдѣльнаго опредѣленія писаннаго и неписаннаго закона со всею совокупностію юридическаго быта народа. Историкъ—юристъ, ставшій на такую точку зрѣнія, видитъ въ массѣ народа, для котораго пишутся законы, не одно страдательное, но также и дѣятельное, начало. Въ его глазахъ, люди, занимающіеся редакціею законовъ, возвращаются въ кругу народа и невольно переносятъ его юридическія понятія въ свои труды; съ другой стороны, — историкъ—юристъ допускаетъ, что утвердившійся въ юридическомъ бытѣ и обществѣ обычай можетъ ослабить примѣненіе и совершенно парализовать силу непопулярнаго закона. Подобное историческое изученіе юридическаго быта народа находятъ свое приложеніе въ физиологическомъ направленіи науки права и современно признанію въ политикѣ начала народностей.

Какимъ бы смутнымъ ни представлялся намъ образъ славянскихъ законодательствъ, начерченный нетвердымъ перомъ Польскаго законовѣда Мацѣвскаго, но, навѣрно, ничѣмъ нельзя поколебать увѣренность современнаго общества въ томъ, что право славянскихъ народовъ имѣетъ свою физиономію, ему одному свойственную; что въ немъ есть характеристическія особенности, рѣзко отличающія его отъ законодательствъ Германскихъ и Римскаго права, долго считавшагося нормою всякаго права — вѣчнымъ правомъ. Не менѣе сильно наше убѣжденіе и въ томъ, что Польское и Русское законодательства, близкія между собою по племенному единству народовъ, которымъ они принадлежатъ, имѣютъ свои рѣзкія черты различія.

Задача науки — отыскать необходимое присутствіе въ каждомъ изъ нихъ народныхъ началъ и прослѣдить преемственную жизнь и видоизмѣненія послѣднихъ въ исторіи права. Только достигнувъ такимъ путемъ простаго, сжатаго, и вмѣстѣ полнаго представленія юридическаго быта двухъ народовъ, законодатель можетъ дѣлать безошибочную оцѣнку, въ общечеловѣческомъ и національномъ смыслѣ, достоинства существующихъ и вновь вводимыхъ опредѣленій права. Только на этой ступени исторія права достигнетъ той цѣли, къ которой она постоянно стремится: быть откровеніемъ прошедшаго и руководствомъ для настоящаго.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время Польская и Русская литература не имѣютъ исторіи права, которая бы вполне удовлетворяла современнымъ требованіямъ науки. Въ русскомъ правовѣденіи первое мѣсто въ области историческихъ трудовъ безспорно принадлежитъ *Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ*, Неволнина. Но вотъ слова, которыми г. Кавелинъ охарактеризовалъ его въ части, относящейся къ наслѣдству по русскому праву. «Обладая изумительною начитанностію, г. Неволнинъ свелъ всѣ данныя; всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обследовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всѣми, даже по вѣдному маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Будучи по преимуществу легистомъ, г. Неволнинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому представляетъ одни отрывочныя правила, неимѣющія между собою непосредственнаго отношенія. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо взглянуть во всю совокупность быта, по среди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочныя юридическія факты и въ немъ, чрезъ него искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи (1)». Въ Польской литературѣ замѣчательнѣйшій по объему историко-юридическій трудъ составляетъ сочиненіе Чацкого о литовскихъ и польскихъ законахъ.

О достоинствѣ этого труда новѣйшій польскій писатель по исторіи права, г. Мацѣвскій говоритъ такъ: «Чацкій, въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ, былъ послѣдователемъ Монтескье, который занимался болѣе основаніемъ и задачею устройства человеческихъ обществъ, чѣмъ системами политической ихъ организаціи. Между тѣмъ, Чацкій не усвоилъ себѣ, глубокимъ изученіемъ римскихъ юристовъ, ихъ ученаго такта, ихъ удивительнаго искусства выводить изъ извѣстныхъ опредѣленій права ближайшія и дальнѣйшія логическія слѣдствія, и потому, при всѣхъ достоинствахъ ученаго труда Чацкого, можно сказать о немъ, что авторъ сочиненія о литовскихъ и польскихъ законахъ не открылъ ни духа литовскаго права, ни древнѣйшаго его источника (2)».

(1) Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка закон. наслѣдов.

Мацѣвскій. *Historya prawodawstw Słowiańskich*, т. 1, стр. 365.

При такомъ состояніи науки исторія русскаго и польскаго права, мы вправѣ многого ожидать отъ тѣхъ ученыхъ изслѣдованій, которыя, опираясь на знаніи источниковъ права обохъ народовъ, будутъ пользоваться явленіями изъ жизни одного изъ нихъ для критической оцѣнки юридическихъ фактовъ другой народной сферы, и воспользуются ими въ своихъ научныхъ выводахъ путемъ аналогическихъ заключеній. Путь слѣченія близкихъ между собою законодательствъ для юриста-историка тотъ-же, что сравнительная лексикографія для филолога, что минералогія, эмбриологія и зоологія для физиологіи животной жизни. — Какъ филологъ и физиологъ не могутъ, при настоящемъ состояніи наукъ, опредѣлить, гдѣ оканчивается одинъ языкъ и гдѣ начинается другой, или гдѣ оканчивается жизнь растений и начинается животная, но имѣютъ постоянною задачею своею опредѣленіе качествъ разсматриваемыхъ ими предметовъ и ихъ особенностей, — такъ и юристъ не можетъ указать всѣхъ чертъ отличія одного права отъ другаго; а открывъ ихъ, онъ постигъ бы все существо изучаемаго права.

Въ этомъ новомъ направленіи чисто историческія сочиненія предупредили юридическія, въ особенности съ того времени какъ исторія, воспользовавшись богатствомъ открытыхъ и вновь открываемыхъ памятниковъ прошедшаго, получила возможность заниматься больше изслѣдованіемъ внутренней жизни народа, чѣмъ явленіями политической сферы. Созданный историческими изслѣдованіями профессора Костомарова образъ древней Руси, какъ группы земель, различныхъ между собою по языку и обычаямъ ихъ обитателей, и въ то же время связанныхъ по происхожденію, въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, единствомъ началъ, отдѣляющихъ Русскую Землю отъ другихъ славянскихъ и неславянскихъ союзовъ, ясно указываетъ дальнѣйшій путь изслѣдованій юристовъ-историковъ. — Проявленіе въ этой формѣ народнаго начала указываетъ на то, что, при изслѣдованіи юридическаго быта народа, мы вправѣ пользоваться явленіями изъ жизни на одномъ пространствѣ земли для объясненія закона и обычая другаго соплеменнаго союза, и что юристъ-историкъ, оставаясь на этомъ сбивчивомъ и трудномъ пути, никогда не долженъ терять надежды достигнуть своей цѣли—создать и вылить въ юридическую форму предметъ своего изслѣдованія: бытъ народа съ его національною особенностью.

Для Русской исторіи и права вообще большой интересъ представляетъ изученіе юго-западной Руси, гдѣ столкнулись Русская, Литов-

ская и Польская национальности и гдѣ исторія считаетъ 4 столѣтія ихъ совмѣстнаго, болѣе или менѣе близкаго существованія. Въ юго-западной Руси, подѣ державою сперва В. Князей Литовскихъ, а потомъ Польской Речи-посполитой, по всей вѣроятности, въ законодательствѣ, а еще болѣе въ обычаяхъ, обозначались начала національныя, начала трехъ названныхъ нами народовъ. Раскрытие ихъ въ наукѣ должно обогатить народное самопознаніе и, быть можетъ, сдѣлаетъ рѣшительный переворотъ въ Польской и Русской наукахъ исторіи и права. Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ этого рода на первомъ планѣ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть юридическій бытъ крестьянъ королевскихъ и помѣщичьихъ, потому, во-первыхъ, что народныя начала всегда вообще долѣе удерживаются въ массахъ, для которыхъ закрыта политическая арена съ ея характеромъ легкости и быстротечности и во-вторыхъ потому, что крестьяне, по Литовско-Польскому законодательству, были подведены подѣ одну юридическую формулу со всѣми людьми *простого стану*, составлявшими противоположность привилегированнаго шляхетскаго сословія. Слѣдовательно, пиша о крестьянахъ юго-западной Руси, нужно захватить весь строй гражданскихъ и политическихъ отношеній въ Литовско-Польской Речи-посполитой.

Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны ни въ Польской, ни въ Русской литературѣ труды, посвященные исключительно этому предмету.

Начинаніе въ этомъ дѣлѣ, казалось бы, должно принадлежать Польскимъ писателямъ, которые, при знаніи своей литературы вообще и польскихъ источниковъ права, соединены съ русскимъ народомъ политическими и общественными связями. Но они, по неизвѣстнымъ причинамъ, и быть можетъ находя собранные у нихъ матеріалы недостаточными, не останавливались еще, сколько намъ извѣстно, съ полнымъ вниманіемъ на юридическомъ бытѣ юго-западной Руси. Что же касается писателей Русскихъ, то самая мысль о подобномъ изслѣдованіи, ни въ чемъ положительнымъ образомъ не высказывалась, и казалось совсѣмъ была ими оставлена. Еще въ прошломъ столѣтіи въ Малороссіи живы были воспоминанія о прошедшей исторіи страны подѣ державою Польской Речи - посполитой; еще тогда дѣйствовалъ Литовскій Статутъ, и мѣстное управленіе носило на себѣ отчасти польскій характеръ, — и потому мы имѣемъ отъ того времени писателей, которые заглядывали въ памятники прошедшаго Малороссіи, принадлежавшей къ Польской коронѣ, и считали повидимому знаніе польскаго права необходимою принадлежностью своего политическаго образованія.

Такими писателями были Шафонскій, Полптика и др. Но когда были упчотожены нѣкоторыя прежнія учрежденія, и Малороссія вошла въ число губерній, управляемыхъ отчасти по общимъ Русскимъ законамъ, и въ особенности, по отмѣнѣ дѣйствія Литовскаго Статута—любопытность образованныхъ Малороссянъ получила другое направленіе. Прекратившаяся при новомъ порядкѣ вещей, нравственная и политическая связь съ Польшею долго не вызывала воспоминаній о себѣ Русскихъ писателей-юристовъ и публицистовъ, и только въ последнее время стали чувствовать потребность сдѣлать юридическій бытъ юго-западной Руси предметомъ спеціальнаго изслѣдованія.

Статья г. Мордовцова, помѣщенная въ III т. Архива Историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи 1861 г., кажется, первое въ Русской литературѣ сочиненіе о крестьянахъ юго-западной Руси. Авторъ занимается бытомъ крестьянъ юго-западной Руси въ XVI в. Сочиненіе это по предмету своему (права и обязанности крестьянъ) юридическое, хотя по развитію содержанія и по характеру выводовъ автора оно выходитъ, какъ мы впоследствии увидимъ, изъ юридической сферы.

Статью свою г. Мордовцовъ начинаетъ изложеніемъ правъ крестьянъ по статуту В. Княжества Литовскаго 1588 г.; въ приводимыхъ статьяхъ статута авторъ усматриваетъ, что, по понятію самаго закона, между человѣкомъ *простого стану* и *становъ шляхетскимъ* существовало неизмѣримое различіе: вдова стану шляхетскаго, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за человѣка простого стану, навсегда теряла свое достоиніе. Если шляхтичъ поселялся въ городѣ и начиналъ вести торгъ, или заниматься ремесломъ, то онъ терялъ права шляхетскія. Предпочтеніе шляхтича передъ человѣкомъ простого стану замѣчается и въ назначеніи наказаній за уголовныя преступленія. Крестьяне королевства Польскаго раздѣлялись на крестьянъ *коронныхъ* и *крестьянъ частныхъ владѣльцевъ*; были также въ сословіи *крестьянъ* и *люди вольные*. Первые изъ нихъ жили на землѣ, принадлежащей королевскимъ помѣстьямъ, платили за эту землю по-земельный оброкъ, прибавляя къ нему плату натурою, и работали для казны по опредѣленію мѣстныхъ властей. Самыя близкія власти, съ которыми крестьянинъ имѣлъ постоянно дѣло, были «войты» и «лавники», избиравшіеся изъ среды самыхъ же крестьянъ, но они не были избавлены и отъ казенныхъ чиновниковъ «ревизоровъ», «возныхъ», «подкоморыхъ» и другихъ, наводившихъ на нихъ ужасъ своимъ по-

являемъ. Земская полиція и все, что относилось до судебной и распорядительной власти, сосредоточивалось въ такъ называемыхъ «урадахъ», которые посылали чиновниковъ на слѣдствія, для разбора тяжёбныхъ дѣлъ, на ревизіи, за сборомъ податей, и пр.; чинили судъ и расправу надъ крестьянами, не имѣвшими права апелляціи, дѣлали смертные приговоры, и приводили ихъ въ исполненіе, не относясь къ высшимъ судебнымъ властямъ».

Этими немногими словами ограничился г. Мордовцовъ въ опредѣленіи правъ коронныхъ крестьянъ по отношенію къ полиціи и суду. Но читатель безъ сомнѣнія хотѣлъ бы знать, что такое были уряды, о которыхъ здѣсь говорится; было ли это тоже самое учрежденіе, что извѣстный, въ литовскомъ статутѣ, урядъ гродскій съ стоявшимъ на челѣ его судебнымъ старостою, или употребленное въ настоящемъ случаѣ названіе уряда относится къ управленіямъ старостъ, тиуновъ и державцевъ, которымъ поручались королевскія имѣнія, и соединялась-ли, такимъ образомъ, въ лицѣ послѣднихъ судебная власть съ полицейскою и хозяйственною.—На это г. Мордовцовъ не даётъ отвѣта, и видитъ дурную сторону этихъ учрежденій въ томъ, что крестьяне на судъ ихъ и расправу не имѣли права апелляціи. Пользовались ли крестьяне правомъ апелляціи, въ томъ смыслѣ какъ теперь ее понимаютъ, т. е. правомъ перенести дѣло въ установленный срокъ изъ низшаго суда въ высшій для ревизіи постановленнаго приговора—мы не знаемъ, и очень вѣроятно, что г. Мордовцовъ правъ, отрицая существованіе такихъ апелляцій; но въ уставѣ *о волокахъ* на *войтовъ*—должностныхъ лицъ, назначавшихся по выбору крестьянъ,—возлагалась обязанность доносить ревизору о лихоимствѣ уряда (*абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ*). Изложенное въ этомъ уставѣ запрещеніе войтамъ и лавникамъ судить крестьянъ въ какихъ бы то ни было дѣлахъ,—подъ угрозою взысканія, въ противномъ случаѣ, пени въ казну рубля грошей, очень явно говоритъ о томъ, что эти выбранные люди прежде судили крестьянъ, и что послѣдніе усвоили себѣ привычку обращаться къ ихъ суду. Кроме того, намъ извѣстно, что Сигизмундомъ III были учреждены суды референдарскіе при его особѣ, для разрѣшенія споровъ между *державцами* *крулевцими* и *экономии* и поселянами (*); слѣдовательно короннымъ крестьянамъ въ Польшѣ и Литвѣ не былъ закрытъ

(*) *Herbars*, Нѣсецакаго.

путь принесенія жалобъ вообще на своихъ урядниковъ. При томъ же, право апелляціи имѣеть слишкомъ относительное значеніе въ судопроизводствѣ. Въ древнія времена, когда вся общественная жизнь совершалась подъ открытымъ небомъ, публичность судебной расправы и участіе въ ней всего народа или его представителей стояли на стражѣ правосудія,—и тогда не было надобности въ апелляціяхъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ произошла перемѣна въ судопроизводственныхъ формахъ Европейскихъ государствъ. Свѣтскіе суды заимствовали изъ церковной практики принципъ инквизиціи, что вмѣстѣ съ введеніемъ въ европейскія судопроизводства римской ученой юриспруденціи и съ всеобщимъ ослабленіемъ политическихъ правъ народа и его участія въ судѣ, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что въ Западной Европѣ заперлись судебныя залы, введена въ судопроизводство тайна, и для ограниченія произвола судей государства стали устанавливать законныя нормы доказательствъ. Тогда-то именно явилась потребность въ апелляціяхъ.

Глядя съ этой точки зрѣнія на судопроизводство вообще, мы думаемъ, что невозможно сдѣлать юридической оцѣнки судебныхъ учреждений въ имѣніяхъ польской короны безъ опредѣленія степени участія въ нихъ народныхъ мужей. Слѣды участія послѣднихъ въ судахъ, отправляемыхъ надъ крестьянами вообще, несомнѣнны. Народное начало, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, мало по малу суживалось и наконецъ совсѣмъ было подавлено успившимся могуществомъ пановъ и шляхты, но, по всей вѣроятности, оно еще долго жило въ памяти народа, который былъ привязанъ къ своему обычаю и считалъ нарушеніемъ права ни чѣмъ неограниченную юрисдикцію своихъ господъ. Не говоря о драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи матеріалахъ, указанныхъ въ статьѣ профессора Ивашева, *объ устройствѣ древнихъ сельскихъ обществъ въ Юго-западной Руси*, мы можемъ сослаться на указаніе, содержащееся въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества, Шафонскаго (ч. 1, § 34). Авторъ говоритъ, «что въ мѣстечкахъ, за Польскаго владѣнія, отъ владѣльцевъ установлены ратуши, въ которыя изъ ихъ же подданныхъ, мѣщанами называемыхъ, по волѣ владѣльца, выбирались войты и бургомистры, которые словесно, по естественному закону и своему разсудку, какъ своего мѣстечка, такъ и по деревняхъ живущихъ и того мѣстечка прежде владѣльцу принадлежащихъ жителей, судили. Такимъ образомъ, въ Гадячѣ есть замковыя дневныя записки съ

1645 года, изъ которыхъ видно, что замку Гадяцкаго королевскаго управитель, на Польскомъ языкѣ намѣстникъ, иногда самъ, иногда обще съ Гадяцкимъ контомъ, всѣ дѣла жителей Гадяцкихъ и до замку принадлежащихъ поселянъ, разбиралъ. По изгнаніи въ 1654 г. Поляковъ, намѣстники замковые также, обще съ ратушею, всякую расправу дѣлали. Не обратить вниманія на это обстоятельство, по нашему мнѣнію, значитъ потерять юридическую почву, трактую о предметѣ столь юридическомъ, какъ права и обязанности крестьянъ. Въ обычаяхъ, существовавшихъ прежде и упорно оскорбляемыхъ насиліемъ, заключался идеалъ ихъ гражданскихъ отношеній и источникъ вражды къ притѣснителямъ. Безъ знанія обычаевъ, мы можемъ видѣть только давящую сверху силу, но намъ будутъ непонятны юридическое воззрѣніе народа, его права и характеръ нарушенія этихъ правъ. Въ глазахъ нашихъ, отзывъ г. Мордовцова, что крестьяне не имѣли права апелляціи, имѣеть какой то лѣтописный характеръ. Безъ сомнѣнія, крестьянамъ, испытывавшимъ насиліа лично и по имуществу и оскорбляемымъ въ драгоцѣннѣйшемъ ихъ правѣ—жить какъ они привыкли, некому было жаловаться, если они взяли за оружіе, возложивъ упованіе на Господа Бога. По войнѣ плохой критерій для оцѣнки всякихъ учрежденій. Подобно пожару, она имѣеть то свойство, что, глядя изъ за нея, мы видимъ элементы внутренней жизни народа въ состояніи смѣшенія, а не такъ, какъ они были прежде. Стоя лицомъ къ лицу съ войною, современники не могутъ отрѣшиться отъ впечатлѣній страсти и стать выше точки зрѣнія той политической партіи, къ которой они сами принадлежатъ. Даже писатели, исполненные возвышенной любви къ человѣчеству и противники, по своему религіозному принципу, кровопролитія, кто бы ни былъ его начинателемъ, призываютъ благословеніе Неба на оружіе одного лагеря и называютъ Богоотступниками и раздирателями отчизны тѣхъ сподвижниковъ внутренней войны, которымъ они не сочувствуютъ. Сочинители лѣтописей, современники войнъ, не дали намъ вѣрныхъ изображеній внутренней жизни народа, и потому тонъ ихъ сказаній совершенно не уместенъ тамъ, гдѣ требуется анализъ фактовъ.

Окончивъ изложеніе правъ крестьянъ, г. Мордовцовъ переходитъ къ ихъ обязанностямъ, составлявшимъ обширнѣйшую и разнообразнѣйшую долю народной жизни, потому что у польскихъ крестьянъ, можно сказать, со всѣмъ не было правъ, а обязанностей было множе-

ство. Здѣсь авторъ пользуется матеріалами, напечатанными въ двухъ отдѣлахъ II и III томовъ *Памятниковъ* Кіевской Коммиссіи, т. е. *уставомъ о олокахъ* короля Сигизмунда Августа, инвентарями помѣщичьихъ имѣній Луцкаго уѣзда, и арендными контрактами, записанными во Владимірскихъ городскихъ кнѣгахъ.

Существенные выводы, дѣлаемые авторомъ изъ фактовъ, содержащихся въ этихъ источникахъ, слѣдующіе: каждый коронный крестьянинъ обязанъ былъ работать на короля по два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней—такъ называемой *толоки*. Пронзволѣ въ распределеніи повинностей видѣнъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *масть быти на бичности владу и ревизоровъ нашихъ*. Сверхъ исполненія различныхъ работъ, они платили въ казну поземельный оброкъ и довольно сложныя пошлыны; жалованье чиновникамъ болѣею частію падало, хотя нѣсколько косвенно, на тѣхъ же крестьянъ. Кромѣ платы натурою, были поборы въ казну и деньгамъ. Сумма всѣхъ повинностей крестьянскихъ не велика,—если стаемъ ее мѣрять по своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тому времени такіе поборы были тяжелымъ бременемъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI-го вѣка это было тяжело татарскаго набѣга и только не тяжеле развѣ одного аренднаго состоянія. — Обозрѣвъ затѣмъ инвентари помѣщичьихъ имѣній, авторъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: «достатокъ въ быту поселеннаго выражается матеріальнымъ его состояніемъ: исправностью земледѣльческихъ орудій, большимъ или меньшимъ количествомъ рабочаго скота и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ. Это необходимое рѣдко имѣлъ у себя малорусскій крестьянинъ. Въ инвентаряхъ постоянно встрѣчаются слѣдующія извѣстія: на 250—260 хозяйствъ причтается 110 лошадей и 195 воловъ; на 113 хозяйствъ—47 лошадей и 74 вола и т. д. Если въ этомъ числѣ были богатые крестьяне, имѣвшіе по двѣ пары воловъ, то были и цѣлыя семьи, не имѣвшія ни вола, ни лошади, или часто одна лошадь приходилась на два хозяйства. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было обѣдненіе крестьянъ. И притомъ положеніе ихъ не улучшалось. Напротивъ, можно даже хронологически показать, какъ возрастали съ каждымъ годомъ цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности. Эта возрастающая прогрессія началась съ половины XVI столѣтія. Чтобы видѣть это, стоитъ только

сравнить инвентарь 1566 года съ инвентарями 1573 и 1598 годовъ. Уничтоженіе въ некоторыхъ имѣніяхъ барщины повлекло за собою установленіе порютовщины, подымовщины и проч. налоговъ; сѣнокосы отданы крестьянамъ за плату, которая восходила до 8 грошей за одинъ моргъ или 40 коп. сер. за 1587 кв. саж., на которыхъ, по самой большей мѣрѣ, можно накосить три большіе воза сѣна; а возъ сѣна стоялъ тогда три гроша и даже грошъ. Видя, какъ дорого обходился мужику моргъ сѣнокоса, нельзя удивляться, что въ хозяйствѣ малорусскаго крестьянина находилось такъ мало рабочаго скота. Въ XVI вѣкѣ, въ Малороссіи, считалось хорошою цѣною заплатить за добраго вола 2 или 2 $\frac{1}{2}$ руб. сер., за мужицкіе сани—грошъ или полтора, за четверикъ ржи—тоже грошъ или еще меньше: стадо быть, въ то время, когда и трудъ человѣка и произведенія земли цѣнились такъ неизмовѣрно дешево — платить 3 р. сер. и довольно большую подать натурою, при ежедневной барщинѣ, было не легко. Но ужаснѣе всего была полная неограниченность правъ владѣльца и обычаи отдавать имѣнія въ арендное содержаніе. Во всѣхъ записяхъ неизмѣннымъ арендаторомъ является жидъ. Жиду этому предоставляется право брать себѣ всякіе доходы, судить и рядить бояръ *путныхъ*, также всѣхъ крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежною пеней и смертію».

«При такихъ условіяхъ, южнорусскій поселяншнъ», говоритъ г. Мордовцовъ, «доведенный до послѣдней степени нищеты и безпрестанно оскорбляемый въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствованіяхъ,—въ чувствѣ релігіозномъ и патріотическомъ, — мѣнялъ косу и цѣпъ на саблю и винтовку, или же просто съ косою и граблями уходилъ къ козакамъ, движимый послѣднимъ чувствомъ — животнаго само-сохраненія».

Изъ приведенныхъ нами словъ г. Мордовцова видно, что для опредѣленія положенія крестьянъ юго-западной Руси онъ пользуется понятіемъ цѣны ихъ повинностей и вещей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ, и сравненіемъ съ цѣнами теперь существующими. Ошибка автора въ этомъ отношеніи очевидна. Во первыхъ, онъ не принялъ во вниманіе географическаго измѣненія крестьянскихъ повинностей въ юго-западной Руси. Въ Украинѣ повинности были легче, чѣмъ на Волынѣ (*), такъ какъ возвышенію ихъ не благоприятствовали, по всей

(*) Записки о Южной Россіи. Кулиша, т. II, акты изъ собранія Румковскаго, стр. 331.

вѣроятности, изобиліе земли, частые набѣги татаръ и свободный духъ крестьянъ, поддерживаемый присутствіемъ козаковъ. Между тѣмъ, авторъ, дѣлая общія заключенія о положеніи крестьянъ юго-западной Руси, пользовался актами, относящимися только до имѣній, находящихся на Волини. Во вторыхъ—начало цѣнности, взятое въ отдѣльности, односторонне и недостаточно для объясненія внутренней жизни народа, и можетъ повести насъ къ такимъ же произвольнымъ заключеніямъ, какія бы мы получили, подводя дѣйствительные факты подъ отвлеченныя понятія первоначальнаго контракта, пользы и пр. Напримѣръ: по расчету г. Мордовцова, у крестьянъ, какъ коронныхъ такъ и помѣщичьихъ, за уплатою лежавшихъ на нихъ повинностей, ничего или очень мало оставалось на расходы для собственныхъ надобностей. Между тѣмъ, изъ инвентаря имѣнія Заборольскаго, по словамъ автора, видно, что 64 души (тягла), находившіяся въ этомъ имѣніи, имѣли 46 лошадей и 95 штукъ воловъ, или, въ селѣ Бруховичахъ, на 50 работниковъ, 37 тяглыхъ и остальные огородники или подсосѣдки. Такое количество рабочаго скота и подобное отношеніе тяглыхъ работниковъ къ огородникамъ, даже и при настоящемъ состояніи земледѣлія въ Малороссіи, слѣдуетъ считать удовлетворительными. Въ этомъ убѣждаютъ насъ оффиціальныя свѣдѣнія, доставленныя въ послѣднее время помѣщиками, по которымъ въ Полтавской губерніи отношеніе пѣшихъ крестьянъ къ тяглымъ 73 : 100. Въ той же Полтавской губерніи, по свѣдѣніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, на 466,020 наличныхъ душъ мужескаго пола имѣется крупнаго скота: лошадей и рогатаго скота: 437,853 штуки. Если вычестъ изъ этого числа коровъ и малолѣтковъ неспособныхъ къ работѣ, то можетъ быть окажется, что и теперь не каждый государственный крестьянинъ въ Полтавской губерніи можетъ обрабатывать землю своимъ скотомъ.

Но мы очень хорошо знаемъ, что у государственнаго крестьянина Полтавской губерніи осталось не одно чувство животнаго самосохраненія. Напротивъ, посреди незавидной и часто крайне скудной обстановки домашняго быта, онъ является чловѣкомъ нравственнымъ, съ чловѣческими мыслями и желаніями и способностью къ развитію своего умственнаго и вещественнаго богатства.

Понятіе цѣнности само по себѣ недостаточно для опредѣленія даже и экономическихъ явленій народной жизни: нельзя оцѣнивать даровыхъ силъ природы, и трудно дѣлать какія либо предположенія о

цѣнѣ тѣхъ вещественныхъ богатствъ страны, которыми пользуется человекъ, употребляя лишь столько труда, сколько нужно для того, чтобы сорвать плодъ съ дерева, поймать рыбу, убить птицу и проч. Наконецъ, въ экономическомъ отношеніи, независимо отъ цѣнности вещей, имѣетъ важное значеніе способъ распредѣленія богатства. Еще менѣе понятіе цѣнности можетъ удовлетворить юриста. Цѣнность, какъ результатъ сравненія вещей между собою, составляетъ въ юридическомъ быту только одну сторону имуществъ, находящихся въ обращеніи. Кромѣ цѣнности, право допускаетъ еще и другія основанія въ опредѣленіи отношеній нашихъ къ вещамъ. Такимъ образомъ, оно не дозволяетъ незаконному владѣльцу недвижимаго имущества освободиться отъ справедливаго требованія собственника уплатою одной цѣнности этого имущества; но предписываетъ возвратить отыскиваемое въ его наличномъ состояніи. Равнымъ образомъ, никакое законодательство не полагаетъ оцѣнки личнымъ правамъ состоянія, праву законнаго рожденія, праву опеки и проч. Въ отношеніяхъ нашихъ къ вещамъ, всѣ законодательства признаютъ что-то непосредственное, и въ нашихъ правахъ—внутреннюю и нерасторгаемую связь съ живымъ существомъ ихъ юридическаго субъекта. Нарушеніе всякаго права удручаетъ насъ не одними послѣдствіями матеріальнаго лишенія, которыя можно предотвратить замѣною отнимаемаго равноцѣнными вещами, но также и душевнымъ оскорбленіемъ, которое наноситъ намъ нарушитель права, вторгаясь во внутреннее святѣйшее нашего юридическаго бытія. Ошибочно по этому прилагать къ исторіи человѣческихъ обществъ такой взглядъ, что они могутъ спокойно существовать при извѣстной суммѣ находящихся въ ихъ пользованіи вещественныхъ цѣнностей, и коль скоро насилие доводитъ ихъ матеріальный достатокъ до извѣстнаго предѣла, то имъ, по выраженію автора, остается одно чувство животнаго самосохраненія—и они возмущаются. Такая мѣрка состоятельности гражданъ нигдѣ не существуетъ ни въ дѣйствительности, ни въ отвлеченіи. Извѣстная сумма цѣнностей можетъ показаться необразованному поселянину достаточнымъ фондомъ его безбѣднаго существованія; но если бы оставить при ней одной человекъ съ развитыми потребностями, то въ душѣ его не останется ни одного мѣста, не пораженнаго чувствомъ лишенія, которое болѣе слабыхъ можетъ довести даже до отчаянія и самоубійства.

Чѣмъ выше благосостояніе человекъ, чѣмъ болѣе въ немъ обра-

зованности и энергии, тѣмъ живѣе чувствуется имъ матеріальное лишение и тѣмъ сильнѣе оскорбляется нарушенное право. Человѣкъ, матеріально—духовное существо, переноситъ въ міръ матеріи свое субъективное бытіе и цѣнитъ въ вещахъ не одно достоинство ихъ, какъ матеріи, но и ихъ связь съ своимъ внутреннимъ міромъ. Заставляя вещи служить своимъ потребностямъ, онъ получаетъ отъ нихъ не только животную пищу, но и духовную.

Что замѣчается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, тоже самое имѣетъ примѣненіе и къ цѣлымъ обществамъ. Обитатели востока, которымъ испоконъ вѣка даващій деспотизмъ постоянно препятствовалъ развивать матеріальное благосостояніе и лучшія понятія гражданственности, гораздо терпѣливѣе переносятъ лишенія, чѣмъ жители Европы, поставившей задачей своей исторіи эманципацию личности и обезпеченіе ея индивидуальной свободы. Политическая мудрость въ матеріальномъ богатствѣ народа и его цѣнности видитъ одно относительное значеніе, и достаточность или недостаточность народнаго богатства для удовлетворенія нуждамъ націи обуславливается прежде всего ея потребностями, ея внутреннимъ міромъ. Такимъ образомъ, въ статистикѣ Европейскихъ государствъ, извѣстенъ, какъ примѣненіе этого начала, тотъ законъ, что государственные союзы съ національнымъ правительствомъ и одноплеменнымъ населеніемъ носятъ въ себѣ условія прочности, и долѣе сохраняются, несмотря на превратности исторической судьбы, большую или меньшую чувствительность общихъ и частныхъ лишеній.

Обращаясь къ крестьянамъ юго-западной Руси XVI столѣтія, мы можемъ сказать, что народъ этотъ терпѣлъ матеріальныя и нравственныя лишенія. Терпѣлъ онъ отъ своевольства войска, отъ роскоши и мотовства пановъ, отъ жидовъ—арендарей, которымъ отдавались имѣнія съ правомъ судить крестьянъ и даже казнить смертію. Все это подтверждается свидѣтельствами современниковъ, *думами* и преданіями народа и, наконецъ, тѣми актами Кіевской Коммиссіи, которыми пользовался авторъ для составленія своей статьи. Но этого мало: намъ еще нужно знать, какъ смотрѣлъ народъ на эти притѣсненія, какія права свои онъ считалъ нарушенными, какъ хотѣлъ жить и къ какому порядку стремился? Чтобы отвѣчать на эти вопросы нуженъ анализъ внутренней жизни народа; но г. Мордовцовъ, привязавшись къ одностороннему началу цѣны, не взявъ на себя этого труда, и потому его объясненія фактовъ, записанныхъ въ актахъ

Кіевской Коммисіи, не имѣютъ ни юридическаго характера,—потому что въ нихъ нѣтъ ничего о правахъ крестьянъ по обычаю и собственнымъ ихъ понятіямъ, ни историческаго—потому что въ исторіи предполагается движеніе; а изъ всѣхъ выводовъ автора соотвѣтствуетъ этому условію только одно замѣчаніе, что съ 1566 г., съ каждымъ годомъ возрастали цифры, выражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности, ни статистическаго, потому что статистика занимается отысканіемъ среднихъ и постоянныхъ чиселъ, а г. Мордовцовъ пользуется находившимся у него цифрами, какъ примѣрами и образцами; наконецъ, въ разсматриваемой статьѣ г. Мордовцова, нѣтъ ничего и политико-экономическаго, потому что авторъ даже не вспоминаетъ ни объ одномъ законѣ развитія народнаго богатства.

Выраженіе автора, что у Южно-русскаго поселенина XVI в. не оставалось ничего, кромѣ чувства животнаго самосохраненія, мы считаемъ обмолвкой: много значенія не можемъ придать этимъ словамъ, потому что самъ г. Мордовцовъ приводитъ въ своей статьѣ пѣсни и думы народа, въ которыхъ сказалось его оскорбленное чувство челоуѣческаго достоинства и, по видимому, хорошо знаетъ событія исторіи, обратившей Южно-русскій народъ въ военный лагерь, въ которомъ неграмотный земледѣлецъ, паравя съ просвѣщенными людьми, предводительствовалъ военною силою и участвовалъ въ образованіи внутренняго управленія и заключеніи политическихъ союзовъ.

Въ заключеніе скажемъ о статьѣ г. Мордовцова, что радуемся появленію ея, какъ доказательству любознательности просвѣщенныхъ людей, обращенной на ту сторону русскаго жизни, которой мы придаемъ большую важность по причинамъ, выше нами изложеннымъ. Мы очень благодарны автору за составленное имъ довольно тщательное извлеченіе изъ актовъ Кіевской Коммисіи, которое познакомитъ многихъ читателей съ этимъ драгоценнымъ источникомъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній о Южной Руси. Что же касается до выводовъ автора, то въ нихъ, какъ мы прежде сказали, нѣтъ анализа внутренней жизни народа.

Авторъ раскрываетъ передъ нами картину насилія, являющагося то въ формѣ притѣснительнаго закона, то въ видѣ произвола пана и жнда-арендатора, но не спсходитъ къ самому народу съ его правами, мыслями и желаніями, взлелѣянными правами и обычаями прошедшаго. Въ своихъ *заключеніяхъ*, г. Мордовцовъ ничего не прибавилъ,

по нашему мнѣнію, къ всему тому, что намъ извѣстно изъ актовъ Кіевской Комиссіи и другихъ источниковъ. Заключенія эти сами по себѣ ничего не говорятъ, или, пожалуй, говорятъ новаго на столько, на сколько дополняетъ характеристику 1674 года наивно простодушная острота лѣтописца Величка: «Тотъ годъ на лѣтерѣ *добрь* теченіе свое отправовати начавій, долженъ былъ отъ имени своего доброе и благополучное даровати житіе; еднакъ добра не было». Дѣйствительно не было добра въ Юго-западной Руси, ни въ XVI столѣтіи, ни въ 1674 году, и это не ново. Остается намъ узнать, какого добра намъ нужно было въ то время и что помѣшало ему осуществиться.

А. П.....кій.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ».

I.

Много лѣтъ тому назадъ, *Тарасъ Григорьевичъ Шевченко* началъ издавать альбомъ рисунковъ, подъ названіемъ «*Живописная Украина*». Любя, и глубоко уважая Тараса Григорьевича, я рѣшился назвать свое изданіе тѣмъ же именемъ, въ память Шевченка. Пусть мой трудъ служитъ какъ бы продолженіемъ бывшаго труда Тараса Григорьевича.

Поясню назначеніе своего альбома подробнѣе, чѣмъ въ объявленіи. Цѣль моя—ознакомить не только съ стариною Малороссіи, но и съ современной фізіономіей Украинскаго народа, со всею обстановкой его быта, съ утварью, постройками, шитьемъ, рѣзбой, и съ видами южнаго края; словомъ, все, что составляетъ жизнь Малороссіи, найдетъ мѣсто въ моемъ альбомѣ. Ежели число подписчиковъ увеличитъ мои настоящія средства, то я расширю размѣръ и объемъ своего изданія; а именно, я бы хотѣлъ издавать въ краскахъ все, что имѣетъ интересъ красокъ, также выкройки одеждъ и изображенія всякаго рода произведеній, хотя бы даже не составляющихъ мѣстной особенности, по сдѣланныхъ Малороссами.

Еще разъ прошу cadaго, имѣющаго что-либо снятое съ натуры, какъ-бы оно ни казалось малозначущимъ, доставлять мнѣ, для помѣщенія въ альбомѣ, прилагая только подробное описаніе того, что сдѣлано, кѣмъ сдѣлано и когда. Все будетъ возвращено мною, по минованіи надобности, въ полной исправности и съ душевной благодарностью.

Случалось и не одному мнѣ ѣздить по Малороссіи и дѣлать за-

мѣтки съ натуры; но, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, эти записныя книжки хранились каждымъ про себя, какъ былия впечатлѣнія, какъ справочныя листы, или же складывались въ домашній архивъ, гдѣ часто стирались, марались и терялись. Я самъ, дорожа подобными трудами всегда, потерявъ три такихъ книжки, въ которыхъ было сотни три рисунковъ; при переѣздахъ и перемѣнѣ квартиры—это неизбежно. Потерявъ эти—для меня—драгоценности, я еще болѣе оцѣнилъ ихъ; утрата была невозвратная, и тогда я еще упорнѣе заохотѣлъ подѣлиться собраннымъ матеріаломъ съ другими любителями подобныхъ чертежей и роднаго края; съ того времени, я еще живѣе чувствую необходимость спасать трудъ cadaго.

Мнѣ очень жаль, что размѣръ рисунковъ моего альбома такъ малъ; но увеличить его я не могъ: это повлекло бы къ двойнымъ издержкамъ меня и подписчиковъ.

— У насъ не много людей, понимающихъ оконченныя произведенія искусства, и едвали не менѣе такихъ, которые поняли-бы и вполне оцѣнили очеркъ и эскизъ. Большая часть смотритъ на картину съ слѣпымъ благоговѣніемъ, а на эскизы и легкія наброски, какъ на маранье, едва заслуживающее вниманія, и не придаетъ имъ никакой цѣны. Такой рутинный взглядъ вреденъ; онъ мѣшаетъ уразумѣнію искусства; слѣдить за эскизами поучительно. Конченное произведеніе требуетъ для оцѣнки своей большаго знанія, тогда—какъ очеркъ часто доступенъ и не специалисту. По этому поводу можно сказать много и разговоръ этотъ можетъ продолжиться на нѣсколько страницъ, но я постараюсь пояснить въ нѣсколькихъ словахъ значеніе эскиза и неоконченнаго чертежа.

Эскизъ есть набросокъ зародившейся мысли. Все, что будетъ дѣлать художникъ далѣе, будетъ имѣть, конечно, свою цѣну; но это будетъ уже обработка той, первоначальной, мысли. Эскизъ есть основаніе будущаго произведенія, и рѣдкое конченное произведеніе удерживаетъ впечатлѣніе и свѣжесть эскиза. Отъ эскиза надо требовать того, что можетъ дать, и что долженъ дать эскизъ; а отъ картины то, что должна дать картина. И эскизъ и картина, повидимому, иногда неоконченныя, совершенно окончены. Конченность не въ сухости, не въ кропотливой обработкѣ, а тамъ, гдѣ мысль, или чувство высказались. Есть художники, которые интересны, изящны—только въ эскизахъ. Далѣе они не идутъ, ихъ жаръ остываетъ, выгораетъ на эскизѣ; эскизомъ кончается ихъ бытіе, какъ художниковъ. Одни съ

каждой чертой, съ каждымъ мазкомъ кисти, дѣлаетъ свое произведеніе лучше и лучше; другой—хуже и хуже. Наконецъ, есть еще такого рода очерки, которые *должны навсегда остаться очерками*; это тѣ черты, которыя были сняты съ натуры, особенно—изображающія народъ. Въ нихъ малѣйшее дополненіе безъ натуры есть преступленіе. Путешествуя, нѣтъ возможности чертить окончательно, а потому у меня въ изданіи много рисунковъ неконченныхъ,—я берегу эту неконченность....

Поѣздки художниковъ по Россіи случаются рѣдко, да притомъ, поѣздки съ художественной цѣлью затруднительны (1); а потому замѣтки художниковъ тѣмъ дороже.

Теперь перейду къ объясненію рисунковъ 1-го выпуска.

Форма *дверей* (изъ двора въ сѣни), изображенная на заглавномъ листѣ, не знакомая многимъ въ Черниговской губерніи, очень извѣстна въ губерніяхъ Полтавской, Кіевской и прочихъ.

Рисунокъ подь № 1, изображаетъ *Козачій судъ въ Черноморьи*; рисовалъ съ натуры, въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ, онъ же и награвировалъ его теперь. Налѣво сундукъ, — это казна; возлѣ ней—козакъ на сторожѣ. При подобныхъ судахъ, въ Малороссіи, очень часто выбираютъ, для переписки бумагъ, мальчики, чтобъ не понимали дѣлъ и не сплетничали, — черта весьма практическая. На Черноморьи также пишутъ, какъ мы видимъ, мальчикъ. Очень жаль, что художникъ не могъ рассказать намъ подробностей, — это было такъ давно, что онъ забылъ все, даже, въ какой именно стани-

(1) Въ 1840-хъ годахъ, Л. Ф. Лагоріо былъ остановленъ на Кавказѣ комендантомъ крѣпости, который заставилъ его рисовать *при себѣ* и затѣмъ уже отпустилъ его. Въ 1850 г., А. Е. Бейдеманъ былъ остановленъ солдатомъ крѣпости Ларсъ, въ ущельи, за Владикавказомъ... В. О. Тиммъ былъ арестованъ въ Землѣ Войска Донскаго. И такихъ примѣровъ очень много: почти на одному художнику не обошелся его рисунокъ съ натуры безъ неприятности. Я былъ остановленъ, въ 1852 г., въ г. Прилукахъ, грубымъ полицейскимъ чиновникомъ, и только послѣ крупнаго объясненія съ городничимъ, выѣхалъ свободно изъ города. Въ 1854 г., въ хуторѣ Зірогѣ Полтавской губ., Лубенскаго уѣзда, мнѣ даже грозилъ большая неприятность. Меня огласили турецкимъ шпиономъ, обвинили въ томъ, будто-бы я подсыпалъ что-то въ воду бабѣ, которая послѣ меня схватилась за сердце и упала; наконецъ, будто бы одинъ видѣлъ даже у меня своими глазами фальшивый паспортъ. Меня хотѣли связать и доставить въ станъ. Отъ всего этого я былъ избавленъ П. А. Кулишомъ. Въ 1856 г., въ Бахчисараѣ, я былъ остановленъ какимъ-то майоромъ и отправленъ съ будочникомъ по улицамъ города за то, что рисовалъ.

цѣ онъ рисовалъ: въ Темишбекской, Прочномъ—Окопѣ, или Баталъ—Пашинской?

№ II, гравированъ мною съ рисунка И. И. Соколова, который ѣздилъ много по Малороссіи съ цѣлію изучить ее и собиралъ матеріалъ чрезвычайно добросовѣстно. Рисунокъ этотъ снятъ съ натуры въ селѣ Еремѣвкѣ (Полтавск. губ. Золотоношскаго уѣзда), и представляетъ «*дивчину въ дрибушкахъ*». Ленты разныхъ цвѣтовъ; на шеѣ *корали*, образки, *личмани*—медали, которыя еще попадаются; *свитка* бѣлая, суконная.

№ III,—гравированъ тоже мною съ рисунка И. И. Соколова, сдѣланнаго рисунокъ съ натуры въ томъ же селѣ Еремѣвкѣ. Онъ представляетъ «*бабусю въ намиткѣ*». Свита тоже бѣлая, суконная. Село Еремѣвка—одно изъ тѣхъ, которыя сохранили въ себѣ старину.

Считаю долгомъ благодарить *И. И. Соколова* за доставленные мнѣ рисунки; они такъ хороши, такъ добросовѣстно сняты, что лучшихъ и подобныхъ имъ я не знаю. Благодарю также *А. Е. Бейдемана*, пожелавшаго даже участвовать трудомъ въ моемъ изданіи; *О. П. Челищеву*, *А. Ф. Лагорию* и *П. А. Кулиша*, доставившихъ мнѣ свои рисунки; *Ю. В. Толстому*, доставившаго мнѣ два рисунка Штериберга и *А. Ф. Чернышева*, обѣщавшаго дать рисунокъ, которые вывезетъ изъ теперешней своей поѣздки въ Малороссію.

ЛЕВЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

ЗАМѢТКА О НАРОДНОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ 4-мъ № «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника», въ отчетѣ о русинской депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Вѣну, напечатано слѣдующее разсужденіе о южно-русскомъ литературномъ языкѣ: «они (Галичане) имѣютъ письменность; языкъ ими употребляемый гораздо ближе къ нашему литературному языку, чѣмъ то малороссійское нарѣчіе, какимъ пишутъ наши украинскіе литераторы. Каждый изъ насъ совершенно легко можетъ читать все, что пишется на южно-русскомъ нарѣчій, равно какъ и русскіе люди въ Галиціи совершенно свободно и съ особенною охотою читаютъ русскія книги. Писатели Червонной Руси стараются болѣе о томъ, чтобы сблизить свое нарѣчіе съ литературнымъ, обще-русскимъ языкомъ, не слѣдуя примѣру нашихъ украинскихъ литераторовъ, которые передразниваютъ всѣ отгѣпки и тоны народнаго говора».

Это странное мнѣніе автора «Современной Лѣтописи» удивляетъ насъ своею неопредѣленностію, неизвѣстностію началъ литературной критики, которыхъ держится авторъ, и непонятностію требованій, съ которыми она относится къ языку южно-русской литературы.

По всему видно, что онъ не благоволитъ къ тому южно-русскому языку, которымъ пишутъ украинскіе писатели, и симпатизируетъ галицкимъ литераторамъ за то, что они *не передразниваютъ* народнаго говора,—какъ это дѣлаютъ первые. Передразнивать же народный говоръ, если мы не ошибаемся, значитъ писать на языкѣ, похожемъ на народный, но не на народномъ; придавать словамъ и выраженіямъ такой смыслъ, какого они не имѣютъ въ изустной рѣчи народа, или, говоря иначе, писать языкомъ какъ бы народнымъ, но непонятнымъ самому народу. Передразниваніе вообще и передразни-

ваніе народнаго говора въ особенности—забава празднаго воображенія, пріятная развѣ тому, кто передразниваетъ, но, безъ сомнѣнія, неумѣстная въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ литература, гдѣ удовольствіе и польза обѣихъ сторонъ, предлагающей и принимающей услуги, составляютъ условіе *sine qua pop...* Литературное передразниваніе дурно, и не должно быть терпимо. Но кто именно изъ украинскихъ литераторовъ передразниваетъ народный говоръ; находятъ ли читатели уродливыя произведенія этихъ авторовъ и преслѣдуются ли они критикою—вотъ вопросы, которые авторъ Современной Лѣтописи оставляетъ въ сторонѣ, и даетъ, такимъ образомъ, поводъ думать, что, съ своей точки зрѣнія, онъ готовъ назвать передразниваніемъ народнаго говора даже и тѣ произведенія украинской литературы, которыя читаетъ и любитъ народъ какъ свои думы и пѣсни, пережившія въ его памяти сотни лѣтъ. Произведенія эти, народные по содержанію и по формѣ, писаны языкомъ русскимъ, далеко непохожимъ на литературный языкъ великорусскихъ писателей, и, вѣроятно, не имѣли бы такого успѣха въ украинскомъ народѣ, если бы были писаны языкомъ Жуковского, Пушкина, Гоголя и проч.

Значеніе народнаго элемента, въ русской литературѣ, Бѣлинскій характеризовалъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «русская литература есть не туземное, а инородное, растеніе. Это обстоятельство даетъ особенный характеръ ей самой и ея исторіи; не понять этого обстоятельства, или не обратить на него всего вниманія, значитъ не понять ни русской литературы, ни ея исторіи. Ея исторія, особенно до Пушкина (отчасти еще и до сихъ поръ), состоитъ въ постоянномъ стремленіи отрѣшиться отъ результатовъ искусственной пересадки, взять корни въ новой почвѣ и укрѣпиться ея питательными соками. Идея поэзіи была выписана въ Россію по почтѣ изъ Европы,—и явилось у насъ заморское нововведеніе. Ее понимали какъ искусство слагать вирши на разные торжественные случаи....» «Пѣснопѣвческій» и «воспѣвательный» взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщенной Европѣ. Всеобщемо извѣстностію тогда пользовалась только древняя литературы.... Эпическая поэзія, по понятію псевдоклассиковъ, должна была воспѣвать какое—нибудь великое событіе въ жизни человѣчества, или въ жизни народа, и въ какую бы эпоху, у какого бы народа ни произошло это событіе, оно должно быть наряжено въ багряницу или тогу, явиться мѣстнаго колорита, при-

водиться въ движеніе сверхъ-естественными силами, выразаться напыщенно и безцвѣтно, — чего необходимо требуетъ всякая поддѣлка подь чужую форму и тѣмъ болѣе подь чужую жизнь. Вотъ происхожденіе риторической поэзіи. Основаніе ея — отложеніе отъ жизни, отпаденіе отъ дѣйствительности. Такая-то поэзія была перенесена на Русь.»

Какъ бы далеко ни ушла русская поэзія до Бѣлинскаго и послѣ него въ своемъ стремленіи сдѣлаться народною, и какъ бы много языкъ ея ни принялъ въ себя естественности, живости и разнообразія народной рѣчи; но пройденный путь, — путь заимствованія чужаго и долгаго разобщенія съ живымъ источникомъ русской народной рѣчи, — еще и теперь очень явственно даетъ себя замѣтить во всякомъ новомъ литературномъ произведеніи велико-русской школы и его языкѣ. — Перифразировавъ, такимъ образомъ, взглядъ Бѣлинскаго на русскую литературу, мы должны прибавить, что высказанная въ приведенной выпискѣ мысль даровитаго критика въ свое время имѣла всѣ условія для того, чтобы удивить читателей своею новостью и рѣзкою противоположностью съ утвердившимися литературными взглядами и предубѣжденіями; но теперь она за-частую высказывается новѣйшими писателями-критиками. Мы съ нею, по-видимому, уже хорошо освоились, и забываемъ о ней только тогда, когда намъ приходится примѣнять общій взглядъ къ отдѣльнымъ явленіямъ литературы, или не узнаемъ ее тамъ, гдѣ она говоритъ о себѣ самымъ дѣломъ, хотъ бы, напримѣръ, такимъ, какъ возникновеніе южнорусской литературы въ Галиціи и Украинѣ.

Авторъ «Современной Лѣтописи», находя въ языкѣ литературныхъ произведеній галицкихъ Русинновъ болѣе сходства съ литературнымъ велико-русскимъ языкомъ, чѣмъ въ языкѣ украинскихъ литераторовъ, не остановился ни на минуту вывести заключеніе въ пользу первыхъ, и обвиняетъ послѣднихъ въ дурномъ обращеніи съ народнымъ языкомъ. Наблюденіе, сдѣланное авторомъ надъ языкомъ должно бы было подвинуть его — обратить вниманіе на внутреннее содержаніе литературныхъ произведеній, и выикнуть по глубже въ характеръ и особенности литературной дѣятельности галицкихъ и украинскихъ писателей. Но авторъ «Современной Лѣтописи» не захотѣлъ, или не счелъ нужнымъ, взять на себя такой трудъ, и потому въ результатъ его словъ какъ бы скрывается совѣтъ украинскимъ литераторамъ подражать языку галицкихъ писателей.

Попавшійся намъ подь-руку Галицкій Сборникъ 1857 г. даетъ

возможность представить образцы литературного вкуса галицких писателей, и предоставить самим читателям оценку отзыва Современной Лѣтописи о ихъ языкѣ. Начнемъ съ оды на торжественное рукоположеніе въ епископы Куръ Спиридіона Литвиновича съ эпитафійою изъ русской лѣтописи: «И бысть великое веселіе и велиа слава Руси нарещи толь оумна и доблестна мужа своимъ». Вотъ самая ода:

Въ престольномъ градѣ Австрійской Державы,
Въ церкви, гдѣ Бога Русь наша хвалитъ,
Восходитъ намъ въ мірѣ мужъ ума, славы,
Отчизны сладость, украса и щить.

Владыча митра, що свѣжими краски
Блеститъ на свѣтлой его головѣ,
Сплетена зъ Божой и Царской ласки
Во мзду заслугамъ его и любви...

Хотя въ произведеніи этомъ нѣтъ ни «пою», ни обращенія «къ музамъ», и эпитафія, взятый изъ русской лѣтописи, свидѣтельствуешь, повидимому, о желаніи автора быть народнымъ; но нельзя, думаемъ, и на минуту ошибиться, что стихотворенію этому, по его содержанию, размѣру стиха и языку, почти такъ же далеко до народнаго склада, какъ и одѣ Ломоносова на взятіе Хотина, да еще пожалуй подаѣ.

Другую выписку дѣлаемъ изъ стихотворенія: «Бѣдъ на село.»

Якъ Гамлетъ все твердилъ Офеліи:
Иди, прекрасна, въ монастырь!
Иди, и скройсь въ самотной кельи,
Не возмущай собою міръ!
Такъ я, въ волненіи любви,
Склонивши жаркое чело,
Прошу тебе все темижъ словы:
Бѣдъ на село! Бѣдъ на село!

Бѣдъ на село! у насъ тутъ въ мѣстѣ
Саміи ложнии цвѣты;
Ихъ барва, воня, сокъ и листѣ
Отравою суть честноты.

Я тутъ противъ ударамъ грому
Поставлю дерзкое чело,—
Хоть сердце пукне... Жій другому...
Бѣдъ, чѣмъ скорѣйше, на село!

Изысканность содержанія этого стихотворенія, сентиментальность,

доходящая до приторности, и разглагольствованіе, при отсутствіи живыхъ и выразительныхъ красокъ, не только не имѣютъ ничего общаго съ произведеніями народной южнорусской музы, но и не пахотятъ себѣ ничего подобнаго въ кругу поэтическихъ твореній великорусскихъ авторовъ новѣйшаго времени. Вообще въ произведеніяхъ галицкихъ писателей, какъ прозаиковъ такъ и поэтовъ, стремленіе писать языкомъ, который живетъ въ устахъ народа, и писать народно по содержанію, — отодвинуто на второй планъ, и потому въ прозѣ у нихъ мы встрѣчаемъ выраженія очевидно не народной конструкціи, въ родѣ такого: »Солнце приглядалося въ полыскаючомъся желѣзѣ и розносило отблескъ по лѣсъ.«

Если приведенные нами образцы стихотвореній, напечатанныхъ въ Сборникѣ 1857 г., по языку своему ближе къ литературному русскому, чѣмъ произведенія украинскихъ авторовъ, то это свидѣтельствуетъ только объ удаленіи галицкихъ писателей отъ своей народности и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено ни къ чести русской литературы, ни къ заслугѣ галицкихъ писателей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не имѣютъ, какъ по всему видно, достаточно вкуса и такта для того, чтобы подражать новѣйшимъ и лучшимъ образцамъ русской литературы, и напоминаютъ въ своихъ произведеніяхъ языкъ великорусскихъ авторовъ псевдо-классической школы прошлаго столѣтія.

Неестественность и натянутость червоно-русскаго литературнаго языка, кажется, понимаютъ нѣкоторые изъ галицкихъ писателей, какъ это можно заключать изъ напечатаннаго въ томъ же Сборникѣ отзыва объ украинскомъ литературномъ языкѣ, по поводу стихотвореній Карпенка. Здѣсь авторъ обозрѣніи обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что языкъ, употребляемый въ нихъ странъ, имѣетъ своихъ писателей и въ далекомъ краѣ, и существуетъ на зло тѣмъ, «которыя неумѣючи тогоже, ради бы вознестися на орлѣныхъ крылахъ въ высоту учености и предписовати правила якогось литературнаго языка».

Недостатки, замѣчаемые въ языкѣ галицкихъ писателей, находятъ, думаемъ, отчасти свое оправданіе въ особенныхъ отношеніяхъ русской литературы въ Галиціи къ нѣмецкой и польской и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ русскіе писатели выдерживаютъ борьбу съ могущественнымъ преобладаніемъ соперницъ. Пиша очень много и о предметахъ крайне разнообразныхъ, трактуя за-разъ о погодѣ,

урожаѣ, болѣзни скота, о полтикѣ, наукахъ и искусствахъ, они не всегда находятъ для себя удобнымъ выскрывать употребляемыя въ народномъ говорѣ, или по крайней мѣрѣ, наиболѣе къ нему подходящія слова и выраженія, и, вмѣсто того, кое-какъ заимствуютъ чужія готовые формы, или предпочитаютъ имъ свои наскоро-составленныя quasi-народныя изрѣченія. На украинскнхъ авторахъ не лежить столь трудная задача, и потому средства ихъ не носятъ на себѣ характера такой экстренности, какая замѣчается въ произведеніяхъ галицкихъ писателей. Украинскіе авторы, кромѣ, конечно, немногихъ исключеній, которыя дѣятельно преслѣдуются критикою, не дѣлаютъ посягательства на чистоту народнаго языка. Имъ нѣтъ надобности въ произвольномъ обращеніи съ русскимъ языкомъ, потому-что каждый изъ нихъ можетъ писать на установившемся языкѣ великорусскихъ авторовъ, языкѣ школы и образованнаго круга общества. По южно-русски пишетъ только тотъ, кто имѣетъ призваніе писать языкомъ народнымъ. Произведенія немногихъ, пріобрѣвшихъ извѣстность, украинскнхъ авторовъ, по выдержанности въ нихъ народнаго характера, не оставляютъ ничего больше желать, въ настоящую минуту, относительно языка ихъ и содержанія. Какъ далеко пойдетъ украинская литература въ этомъ направленіи, и на долго ли она сохранитъ свой языкъ отъ вліяній, способныхъ сдѣлать его чужимъ для народа—объ этомъ трудно сказать теперь что-нибудь положительное, какъ трудно вообще угадывать будущее. Во всякомъ случаѣ, украинская литература, съ нынѣшнимъ ея направленіемъ, составляетъ замѣчательное явленіе посреди другихъ литературъ, какъ явленіе чисто-народное, и имѣетъ полное право на сочувствіе всѣхъ тѣхъ, для кого участіе массы въ умственномъ движеніи, представляемомъ литературою, не есть одно пустое слово, и для кого дорогъ вопросъ о грамотности и развитіи народа. Не нужно забывать, что полуграмотный и совсѣмъ неграмотный народъ имѣетъ свои мысли и чувства, свое міросозерцаніе, выработанныя прошедшимъ и настоящимъ его жизни, и что его внутренній міръ не представляетъ собою такого матеріала, на которомъ его учителя могутъ записывать что имъ захочется—какъ на доскѣ, покрытой воскомъ.

Только языкъ, который живетъ въ разговорной рѣчи народа и въ его преданіяхъ, можетъ вызвать въ душѣ человѣка тѣ чувстваванія, образы и сближенія понятій, съ которыми сроднилось его міро-

созерцаніе. Народное остроуміе, въ названіи вещей, любитъ соединять указаніе на другія, показавшіяся народному уму по чему-либо съ ними сходными. Таково, напр., по объясненію г. Кулиша, слово *сіромаха*, (названіе бѣдняка,) которымъ народное остроуміе привыкло напоминать вамъ его сѣрую одежду и скитальческую жизнь сѣраго волка (сіроманца). Забудьте это слово соотвѣтствующимъ ему, хотя бы и понятнымъ, выраженіемъ великорусскаго языка — и оно не воспроизведетъ въ воображеніи украинца сейчасъ-указаннаго нами сближенія. Въ сближеніи же понятій, какъ извѣстно — творчество и внутренняя жизнь нашего духа.

Языкъ народа, со всѣмъ разнообразіемъ и богатствомъ его содержанія, есть его созданіе и существенная принадлежность съ той минуты, какъ только народъ выступилъ на поприще исторической жизни. Смотри по ходу событій, народная рѣчь воспринимаетъ больше или меньше чуждыхъ словъ; но всѣ такія прибавки количественно ничтожны въ сравненіи съ богатствомъ народнаго языка, который, съ матеріальной стороны, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Смѣняются событія вѣдшей исторіи и явленія внутренней жизни: на горахъ, гдѣ гнѣздились разбойники, устраиваются великолѣпные города; пустыни обращаются въ великолѣпныя пажити; сосѣднія племена, вписавшія въ страну ужасъ и опустошеніе, мирными сношеніями своими споспѣшествуютъ развитію народнаго богатства, процвѣтанію наукъ и искусствъ; сосѣди-враги дѣлаются союзниками; племена, составлявшія прежде отдѣльные политическіе союзы, соединяются подъ одну власть, и, наоборотъ — соединенные прежде-отдѣляются. Одни внутреннія учрежденія замѣняются другими. Сообразно съ этою смѣною явленій народной жизни, языкъ его, оставаясь, въ сущности, однимъ и тѣмъ же, измѣняется со стороны внутреннего значенія и формы. Измѣняются понятія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слово народнаго языка, имѣвшее прежде одно значеніе, получаетъ въ послѣдствіи другое. Прослѣдивъ видоизмѣненія понятій, которыя народъ соединялъ съ словами отъ начала своей исторіи до послѣдней минуты, мы узнаемъ всю его исторію, все его міросозерцаніе. Объясните затѣмъ, почему народъ одни понятія выражалъ только такими, а другія — иными словами, и въ чемъ именно состоитъ отличіе его, въ этомъ отношеніи, отъ другихъ народовъ: — тогда вамъ представится фізіономія народа и его исторія въ смыслѣ прагматическомъ. Слово народное, употребленное въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ настоящемъ говорѣ народа,

естественно вызываетъ то понятіе его, которое народный умъ соединялъ съ нимъ прежде, если только память о первоначальномъ предметѣ, выражаемомъ словомъ, сохранилась въ народныхъ преданіяхъ. Возьмемъ для примѣра слово: «подданный». Теперь оно означаетъ отношеніе къ верховной власти; но прежде подданнымъ назывался крепостной человекъ, крестьянинъ. Употребите это слово въ бесѣдѣ съ Украинцемъ—и его память, по народнымъ воспоминаніямъ, пѣснямъ и думамъ, нарисуетъ вамъ феодальный бытъ польскихъ пановъ съ его характеристическою обстановкою: съ замками, съ палаточными хоругвями, съ губернаторами (управителями), съ дамами, охотами и проч. Напротивъ, попробуйте употребить хоть общерусское, но забытое на Украинѣ, слово «пѣлнникъ», вмѣсто *невольникъ*, *бранецъ*, *бранка*:—это слово, конечно, вызоветъ, въ вашемъ слушателѣ, воспоминаніе отряда пѣлнниковъ, проходившаго безмолвно, во время послѣдней войны, съ нѣсколькими солдатами черезъ селеніе, если только ему случилось ихъ видѣть; но не такъ легко его памяти перейти къ тому, что сохранилось въ сокровищницѣ изустнаго слова о невольникахъ и бранцахъ. Между тѣмъ, народная муза сохранила память о невольникахъ, которые дѣлались друзьями, домочадцами и спутниками всей жизни своихъ господъ. Въ невольничьихъ пѣсняхъ описываются тоска и страданія въ турецкой каторгѣ, и вмѣстѣ возношенія къ небу души, измученной несчастіемъ. Назовите Украинцу пѣлнника—*невольникомъ*—и вы вызовете въ его душѣ многіе образы невольниковъ, созданные народною музою; его созерцаніе будетъ дѣятельнѣе и богаче, а благотворное дыханіе поэзіи ему подскажетъ любовное обращеніе къ жертвамъ несчастія.

Однимъ словомъ, говоря къ простому народу его языкомъ, мы входимъ въ непосредственное отношеніе съ его мірозерцаніемъ, потому что слова и понятія, нами высказываемыя — его собственные и органически связаны съ его внутреннимъ міромъ. Если же мы попробуемъ съ нимъ объясниться на языкѣ, несовсѣмъ ему понятномъ, и хотя бы, въ основаніи своемъ, языкѣ народномъ, но сложившемся и установившемся въ письменной литературѣ, помимо участія, въ образованіи его, самого народа, то намъ придется многое объяснять неграмотному простолюдину, а отъ ученика нашего потребуется достаточно времени и усилій для того, чтобы усвоить себѣ понятія, которыя соединяетъ литературное употребленіе съ такими или иными словами русской рѣчи,—чтобы овладѣть несовсѣмъ понятнымъ ему меха

низмомъ литературнаго языка. Разрывая такимъ образомъ въ наукѣ связь съ міросозерцаніемъ народа, мы заставляемъ его проходить путь, уже имъ пройденный, плд, выражаясь образите, мы, стоя на горѣ, толкаемъ его внизъ для того, чтобы онъ опять подымался въ гору.

Вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ объяснить то явленіе, что произведенія великорусской литературы читаются только тѣми, кому судьба дала возможность посвятить наукѣ нѣсколько лѣтъ жизни, и какъ бы совершенно не существуютъ для малограмотныхъ простолюдиновъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ неприхотливыхъ умственныхъ организацій, которыя процессъ чтенія принимаютъ за самое чтеніе.

Произведенія Квитки, Шевченка и Марка Вовчка, напротивъ, читаются съ большою охотою всѣми, кто только кое-какъ овладѣлъ способностію изъ буквъ составлять слова. И—странное дѣло—произведенія эти читаются съ любовью даже и малограмотными великороссіянами, несмотря на болѣе или менѣе значительное отличіе малорусскаго и великорусскаго нарѣчій. Вотъ неопровержимое доказательство народности этихъ произведеній и преимущества ихъ предъ галицкою и отчасти великорусскою литературою.

А. П.....кій.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Високоповажнимъ: О-т-п-ч-с-к-у, — М-му В-р-вль и І. Ч-ри-скому, въ Кишиневъ, — О. К-цову, въ Таганрогъ, — П-ну — М-чу Ст-ц-ку, въ Гродно, — Г-ю А-т-ву, въ Кролевецъ, — А. С-в-чу, въ Москву, — А. С. К-в-л-скому, Н. Т-х-р-скому, А. З-му К-п-к-му, въ Петербургъ, — А. А-др-ку, В. П-т-р-к-ж-ха и М-лу Ал-чу М-л-ш-ку, въ Киевъ, — В. Д-б-к-му, въ Сосницю, — Ф. Б-ч-ку, въ Станицу Надежскую, — А-ру А-чу Ост-п-ку Б-л-ку, въ Ананьевъ, — В-ю С. М-вль, въ Харьковъ, — А-ю Сл-цкому, въ Переяславъ, Н. Н. П-т-ну, въ Градижскъ, — В. М-с-л-ю, въ Казань, — и А. Е. Зв-н-с-кому, въ Кременчугъ.

Якъ квіту по землі, такъ люду и слова різного по світу, — и для кожного народу нема скарбу дорогшого надъ ёго рідне слово... Отъ же (хоть воно й чудно) — ще недавно здавалося, що наше Українське слово або зовсімъ зникне, або переробитця у иншу річъ, виступить у чужій одежі, — бо вже забували рідню мову люде письменні, що брали ключъ розуміння и звались отцями и руководниками народу. — Да якъ у давні роки простий людь нашъ судьбу України на своїхъ плечахъ винісивъ, такъ и по сей часъ вінъ сберігъ свое рідне слово, и — дяки нашому народові — пережило воно віки, пережило и тихъ письменнихъ, у котрихъ заснула народня душа, котрі, своїмъ невеличкимъ розумомъ, давно вже матерню мову въ могилу положили и каменемъ привалили. Не розуміли й сторонні, а де-які й наші, письменники, що зерно, у добру землю положене, якъ часъ настигне, изновъ вийде на світъ, и буйнимъ колосомъ закрасуетця... Такъ дісне й сталося зъ нашою рідною мовою! Чого вона не перебула, якихъ му-

дрошей не переслухала одъ своїхъ и чужихъ людей—що бачать ажъ за лісомъ, а у себе передъ очима не бачать... Отъже, не загубила її ни холодна розсудливость, ни ляха година: »незагинула вона въ неволі,—незагине й зъ нами по волі...» »Зрадні ваша рада«, одказали ми тимъ псьмакамъ, що насъ на свій—да позичений—ладъ на-вертали:» у насъ есть рада вірна, батькова:

»Не цурайтесь «(мовлявъ Тарасъ)» того слова,
Що мати співала,
Якъ малого сповивала,
Зъ малимъ розмовляла...
«...Бо хто матіръ забуває,
Того Богъ карає,
Того люде цураютьця—
Въ хату не пускають—
Свої люде якъ чужві—
И немає злону
На всій землі безконечній
Веселого дому!...»

Прозріли теперъ всі ми,—домисляясь и дознаясь, що своя свита міцніше за плечи взялася, — що зъ свого двору ніхто дороги не покаже—на виступці не попросить. «Лучче свое латане, ніжъ чужее хватане,—лучче свое лохматне, ніжъ чужее прохатне», думавъ нашъ справедливий и мудрий народъ... Такъ и ми, письменні, теперъ думаємо.

На оповістку про »Основу«, и тутешні и дальні земляки стали слать намъ — зъ усіхъ кінцівъ України, зъ надъ Дністра и Дунаю, зъ Одеса, Криму, Чорноморіи и Кавказу, изъ Москви, Казані, Астрахані и зъ іншихъ сторінъ,—хто на що змігся... Протежъ, посилаючи вамъ привітъ и дяку одъ щирога серця, відповідаємъ вамъ зъ такою щиростью и правдою, якъ и ви до насъ озвалися. Може, тихе да тепле слово наше, наша дружня рада, на добро вамъ здастьця, а ви насъ за те своєю радою зарадите: коли дѣ треба—навчїть, поправте—и діло наше піде веселїшъ, и дружнїшъ и краще.

Наша Українська мова, якъ и самі, здорові, знаєте, має въ собі велику вагу и силу; все, що перейшло черезъ серце и розумъ незлічимої семьи, котра зъ давніхъ—давенъ жила и живе на нашій Україні широкій, — все одзначилось въ нашій рідній мові: и море въ хвилю и въ тишу, и зорі, що въ глїбѣ его світятця, зъ яснимъ місяцемъ и палючимъ сонцемъ, зъ горами, степами й лісами; радїсть и

туга невиспуща; кохання щире и проклінъ; воля широка й темниця глибока,—голосъ неустайний великої душі народнєї, що все життя свое довговічне и дивне въ слові оповідала. — Кожне словечко не просто по члїй-небудь єдиничній волі вилетіло зъ усть та й стужавило, и стало въ рядъ зъ іншими: ні, воно, може, довго блукало по громаді, поки дійшло свого права. Трапляється нагледїть у книжкахъ яке небудь наново ступене слово, — отъже й змїчаєшъ—інше й не пішло далі: якъ послїдъ, зогнала ёго мїтла людської подоби геть изъ чистого зерна. Се жъ у книжкахъ швидко справа; а такъ, у громаді, скільки треба було часу, щобъ изростись повому слову зъ живою мовою! А зъ сєго кожному буде розумно, що всяке слово має своє непомильне місце. Великий нашъ покійникъ, Шевченко, зразу урозумївъ усю красу, всю тонину и глбину Української мови, и полився изъ струнъ мїцної лїри ёго не слова, здалося намъ, а чистї слєзи чистої душі народнєї. Бажається и намъ їти слїдомъ народнєго великого чоловіка. Досєго жъ довожу й річъ, бо въ присланій намъ праці щирїхъ земляківъ нашихъ—въ іншій и не догляжено за мовою. Ми, боронь Боже, не думаємо провїдїти дорогу гостю тїсними дверима, якъ и зпершу въ «Основі» сказано; нехай коженъ добрий чоловікъ піше якъ уподобавъ и змалку наслухався; тїльки треба щільної уваги—чи такъ же якъ-разъ веде народъ річъ въ тїмъ случаї, який хочемо оповїстїти. Не для кожного одразу здвинеться камїнь, що кривъ ціля віки скарбъ слова, хочъ воно, мовъ барвінокъ підъ снїгомъ, зосталося зелененьке и свїже. Мовчало воно, якъ дїтина—спїртка, що сидить собі де-небудь підъ тиномъ, да погляда на людей, лєдвє важучись до їхъ обїзватись. Чужї діти гуляють, красуютьця, а нашу спїртку тїльки сонечко грїє, та дощикъ обинває,— и нема до ёго діла нікому. А приголубъ ёго, обїзвись до ёго, якъ матїнка,—воно такъ на тебе гляне, що ажъ на душі у тебе вняситця, и вгледївшъ ти рай у тїмъ поглядї. — Оттакъ-то и мова наша затуркана—не гляне вона на тебе до-ладу, поки не покохаєшъ її, поки вона тобі віри не поїме: тогді тїльки кожна думка наша обявитця тїмъ самимъ словомъ, що живе для неї межї народомъ. А то—найшли ми, у присякахъ, и думъ доволї хоросїхъ и щиростї багато, да якъ би, кажу, прибрать їхъ якъ-разъ по нашому!.. якъ мати дочку впряджає у празникъ—у білу сорочечку, у плахотку, та й иде вона, якъ струночка. О, кожна мова у свїті любить сее, щобъ її по своєму оденуть, чи московська—въ сарафанъ, чи нїмецька—у плаття. Якъ станешъ убирати

звичайненько, дівисся—кожна мысль, коженъ віршикъ, заразь и вияснятця, и заговорять по своєму; и вже твої думки не грають мовъ же у тісної баби—рядбчкомъ усі посідають, якъ того треба.

Нашъ Марко Вовчокъ, якъ бжолѣ Божа, випивъ найкращу росу ізъ квітокъ нашої мови, бо покохавъ її, покохавъ той людъ, котрий вилвъ всі свої думки та гадки, все своє серденько, тією мовою. Безъ любові одна мідь его *таланту* не помогла-бъ ему; пічого бъ вінъ не вдіявъ и однимъ розумомъ; а то читаешъ — не одірвѣсся одъ ёго речі, якъ въ жива одъ кривичини: чуєтця, віритця, що такъ, а не інако, помисливъ, чи потуживъ, чи порадувався чоловікъ, якъ у его малюнку знято.

Не можна тежъ запевнять, що и въ такихъ людей, якъ М. Вовчокъ, не різнятъ дѣщо зъ пародією мовою. Не легка річъ змоти сее. Ми попередили свою мову розвиваючись на інчихъ поляхъ, и вискочивши на гору, часомъ недочуваемо гараздъ, що вона до насъ, голубка, промовляє. Протежъ радісно намъ слухать її чарівний голосъ и співать за нею, якъ зъуміємо. Не лѣгко, кажу, не помилитись, щобъ кожне слово було постановлено якъ-разъ тіі ціпи, якіі потрібно для мысли: одъ сѣго замочка спражній ключикъ и въ старшихъ словесностяхъ не всякому дався, а у нашихъ початкахъ и геть-то!... на кожному ступні спіткнесся. Тамъ уже кожне слово занесено на папъръ, да огляжено, обпоряжено, да обдумано зъ усіхъ боківъ,—часомъ ажъ передумано, що інше стратило свій цвітъ, свій запахъ рідний. А ми, кажу, пісьменні, схожі на чоловіка, що ввійде у чужу громаду, да поки розбере що до чо́го, — кличе Ивана замісь Степана. У золоту обручку часомъ устави́мо такий камінець, якими греблі тільки бъ гатити... У поважній мові, дивись, стоїть слово, якъ п'яний чоловікъ у церкві; або кучеряве, да голосне, де треба гладенького, та тихенького.—Правдивий батько, — жалібникъ нашої мови, покійничокъ,—земля надъ нимъ перомъ!-літаючи високо у синій далечині, щобъ придивитьця до зірокъ, почувався іподі, що нема тіі струни, якої ёму треба; може була, да порвалась и затоптана за довгі часи. Отъже було понішпорить по святому пісьмі, або по іншихъ древніхъ нашихъ книжкахъ, да витягне відтілъ, озираючись, словечко, вставить его, злѣгка, у свою річъ, да обгорне своїмъ шприємъ добірнимъ,—то мовъ воно тамъ и вродилось,—зросло, и не пізнаешъ его: одивъ цвітъ и пахъ у всему пучечку. Намістникъ Шевченка, Марко Вовчокъ, ізрісъ далеко одъ батька у чужій наўці, а перелетівъ — таки

чужі гори — порвав усі пута, — не стомилися міцні крила у молодого орляти — и спавъ віпъ на чесну и просту дорогу—дойшовъ до самої душі народної. Спасибі незліченне нашому Маркові молодому, да тільки ёго кругосвітъ немаленький, ёго крила широкі,—нестає ему всіхъ піръ до лѣту, якого бажає. Однакъ, чимъ більшъ увага буде до мови, чимъ більшъ її шаноби, щобъ, гнучи, де не надломить,—тимъ незмірѣнно більше буде и доброго діла нашого для України. Марко Вовчокъ—наша надія—все зможе. Горе, якъ хто зъ гордою думкою, а не зъ щирістю, да коханнямъ до люду Божого, приступає до рідного слова, та й почне ёго калічить... А якъ напустимо калічокъ до чистої нашої мови, то не довга річъ її и змарніти: якъ городина молоденька, стече міжъ бурьяномъ. Хибажъ мало прикладу на се по світу? Хоть и въ нашій хаті, що поробило калічене старе письмо ізъ нашою книжною мовою? Або й Москва—чи скоро збулась надимання своєї словесности—«се росска Флакка зрака»? Насилу такі люде, якъ Пушкінъ, повимітали ту половину лавровими віниками, и начерпали живого слѡва зъ живого люду. Отъже, вважаємо, и у насъ се въ іншихъ письмахъ вкидаєця; може й одъ щирості,—дахапаючись черезъ силу, щобъ не ввірвать. Найкраще—повагомъ; и косарь, якъ, знай, маха руками, та роскида очима: «а щѡ», мовъ, «чи й не косаріжъ ми!» то не вробить за тобѡ, що коса тільки—ше - лѣ-сть! шелѣ-сть! — підъ сáмий корінець бере: оттуть и зиску ждать, — все вибере при землі,—ні половнишинку, ні чебрецю пахучого не зоставить.

Інші думають, що у тому глннійці нашому мало щирого злота, що въ нашій землі мало заживу? Більшъ може, а коли не більшъ, то стільки жъ, якъ и де інде, — да, бачте, безъ труда ні щѡ не даєця. Народню мову не жартъ осягнуть усю въ її обширі,—та нехай тільки добрі, та щирі, пахарі зъ увагою берутьця за діло и розгояють ширше и ширше цїлну віковичню. Будемо припадать ухомъ до самихъ борозень, до голосу того, що зъ самїи землі підіймаєця и въ якому строю йде, бо чи візьмешъ низче, чи вище, вже й чути: дзвчить твое слово осѡю въ усі, и не озветця воно луною по Дніпровихъ скеляхъ, по широкихъ степахъ и лугахъ,—не зростєця щирими слѣзами, якъ рідна, живуча, давня, якъ світъ, а усе свіжая пісня.

Що отсе заразъ ми завважили, найбільшъ припадає до присланихъ намъ віршівъ: увъ однихъ видно, що де-хто, взявшись за перо,

не тільки-що нового нічого межъ нашимъ людомъ, зъ усть ёго, не довідався, да й того ще не прочитавъ, що вже десятки літъ якъ списано и напечатано... Такъ, не спорядившись, авторъ пішовъ собі *світъ за-очима* и мусивъ звернуть зъ простого народнѣго шляху туди, куди й не треба, або, зновъ, замѣсь своєї, ступивъ на чужу тропу и переспіває думки чи народні, чи вже проспівані кимъ-другимъ.

Кохані земляки, послаючи въ *Основу* свою первинку, найбільшь на насъ здаютьця: аби, кажуть, нашъ візь у ладъ котився—додаваймо рукъ: хто обома, хто—однією, а хто й нучкою навіть,—все жъ тягтимемъ по-троху.—Зъ щирою дякою для всіхъ и про все, випишемо по гарній частині зъ дѣ—якихъ віршівъ, котрі не підійшли підъ нашу програму: нехай разомъ зъ нами полюбують на нихъ и другі читателі:

I.

Світить кагапчикъ—не лучину...
 Той—ніточку, а пасмо—другий,
 Робѣта й вийде для почину...
 И я на старості візьмусь
 Хочъ валъ... щобъ и свого додати,—
 Бо въ спражні пряхи не гожусь:—
 Аби крутїть, аби не спати.

(А. Е. Звенигородський).

II.

Дѣ ти, доле, дѣ ти, доле?
 Чи ти въ лісі, чи ти въ полі?
 Чи недужа підъ копою
 Притулилась самотю?
 Чи по селахъ тиняєся?
 Чи у морі купаєся?
 Чи на Дону зъ чумаками,
 Чи въ будицкахъ межъ панами,
 Чи съ хлопцятками у школі,—
 Скажи мені моя доле?...

Було, 'тсе сяду у садку—
 Підъ липою въ вечірню пору,
 И пильно, пильно все дивлюсь

Якъ пішно сяють въ не́бі зорі;

А тамъ, дивісь, волосожаръ,

Ниначе пава похожає...

А тамъ їх скільки! Боже мій!

Нехай хто злічить—угадає...

(Зъ меньшихъ віршів А. Я. Конського).

III.

И бачу я тоді широче синє море—
Клекоче глибинні и стогне и реве,
И хвилі пінаві збігаютья якъ гори,—
И гурть човнівъ по морі тимъ пливе;
И дружно козакі на весла налігають,
И ко́жний піну бє и ко́жний хвилю рве....
Лютєе, стогне море, зъ реберъ їх скідає,
И піною, скажене мовъ, імъ очі забиває—
Я чую гомосъ їх... я бачу—потопають!...

(Козакъ В. М. Мова).

IV.

Козаче—небоже, чого ти сумуєшь?
Чого ти частенько и тяжко здихаєшь?
Чи жінка недужа, чи, може, горюєшь
Що дітки померли? худоби немаєшь?—
— И жінка здорова и дітки живенькі,
Въ господі и въ скріняхъ худоби доволі,
И вивці ведуться, и коні гарненькі,
Все маю—да тільки не маю я волі!
Нужуся—хоть часомъ хотівъ би сміятця,—
Забавить дитину, якъ бідне заплаче,—
Такъ дежъ тамъ! насуплюсь, що й діти боїтця,
Дивлятця на батька—на вовка ниначе.

(П. М. Стаценко).

V.

Якъ глянү—погляну у чистее поле
Роскішне, широче, якъ синее море,
Далеке, якъ небо, привітне, якъ доля,

Весёле, тихеньке—ні смѹти, ні гóря;
Якъ гліну я въ полé—душá затрепéче,
Сéрце нáче птáшка въ клітці защебéче,
И я забажáю ширóкої вóлі,
Якóю кохáвся козáкъ на роздóлі,
И клічу тó вóлю,—въ степу́ луна́ гíне...
А вóля козацька до мéне не лiне!...

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 4-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Абб-шо—что-ли.
Ажъ ось—какъ воть.
Ажъ генъ—вопь тамъ, далеко.
Байдакъ—родъ большой лодки, судна.
Бандура—название музыкальнаго струннаго инструмента.
Бая—куполъ церковный.
Баранчикъ—ягненокъ самецъ.
Бабѣхъ!—звукоподражательное слово, выражающее паденіе тѣлъ.
Безпѣшно—безопасно.
Бідаха—бѣдныя.
Бідота (собират.)—бѣдныя.
Бѣжо—(нарѣч.) по божьему.
Борщъ—родъ украинскихъ щей.
Бразолійний—бразолія (родъ темной краски).
Братчикъ—такъ назывались члены церковныхъ братствъ, равно всѣ, между собою, войны Запорожской Сѣчи.
Бава—(дѣтское слово) боль; рана.
Варякати—д. б. нести вздоръ.
Варта—караулъ, стража.
Вартувати—отбывать караулъ, стоять.
Вѣлико—много.
Верхівья—верхушки деревъ.
Вибачити—извинить.
Вибудувати—состроить, выстроить, соорудить.
Вигребти—выгрести.
Видбуляти—выбрести, выйти какъ будто на ходуляхъ, или какъ дитя, не твердое еще на ногахъ.
Визволити—избавить, освободить.
Вишкати—выжигать; укорять.
Вирій—теплыя страны, куда перелетныя птицы отлетаютъ на зиму.

Виспівати—пропѣть все; приобрести что-нибудь пѣснями.
Виступцею—кокетливою походкою.
Витягти—вытащить, вытянуть.
Вишукувати—отыскивать, розыскивать.
Вівчарикъ—овечій пастушокъ; также—бекасъ.
Відцуратися—отказаться; прекратить всякія сношенія.
Відъ—(предлогъ) отъ.
Вижечки (ум.) отъ вижки—возжи.
Вибонечко—окошечко.
Випця—края посуды, — отъ слова — вѣпецъ.
Вирай, вірей см. вірій.
Вітрякъ—вѣтряная мельница.
Вклонитися см. уклонитися.
Вловити—поймать.
Воєвникъ—боецъ, рубака.
Впектися—надоѣсть сильно.
Ворогувати—враждовать.
Ворухнутися—пошевелиться, зашевелиться.
Впнийти—остановить, удержать.
Вподобачити, д. б. вподобати—поправитъ.
Впоратися—окончить занятіе, выполнить начатое.
Всмихъ—усмѣшка.
Встигнути—поспѣть во-время.
Всяково—всячески.
Втѣмити—понять.
Вчнити—сдѣлать, произвестъ; о хлѣбѣ—заквасить, сдѣлать квашню.
Вшквартити—глаголь, выражающій моментъ быстрого и сильнаго дѣйствія.
Вшкѣдити—надѣлать вреда, убытку.
Въ ряді-годи—взрѣдка, когда-когда!

Гонтовий—крытый дравью.
Грати—желвзный переплетъ у оконъ, ршетки.
Грѣцкій—превосходный, вязиный, хорошій.
Гудзикъ—пуговка.
Гайновати—раскидать все въ безпорядкѣ; портить.
Гарбузіиця—стелющіеся стебли тыквы.
Гарбузовий—тыквенный.
Гілочка—вѣточка.
Гирло—узкій проходъ между лямнонь рѣки и моремъ.
Годинка—часочекъ, хорошая погода.
Годинонька—минуточка; лихая годинонько, возгласъ, выражающій несчастное стеченіе обстоятельствъ.
Годовати—кормить.
Годуватися—кормиться.
Головувати—быть сельскимъ головою.
Горобецъ—воробей.
Гомоніти—говорить, шумѣть.
Горлянка—горло.
Господарка—хозяйка.
Господарство—хозяйство.
Грѣбелька—плотника.
Гречаникъ—гречневая булка.
Гуковѣти—прозвѣсть сильный крикъ, возгласъ.
Гукъ—крикъ, шумъ.
Гультай—гуляка.
Даремне—даромъ, напрасно.
Даровитий—доставшійся даромъ, даровой.
Даромá—ни за что, даромъ.
Даховий—кровельный.
Дахъ—крыша.
Девятици—поминанье покойника въ девятый день по смерти.
Держално—рукоятка.
Дѣ-що—кое-что, кой-что.
Дѣргонѣтъ—дернуть, рвануть.
Дзюрити—сильно, быстро лѣться тою струєю.
Дзюрчати—журчать.
Дитинка—дитя.
Дівота—(собрать.) дѣвцы.
Дівачий—дѣвичій.
Добачати—хорошо видѣть.
Докупи—въ одно мѣсто.
Домотканій—домашняго надвѣя, тканья.
Домувати—сидѣть дома.
Добя (ум., ласк.) дочь.
Дорозумуватися—понять, додуматься.
До-сочоу—сколько угодно.
Дочувати—хорошо слышать.

Драбина—деревянная лѣстница.
Дремнути—быстро побѣжать, ударъ, уйти.
Дрижакъ—дрожь.
Дрюкъ—дубина.
Дурнішати—становиться глупѣе.
Жѣврити—горѣть тихимъ огнемъ безъ пламени, рдѣть, тлѣть.
Жинька—горсточка.
Жобота—собрать. — женщины.
Жужнонь—(шарфъ.) въ безпорядкѣ, вверхъ дномъ.
Забачити—увидѣть.
Завирѣха—метель.
Загадати—приказать.
Загадатися—замечтаться, задуматься.
Загусті—загудѣть.
Задригати—заболтать ногами.
Заварость—зависть.
Закамарокъ—тайный, скрытый уголокъ, мѣстечко.
Закудкудакати—(о курахъ) закудакать.
Замирити—заговорить невятно; сквозъ зубы.
Замісь—вмѣсто.
Замовляти—заговаривать, прозвонить заговоръ (о леченьѣ заговорами).
Замѣжний—замыточный.
Замуровати—закасть кирпичемъ, камнемъ.
Знедбати—оставить безъ вниманія.
Запашний—душный.
Заниплий—завѣшенный.
Занолочъ—крашеная, пѣвтыя штки изъ хлопчатой бумаги.
Запротѣрити—запропасть, дѣвать.
Зарядитися—обезпечить себя.
Заразь—сейчасъ.
Заряувати—помочь.
Засититися—загрузить; увязнуть въ грязи.
Заслábнути—заболѣть, обезсилѣть.
Засорѣнитися—сконфузиться.
Застѣбати—застегивать пуговицы и т. п.
Затишній—уютный, такой, гдѣ есть защита отъ вѣтра, непогоды и проч. (о мѣстѣ, помѣщеніи и т. п.).
Захмилити—сдѣлать пьянымъ; въ пер. смыслѣ — сильно ударить, оглушить ударомъ.
Захронити—захрапѣть.
Збувати—сбывать, забывать, отдѣлаться отъ чего.
Звернути—своротить.
Звідсіля—отсюда.

Звікувати — провести жизнь.
Звірина — звірь.
Згіршъ см. не згіршъ.
Зглянутися — посмотреть другъ на друга; помилосердовать.
Згода — согласіе.
Згодитися — согласиться, условиться.
Згуба — погибель.
Згубити — потерять, погубить.
Згубця — губитель.
Здобути — приобрести.
Здорово — сильно, очень.
Зеленістий — зеленоватый.
Ззирнутися — взглянуть другъ на друга.
Зітхати — вздохать.
Злодіенко — смыть вора.
Злодіяка — увелич. отъ Злодій, воръ.
Злякати — испугать.
Змайстриювати — смастерить, сдѣлать, приготовить, состроить.
Змушувати — принуждать.
Зникчѣвити — сдѣлаться ничтожнымъ, шъ къ чему годнымъ.
Знісокъ — послѣднее, самое маленькое яичко, которое сноситъ курица.
Зозвонити — заявить согласіе (говорится в почтительн. смыслѣ).
Зопьястися — приподняться на цыпочкахъ, — на заднихъ лапахъ, опираясь на что-нибудь, подняться.
Зорлявий, зорляний — звѣздный.
Зпитати — спросить.
Зробитися — сдѣлаться, случиться.
Зстаріти — постарѣть.
Зупиняти — останавливать, задерживать.
Зхобплюватися — схватываться, подниматься.
Зъ-ляку — съ испуга.
Зздригну́тисѧ — вздрогнуть.
Зилѧ — игла.
Зидичитисѧ — хорохориться, какъ индійскій пѣтухъ.
Итъ! — эхъ и т. п.
Іжакъ — ошъ.
Каганчикъ, уменьш. отъ Каганецъ — родъ плоски, или починки.
Казанъ — церковная проповѣдь, слово.
Калюжа — лужа.
Карахонька — родъ маленькой тыквы.
Карбіванецъ — цѣлковый, серебряный рубль.
Кáčечка — уточка.
Квакъ — болотная птица.
Керсетъ — женская верхняя одежда,

похожая на великорусскую поддѣвку, безъ рукавовъ.
Кѣте — дайте.
Кілічокъ — колышекъ.
Клу́нька (ум. отъ клуна) рига.
Книшъ — родъ булки, съ разрыванными и заворочеными внутрь намазанными краями.
Кнуръ — боровъ, плодovикъ.
Кобенякъ — верхнее, мужское платье съ капюшономъ.
Кожушокъ — тулупчикъ.
Колисъ — когла-то.
Коло (нарѣч.) — возлѣ.
Колодій — большой складной ножъ.
Комашина, комашечка — мошка, самое малое крылатое насекомое.
Комірець (ум. отъ Коміръ) — воротничекъ.
Комірка (ум. отъ комбра) амбарчикъ, кладовая.
Конепята — лошаденки.
Копникъ — коныкъ, кузнечикъ, грѣбень (у кровли), праликъ, подставка.
Контентувати — довольствоваться, снабжать всѣмъ нужнымъ.
Копилити носа, губу — поднимать носъ, показывать губами знакъ неудовольствія, отвращенія.
Кохання — любовь.
Кошара — загонъ для овецъ и козъ.
Краля — королева; дама въ картахъ.
Крата сѧ, гра́та.
Крашанка — окрашенное яйцо.
Крмшеникъ — ломтикъ, плоскій кусочекъ, пластинка.
Кувб́ушечка — небольшой деревянный сосудъ для масла, и прочъ.
Кудлатий — мохнатый.
Кукурікаппя — пѣнье пѣтуха.
Кумонька (ум. ласк.) кумушка.
Кундель — названіе крупной породы овчарскихъ мохнатыхъ собакъ.
Купецъ — кучка.
Кухарчѧ — поваренокъ.
Кухаръ — поваръ.
Куховарка — кухарка.
Кучерявий — курчавый, кудрявый.
Лагіднѣвський — кроткій, мягкій, пѣжный.
Лагодити — снаряжать, готовить, починять.
Лайка — брань.
Ластівочка — ласточка.
Лѣдвѧ — едва, вслугу.
Лейстровий — реестровый, записанный въ реестръ, офенціально признанный (о козакахъ).
Литваревий — сдѣланный изъ овечьей шкуры.

Лича́тиса — ухаживать (за дѣвущкой).
 Ліжма (нарѣч.) лежа, не вставая.
 Ліса — тыть, плетѣный изъ лозы заборъ.
 Літечко (уменьшит.) лѣто.
 Лусь! — выражается легкой трескъ, шелканье.
 Лягови — время, когда ложатся ночью спать.
 Ляхівка — полька; родъ шитья и тканья.

Майданъ — площадь.
 Малѣча — (собир.) дѣти.
 Малюсінький — маленкій.
 Мандрівка — побѣгъ; бродяжничество.
 Матусиць — матушкинь.
 Медяний — медовой.
 Медяникъ — медовый пряникъ.
 Мерѣжка — узоръ (шитья), узорчатая полоска рисунка.
 Мерщій — скорѣй, проворнѣй.
 Метѣлиця — метель; названіе танца, въ которомъ танцующіе кружатся на подобіе метели; музыка и пѣсня завѣстнаго танца.
 Метикувати — разсудить.
 Метупитиса — хлопотать, суетиться.
 Миготіти — мигтѣть, блестеть, сверкать.
 Мизѣрство — (собир.) жалкій, бѣдный народъ; бѣдность.
 Мисийкъ — полка, на которой разѣщаются миски и прочая посуда.
 Місце — мѣсто.
 Мовчазний — молчаливый.
 Молодичка — молодая замужняя женщина.
 Молоднѣча — молодежь.
 Моріжокъ — ум. отъ моригъ мурава.
 Моторошно — (нарѣч.) тошнить, кружится съвѣтъ, неловко, безпокойно.
 Мрїти — видѣться неясно, вдали.
 Мулитиса — жаться отъ неудобства, не рѣшатся.

Набутокъ — прибыль.
 Навѣжуватиса — предпаѣрваться.
 Навѣтъ — даже.
 Наглядъ — присмотръ.
 Надїяті — подоспѣть.
 Назирити — запримѣтить.
 Назирцемъ — подсматривая, вслушная съ глазъ.
 Найкращій — самый лучший.
 Намірати — нащупать.
 Напужитиса — принять надменный видъ, надуться.
 Насіпичко — сѣмечки.

Настовбурчати — приподн. вверхъ, взбить волосы и т. п.
 Нахліятиса — наклоняться; подаваться.
 Невісточка — невѣстухка.
 Не згіршъ — не хуже.
 Не клѣпана коса — не отточенная молоткомъ, тупая коса.
 Нѣнька (уменьшит. ласк.) мать.
 Нечупарно — неопратно.
 Ниначе — слово, точно, какъ будто бы.
 Ніби — словно, точно, какъ будто бы.
 Ніколи — некогда.
 Ні одісінького, — ой, и проч. — рѣшительно ни одного, — ой.
 Нійково — (нарѣч.) выражающее неопредѣленное, стѣснительное положеніе.
 Ну мо, пумъ — станемъ, будемъ, давай.
 Обгорнѣти — обвернуть, обнять
 Облизепъ — пощечина, затрещина, ударъ.
 Обличчя — паружность, лицо.
 Обпочуватиса — переночевать.
 Обпочувати — переночевать.
 Обрѣтъ — родъ узды, но не изъ кожи и безъ удила.
 Овечата — барашки.
 Одвірокъ — притолока двери.
 Однїчикъ — (ум. отъ одиисць) единственный сыночекъ.
 Одрепіти — отвязать.
 Озирнѣтиса — оглянуться.
 Онукъ, — ка — внукъ, внучка.
 Опинитиса — очутиться.
 Опісля — послѣ.
 Осліпъ — (нарѣч.) какъ слѣпой, ошупью.
 Осміхнутиса — улыбнуться.
 Охвігнїше — охотнѣй, веселѣй.
 Очівенний — растворенный, открытый (о дверяхъ и т. п.).
 Очийяти — отворять.
 Очортити — сильно надоѣсть.
 Паламарювати — быть въ должности паномера.
 Паланка — такъ назывались запорожскія села, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе.
 Палкий — удобовоспламеняемый, горючій; пылкій.
 Панюга — (увеліч.) большой баранъ.
 Панянка — барышня.
 Паровиця — большой воловь возъ, запряженный парой воловъ.
 Парубика — паренѣкъ.
 Пасічка — пчельничекъ.
 Пятрати — потрошить зарѣзанное животное для приготовления его въ пищу.

Пекучий—палійий, жаркій.
 Пелюшка, ми-кій—пеленки.
 Передивитися—пересмотрѣть, переглядѣть.
 Перехожати — искажувать, проходить.
 Перечикати—(дѣт. слово) перерѣзать.
 Пильнісеєнько—очень пристально.
 Пильнувати—пристально смотрѣть, наблюдать.
 Пиндючнитися — поднимать носъ, дуться и т. п.
 Писанка — расписанное цѣтями и изображениями яйцо.
 Пікурчати—поль-цимленка.
 Піпівника—поль-пѣтушка.
 Підважити—поднять.
 Підлабузнитися — подлеститься, подождать, приназаться къ кому.
 Підсмікатися — подобрать платье для удобства при работѣ.
 Підсміювати — говорить кому, подсмѣиваясь надъ нимъ.
 Підтюпцемъ—походка между обыкновеннымъ шагомъ и рысью.
 Підчеревий—о животныхъ, у которыхъ шерсть на брюхѣ отличается отъ остальной.
 Пісковатий—песчаный.
 Плахтіна, ум. отъ Плахти.
 Повеселішати—повеселѣть.
 Повицілювати—повытаскать.
 Повітка—навѣсъ, сарай.
 Повішати—повѣсить.
 Повкладати—улучся.
 Повновидий—полнолунный.
 Повцілюватися—вцѣпляться.
 Погодити—облагодіятствовать.
 Подужати—осилать, одолѣть, смочь, сдѣлать.
 Позамурбувати—заложить каменною стѣною; засновать (какъ морозъ стекла).
 Позачинювані—(двери, окна) затворены, закрыты вездѣ и всѣхъ.
 Позирати—посматривать.
 Позичати—занимать, одолжаться.
 Позіхати—зѣвать.
 Покиль—пона.
 Покрјати—изрѣзать, отрѣзать.
 Покута—эпитимія.
 Полагодити—починять, исправитъ.
 Полудень—полдникъ.
 Полуднувати—полдничать.
 Полумисокъ—тарелка.
 Полянасъ—оплеуха, пощечина.
 Понацки—ошупью.
 Понахилані — нагнувшіеся, нависшіе.
 Понятися—вступитъ въ бракъ.

Попаячнитися — заразиться барствомъ.
 Попобити—поколотить, побить.
 Попускъ—льгота, облегченіе.
 Порада—совѣтъ.
 Порозарбувати—раздать, раздавить.
 Посирібочокъ—остатокъ тѣста, выскребенный изъ квашни.
 Поро ставати—растать.
 Поспідати—позавтракать.
 Посорімитися—посоветствоваться.
 Поспитати—спросить.
 Постановити—поставить.
 Пострахати—пристрашать.
 Поступъ—походка.
 Потрачати—терять, тратить.
 Потрибжити жбней—спутать лошалямъ ноги такъ, чтобы одну заднюю связать съ передними.
 Потурати—давать поблажку, потакать.
 Потурбуватися—побезпокоиться.
 Потуркотити — загремѣть возомъ при отъѣздѣ.
 Похиріти—побогѣть.
 Поціано—дешево.
 Привітати—привѣтствовать, поздороваться.
 Пригода — несчастье, невгода; услуга.
 Пригодонька—(ум.) несчастье.
 Приземокъ — дитя, чуть подростшее отъ земли.
 Прикиптити—прирости къ землѣ, на мѣстѣ; остаться неподвижнымъ.
 Прикладка—насыщенный эпитетъ, насмѣшка, острота.
 Прирјати—посоветствовать.
 Присінки—крылечко.
 Пристрітъ — сглазъ, дурной глазъ, болѣзнь отъ сглазу.
 Приторкати—прикасасться.
 Притулити—прижать.
 Пришкварити—прижарить.
 Прогодувати—прокормить.
 Прожогомъ—опрометью.
 Проміня—лучи, свѣтъ солнечный и лунный.
 Процвітати—разцвѣтать.
 Процанийъ—богомалець.
 Прочуханъ—наказаніе, проука.
 Пружокъ (ум. отъ пругъ) рубецъ, выпуклый жолобокъ.
 Пустота—шамость.
 Пусуничикъ—(уменьшит.) шалунъ.
 Рѣмствувати—злостствовать, злопамятствовать.
 Рештовати — вооружать (пушками судно); снаряжать.

Ри́ндга́ти — жевать жвачку (о во-
лах).
Ри́пливий — скрипучий.
Ри́вчачо́къ — канавка.
Робачо́къ (уменьш.) родъ червяка.
Ро́дичъ — родственникъ.
Розвору́шити — разшевелити.
Розго́рити — добыть съ трудомъ.
Розгребти́ — разгрести.
Роздвѣ́лятися — разсматривать, ос-
матриваться кругомъ.
Роздроді́тися — раздражиться, разъ-
яриться.
Роззѣ́вити — разинуть.
Розко́шаний — растрепанный.
Розледа́чити — испортиться, разва-
ряться, сдѣлаться негоднымъ.
Розсе́рдитися — разсердиться.
Роско́бувати — раскапывать.
Роспері́зуватися — распоясываться.
Росі́яний — росистый.
Рубо́мъ — (нарѣч.) ребромъ.
Ру́бля — рубище.

Садовни́а — садовые деревья, плоды
и проч.
Сакі́вкѣ, ум. отъ Саквѣ — двойной
мѣшокъ.
Свекро́вья (ум. ласк.) — свекровь.
Свѣ́тка, ум. отъ свѣта — родъ верх-
няго платья.
Сі́лькисѣ — нужды нѣтъ.
Скарбо́вля — мѣсто хранения денегъ.
Скѣ́кнути — (дѣт. слово) скочить.
Скна́рость — скупость, скряжн-
часть.
Скра́дуватися — подкрадываться.
Скри́нька — ящичекъ, шкатулка.
Скубо́ути — сильно дернуть за во-
лосы и проч.
Слі́зювья — слѣзка.
Слѣ́жба — обѣдья.
Смакува́ти — находить вкусъ въ чемъ-
либо.
Смі́ливость — смѣлость.
Смі́шавий, ва, ве, — охотникъ, — ца
смѣяться.
Сму́жка — (уменьш. отъ смуга) по-
лоска.
Сму́тувати — тосковать, грустить,
пригорющаться.
Сму́токъ — тоска, грусть.
Собѣ́ — глѣво (слово, которымъ за-
ставляютъ воловъ поворачивать на глѣво).
Сороковни́а — поминанье покойника
въ сороковый день по смерти.
Сохá — деревянный столбъ, бревно или
подпорка, на которыхъ утверждается
крыля, перекладина и т. п.
Сбѣ́шико́вий — подсолнечниковый.
Спѣ́ля — (нарѣч.) пристально.

Споді́ванка — надежда.
Споді́ятися — сдѣлаться, случиться.
Сподоба́тися — полюбиться.
Спочино́къ — отдыхъ.
Старезе́ний — очень старый.
Старува́ти — быть старымъ, ою; го-
ворить, какъ старики.
Стáршенъкий — (уменьш.) старше.
Стемені́сько — точи́льковко.
Стоми́ти — утомити.
Сторо́нонька — сторонушка.
Стри́б! — выражается моментъ
прыжка.
Стригу́бець — жеребенокъ, у кото-
раго не выросла еще грива.
Стрѣ́й — погоди.
Стрѣ́ти — встрѣтити.
Стусо́ути — сильно толкнуть кого.
Суми́рий — скромный, тихій, смир-
ный.
Су́пруга — пара воловъ.
Схі́дъ — сбѣца — востокъ.
Схо́пити — схватить.

Тага́нъ — желѣзная подмостка, на
которой вѣшается или ставится котел-
локъ или горшокъ, когда нужно варить.
Та́йчики — уменьшит. — такъ.
Тала́нонько — (ум. отъ таланъ), —
счастье, удача.
Та́нути — таять.
Тато́ — ласк. названіе отца у дѣтей.
Тату́съ (ум. ласк.) батюшка, отецъ
(родной).
Теми́ота — (собр.) темь; темный людь
Телѣ́реньки (уменьшит.) теперь.
Тнцѣ́! — выражается моментъ быстрой
остановки при движеніи, при даваниі.
Ті́тусъ (ум. ласк.) тетенька.
То́йди — тогда, въ то время.
Толо́чити — мять, сбивать (траву,
хлѣбъ).
Торби́на — сума; небольшой мѣшокъ.
Тра́питися — случиться.
Три́тити — тристись.
Три́чи — трижды.
Троі́стий — тройной, состоящій изъ
трехъ.
Троха́ — чуть ли.
Трудо́вийтий — приобретенный тру-
домъ.
Тупцюва́ти — часто топтать ногами,
притопывать.
Турбува́тися — беспокоиться, трево-
житься, хлопотать.

Увѣ́сь — весь.
Угамува́тися — успокоиться, унять-
ся.
Ужи́токъ — достояніе, имущество;
пользованіе.

Узгір'я—пригорокъ.
Уквіча́ти—убраць цвѣтаи, зеленью, вѣтвяи.
Укло́нитися—поклонитися.
Уло́нька (ум.) улипа, гулянье.
Упира́ка (увелич.) упырь, колдунъ.
(бранное слово).
Упо́рати—покончить, саблать.
Упо́рхати—угомонить, успокоить.
Уса́къ—каждый, всякій.
Утихоми́рится—успокоится.
Ушкварити—см. вшкварити—
Утра́пити — попасть, пайти дорогу
къ мѣсту.
Фи́жа—сильная мятель.
Хазя́йствечко—ум. отъ хозяйство,
имушество.
Хала́ва—голенище.
Ханати—хватать.
Хаяти—поричать, хулить.
Хвиртка—калтык.
Хижа́цтво—хищность.
Хло́пчикъ—мальчикъ.
Хлопья́—мальчи́къ.
Холодо́къ—прохлада, тѣнь.
Хрещи́къ—родъ игры.
Ху́га—погода съ вѣтромъ, морозомъ
и мятелью.
Худібо́нька—(ум. отъ худоба) иму-
шество.
Хуте́нько—(уменьш.) скоро.
Ца́йтарь—погость церковный.
Цебені́ти—сильно литься (о жид-
костяхъ).

Цей—этогь.
Ці́й, ці́бі—(женск. род. пад.) этой.
Ці́лечкий—(уменьшит.) цялѣховский.
Ці́бочокъ—тросточка.
Ці́бура—(увелич.) палка.
Ці́ота—доблеть.
Цура́тися—чуждаться, отрекаться.
Цуръ—чуръ; цуръ ёму и проч.
чортъ съ нимъ!
Цу́чикъ—щенокъ.
Ця́цкѣваный—покрытый украше-
ніями, испещренный.
Чергува́тися—очередоваться.
Череда́—сельское стадо.
Чи́къ—выражаеть мгновение рѣзанія
(дѣтск. слово).
Чи́барський—кожевничій.
Чоловече́нко—(ум. ласк.) муже-
нёкъ.
Чому́?—отчего, почему?
Чу́ти—слыхать.
Шарварка—шумъ, бѣготня и т. п.
Шлю́бъ—брачный вѣнецъ; вѣнчаніе;
бракъ.
Штиль—стиль, строй, способъ,
родъ, образъ.
Щі́чка—щечка.
Що-а́ні—ежедневно.
Югну́ти—шмыгнуть.
Янго́лі—ангельчикъ.
Яро́къ (уменьшит. отъ яръ)—степ-
ной оврагъ, покрытый кустарникомъ или
лѣсомъ, съ ручьемъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОВІСТКИ

(Народні Оповідання)

МАРКО ВОВЧКА.

2-е издание съ малороссійско-руско-польскимъ словаремъ.

Цѣна безъ пересылки—50 к. сер.

Bayerische
Staatsbibliothek
München